RIGA FORUM 2017 DIGEST

Holocaust and Modern Radicalism

5th International conference “Holocaust museums and memorial sites in postcommunist countries: challenges and opportunities
&
2nd roundtable “Contemporary problems of tolerance”

МАТЕРИАЛЫ РИЖСКОГО ФОРУМА 2017 ГОДА

Холокост и современный радикализм

5-я Международная конференция “Музеи Холокоста и памятные места в посткоммунистических странах: вызовы и возможности
&
2-й круглый стол “Современные проблемы толерантности”

Президент Европейского Международного Центра Толерантности
Владимир Давыдович Штернфельд

Редколлегия:

Главный редактор: *раввин др*. **Менахем Баркахан**

Исполнительный директор и составитель: **Карина Даташвили**

Макетировщик: **Светлана Самоварова**

Editorial board:

Chief editor rabbi *Dr. paed.* **Menachem Barkahan**

Executive director **Karina Datashvili**

Computer design by **Svetlana Samovarova**

Izdevējs: Biedrība „*Šamir*" (Rīga, Latvija)
Publisher: Society *"Shamir"* (Riga, Latvia)

© Society "Shamir", 2017

Shternfeld Vladimir
The President of European
International Tolerance Center
Member of Council of International
Relationship by President of Russian
Federation

GREETING TO PARTICIPANTS OF RIGA FORUM

Honorable organizers and participants of Forum!

Let me greet You in name of European international center of tolerance. As chairman of this organization I am permanently following the situation of radicalism and intolerance both in Russia and behind its borders.

Unfortunately, that what I see in last years, causes me to feel more and more threats. In all Europe are flourishing organizations who openly call to hatred and xenophobia. The youth are radicalizing: some are gathering under black flags of supporters of ISIS, some chooses their idols among Nazi war criminals who were hanged in Nuremberg.

Demising are last of those who are eyewitnesses of World War II and remembers it's consequences. And with them are demising confidence that horrors of 20th century would not repeat again in 21st.

That's reason why we, representatives of social organizations from various countries, all should not spare our time, energy and resources to avoid repeating of it. Not let to rewrite history, to find and publish archive materials, openly talk about horrors of Holocaust, not hiding most horrific things, to not be afraid call Nazis and radicals in their real name – we can do it all and we need to do it all permanently.

I am sure, that such events like this forum, plays very important role in

reaching showed goals. Making international expert community, attracting interest of leaders of all countries to problems of xenophobia and radicalism, we are giving sign to radicals that they are under permanent control and can't feel themselves protected not in a single civilized state.

Also, I hope that as in previous years in result of this event will be published a lot of methodological and informative materials, which makes our work even more effective.

I sincerely wish productive work, interesting meetings and new creative ideas to all participants of forum.

Respectfully
Vladimir Shternfeld

Штернфельд Владимир Давидович
Президент Европейского международного центра толерантности
Член Совета по межнациональным отношениям про Президенте Российской Федерации

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ РИЖСКОГО ФОРУМА

Уважаемые организаторы и участники форума!

Позвольте поприветствовать вас от имени Европейского международного центра толерантности. Как руководитель этой организации я постоянно слежу за ситуацией с проявлениями радикализма и нетерпимости как в России, так и за ее пределами.

К сожалению, то что я вижу в последние годы, внушает мне все больше и больше опасений. Пышным цветом расцветают по всей Европе организации, открыто призывающие к ненависти и ксенофобии. Радикализуется молодежь: кто-то встает под черные флаги сторонников ИГИЛ, кто-то выбирает себе в кумиры нацистских преступников, повешенных в Нюрнберге.

Уходит из жизни поколение тех, кто пережил Вторую мировую войну и помнит ее последствия. И вместе с ними уходит уверенность в том, что ужасы XX века не повторятся вновь в XXI веке.

Поэтому все мы, представители общественных организаций из разных стран, не должны жалеть времени, сил и ресурсов на то, чтобы этого не случилось. Не позволять переписывать историю, находить и публиковать архивные документы, открыто говорить об ужасах Холокоста, не скрывая самых страшных подробностей, не боятся

называть радикалов - радикалами, а нацистов – нацистами – все это мы можем и должны делать постоянно.

Я уверен, что такие мероприятия, как этот форум, играют очень важную роль в достижении указанных целей. Формируя международное экспертное сообщество, привлекая внимание руководителей всех стран к проблемам ксенофобии и радикализма мы даем понять разжигателем ненависти, что они находятся под постоянным контролем и не могут чувствовать себя в безопасности ни в одной цивилизованной стране.

Также я надеюсь, что, как и в предыдущие годы, по результатам данного мероприятия будет выпущено множество методических и информационных материалов, которые сделают нашу работу еще эффективнее.

Я искренне желаю всем участникам Форума плодотворной работы, интересных встреч и новых творческих идей.

С уважением,
В.Д. Штернфельд,

Alekseev Dmitriy
SPC „Holocaust“

Алексеев Дмитрий

THE HOLOCAUST AND THE IDEA OF DISINTEGRATION IN THE ART OF A.A.VOZNESENSKY: TO THE HISTORY OF THE POEM “MOAT”

ХОЛОКОСТ И ИДЕЯ РАСПАДА В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО: К ИСТОРИИ ПОЭМЫ «РОВ»

Обращение к творческому наследию поэта-шестидесятника Андрея Вознесенского в 2017 году не случайно. Эпоха оттепели, которую связывают со значительной либерализацией в искусстве и культуре Советского Союза, стала в последнее время популярной темой для общественных дискуссий. В глобальном смысле можно предположить, что поводом к тому стала рефлексия общества о современной социокультурной и политической ситуации, проведение аналогий эпохи 1990-х – 2000-х годов в России с событиями и тенденциями десятилетий 1960-70-х годов. Как бы то ни было на повестке дня культурных событий масштабные выставки искусства эпохи оттепели в Третьяковской галерее, концептуальная и многоплановая, но увы чуть менее заметная выставка в Музее Москвы. Трагическим событием, но тоже поводом для общественного внимания к этому периоду, стала

смерть 1 апреля последнего из знаменитых поэтов-шестидесятников Евгения Евтушенко. Он был последним в поэтической четверке Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского. Ну а с конца августа дан старт масштабным мероприятиям в память эпохального режиссера Юрия Любимова, который во многом повлиял на судьбу Вознесенского – вспомнить хотя бы их работу над спектаклем «Антимиры» и встречи с будущей женой поэта драматургом и критиком Зоей Богуславской. В этом году исполняется сто лет со дня рождения Юрия Петровича Любимова. Имя самого Вознесенского все чаще мелькает в прессе в связи с презентацией проекта культурного центра поэта в Москве на Большой Ордынке. Творческий руководитель проекта его вдова Зоя Богуславская предполагает создать новую площадку, где разместятся лекторий, библиотека и архив поэта с открытым хранением. Значительные площади отдадут музейному пространству – постоянной экспозиции, где будет воспроизведена обстановка кабинета поэта на фоне своеобразной линии жизни, фиксирующей основные события в его судьбе. Предполагается также уделить внимание временным выставкам, которые так или иначе будут связаны с эпохой и именем Вознесенского.

Андрей Вознесенский родился в 1933 году, а бурная слава «эстрадного поэта» (т.е. поэта декламирующего с эстрады и сцены на стадионе Лужников или Политехнического музея) пришла уже в начале 1960-х годов. Период популярности и наибольшей творческой активности пришелся как раз на 60-е 80-е годы. Не стало поэта совсем недавно – в 2010 г. История Андрея Вознесенского совсем недавняя, поэтому говорить о значительной изученности его наследия отечественными и зарубежными филологами пока не приходится. В советское время был издан трехтомник его сочинений, в нулевые годы – еще одно прижизненное полное собрание сочинений. Тем не менее, о каком-то комментировании творчества поэта говорить, увы, нельзя. Строго говоря даже биографические издания о нем стали появляться сравнительно недавно – это монументальная книга журналиста Игоря Вирабова в серии «Жизнь замечательных людей», а также вышедшая работа-воспоминание о Вознесенском коллекционера и литературоведа Феликса Медведева. Среди монументальных изданий, в которых упомянуто имя поэта, стоит отметить словарь справочник о поэтах и писателях XX века, который вышел в Институте мировой литературы. Биографическую статью о поэте за авторством петербургского

профессора М. Ф. Пьяных часто берут за основу, опираясь на нее возможно говорить о развитии творчества Андрея Вознесенского.

Тема Холокоста в поэзии Андрея Вознесенского впервые появляется в 1966 году, когда он публикует стихотворение «Зов озера». Оно было написано под впечатлением от истории уничтожения евреев в Ивано-Франковске. Историю его создания пересказал Иосиф Бегун знаменитый диссидент и издатель: «После окончания выступления Вознесенского я подошел к поэту, поблагодарил за стихи и предложил гостям провести экскурсию по своему любимому городу. А наследующий день во время прогулки попросил Андрея Андреевича рассказать историю «Зова озера». И поэт рассказал.

Попал он недавно в один из гарнизонов в Ивано-Франковской области, выступил. И гостеприимные хозяева пригласили на рыбалку. Поехали, половили, развели костер, начали варить уху, конечно, выпили немного.

И тогда один из «местных товарищей» рассказал, что озера этого раньше здесь не было, а был глубокий большой овраг. Именно в него в 1942 году нацисты и их добровольные местные помощники загнали евреев из гетто и расстреляли. Там же уничтожили и арестованных подпольщиков. А чтобы скрыть следы своего преступления, затопили овраг водой из недалекой речушки.

«И как здесь рыба ловится!» – потирал руки рассказчик.

Потрясенный этим рассказом, поэт написал стихотворение «Зов озера», которое было сразу напечатано в окружной военной газете».

Несмотря на то, что стихотворение посвящено «памяти жертв нацизма», в нем в начале и завершении стихотворения упомянуты еврейские фамилии (Певзнер, Бирман, и другие), строки

«Гетто в озере.
Гетто в озере.
Три гектара живого дна»

– прямо говорят о трагедии Холокоста, а не просто об уничтожении «мирных советских граждан». Обыгрывается и само слово «юде» –

«Третью ночь как Костров пьет.
И ночами зовет с обрыва.
И к нему
Является
Рыба

Чудо-юдо озерных вод!»

Интересно, что это стихотворение пошло в печать под названием «Зов Озера» в советский период. Разумеется, по цензурным соображением. Позже сам Вознесенский переименовывает его и называет «Гетто в Озере». Об этом он сам говорит в воспоминаниях о встречах с именитыми представителями культуры. С этим стихотворением связана история знакомства Вознесенского и Марка Шагала. Их первая встреча произошла в 1962 году и буквально через несколько лет Шагал готовит иллюстрацию к его стихотворению. Вообще в семейном архиве есть несколько живописных произведений, подаренных Вознесенскому Шагалом. Каждая встреча с Шагалом (а их было несколько) была большим событием. Вот что Вознесенский пишет о посещении патриарха мировой живописи: «Странно было знать, что этот тихий застенчивый и деликатный человек был когда-то решительным комиссаром революционного искусства в Витебске. Витебчане помнят, как он возглавлял оформление улиц во времена городских праздников. Правда мало кто уцелел от времени и иных причин из свидетелей тех торжеств». Вполне понятно, что Вознесенский пишет о тех, кого не стало в связи с трагедией Холокоста. Кстати интересно, что в книге «Ров» 1987 года, куда была включена глава ГалА-Шагала, упоминание о работе Шагала над иллюстрацией отсутствует. Остается догадываться было ли это умалчивание вызвано самоцензурой автора или же рекомендацией поэта Андрея Дементьева, благодаря которому книга увидела свет.

Создание другого произведения – поэмы «Ров» – связано с негодованием поэта вокруг событий в Крыму в 10 км от Симферополя, где местные жители искали ценности и золотые зубы убитых евреев. Контекстно остановлюсь на событиях, связанных с Холокостом в Симферополе. Город был оккупирован германскими войсками 2 ноября 1941 года. Оккупационная администрация обязала еврейское население носить белые нарукавные повязки с изображением звезды Давида, а позже в середине ноября евреи в обязательном порядке прошли регистрацию. К окончательному решению еврейского вопроса приступили сравнительно быстро – соответствующие приказы о явке евреев на сборные пункты появились в начале декабря, а в период с 9 по 13 числа расстрелы были организованы на 10м километре шоссе Симферополь-Феодосия. Всего здесь было убито около 10 600 евреев и 1500 крымчаков. Сразу после войны пошли слухи об

имеющихся на местах расстрела ценностях, что подтверждают воспоминания таксиста, который вез Вознесенского и его друзей. «Мы пацаны, мне лет десять тогда было, бегали смотреть, как расстреливали. Привозили их в крытых машинах. Раздевали до исподнего. От шоссе шёл противотанковый ров. Так вот, надо рвом их и били из пулемёта. Кричали они все страшно – над степью стон стоял. Был декабрь. Все снимали галоши. Несколько тыщ галош лежало. Мимо по шоссе ехали телеги. Солдаты не стеснялись. Солдаты все пьяные были. Заметив нас, дали по нам очередь. Да, ещё вспомнил – столик стоял, где паспорта отбирали. Вся степь была усеяна паспортами. Многих закапывали полуживыми. Земля дышала. Потом мы нашли в степи коробочку из-под гуталина. Тяжёлая. В ней золотая цепочка была и две монеты. Значит, все сбережения семьи. Люди с собой несли самое ценное. Потом я слышал, кто вскрывал это захоронение, золотишко откапывал».

Над поэмой Вознесенский работает около года в период с 1985 по 1986 год. Первоначально поэма должна была называться «Алчь», но автор остановился на названии «Ров» с подзаголовком «Духовный процесс. Послесловие». Произведение сформировано стихотворениями, которые перемежаются прозаическими текстами с пояснениями автора. Из них узнаем и о материалах, с которыми работал поэт когда писал «Ров». Это главным образом воспоминания местных жителей (упомянутый водитель такси) и материалы следственного дела над мародерами. Причем стоит отметить, что Вознесенский держал в руках оригинал или копию дела, т.к. внутри опубликованного текста указываются ссылки на тома и листы дела. Попутно заметим, что Вознесенский отдавал дань значимости архивов, писал о них как о кладовых памяти народа. Основная тема поэмы – это преступление людей перед памятью о жертвах войны. Преступление Вознесенский рассматривает как грех, ведущий к распаду связи времен, к разрыву духовных и нравственных связей между людьми и эпохами.

Тема распада проходит через все творчество Вознесенского, но со временем ее смысл существенно изменяется: если в 1960-е годы поэт говорил о распаде старых, отживших свой век форм искусства, мешавших рождению нового (вспомним, что Вознесенский по образованию был архитектором), то в 1980-90-е годы речь идет о распаде бытийных, духовно-нравственных ценностей. Противоядием против бездуховности Вознесенский считает поэзию и искусство, подвиж-

ническую деятельность русских интеллигентов – «прорабов духа» – и возрождение христианских ценностей.

Поэма написана в середине 1980-х годов и вписывается в контекст эпохи Перестройки, дискуссий о культуре и памяти, выступлений Лихачева, Аверинцева и многих других. Публикация «Рва» стала для Вознесенского очередной возможностью обратиться к человеку и поговорить о том, что его волнует. Не о прошлом, не столько о Холокосте, сколько о настоящем. В этом долг русского интеллигента.

Есть русская интеллигенция.
Вы думали — нет? Есть.
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.

Есть в Рихтере и Аверинцеве
земских врачей черты —
постольку интеллигенция,
постольку они честны.

«Нет пороков в своем отечестве».
Не уважаю лесть.
Есть пороки в моем отечестве,
зато и пророки есть.

В стихотворении «Есть русская интеллигенция» он пишет о служении интеллигенции народу, о наличии пророков, которые должны говорить о пороках.

Тема Холокоста в среде поэтов послевоенной поры – пророков Отечества – упоминается сравнительно нечасто. Первым вспоминается имя Евгения Евтушенко и его поэма Бабий Яр, впервые опубликованная в 1961 году. Поэма вызвала большой резонанс и была широко известна так как публикация прошла в Литературной газете, тиражированной на весь Советский Союз. Поэма стала широко известным поэтическим произведением о Холокосте в СССР, как в стране, так и за ее пределами. Поэма Вознесенского Ров значительно отстает во времени от «Бабьего Яра» – это 1987 год. Кроме того, она вышла на волне ослабления цензуры и развития общественных дискуссий на разные темы, которые ранее замалчивались. Потому и обсуждений разрешенного «Рва» вероятно было меньше, чем обсуждений и пе-

репечаток табуированного «Бабьего Яра». Таким образом возможно говорить, что «Бабий Яр» формирует общесоветскую память о Холокосте в целом, в то время как «Ров» в большей степени оказал воздействие на память региональную.

Необходимо отметить и источник, породивший трагедию. Осквернение места убийства евреев Крыма в нашем случае не является антисемитским выпадом. Речь идет о традиционном (увы, традиционном) промысле некоторых местных жителей по поиску драгоценностей в богатых степных землях. Для них фактически нет разницы, что копать – скифский могильник, греческое погребение или же еврейскую братскую могилу. Решающую роль играет то, какую наживу предполагается заполучить. В поиске легкой наживы мародеры актуализируют и память о Холокосте, т.к. скандалы, связанные с очередными выходами в поле «черных археологов» не утихают и по сей день. Последние напоминания об этом звучали в полевой сезон нынешнего года. Таким образом реалии сегодняшнего дня определяют частые обращения к трагедии Холокоста вне зависимости от воли еврейских общин, а в силу сложившейся печальной традиции мародерства.

Источники и литература:

Ров: стихи, проза. / Андрей Вознесенский. – М.: Советский писатель, 1987. – 736 с.

Собрание сочинений. В 3 тт. / Андрей Вознесенский. – М.: Художественная литературе. – 1983 – 1984 гг.

Собрание сочинений в 7 томах (8 книгах) / Андрей Вознесенский. – М.: Вагриус, – 2000 – 2009 гг.

Прожилки прозы / Андрей Вознесенский. – М.: ПРОЗАиК, 2011. – 624 с.

Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 1. А-Ж. – 733 с., ил.

Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И. А. Альтман. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Научно-просветительный центр «Холокост», 2009. – 1143 с.: ил, карты.

Андрей Вознесенский / Игорь Вирабов. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 703[1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып. 1500).

Андрей Вознесенский. Я тебя никогда не забуду. / Феликс Медведев. – М.: Эксмо. Алгоритм, 2011.

Воспоминания Иосифа Бегуна о встрече с А. А. Вознесенским / www.berkovich-zametki.com Заметки по еврейской истории, портал Е. Берковича. Дата обращения: 01.09.2017.

Дайте мне договорить! / Андрей Вознесенский; [сост., предисл., коммент. А. Саед-Шах]. – М.: Эксмо, 2010. – 384 с.: ил. – (стихи и биографии).

Altman Ilya
prof., Scientist-Educational Center
"Holocaust" (Russia)

Альтман Илья
Профессор
Научно-просветительский центр
«Холокост» (Россия)

ENCYCLOPEDIA "HOLOCAUST IN USSR". METHODS OF PREPARING

Based on the experience of preparing, publishing, and presenting the encyclopedia The Holocaust in the Territory of the USSR, the following will be presented: methodical techniques for creating a team of authors; determination of the contents of a publication (geographic and thematic articles, personalia); preparation of an inventory; selection of sources; structuring of articles and reference apparatus; and selection of illustrations. The results of international coordination in similar projects will also be analyzed.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХОЛОКОСТА НА ТЕРРИТОРИИ СССР. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Доброе утро, уважаемые коллеги!

Огромное спасибо раввину Баркахану, организаторам Форума за приглашение, возможность не только выступить, но и открыть научную часть этого очень важного и интересного события в научной жизни на постсоветском пространстве и, я уверен, за его пределами.

Обозначенная тема «Энциклопедия Холокоста на территории СССР» имеет такой заголовок. «Что дальше?»

25 лет назад, когда был создан научно-просветительный центр «Холокост» в моей стране, в Советском Союзе мало кто знал, что означает этот термин. Мысль о создании энциклопедической работы, которая охватывала бы вечные проблемы этой темы, казалась несбыточной мечтой. Потребовалось создание монографии «Холокост на территории СССР – жертвы ненависти», на презентации которой в 2002 году возникла идея создания труда, который объединил бы ученых разных стран и разных направлений, и удалось создать авторский коллектив, который включал около ста исследователей из 12 стран, которые на основе анализа более 70 архивов постсоветского пространства и ведущих хранилищ мира попытались создать труд, который, я считаю, является беспрецедентным.

Сегодня, на мой взгляд, уже можно говорить о необходимости написания, по меньшей мере, историографической статьи об энциклопедиях, посвященных теме Холокоста, об энциклопедиях, которые охватывают эту проблему в целом. Здесь, в первую очередь, я должен упомянуть о многотомнике Яд Вашема, изданном в 1990 году на английском языке, ещё двух энциклопедических справочниках начала XXI века и, безусловно, работе «Энциклопедия Холокоста» авторского коллектива под руководством Уолтера Лакёра, которая, будучи переведенная на русский язык и вышедшая в издательстве «Роспен», стала для русскоязычных исследователей Холокоста очень важным инструментом в понимании проблем этой темы.

В чём отличие нашей энциклопедии?

Во-первых, насколько я знаю, была энциклопедия, которая охватывала историю Холокоста Венгрии, а наша энциклопедия - это вторая изданная в мире энциклопедия, которая постаралась изучить различные аспекты истории этой темы в рамках одной страны - Советского Союза в границах на 22 июня 1941 года. И в общем-то, несмотря на то, что к этому времени на начало нашей работы в 2004 году уже было издано немало специальных работ и исследований по данной теме, включая две обобщающие книги – мою, которую я называл и, в первую очередь, работу моего учителя доктора Ицхака Арада, бывшего директора Яд Вашем, который первый выделил это направление – исследование Холокоста на территории Советского Союза.

Очень важно сказать, что наши коллеги на Украине подготовили энциклопедический справочник и книгу, которая охватывала вопросы Холокоста в очень узком аспекте – это уничтожение, а также коли-

чество жертв по географическому принципу. Появилось немало работ, в том числе наших коллег, посвященных этой теме. Но, в первую очередь, я хотел бы отметить, что это достаточно дерзкое начинание. Мы мыслили, как международный проект. Сейчас я понимаю, насколько утопичным было наше желание обратиться в Яд Вашем или в американский музей Холокоста с предложением стать партнёрами общественной организации из России. И я очень рад, что после этого обращения началась нормальная научная конкуренция, которая привела к тому, что Яд Вашем издал двухтомник «Энциклопедия гетто» в Европе, а американский музей делает очень солидное многотомное издание о гетто и концлагерях. Можно было сотрудничать с нами вместе, можно было идти таким путем – любой путь возможен. Но отличие нашей энциклопедии заключается в том, что она охватывает не только более 1000 населенных пунктов территории Советского Союза, где было более ста жертв либо было гетто, либо концентрационный рабочий транзитный лагерь, но кроме того значительную часть энциклопедии составляют тематические статьи.

Сразу отмечу, что создатели энциклопедии столкнулись с необычным моментом. Энциклопедия, как правило, подводит итоги исследования той или иной темы. Около 30% статей, которые появились у нас, по данной проблеме не было ни только монографий, но зачастую и специальных исследований или эти исследования не касались территории Советского Союза, как, например, тема театра, тема кино, тема филателии, по которой до сих пор даже после выхода энциклопедии не появилось каких-то специальных работ. Очень важно, что к исследованиям мы старались привлечь молодых ученых. Цель – изучение архивов именно на русском языке, изучения документов, как я уже говорил, трех основных комплексных источников. По сути дела, это документация чрезвычайных государственных комиссий, которая подвергается зачастую достаточно большой критике исследователей, дала значительный массив этой информации, которая, разумеется, проверялась по немецким источникам. Впервые в научный оборот были введены документы о Холокосте из центрального архива Министерства Обороны. Те документы, которые сейчас активно публикуются на сайте Министерства Обороны, были предоставлены нам в процессе подготовки этой энциклопедии. Авторы энциклопедии во многом сделали так, что даже небольшая статья послужила основой для написания будущих монографий.

Как мы подбирали авторов? У нас не было никаких идеологических подходов. Статью, которую писал автор из Эстонии, автор основных учебных пособий в этой стране, он начал со слов о советской оккупации. С другой стороны, из Латвии был привлечен историк с советским опытом, и с его статьёй пришлось достаточно много работать, прежде чем она приобрела необходимый историографический вид. Коснувшись этой темы, я не могу не упомянуть огромный вклад в виде одной из лучших статей энциклопедии. Это статья «Рига», написанная нашим коллегой Григорием Смириным, который внёс огромный вклад не только в эту работу, но и когда мы готовили к изданию «Чёрную книгу», а её полное издание вышло с более чем 1000 комментариев, и неоценимый вклад в раздел «Латвия» внёс наш ныне покойный коллега.

Судьба энциклопедии очень интересна. Когда мы представляли её в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, группа ветеранов спросила, как раз о статье «Эстония» как мы употребили термин «оккупация». С другой стороны, наш авторский коллектив участвовал в дискуссии с критиками с Брайтон Бич. В газете «Еврейский мир в Нью-Йорке» появилось 8 публикаций, посвящённых энциклопедии каждая из которых сопровождалась эпиграфами из басен И.Крылова. Автор доказывал, что это издание – это рука Кремля, ангажированная «Роспен», потому что в этих статьях обойдены вопросы коллаборации. В качестве яркого примера говорилось о том, что в Статье о Бабьем Яру авторы упомянули, что там зверствовал 303-й полицейский батальон, но не упомянули о том, что это были украинские националисты. Надо сказать, что 303-й полицейский батальон – это подразделение оккупационного режима, состоящее из этнических немцев. Автор статей, конечно, не профессионал, ибо даже в баснях И. Крылова приходилось находить ошибки, но, тем не менее, такая полемика была. При этом, к моему большому сожалению, эта энциклопедия не замечена нашими коллегами, отчасти по нашей вине, потому что подготовленный перевод этой книги немного смущает западные издательства, а самим публиковать более 1000 страниц сегодня достаточно сложно. Электронную версию мы пока не можем сделать из соображений договорного характера с издательством. И в связи с этим огромный массив уже введённых в научный оборот источников продолжает оставаться «малоизвестным» на Западе. Тем не менее, я считаю, что все эти подходы к энциклопедии важны. Для меня очень важно, что своё

согласие войти в редколлегию дали Эли Визель и Симон Визенталь. До этого они никогда ни в одном проекте не объединялись вместе, но в данном случае главным стало понимание важности этой темы.

Первым человеком, который поддержал идею не на словах, а на деле, стал доктор Валерий Энгель, который тогда был руководителем одной из еврейских организаций России. Именно его первый транш сыграл огромную роль. Мы опирались на опыт «Краткой еврейской энциклопедии», все словники, идеи, замыслы мы начинали вместе с присутствующим здесь Леонидом Прайсманом.

Что делать дальше? Думаю, что с учётом всех политических и историографических реалий, для нас очень важно заняться подготовкой энциклопедии «Холокост на территории Российской Федерации» опять же в границах на 21 июня 1941 года. Перед каждым автором, который писал статью стояла задача ответить на 38 вопросов, которые охватывали все аспекты Холокоста – сопротивление, спасение евреев, суды над нацистскими преступниками, установка памятников, мемориализация, свидетельства, мемуары, статистика и т.д. Конечно, это очень большая работа и я надеюсь, что наш опыт будет полезен и для других стран тоже.

Большое спасибо.

Astashkin Dmitriy
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Russia)

Асташкин Дмитрий,
кандидат исторических наук
доцент Новгородского
государственного университета
имени Ярослава Мудрого

THE EXTERMINATION OF GHETTO AND CRIMINAL LIABILITY OF COLLABORATIONISTS IN USSR
(the open trial in Smolensk in 1960)

The materials from the Soviet public trials against war criminals in the 1960s are a unique and little-studied source of knowledge about the Holocaust. They include the actions of the committees, testimonies of the victims and witnesses, evidentiary analyses, confessions of the criminals themselves, prosecutorial essays by the mass media, and reactions of the audience. Court documents which were circulated with the help of newspapers, TV, and cinema became a part of the official Soviet narrative about the war. It is important to take into account that in the 1940s, the names of the invaders' accomplices were not mentioned in public trials, and their trials were often closed for political reasons. Therefore, the Soviet trials of the 1960s were the first to loudly voice the guilt of collaborators in the Holocaust.

The uniqueness of the trial in Smolensk (March 1960) lies in the fact that it publicly raised the question of the collaborator's guilt in the destruction of the ghettos. Five police officers who destroyed the ghetto in the city of Velizh (Smolensk area) in 1942 were convicted. The trial resonated widely in the USSR; central and local newspapers wrote about it and documentaries about it were shown in movie theaters and on central TV. At the same time, the

Holocaust was presented incompletely and outside the system of the anti-Semitic policies of the occupiers. In this report, we will examine both criminal case No 19515 itself, as well as the reaction of the Soviet media to it.

УНИЧТОЖЕНИЕ ГЕТТО И УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В СССР (на примере открытого суда в Смоленске 1960 года)[1]

Материалы советских открытых судов над военными преступниками представляют собой уникальный и малоизученный источник знаний о Холокосте и роли коллаборационистов в нем. Уголовные дела насыщены этими документами: акты комиссий 1942-1945 гг., фотографии мест преступлений и эксгумаций, судебно-медицинские экспертизы, свидетельства жертв и очевидцев, признания самих преступников и даже письма в суд от советских граждан. Такие материалы частично тиражировались пропагандой и вошли в официальный советский нарратив о войне. В этом нарративе потерялись многие судебные факты о Холокосте, а уничтожение евреев изображалось не как масштабная система, а как отдельные случаи.

Важно еще учесть, что в 1940-е годы по политическим причинам на большинстве открытых судов в СССР судили только иностранных военных преступников и не упоминали имена их пособников из числа советских коллаборационистов. Суды над коллаборационистами в 1940-е годы почти всегда были закрытыми, спешными и оттого неэффективными. Свою вину в уничтожении евреев каратели скрывали, а у лагерного следствия не было времени и возможности изучать их преступления на месте. Поэтому многие убийцы получили формальный приговор в 25 лет каторги, а потом были разом амнистированы в 1955 году. Таким образом, об уничтожении евреев и гетто знали мно-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943-1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации» № 16-21-08001 на 2016-2018 гг. (руководители Д. Асташкин и А. Блюм)

гие очевидцы, но мало кто знал о судебном наказании конкретных лиц за эти преступлении.

Лишь советские суды 1960-х годов впервые на всю страну озвучили вину конкретных коллаборационистов в Холокосте. Уникальность суда в Смоленске (март 1960 года) в том, что он широко поднял тему вины коллаборационистов в уничтожении гетто[2]. На нем были приговорены пять полицаев, которые сожгли гетто города Велижа (Смоленская область) в 1942 году. Суд имел широкий резонанс в СССР: о нем писали центральные и местные газеты, были показаны документальные фильмы в кинотеатрах и на центральном ТВ. Таким образом, суд вывел трагедию уничтожения отдельного гетто на всесоюзный уровень. В том числе – визуализировал эту тему на советском телевидении. Однако из-за политических ограничений тема Холокоста в этих материалах пропаганды была представлена неполно (например, евреи обозначались как «советские люди») и вне системы антисемитской политики оккупантов. По сути, тема Холокоста проходила двойной фильтр: юридический и пропагандистский. Кроме того, на суде не проводилась четкая связь между организаторами казней (немецкие военные преступники) и исполнителями (коллаборационисты). Поэтому нам важно сравнить суд в Смоленске 1960 года над карателями и суд в Смоленске 1945 года, на котором судили немецких военных преступников (в том числе за убийства евреев).

Военные преступления в смоленских гетто

Смоленск – западный форпост России, долгие века он был первой целью европейских захватчиков, рвущихся к Москве. Нацисты захватили город в ходе упорных боев 29 июля 1941 года и за 26 месяцев оккупации разрушили его почти полностью. Когда 25 сентября Красная армия освободила Смоленск, в нем осталось 20 000 человек (до войны было 170 000 жителей). Смоленск стал общей могилой для 35000 мирных жителей и свыше 100 000 военнопленных. Около 90 000 смолян угнали в немецкое рабство.

2 Автор благодарит Научно-просветительский центр «Холокост» (Москва) в лице И.А. Альтмана и Л.А. Терушкина за консультации по теме смоленских гетто. Также автор признателен Ш.М. Голанду за возможность изучить материалы суда в Смоленске 1960 года.

Областная комиссия ЧГК[3] в 1945 году подсчитала (и сама же призналась, что эти данные занижены): всего на территории Смоленской области (до войны в ней было 54 района) погибло 151319 мирных граждан, еще 164630 человек угнали в рабство, уничтожено 230137 военнопленных.

В этом акте областной ЧГК все погибшие обозначены как «жертвы злодеяний немецко-фашистских захватчиков», без выделения национальности. Поэтому подсчитать количество убитых евреев крайне сложно[4]. Попробуем реконструировать это число. В довоенной Смоленской области (в современных границах) проживало около 35000 евреев. Из них около 26 000 жило в городах (например, в Смоленске – 14 812 евреев)[5]. В городе Велиж до войны было 11 400 жителей, их них примерно 2000 были евреями. Это достаточно большое число евреев (по меркам Центральной России) объясняется близостью к так называемой «черте оседлости», в которую входили некоторые западные районы области. Поскольку Смоленская область была оккупирована в июле-начале августа 1941г., значительная часть евреев (кроме Смоленска) эвакуироваться не успела. Кроме того, сюда стекались еврейские беженцы из БССР.

Как отмечает И.А. Альтман, в отличие от других областей России, гетто на Смоленщине были созданы в большинстве городов и местечек области. А темпы ликвидации еврейского населения были несколько замедленными в сравнении с Восточной Белоруссией, так как организация там истребления евреев отвлекала людские ресурсы и технические средства карателей. Обращает на себя внимание и судьба евреев Смоленска. Ни в одном другом областном центре СССР, оказавшихся в зоне под контролем военной администрации, такая многочисленная еврейская община (около 2000 человек) не просуществ-

3 Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и по учету ущерба, причиненного ими предприятиям, общественным организациям, совхозам, колхозам, учреждениям и отдельным гражданам, созданная в ноябре 1942 года.

4 Подробней см. Корсак А. В., Стеклов М. Е. Смоленск // Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И. А. Альтман. М.: РОССПЭН, 2009. С. 915-918.

5 Голанд Ш. Велижское гетто: Смоленская область XI. 1941 – I. 1942.- М.: Дом еврейской книги, 2012. С. 12.

вала около года. Между тем в Смоленске уже с конца июля-начала августа 1941 г. размещались (наряду с командованием группы армий «Центр») так называемая передовая команда «Москва» и штаб айнзатцгруппы «В».[6]

Смоленское гетто существовало с 5 августа 1941 по 15 июля 1942 года, под него оккупационные власти выделили возле еврейского кладбища около 80 частных домов. Оттуда их выгоняли на принудительные работы за скудный паек, нетрудоспособные евреи никакой еды не получали. Население гетто сокращалось от голода, холода, болезней и постепенного уничтожения. А 15 июля 1942 года из гетто в направлении деревни Магалинщина было вывезено около 2000 оставшихся евреев, где их убили.

Методы и формы уничтожения еврейского населения были близки к использовавшимся для уничтожения евреев Восточной Белоруссии. Это объясняется тем, что его организовывала одна и та же айнзатцгруппа, действовавшая в тыловых районах группы армий «Центр». В уничтожении евреев активно участвовали также местная полиция и, в ряде случаев, войска вермахта.

Первыми жертвами стали те евреи, кто мог оказать или пытался оказать хоть малейшее сопротивление приказам нацистов: партийные, советские и даже комсомольские активисты, а также интеллигенция. Уже в августе-сентябре 1941 г. в разных городах на территории Смоленской области было расстреляно около 1000 евреев. Первыми (за редким исключением) уничтожались евреи-мужчины, причем в некоторых населенных пунктах (Татарск) поголовно. В качестве предлога для репрессий в нацистских отчетах использовались традиционные формулировки: за самовольный уход из гетто и связь с партизанами[7].

В октябре-ноябре 1941 года темпы и масштабы Холокоста резко возрастают. Местом казни обычно избирались окраина, еврейское

6 Подробней см.: Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. Учебное пособие для студентов высш. учеб. Заведений / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Фонд «Холокост», 2002.320 с.

7 Подробней см.: Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. Учебное пособие для студентов высш. учеб. Заведений / Под ред. А.Г. Асмолова.- М.: Фонд «Холокост», 2002. 320 с.

кладбище или ближайший лесной массив. Проводились также казни и непосредственно в населенном пункте. Место казни любавичских евреев было выбрано рядом со старым зданием бойни.

В декабре-январе из-за морозов и прежде всего контрнаступления Красной Армией под Москвой на территории области происходят лишь отдельные акции. Тем не менее уничтожение еврейского населения продолжалось. В конце января 1942 г. части Красной Армии освободили город Велиж. В нем около 500 евреев гетто были заживо сожжены в свинарнике.

Подпольная газета «Рабочий край» сообщала, что при перевозке людей к месту казни применялись душегубки. Отметим, что данный способ казни не практиковался нацистами в других населенных пунктах Центрального региона. Летом и в начале осени зондеркоманды продолжали выявление и расстрел евреев в небольших населенных пунктах.

Последними на территории области были ликвидированы несколько сот узников в Сычевке и в Починке (соответственно в январе и апреле 1943 г.).

Таким образом, уничтожение евреев в Смоленской области проходило в течение двадцати месяцев. Можно выделить два пика казней: в октябре-ноябре 1941 г. и феврале-марте 1942 г. Отдельные группы евреев выявлялись и уничтожались до последних дней оккупации области. Основным способом убийства были расстрелы.

Исследователи приводят различные данные о количестве еврейских жертв на Смоленщине. В опубликованных и архивных документах фигурируют сведения о массовых расстрелах евреев в 28 населенных пунктах. По подсчетам И.А. Альтмана, на территории Смоленской области нацистами и их пособниками было уничтожено около **18000** евреев. Кто же за это понес наказание?

Наказание за убийства смоленских евреев

Суды над военными преступниками производились по указу Президиума Верховного Совета СССР №39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Краткий текст указа обобщал

все преступные действия (включая уничтожение евреев) и преступное бездействие оккупантов одной формулой «совершение убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев». Некоторые уточнения этой формулы были в других ведомственных нормативных актах. Так, в положении «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», утвержденном Прокурором СССР 26 июня 1943 г., вводился примерный перечень признаков преступных действий нацистов, которые военные следователи и дознаватели должны были раскрывать[8]. Это были факты убийств мирных граждан; насилий; издевательств и пыток над беззащитными людьми (женщинами, детьми, стариками), увода в рабство; пыток и истязаний в отношении пленных, больных и раненых советских военнослужащих. Принудительный труд на оккупантов (в том числе и в гетто) часто сопровождался убийствами и пытками, поэтому эти преступления входили во многие обвинительные заключения.

За 1943-1947 гг. было проведено 18 открытых судов над немецкими военными преступниками в наиболее пострадавших городах: Харьков, Смоленск, Брянск, Ленинград, Николаев, Минск, Киев, Великие Луки, Рига, Сталино (Донецк), Бобруйск, Севастополь, Полтава, Кишинев, Чернигов[9], Витебск, Новгород, Гомель[10]. Поскольку все остальные суды в СССР над нацистами были закрытыми, а их материалы не публиковались, то эти 18 открытых судов особенно важны для научного анализа. На открытых судах часто звучали уникальные свидетельства самих преступников и их жертв о Холокосте. Это уникальный источник, доступный лишь фрагментарно (в России большинство этих уголовных дел не выдается исследователям).

Хотя масштабы преступлений в Смоленской области означают тысячи виновных, найти и осудить удалось немногих. Главный преступник — командующий войсками по охране тыла армейской группы «Центр» М. фон Шенкендорф — умер от болезни сердца еще в 1943

8 Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг.: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2005. С. 29.

9 На открытом процесса в Чернигове 17–25 ноября 1947 г. были осуждены 13 венгров и трое немцев.

10 На открытом процессе в Кишиневе 6–12 декабря 1947 г. были осуждены семь румынских военных преступников и три немца.

году. Поэтому на скамье подсудимых Смоленского процесса (15-20 декабря 1945 г.) сидело лишь десять унтер-офицеров и ефрейторов. Все они признались в своих жестоких преступлениях еще на стадии следствия.

Так, лекарский помощник 551 военного лазарета Р. Модиш лично брыл для вермахта кровь у советских детей — вплоть до смерти от истощения. В лазарете у смолян извлекали части роговой оболочки глаза, которая затем пересаживалась раненым немецким офицерам. Старший солдат Й. Райшман был дрессировщиком собак 350-го пехотного полка. В тыловом Смоленске он травил жителей овчарками. Однажды загнал псами и изнасиловал 14-летнюю девочку. Также Райшман участвовал в массовом расстреле мирного гражданского населения (скорее всего, евреев) в поселке Монастырщина и в нескольких деревнях под Смоленском, в городе Борисове, где было истреблено свыше 12 тысяч советских граждан: «Государственный обвинитель (обращаясь к подсудимому): — Были ли среди расстрелянных мирных жителей Монастырщины дети? Райшман: — Были...»[11].

Подсудимый Р. Киршфельд лично командовал карательным отрядом, расстреливал жителей деревень, жег их дома, травил арестованных евреев в автомобилях-«душегубках» (газенвагенах). Все остальные подсудимые (В. Вайс, К. Гаудиян, Ф. Генчке, Э. Мюллер, В. Краузе, Г. Винклер, Э. Эверест) также участвовали в убийствах военнопленных и в карательных акциях. Лично убивали, жгли, насиловали. Об этом сообщали они сами, а также свидетели, экспертизы, акты ЧГК.

Вечером 19 декабря военный трибунал зачитал приговор, по нему Р. Киршфельт, Р. Модиш, В. Вайс, К. Гаудиян, Ф. Генчке, Э. Мюллер, В. Краузе приговаривались к смертной казни через повешение. Й. Райшман — к 20 годам каторжных работ; Э. Эвертс — к 15 годам каторжных работ; Г. Винклер к 12 годам каторжных работ. На следующий день 20 декабря 1945 года пятьдесят тысяч смолян увидели казнь семерых преступников на Заднепровской площади. О ней написали для миллионов читателей «Правда», «Известия», «New York Times» и другие газеты.

Хотя на суде в Смоленске 1945 года преступления против евреев и уничтожение гетто не выделялись в отдельную группу, но постоянно фигурировали в судебных материалах. Этим материалы фильтровались в пропаганде, где национальность и понятие «гетто» ча-

11 Известия. 18 декабря 1945. С. 2.

сто исключалась (особенно в центральных газетах) и описывались факты преступления против «жителей» или «советских» людей». Вот как пересказывает корреспондент «Известий» показания свидетеля об уничтожении смоленского гетто: «Свидетельница А. И. Петрова сообщает суду, что немцы, ворвавшись в Смоленск, начали жестоко расправляться с советскими людьми. Целыми семьями люди выгонялись из родных домов. Лишенные питания и тепла, люди болели и ежедневно умирали сотнями. В ночь с 14 на 15 июля 1942 года немцы окружили район Верхних Садков. На утро всех жителей этого района выгнали из домов. Через некоторое время подошли две темно-серые машины без окон с задней дверью. Жители поняли, что это «душегубки», что попавших туда ожидает страшная смерть. И вот несчастных стали загонять в машины. У матерей отнимали детей и бросали в машины, как дрова. Свидетельнице удалось спрятаться. Мимо нас несколько раз прошли немецкие машины, слышались приглушенные стоны. К 2 часам дня 15 июля все жившие в Верхних Садках были вывезены немцами. Позже стало известно, что их привезли в деревню Магилянщина и там уже мертвыми закопали в ямы. Чтобы скрыть свои преступления, немцы сравняли могилы с землей и утрамбовали тракторами».[12]

В документальном фильме «Судебный процесс в Смоленске» (режиссер Э. Шуб) тема евреев и гетто также не присутствует напрямую, в качестве упоминаются только «мирные граждане». Тут важно отметить, что само слово «гетто» нечасто упоминалось в материалах прессы о судах 1940-х годах, в советской пропаганде это понятие подавалось как часть нацистской лагерной системы, через запятую. Вот характерная цитата ТАСС по Минскому процессу: «Одним из основных орудий порабощения и истребления советских людей были концентрационные лагери, организованные в Белоруссии в большом количестве под различными наименованиями: лагери эвакуированных, военнопленных, трудовые, гетто и т.п.»[13]. Таким образом, в материалах прессы гетто порой упоминалось, но без выделения в особую категорию.

12 Известия. 18 декабря 1945. С. 2

13 Сборник материалов Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников http://samlib.ru/b/borisow_aleksej_wiktorowich/materialychgk.shtml

К сожалению, по политическим причинам на большинстве открытых процессов 1940-х годов (включая Смоленск) не упоминались имена пособников оккупантов в совершении многих преступлений. А ведь именно им нацисты часто поручали грязную работу. Из-за этой секретности были упущены многие коллаборационисты с кровью на руках. Так, четверо из пяти фигурантов суда в Смоленске 1960 года были осуждены в 1945-1949 годах по статье 58-1а (Измена Родине) и 58-1б (Измена со стороны военного персонала), но скрыли свои военные преступления. А следствие не смогло полноценно расследовать дела этих убийц и приговорило их к стандартному сроку за коллаборационизм. После чего в 1955-1956 они были разом освобождены по амнистии. Каратели, естественно, скрылись кто где, и лишь потом уже персональная вина каждого постепенно расследовалась по всем нормам. Но удалось поймать не всех. А ведь такая серия судов могла бы быть проведена по горячим следам, в 1940-годы…

Таким образом, тема уничтожения смоленских гетто на суде в Смоленске 1945 года звучала только в общем ряду преступлений, хотя акты ЧГК об уничтожении гетто Смоленска, Велижа и других использовались следствием. Нам еще предстоит выяснить – как и кем определялась эта судебная и пропагандистская тактика поведения.

Антисемитский контекст судов[14]

По целому ряду причин еще со времен войны советские власти решили никак не акцентировать еврейское происхождение значительной части жертв и не признавать специфику Холокоста, чаще всего говоря об убийстве «мирных советских граждан».[15] «Черная книга» – единственное значимое исследование об уничтожении евреев СССР – была в конце 1947 года запрещена цензурой во время развернувшейся кампании против «космополитов». Кампания про-

14 Автор горячо благодарит Ванессу Вуазен (Vanessa Voisin) за консультации при написании этого параграфа.

15 Подробней см.: Feferman K. Soviet Jewish Stepchild. The Holocaust in the Soviet Mindset, 1941–1964. Saarbrücken: VDM Verlag, 2009. Berkhoff K.C. "Total Annihilation of the Jewish Population". The Holocaust in the Soviet Media // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2009. Vol. 10. № 1. P. 61–105; Salomoni A. L'Union soviétique et la Shoah. Paris: La Découverte, 2008; Костырченко Г. Государственный антисемитизм в СССР. М.: МФД: Материк, 2005. 592 с.

тив «космополитов», развернувшаяся в 1948–1953 годах, очень быстро стала антисемитской. После этого упоминания об уничтожении нацистами евреев СССР постепенно исчезают из советской прессы до конца 1950-х годов, когда борьба с забвением нацистских преступлений в странах Запада вновь возвращает этот сюжет в пропаганду.

Во время войны упоминания о евреях были редки и сделались еще реже после победы под Сталинградом. Созданный весной 1942 года Еврейский антифашистский комитет стоит в общем ряду с Общеславянским антифашистским комитетом, женским, молодежным комитетами, комитетом ученых и пр. Как следует из текста призыва «К евреям всего мира» (август 1941 года), он был нужен, чтобы мобилизовать советских евреев и еврейские общины других стран в поддержку СССР (в случае мирового еврейства речь шла о сборе материальной помощи). Он также участвовал в сборе документов, свидетельствующих о преступлениях врага, которые затем поступали в ЧГК. Однако, как только власть увидела в нем потенциальный инструмент консолидации еврейского национального чувства, его деятельность подверглась цензуре, а в конце 1940-х годов на членов комитета обрушились жестокие репрессии.

Историки до сих пор спорят о том, каково было отношение советских властей к теме Холокоста. Они более терпимо относились к упоминаниям еврейских общин других стран Европы. Однако в самом СССР не вспоминали о том, что немецкая карательная политика была нацелена против советских евреев. Позже в «Обыкновенном фашизме» (1965 г.) Михаил Ромм демонстрирует кадры и говорит о евреях из Варшавского гетто, однако Холокост на территории Советского союза не упоминается.

Создание государства Израиль еще больше осложнило отношение Кремля с советскими евреями (особенно после 1967 года). История вокруг Бабьего Яра в 1962 году прекрасно иллюстрирует противоречивое отношение советских лидеров к истории геноцида. Тема казней в Бабьем Яру евреев громко звучала на открытом суде над нацистами в Киеве (1946 год), но затем ушла из советского нарратива. Дошло до того, что. городские власти Киева множество раз предлагали засыпать овраг и на его месте построить стадион и разбить парк. Потребовались протесты писателей (Виктора Некрасова в 1959 году и Евгения Евтушенко в 1961 году), чтобы поднять проблему мемориала. На встрече с интеллигенцией 8 марта 1963 года Хрущев прямо обвинил

Евтушенко в том, что тот принижает другие категории жертв войны и хочет сказать, что в СССР продолжает существовать антисемитизм. В итоге стелла, установленная в 1966 году, и скульптура, воздвигнутая в 1976 году, никак не указывали на еврейское происхождение большинства жертв Бабьего Яра.[16]

Эта политика проявила себя ив Смоленской области. На месте сожжения гетто города Велижа (и в овраге, где были расстрелы) были в 1954 году по решению Велижского городского совета установлены памятники в виде невысокой кирпичной пирамиды с красной звездой. И только в 2008 году появляется упоминание национальности жертв на мемориальной доске.[17] Хотя логичным было бы сделать это в 1960 году, когда палачей гетто Велижа судили в Смоленске.

Суд в Смоленске 1960 года и гетто Велижа

Город Велиж был оккупирован 13 июля 1941 года. Немецкое военное командование 83-й пехотной дивизии с помощью коллаборационистов провело перепись евреев города. Их имущество конфисковали, евреям запрещалось общаться с русским населением, заниматься торговлей, пользоваться тротуарами, покидать свои дома. Евреев концентрировали в гетто для принудительных работ и для последующего уничтожения. 28 января 1942 года гетто было сожжено заживо, тысячач евреев погибла, но часть свидетелей спаслась.

Сразу же, в 1942 году, Воениздат опубликовал показания выживших евреев, в них четко обозначена вина полиции в поджоге гетто. Процитируем весь отрывок: «9 августа нам приказали носить желтые повязки через плечо и запретили ходить на рынок и покупать продукты. Нас, женщин, посылали на самые тяжелые работы – таскать камни, бревна, убирать уборные. За труд не платили. Часть девушек уводили неизвестно куда и они пропадали безвозвратно. 21 сентября из города угнали 150 мужчины и такие случаи повторялись часто. 7 ноября всех евреев согнали в гетто. В 27 домиках на Жгутовской ули-

16 Voisin Vanessa « “Au nom des vivants”, de Léon Mazroukho : une rencontre entre discours officiel et hommage personnel » dans V. Pozner, N. Laurent (dir.), Kinojudaica. Les représentations des Juifs dans le cinéma russe et soviétique, Paris, Nouveau Monde éditions, 2012, p.365-407.

17 Голанд Ш. Велижское гетто: Смоленская область XI. 1941 – I. 1942.- М.: Дом еврейской книги, 2012. С. 154.

це разместили около 1000 человек, более 500 человек загнали в свинарник, где ранее обитало 300 свиней. Ежедневно от голода и холода умирало по несколько человек. В конце января мы узнали, что близко части нашей Красной Армии. В 4 часа дня 28 января явилась полиция и подожгла свинарник, предварительно заперев все выходы, а затем и все гетто. Мы находились в свинарнике. Жить хотелось, как никогда, пробраться к Красной армии, рассказать о пережитом. Мы вышибли окно и таким путем выбралось около 100 человек. Подписи Савинская, Стеркина, Нихамовская»[18].

Другие свидетельства об этом преступлении (но без упоминания гетто, евреев и полиции) публиковали газеты «Красная звезда» в 1942 году и «Рабочий путь» в 1944 году. В той или иной степени пропаганда в 1942-1944 годах заявила о преступлении, но не заявила в 1945 о наказании виновных.

Первой доказательной базой для суда 1960 года стали акты ЧГК 1942-1944 гг. Из акта Велижской районной Чрезвычайной комиссии: «По свидетельским показаниям и по рассказам очевидцев в городе Велиже, по Жгутовской улице немцы согнали все еврейское население и устроили лагерь – гетто. Почти каждую ночь немецкие оккупанты вывозили на машинах евреев из гетто за город и там их расстреливали. Под ударами частей Красной армии, чтобы замести следы своих преступлений, гитлеровцы сожгли дотла Жгутовскую улицу, где находился лагерь с еврейским населением. Еврейское население города полностью уничтожено».[19] Имен виновных в этих актах нет, только общее обозначение – «немецкие оккупанты», «гитлеровцы». Нам пока неизвестно – был ли кто-то из них осужден в 1940-х годах за уничтожение Велижского гетто. Ведь, как мы писали выше, большинство судов над коллаборационистами проходили в закрытом режиме и все эти дела секретны даже сейчас. Предположим, что конкретные виновники не были найдены. Но сотрудники КГБ знали, что каратели могут быть среди освободившихся по амнистии 1955 года полицаев. Поиск конкретных поджигателей гетто занял период с 1957 по 1959 год, были опрошены сотни граждан. Мы пока не можем

18 Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Выпуск 5. Воениздат. НКО. ССР. 1942. Цит. по: Голанд Ш. Велижское гетто: Смоленская область XI. 1941 – I. 1942.- М.: Дом еврейской книги, 2012. С. 20-21.

19 Голанд Ш. Велижское гетто: Смоленская область XI. 1941 – I. 1942.- М.: Дом еврейской книги, 2012. С. 25.

сказать – кто из властей и почему инициировал это расследование. В целом, подобные расследования возобновились в конце 1950-х годов во многих регионах СССР.

На стадии предварительного следствия Управление КГБ по Смоленской области использовало новый прием – опубликовало в местной печати сообщение о преступлении «в один из дней января 1942 года они сожгли живыми и расстреляли около тысячи жителей города, ранее согнанных в так называемое гетто»[20]. И призыв – к свидетелям рассказать о преступной деятельности двух арестованных Кириенкова и Сычева. Это вовлечение населения (через лекции на местах или статьи в районных газетах) в поиск военных преступников происходило в 1960-е годы и в других регионах страны (например, в Новгороде). Тем самым суд стал открытым еще до своего начала, что выгодно отличает его от закрытой подготовки суда в Смоленске 1945 года. Эта публичность вызвала поток писем в областное управление КГБ и военный трибунал с требованием смертной казни для подсудимых. Корреспонденция шла от отдельных граждан и коллективов – например, от имени и по поручению 228-ми ленинградцев (уроженцев города Велиж). Отдельные авторы также описывали историю уничтожения своей семьи в гетто (так, у Е.И. Долгина погибло 26 родных).

Гетто сжигали 22 полицейских, перед военным трибуналом Московского военного округа предстали пятеро из них. Это бывший начальник Велижской районной полции Кириенков (он руководил 22 карателями), его подчиненные Проин, Климашевский, Филатов, а также агент тайной полевой полиции Сычев. На суде были заслушан показания 32 свидетелей, из них 5 выживших жертв,15 очевидцев, 12 полицаев. Под грузом этих показаний и улик все обвиняемые признали свою вину полностью (но Кириенков – частично). Трибунал приговорил Кириенкова и Сычева к расстрелу, остальных – к 15 годам исправительно-трудовой колонии[21].

За судом следила центральная пресса («Советская Россия») и местная («Рабочий путь»), но некоторые тема не поднималось. Например, первая судимость четырех обвиняемых – в чем их обвиняли, почему амнистировали? Кроме того, пресса часто заменяла слово «евреи» эвфемизмами «жители Велижа», «советских людей».

20 Голанд Ш. Велижское гетто: Смоленская область XI. 1941 – I. 1942.- М.: Дом еврейской книги, 2012. С. 26

21 Об их судьбе в колонии и после освобождения нам пока неизвестно.

Даже через эти недомолвки население СССР много узнало из СМИ об одном акте Холокоста (Велиж), но сама система уничтожения евреев была по-прежнему не показана ни судом, ни журналистами. Публика мало что узнала о причинах и мотивах преступлений, о цепочке организаторов и исполнителей, о связи с другими судами. Эти умолчания продолжали такую же традицию 1940 годов. Удивительно, но мало в материалах пропаганды использовалась тема «Холодной войны», хотя логично было бы искать скрывшихся преступников именно там. В более поздних судах этот мотив часто упоминается в пропагандистских материалах.

Таким образом, из 22 полицейских, уничтоживших Велижское гетто, были осуждены лишь пятеро. Ничего неизвестно о судах над их начальством из числа немецких военных преступников. Все меньше остается свидетелей, снижается с каждым годом и без того маловероятный шанс на полное расследование и проведение открытых судов. Однако подобные преступления не имеют срока давности, поэтому исследователям необходимо искать данные и привлекать к судебной ответственности всех пока еще живых подозреваемых.

Begun Yosef
Writer. (Israel)

Бегун Иосеф
Писатель. (Израиль)

THE SOVIET FORM OF HOLOCAUST DENIAL: CONCEALING THE MEMORY

КОНФЕРЕНЦИЯ «ХОЛОКОСТ И СОВРЕМЕННЫЙ РАДИКАЛИЗМ»

Рига 4–6 сент. 2017 г.

(тезисы доклада)

Молчание Холокоста: советское «Отрицание Катастрофы»

* * *

Есть вещи, есть трагедии, перед безмерностью которых любое слово бессильно… Однако молчание много говорит там, где все, что можно сказать, уже сказано. Когда же сказано еще далеко не все, когда еще ничего не сказано, – тогда молчание становится сообщником неправды и несвободы. Поэтому мы говорим, и должны говорить об этом – везде, где можно и где нельзя, используя всякий повод, который случается так нечасто.

Иван Дзюба (1931) украинский писатель и диссидент, узник совести.

Из выставки в Бабьем Яре 29 сентября 1966 г (25 годовщина, инкрим. на суде 1972)

Идейные предпосылки политики замалчивания Холокоста

Я не открою большой секрет, если скажу, что в СССР в угоду идеологии, а то и обстоятельств текущей политики историю народов произвольно, искажали, резали допуская к ознакомлению одни исторические события и наглухо засекречивая другие. Не стала исключением и история Холокоста, чудовищная трагедия еврейского народа в XX веке, которая все то время пока существовало это государство.

Почему это происходило? Ведь подобная политика, не говоря уже о том, чтобы сохранить память об этом уникальном событии, которое происходило на территории СССР, была абсолютно бесчеловечной, по отношению к евреям, одной из советских наций. Ведь евреи вместе со всеми советскими людьми воевали на фронтах, трудились в тылу и погибали во имя победы над фашизмом. За что же лишать их возможности хранить память о своих погибших? Это было в традиции всех народов, поминовение мертвых, посещение могил… Как пел незабвенный Марк Бернес: «ну а тем, кому выпало жить надо помнить о них и дружить…» «Дружить»-то евреи дружили со всеми, и даже очень активно, участвуя в созидательном труде, развивая науку, культуру, экономику. Но помнить погибших соплеменников им не разрешалось.

В Советском Союзе, Холокост как известно никто не отрицал, т.е. отсутствовал сам феномен ОТРИЦАНИЯ КАТАСТРОФЫ не существовал. Это кажется поразительным свете того, что отрицание Холокоста было широко распространено в странах послевоенной Европы, где после войны оставалось немало сторонников разгромленного фашизма. А разве таких не было в СССР, по крайней мере в районах, которые были под оккупацией? Вопрос конечно риторический и ответ не него прост и однозначен: в СССР ОТРИЦАНИЯ КАТАСТРОФЫ не было потому что самого понятия Катастрофы (Холокоста) в СССР не было. На все что было связано с Холокостом, был наложен, фигурально говоря, гриф секретности. Катастрофа преднамеренно и систематически замалчивалась в СССР. В СССР не было монументов памяти Катастрофы, о ней не писали в учебниках истории. Даже на братских могилах, там, где нашли свою мученическую смерть около 3 млн советских евреев не было слова «евреи». /2 фото Логойск/. Официальное замалчивание означало, что Холокосте нельзя было говорить даже в приватном кругу. Ситуация напоминает ту, о чем рассказали в «Двенадцати стульях» известные писатели Ильф и Петров.

Американский журналисту, который настойчиво добивался узнать «есть ли в СССР еврейский вопрос», получил исчерпывающий ответ «в СССР евреи есть, а еврейского вопроса нет». Перефразируя, в нашем случае следовало бы сказать: да, почти все евреи погибли на оккупированных территориях, но Холокоста в СССР не было.

Причины политики замалчивания Холокоста коренятся в существе ленинско-сталинской политики решения еврейского вопроса. В ее основе лежал постулат, что евреи не представляют собой нацию (народ) и ее решением должна быть их полная ассимиляция. На базе этой теории, разработанной вождями большевизма еще до 1917 г. была ликвидирована базовая система жизни любого национального меньшинства, живущего в среде иной культуры – национально-культурная автономия. Советских евреев лишили доступа к своей духовной культуре, знания национальной истории, обучения национальному языку. Политика духовного (культурного) геноцида должна была привести к тому же результату, что и физический геноцид – ликвидации этнической (национальной) общности. В окончательном виде самобытная еврейская этническая общность, с ее 4000-летней историей и культурой должны были стать безликим компонентом «единого советского народа», некоего множества людей, задуманного идеологами Кремля как ответ на национальные стремления более чем ста наций, народов, народностей коммунистической империи. Вся история евреев в СССР убеждает, что они должны были стать подопытным материалом в этом эксперименте радикальной перестройки человеческой истории на одной шестой части населенного мира. Попытки противостоять этой политике карались как тяжелые антисоветские преступления. Как бывший заключенный Гулага могу свидетельствовать что в нашей политической зоне на Перми осужденных за националистическую деятельность было большинство. Среди них был эстонец (**Таллин), украинцы (язык, национальная школа), армяне (независимость, диссертация, азербайджанец (Карабах)

С последними залпами 2 Мировой войны Холокост стал историей, одной из самых трагичных страниц истории еврейского народа. Но еврейская история, уже давно была запрещена в СССР. Это не должно удивлять, ведь знание истории своего народа – важнейший элемент национального самосознания. Если говорить о Холокосте, то приобщение еврея к истории такого масштаба может стать мощным стимулятором чувства национальной солидарности.

У автора есть личный пример этого феномена (отрывок из книги воспоминаний):

> …во время хрущевской оттепели, начала 60-х на киноэкранах стали показывать зарубежные кинокартины. Немало фильмов было на военную тему. И в них иногда присутствовала еврейская тема. То там, то здесь по ходу сюжета возникали кадры со сценами еврейских гетто, депортации, массовых расстрелов… То были документальные кадры немецкой кинохроники, а то и игровые сцены. Эти случайные эпизоды приковывали к себе мое внимание странным чувством сопричастности. Откуда оно? Что общего у меня, советского еврея, с этими польскими или голландскими евреями, несчастными жертвами фашизма? Но какой-то внутренний голос не давал отстраниться, настойчиво говорил мне: тебе повезло, ты «сумел» родиться в Москве, а не в Белоруссии и не на Украине, где погибли много твоих родных. И ты мог быть в этой толпе евреев в эшелоне смерти, на краю рва в Бабьем Яре, перед воротами газовой камеры в Освенциме...
>
> Так возникало осознанное понимание, что я принадлежу к народу с трагической судьбой, и она – моя судьба. Теперь это был уже не «5-ый пункт» паспорта, а мой собственный выбор. Я все больше задумывался, что значит, что я – еврей? Ведь по культуре, языку, я – русский, читал русскую литературу, знал русскую историю. А что я знал еврейского? Ни языка, ни истории, ни литературы… ничего! Во мне поселилось беспокойное чувство внутреннего раздвоения. Кто я, на самом деле? [1]

Начало Холокоста – начало политики сокрытия памяти о нем.

После прихода Гитлера к власти и до заключения германо-советского пакта 1939 г. политика СССР носила антифашистский характер. Это относилось и к пропаганде в сфере культуры, в прокате были антигитлеровские кинофильмы, выпускались книги на еврейскую тему. После погромов Хрустальной ночи в ноябре 1938 г., в Москве прошел антифашистский митинг, где выступил знаменитый артист С. Михоэлс.

Но меньше чем через год, 1 сент. 1939 г., началась 2-ая Мировая война, которой предшествовало подписание пакта Молотова-Риббентропа. Гитлер и Сталин, вчера еще идейные враги, стали союзниками и партнерами в захвате чужих стран. Эта дата стала началом Холокоста, организацией гетто в Польше. В СССР в те же дни была пре-

1 И. Бегун «Скрепляя связь времен. Из воспоминаний еврейского активиста». (Готовится к печати в изд-ве Книжники, Москва)

кращена публикация какой-либо информации о зверствах нацистов против еврейского населения. Дата начала Холокоста, таким образом, стала и датой начала политики сокрытия памяти о нем. Не может не возникнуть вопрос, почему в СССР, стране победивший фашизм ценой жизни десятков млн своих граждан, среди которых были и миллионы евреев, столь тщательно скрывали правду о этом злодеянии гитлеризма? На протяжении почти 50 лет пока проводилась эта политика у властей на то были разные «причины», но все они сводились к одной, общей, о которой уже указано выше – память о еврейской трагедии могла пробуждать чувства солидарности со своим народом, что было совершенно неприемлемо с точки зрения ассимиляторской политики советского режима.

О некоторых хронологических аспектах политики замалчивания Холокоста

Годы советско-германского сближения, Сентябрь 1939 – Июнь 1941.

Начало 2-ой Мир. Войны. Раздел Польши. Немцы сгоняют евреев в гетто, обязывают носить отличительные знаки, грабежи, издевательства, принудительный труд, попытки изгнания евреев в советскую зону. СССР отказывается принять германское предложение на въезд в СССР сотням тысяч евреев из Польши и других, оккупированных стран, чем обрекает их на гибель.

Тотальный запрет на информацию о преследовании евреев в странах под властью «союзника СССР» Гитлера, привел к тому, что большая часть еврейского населения СССР пребывали в неведении что их ждет в самом скором времени.

Советско-германская война 1941- 1945

На сообщения о массовых убийствах евреев с первых же дней вторжения в СССР германской армии наложен тотальный запрет из опасения, что в армии возникнут настроения, что «жидо-большевики» в Кремле заставляют русских воевать для защиты евреев. В то же время создается Еврейский Антифашистский Комитета (ЕАК) для контактов с зарубежными еврейскими общинами в целях оказания помощи Красной Армии в ее борьбе со злейшим врагом еврейского народа. Эта миссия ЕАК оказалась очень успешной и совпала с пе-

реломом военных действий на фронтах и началом освобождения оккупированных территорий от фашистов. По мере продвижения Красной Армии на Запад В Гроссман и И.Эренбург, которые работали военными журналистами и видели ужасы Холокоста своими глазами, начали готовить «Черную книгу» о «злодейском убийстве евреев». Книга была издана… но лишь в США. В СССР ее почти сверстанную в типографии запретили публиковать на основании постановления ЦК что *книга содержит серьезные политические ошибки* Черная книга была запрещена в СССР до самого конца советской власти.

Сталинский террор против евреев в последние годы жизни диктатора, 1948-1953 гг

Победа над фашизмом, спасла советских евреев от физической гибели но не принесла освобождения от государственного и бытового антисемитизма, который лишь усилился на волне нацистской пропаганды во время оккупации. Страну поразила вспышка великодержавного шовинизма и антизападной политики, в условиях которой Сталин начал реализовать свой план «окончательного решения» путем полной ликвидации самобытной еврейской общности. Среди других обвинений по делу ЕАК, которое стало апогеем антиеврейской политики в СССР, среди других «преступлений» еврейских поэтов и писателей было и (несостоявшееся) издание Черной Книги. Из приговора:

> «ярким примером смыкания руководителей ЕАК с еврейскими националистами является издание в 1946 г. так называемой «Черной книги», осуществленное ЕАК совместно с еврейскими националистами США и Палестины»

После Сталина. Либеральная «оттепель» Н. Хрущева, вторая половина 1950-х – 60-ые гг.

Несмотря на и политику относительной либерализации после сталинской репрессивной эпохи, заметных перемен в советской еврейской политике не было. Но атмосфера общей либерализации способствовала тому, что начала проявлять себя самодеятельная активность в сфере еврейской культуры: группы изучения иврита, распространения еврейского самиздата. Национально настроенные евреи проводили встречи на частных квартирах, или… на лесных полянах. Активистов начавшегося движения национального возрождения арестовывали и судили, но это не останавливало тех, кто был готов к борьбе за свои права своего народа. Одним из них было право на

память жертв Холокоста. В поддержку права евреев знать о своей национальной трагедии, чтить ее мучеников выступили известные деятели культуры, неевреи.

Русский поэт Евгений Евтушенко был первым, кто в полный голос выразительно сказал «Над Бабьим Яром памятника нет…». Эта горькая правда была настолько неприемлема в безгласной коммунистической империи, что молодого поэта осыпали бранью со всех сторон: мол «какой ты настоящий русский…». Но лед тронулся, в Бабьем Яру, возле камня с надписью, что здесь были убиты «мирные советские люди», стали собираться импровизированные митинги. На одном в 25 годовщину расстрелов (1966 г.) выступил украинский писатель Виктор Некрасов, который не побоялся громко сказать правду: «Да, здесь убивали не только евреев, но только евреев убивали за то, что они евреи».

Один из первых арестов по национальным мотивам того времени тоже был связан с Бабьим Яром. Борис Кочубиевский, 30-летний киевский инженер был арестован за высказывания с критикой политики государственного антисемитизма. Сказанное им о Бабьем Яре: «Здесь лежит часть еврейского народа» были инкриминированы ему как «сионистская буржуазная пропаганда».

Последние два десятилетия Советской власти, Время еврейского движения и борьбы за права евреев в СССР.

В последние два десятилетия советской власти протесты против политики замалчивания становятся частью борьбы за права евреев на свою национальную культуру. Раньше других проявили себя еврейские активисты в Прибалтике, которые начали убирали территорию, в местах массовых убийств Понары, Румбула, где они также проводили митинги и подписывали письма с требованием сохранения памяти жертв Холокоста. Журнал еврейского самиздата в Риге печатал статьи по истории Катастрофы. Опасаясь расширения еврейского движения власти прибегли к арестам активистов. На Рижском процессе 1970 г. среди документов обвинения в распространении антисоветской литературы фигурировала речь прокурора Израиля на процессе Эйхмана – «6 000 000 обвиняют»

Из книги воспоминаний автора

В 1971 году – в тот год исполнилась 30-ая годовщина массовых убийств евреев – я, тогда начинающий отказник, приехал в Киев, где присоединил-

ся к другим отказникам, чтобы участвовать в церемонии памяти погибших здесь евреев. Квартира одного из местных отказников стала местом общего сбора, где шла спешная работа – готовили большие траурные венки и черные ленты, на которых писали на русском и иврите: «Детям Бабьего Яра», «От евреев города Киева», «Вечная память мученикам фашизма»... Организаторы выдали всем нам кипы и черные нарукавные повязки.

Группой 30-40 человек, мы направились в Бабий Яр, путь примерно 2 километра. Параллельно, по другой стороне улицы шли гебисты – большой толпой, открыто, совершенно не стесняясь. Мы подошли к месту неподалеку от мемориального камня, где должны были возложить наши венки. Метрах в 50 от него мы надели кипы, повязали траурные повязки и колонной по двое, с траурными венками в руках начали движение в сторону камня. Но не успели мы сделать первые шаги, как гебисты приступили к своей работе – срывали с нас кипы, а с венков – траурные ленты с надписями в память жертв геноцида. Старание, с которым они все это проделывали, свидетельствовало, что они выполняют строгое указание – не пропустить! Так мы приблизились к мемориальному камню, Все, что было на нас и в наших руках, так или иначе связанное с памятью жертв геноцида, было сорвано, выброшено, растоптано… Потрясенные стояли мы на пустыре... Но удостоились и воздаяния. Киевские евреи, которые по неписанной традиции поодиночке и группами приходили сюда в дни поминовения, с восхищением, хотя и безмолвно, смотрели на нас. Было очевидно, что многие опасались открыто выражать свои чувства, но были среди них и те, кто подходили к нам, приветствовали.

Это посещение места еврейской трагедии было одним из эпизодов борьбы активистов за право евреев чтить память мучеников Холокоста. Через несколько лет, когда я опять приехал в Бабий Яр, здесь уже был памятник, но власти вновь не позволили группе евреев возложить венок еврейским жертвам нацизма. Нас «взяли» прямо при выходе из дома одного из киевских отказников, всю группу с венком, который мы привезли из Москвы, чтобы возложить к памятнику в Бабьем Яре.

Заключение

Нельзя избежать вопроса, почему в СССР, стране, где широко освещалась тема о злодеяниях фашистов, где память погибших в войне была священной, евреям было отказано в праве знать и чтить память своих жертв геноцида – 6 миллионов мучеников Холокоста. Смертельные враги еврейского народа, те, кто устроил Холокост, не скрывали, что они также враги и русского народа и всего многонационального советского государства.

В самом деле почему была запрещена сама память еврейских жертв фашизма? В свете всего сказанного вопрос звучит почти риторически. Тема Холокоста была запретной всегда при всех режимах, это всегда была «антисоветская», «сионистская», «националистическая» пропаганда. При всех режимах. В жестокие годы репрессий Сталина и в «либеральные» времена после его смерти. Хрущева. На процессе ЕАК в 1952 г. поэту Маркишу предъявляли как улику то что в своих стихах он выражал скорбь о е-в-р-е-й-с-к-и-х жертвах Гитлера. Советский суд приговорил поэта к смерти за еврейский «национализм».

В 1961 г. в правление Хрущева молодой поэт, нееврей, в своем прочувствованном стихотворении о Бабьем Яре высказал свое сочувствие народу-мученику:

…И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных.

И глава государства, первый секретарь ЦК КПСС,,отложив срочные государственные дела, нашел время, чтобы выступить с порицанием поэту, *потерявшему политическую бдительность*. Уже после «разоблачения» культа личности Сталина, но тот же язык, те же *политические ошибки* во всем, что касается евреев и их национальной трагедии. И это спустя лишь насколько лет после торжественного объявления, что партия вернулась к «ленинским принципам» руководства страной.

Отношение советской власти к памяти Катастрофы еврейского народа, молчание о Холокосте бросает дополнительный, и очень резкий свет на политику насильственной ассимиляции евреев посредством «национально-культурного геноцида», лишения евреев доступа к основам своей национальной культуры и истории. Последнее включало и память о 6 000 000 жертв гитлеровского геноцида. Это была политика, цель которой национальная духовная деградация миллионов советских евреев в СССР, полное выхолащивание национального самосознания что могло иметь своим результатом лишь одно – ликвидация еврейской национальной общности (еврейского народа).

Bortnik Ruslan
President of the Ukrainian Institute
of Analysis and Management of Policy
(Ukraine)
Руслан Бортник
директор Украинского Института
анализа и менеджмента политики

„PROBLEMS OF XENOPHOBIA AND TOLERANCE IN UKRAINE“

Due to its administrative weaknesses, the war in the West, and corruption, the Ukrainian government cannot ensure a functioning system for countering right-wing and neo-Nazi manifestations. Moreover, we must acknowledge the lack of any systematic state policy in this sphere, despite numerous political statements to the contrary. This vacuum of public policy has been gradually filled by right-wing radicals, with some of their proposals being integrated into power. A law was passed in this manner, giving “legal status to and respect for the memory of those who fought for the independence of Ukraine in the 20th century.” This law glorified members of right-wing and far-right militarist organizations who collaborated with the Nazi regime and fought against the countries of the anti-Hitler coalition. This change in government policy led to an increase in the number of acts of vandalism and attacks by representatives of these groups, the serious intensification of hate crimes, and the spreading of hate speech. In 2015, human rights activists recorded a minimum of 19 people harmed (1 killed) and 41 acts of vandalism as a result of violence based on racial and ethnic hatred; this is the highest number of recorded acts of anti-Semitic vandalism in comparison with 23 recorded cases in previous years. A crisis in public opinion is also noted. We can note the systematic

adoption by the Ukrainian government of a right-wing, and sometimes far-right ideology, as state policy, merging government and right-wing, radical organizations in humanitarian policy.

«ПРОБЛЕМЫ КСЕНОФОБИИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В УКРАИНЕ»

«От революционного радикализма до огосударствления национализма: украинский контекст» За период 2014-2017 гг.. Украина пережила бурную и болезненную социально-политическую трансформацию, усугубленную насильственной сменной власти, войной на Донбассе и потерей Крыма. Последствием и выражение этой трансформации стало существенное изменение принципов функционирования органов власти, правового и гуманитарного поля страны. В 2014 году принятыми в законодательство изменения фактически дискредитировавшие и заблокировавшие действия Закона Украины «Об основах государственной языковой политики», устанавливающий возможность использования на региональном уровне 17 языков меньшинств в том числе и русского, немецкого, идиш. В апреле 2015 года в Украине вступил в силу закон (принятый парламентом и подписанный Президентом П. Порошенко) «О правовом статусе и почтении памяти борцов за независимость Украины в XX столетии», которым были героизированы участники правых и праворадикальных милитаристских организаций, многие из которых сотрудничали коллективно или индивидуально с нацистским режимом, воевали против стран антигитлеровской коалиции. При этом даже диалог по этому вопросу стал невозможен. Поскольку, в соответствии с нормами закона, публичное отрицание факта правомерности борьбы за независимость Украины в XX веке признается надругательством над памятью борцов за независимость Украины в XX веке, считается унижением достоинства Украинского народа и является противоправным и карается по номам уголовного законодательства. За этот период в Украине участились нападения на СМИ, расправы с журналистами и оппозиционными лидерами мнения, преследования даже за сообщения в интернете, запугивание со стороны радикалов рядовых граждан. Более того, в Украине был отменен Закон «Об увековечении памяти Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1944 гг.»,

которым устанавливались дополнительные политические, юридические и социальные гарантии чествования бойцов Красной Армии, охраны памятников и мемориальных мест. В 2015 году правозащитник зафиксировали как минимум 19 пострадавших (1 убит) и 41 акт вандализма в результате насилия на почве расовой и национальной ненависти в 2015 году 1; отмечено наибольшее количество, по сравнению с предыдущими годами, актов антисемитского вандализма — 23 зафиксированных случая 2. в 2016 году статистика преступлений против меньшинств: 83 нападения, 19 случаев вандализма, 9 случаев публичного проявления вражды отмечаются и кризисные явления в общественном мнении. Так, по результатам социологического опроса компании ГФК Юкрейн 3 проведенного по заказу Министерства молодежи и спорта Украины в 2015 году среди молодежи, 54% опрошенных не хотели бы жить рядом с рома, 45% – с представителями нетрадиционной сексуальной ориентации, 33% – с больными на вирус иммунодефицита, 19% – с мусульманами, 12% – с русскими, 10% – с иностранными работниками, 9% – с евреями, 7% – с переселенцами. В тоже время совокупный рейтинг праворадикальных партий и групп вырос с 9,6% до 11,4%. Рост популярности праворадикальных сил, укрепление их финансового положения ожидаем, и объясняется продолжающимися боевыми действиями на Донбассе и ухудшением социально-экономической ситуации в стране. В случае ухудшения ситуации в стране, помимо «Свободы», движения Д. Ярош а и Правый сектор будут иметь реальные парламентские перспективы. Если же они смогут объединиться, они станут угрозой власти не только в традиционно силовой форме, но и в общественно-политической тоже. Если в 2014 правые радикалы получили социальную легитимацию из-за противостояния во время Майдана и войны на Донбассе, то в 2015-2017 они активно интегрировались в органы власти, силовые структуры, на политическом уровне, характерная им риторика стала доминировать в политическом дискурсе даже традиционных украинских политических партий. Фактически можем отметить систематическое принятие украинским государством правой, а иногда и праворадикальной идеологии, в качестве государственной политики; сращивание государства и организаций правого, праворадикального толка в гуманитарной политике.

Bulgakova Vladyslava
Student of H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University (Ukraine)

Булгакова Владислава
студентка исторического факультета V курса ХНПУ имени Г.С. Сковороды

STATUS OF UKRAINIAN "OSTERBAITERS" IN THE SYSTEM OF FORCED LAB IN NAZI GERMANY

World War II was a very difficult period in the history of Ukraine as well as in the other countries involved in this conflict.

During World War II, about 2.4 million workers were forcefully deported from Ukraine to Germany. It is well-known that the legal status and situation of a foreign worker in Nazi Germany depended directly on nationality, as well as on the relationship of the Reich with the native country of the foreign worker. According to Nazi Germany's racial criteria, European countries were separated into the "German" countries of the northwest and the friendly countries of the southwest and west. Poland and the Soviet Union had colonial status and were to be gradually filled with the German population and "germanized." The populace of these territories was to become a "servant nation" to use in the interests of Germany, or to be significantly reduced and eventually eradicated.

Initially, Germany didn't have the goal of drawing labor from the Soviet Union; however, reasons for this arose, and this became one of their main objectives (except for the "final solution to the Jewish question").

Many "ostarbeiters" were subjected to genocide. Their lives completely depended on the German government and executors.

Булгакова Владислава

ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНСКИХ «ОСТАРБАЙТЕРОВ» В СИСТЕМЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

В период Второй мировой войны в Германию из Украины принудительно было депортировано около 2,4 млн работников. Как известно, правовой статус иноземного работника в нацистской Германии и его положение напрямую зависело от национальности, а так же от отношений Райха с той страной, откуда был по происхождению иноземный работник. Согласно расистским критериям, европейские страны делились на «германские» страны Северо-Запада и дружественные страны Юго-Запада, Юга. Польша и Советский Союз имели колониальный статус, и должны были постепенно наполняться немецким населением и «германизироваться», а, соответственно, население этих территорий, как «нацию слуг», необходимо было использовать в интересах Германии или значительно сократить, и постепенно в конечном итоге искоренить.

Одной из самых массовых акций пропагандистского характера выделяют мероприятия, которые были направлены на агитацию рабочих в Германию. Начиная с первых месяцев войны на промышленных предприятиях и полях Райха остро стал вопрос нехватки рабочей силы. В ноябре 1941 года Г. Геринг выдал директиву «Об использовании российской рабочей силы». Имелось ввиду всё советское население, в том числе и украинцы. Геринг писал: «Россияне подтвердили свою работоспособность, построив огромные производства. Сегодня их работоспособность должна послужить на благо Райха. Количество рабочей силы из России зависит от наших потребностей. Рабочих из других стран, которые мало производят и много едят, нужно выселять из Райха, заменяя их россиянами».

Этнические украинцы в нацистской Германии относились к разным категориям иноземных работников и, соответственно, условия их жизни и работы некоторым образом отличались. Украинцы из Галичины, бывших земель Австро-Венгерской империи, которые до 1939 года не входили в состав Советского Союза, имели положение чужестранцев, к которым немецкое население относилось сносно, что было обусловлено наличием некоторых формальных «привиле-

гий» относительно польских и советских рабочих: свободно, без сопровождения охраны передвигаться в пределах населённого пункта, не носить распознавательные знаки на верхней одежде, вести переписки с родственниками без ограничений и без цензуры, получать помощь общественных организаций, возможность удовлетворения духовных потребностей, условия проживания и питания на порядок выше. За ними закреплялось и самоназвание «украинцы». Украинцы из Советской Украины, в независимости от того, поехали они в Германию добровольно или принудительно, входили в категорию «советских работников». Они составляли наиболее массовую и в то же время наиболее безправную группу среди иностранных работников.

Однако известно, что накануне нападения на Советский Союз нацистское руководство было против использования в промышленности Германии рабочей силы из оккупированных территорий (в том числе и из Украины). Только срыв планов «молниеносной войны» осенью 1941 года и необходимость вести затяжную позиционную войну заставили нацистское правительство пойти на использование рабочей силы из Советского Союза. Указ, подготовленный специальным департаментом иноземцев Главного управления имперской безопасности, который появился 20 февраля 1942 года, определял универсальный распорядок жизни работников, поступивших из Советского Союза. Так же было решено, что российские работники должны содержаться в Райхе как гражданские пленные под охраной в лагерях, и вербоваться и доставляться из России в Райх принудительно. Согласно программе трудоиспользования руководителя департамента иностранцев Б. Баатца, рабочая сила из Советского союза должна была около недели «фильтроваться и проверяться» в пересыльных лагерях, формироваться в трудовые колоны соответственно их профессиональной принадлежности. Выполнять свои «обязанности» работники должны были в изолированных рабочих группах. Каждый советский гражданский рабочий должен был носить опознавательный знак (голубой прямоугольник с белыми буквами «OST»), который означал – «восточный рабочий» (нем. ostarbeiter), то есть «россиянин», который до начала войны жил в Советском Союзе. Со временем всех рабочих из СССР, не зависимо от национальности, начали называть «остарбайтерами».

Следовательно, можно сделать некоторые выводы. Политика руководства нацистского Райха касаемо восточных рабочих, военно-

пленных украинского происхождения, не была одинаковой в период с 1941 по 1945 года. Она изменяется от лояльной агитации и пропаганды в первые месяцы после начала войны, до открытого геноцида, который имел проявление на рубеже 1941 – 1942 годов.

Некоторые изменения в пропагандистском аспекте восточной политики произошли после катастрофы немецкой армии под Сталинградом. Действительная политика касаемо военнопленных и восточных рабочих украинского происхождения фактически не изменилась. Украинцы, находясь в концентрационных лагерях не имели прав даже на самоидентификацию.

В 1945 году был создан Комитет освобождения народов России, в состав которого входил Украинский национальный совет (Ю. Музыченко, Ф. Богатырчук). В составе КОНР было создано гражданское управление, основной задачей которого было предоставление помощи восточным рабочим. Возглавил его генерал Д. Закутный. Не смотря на то, что эта организация работала в очень сложных условиях, им всё же удалось добиться определённых успехов. В последствии проведения переговоров с немцами, 26 января 1945 г., вышел циркуляр райхсфюрера СС Г. Гимлера, который мог существенно изменить условия жизни остарбайтеров. В нём предусматривалось прекращение террора начальников лагерей, запрещены телесные наказания и другие виды физического давления. В питании «остовцев» уравняли со «второй категорией» иноземных рабочих (французами, голландцами, бельгийцами). Однако это распоряжение имело символический характер.

Только за несколько недель до капитуляции Германии при поддержке А. Розенберга было создано Украинский национальный комитет, который должен был защитить украинских граждан в Германии.

Carter Alex
Teesside University (UK)

„INTERACTIVE ESCALATION BETWEEN THE FAR-RIGHT AND ISLAMIC EXTREMISTS: POSSIBLE FUTURE DEVELOPMENTS“

„In 2006, the political scientist Roger Eatwell introduced the concept of 'cumulative extremism' (CE) to explain 'the way in which one form of extremism can feed off and magnify other forms'. Since then, the idea has gained wider currency amongst academics, journalists and policy-makers, with the relationship between far-right groups and Islamic extremists taking centre stage. While several studies have recently suggested that the contest between Islamists and right wing extremists is already de-escalating, several developments across Europe, such as a series of Islamist terrorist attacks and the growing influence of the far-right on mainstream politics, have served to undermine this perspective. This paper will draw on comparative research conducted into the development of processes of CE to assess what factors would likely need to shift, and in what ways, in order for the likelihood to increase of interactions between the far-right and Islamists escalating.“

Dr. Charny Semen
Ch. of the Board, Institute for Study of Ethnic policy and Interethnic relations (Russia)

„XENOPHOBIA IN RUSSIA, 2016/FIRST 6 MONTHS OF 2017 – NUMBERS AND TENDENCIES“

Despite the active use of anti-xenophobic rhetoric by the leadership of Russia, a phenomenon which the author shall call "permissible xenophobia" exists, which is directed at certain minorities (national, religious, sexual, etc.). In recent years, we have observed regular testing of the boundaries of what is acceptable in this area, sometimes leading to the expansion of the sphere of "permissibility," but more often leading to scandal.

Профессор Иосиф Дискин
Комитет по гармонизации межэтнических и межнациональных отношений Общественной палаты Российской Федерации

МАКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОГО РАДИКАЛИЗМА

В Докладе предлагается теоретическое объяснение радикализации позиций отдельных индивидуумов, слоев и групп населения в ходе макросоциальных процессов трансформации. Социальная трансформация, связанная с индивидуализацией, с поиском новых идентичностей, зачастую приводит к рассогласованию ценностей и социально-экономических интересов. Аффектированное восприятие новых религиозных и этнических ценностей при блокировке рефлексии социально-экономических интересов становится значимым фактором современного радикализма.

Анализ большинства аналитических материалов, посвященных современному радикализму, имеет своей целью не столько объяснение соответствующих процессов, сколько их нормативную оценку, исходя из неких универсальных (на деле либеральных) ценностей. Подход, не объясняющий природу социального явления, вряд ли способен выработать эффективные рекомендации по борьбе с этническим и религиозным экстремизмом.

При анализе предпосылок современного радикализма практически игнорируются его макросоциальные предпосылки. Это, в первую очередь, связано с тем, что «политкорректный» анализ избегает обращения к «большим» теориям. Такое обращение (при его корректном

использовании) неизбежно приведет к подрыву большинства «либеральных» аксиом о существовании нормативных «общечеловеческих ценностей».

Анализ научных и аналитических материалов показывает, что в их основе (явно или неявно) лежит «веберианская» модель социальной трансформации. Эта «универсальная» модель предполагает, что в результате распада традиционных обществ формируется массовая модель социального действия, основанная на индивидуализации и рационализации, на усвоении универсальных ценностей, которые выступаю основным социальным регулятором. В результате формируются макросоциальные предпосылки индивидуального рационального выбора – фундамента конкурентного рынка и либеральной демократии.

Предположение об универсальности этой модели позволяет рассматривать демократию в качестве естественного результата процессов социализации и социальной интеграции, непосредственно встроенных в эту модель трансформации. Именно такой взгляд лежит в основе доктрины разрушения «авторитарных» режимов. В их результате освобождения индивида от «оков», неизбежно свободное формирование нового порядка, основанного на универсальных ценностях свободы и демократии.

Последствия разного рода гуманитарных интервенций и «цветных» революций, а также теоретический анализ процессов социальной трансформации, убедительно показали, что «веберианская» модель социальной трансформации не является универсальной. Целый ряд условий приводит к отклонениям, к «вырожденным» процессам. Зачастую их результатом становится «безличностный индивидуализм» (Б. Капустин), когда индивидуализация оказывается не связанной ни с рациональной рефлексией собственных интересов, ни с усвоением универсальных ценностей в качестве реальных регуляторов социальной жизни.

Распад традиционного общества, прежних связей и общностей ведет к поискам новых идентичностей, прежде всего, этнических и религиозных. Эти новые идентичности воспринимаются в качестве ответа на смысложизненные проблемы. В ряде случаев идет аффектированная интериоризация таких ценностей, которая блокирует рациональный анализ, как собственных интересов, так реальных условий достижения целей, основанных на вновь усвоенных ценностях.

Важным условием складывания «вырожденной» модели является отношение «либеральных» ценностей и их авторитетных носителей к общностям, формируемым на основе этнических и религиозных идентичностей. Примитивные «секулярные» попытки отвергнуть или элиминировать соответствующие системы этнических и религиозных ценностей из общественного дискурса ведут к жесткому ценностному конфликту, не имеющего решения в рамках общественного диалога, к радикализации обеих сторон.

Не является приемлемым решением и политика мультикультурализма, ориентированная на отказ от социальной интеграции групп и индивидов, формируемых, как в реальном, так и виртуальном (в Сети) социальном пространстве, основанных на аффектированной этнической и религиозной идентичности. Как показывает опыт, мультикультурализм ведет к транзиту контркультурных процессов в политическое пространство, к формированию политических движений экстремистской направленности. Попытки же диалога по поводу ценностей первого порядка, зачастую смысложизненным ценностям, также ведут лишь к «культурным войнам».

В таких локальных пространствах зачастую группируются индивиды с установками на ценностное противостояние со всем внешним окружением. К этому добавляется специфический стиль общения в Сети и в локальных группах, нагнетающий экспрессию выражений, культивирующий язык вражды и ненависти. В результате складывания контркультурных анклавов формируются питательная среда экстремизма, как на уровне экстремистских политических групп, так и на уровне индивидов – потенциальных рекрутов экстремистских и даже террористических групп.

Подобное теоретическое понимание открывает дорогу к выработке стратегии борьбы с современными экстремистскими движениями. Ее фокус – разрушении питательной среды экстремизма: усиление процессов социализации, социальной интеграции, горизонтального социального контроля; преодоление разрывов между структурой актуальных ценностной с одной стороны, и реальными социально-экономическими интересами индивидов и групп, с другой. Осознания реальных условий воплощения своих высоко значимых ценностей – необходимое условие успеха.

Prof. Iosef Diskin
Commission of Harmonization
of Internethnic and Interreligious
Relations of the Public Chamber
or Russian Federation

THE MACROSOCIAL BACKGROUND OF MODERN RADICALISM

The report proposes a theoretical explanation of the processes of radicalization of the positions of the individuals and groups of the population on the influence of processes of macro-social transformation. This process of social transformation related to the individualization, finding new identities, in nova day's conditions is following to misalignment between values and socio-economic interests of the social subjects. The affecting perception of religious and ethical values in framework of blocking reflection of socio-economic interests becomes the significant factor of modern radicalism.

The study of most analytical surveys on modern radicalism aims not so much at explaining the relevant processes as at their normative evaluation on the basis of some universal (in fact liberal) values. The approach that gives no explanation to the nature of a social phenomenon is hardly able to work out strong recommendations to fight ethnic and religious extremism.

When analyzing background for modern radicalism the macrosocial background mostly remains ignored. It is primarily explained by the fact, that 'politically correct' analysis avoids addressing the 'big' theories. The address, when properly used, will inevitably lead to the erosion of most 'liberal' axioms of the existence of normative 'universal human values'.

The study of scientific and analytical findings indicates that they are based (explicitly or implicitly) on the 'Weberian' model of social change. This 'universal' model assumes, that the decomposition of traditional societies results in the development of a mass model of social activity, based on individualization and rationalization, adoption of universal values serving as a key social regulator. The macrosocial background for an individual rational choice – foundation for a competitive market and liberal democracy – is formed as a result.

Assumptions about the model flexibility allow us to consider democracy as a consequence of socialization and social integration processes, incorporated into this model of change. This very view underlies the doctrine of 'authoritarian' regimes destruction. As a result, with individual's getting rid of 'bonds', free formation of a new order, based on universal values of liberty and democracy, is inevitable.

Consequences of various humanitarian interventions and 'color' revolutions as well as theoretical study of processes of social change strongly indicate that the 'Weberian' model of social change is not universal. A wide range of conditions brings about decline and 'degeneration'. They are frequently resulted in 'impersonal individualism' (B.Kapustin), when the individualization appears to be related neither to rational reflection of self-interest, nor to adoption of universal values as real regulators of social life.

The decomposition of traditional society, long-standing links and communities leads to the search of new identities, particularly ethnic and religious ones. These new identities are regarded as a response to life-purpose problems. In some cases an affected interiorization of values takes place, which blocks rational analysis of self-interest as well as real conditions for achievement of objectives, based on newly-adopted values.

An important condition for the 'degeneration' model is the relation of 'liberal values' and their authoritative bearers to the communities formed on the basis of ethnic and religious identities. Primitive 'secular' attempts to reject or eliminate respective systems of ethnic and religious values from public discourse lead to a sharp value conflict, which can't be solved within social dialogue, and radicalization of both sides.

Implementation of the multiculturalism policy, oriented towards rejection of social integration of groups and individuals, formed both in the real and virtual (Web) social spaces, based on the affected ethnic and religious identity, is not an acceptable solution as well. As experience confirms, multiculturalism brings about the transit of countercultural processes into

political space, fosters the formation of extremist political movements. The efforts to hold dialogue on the first order values, life-purpose values, also lead to 'culture wars'.

Such local spaces encourage individuals with installations on value confrontation with the external environment to form groups. In addition, there is a specific style of communication in the Internet and local groups, forcing expressions and cultivating the language of hate. Countercultural enclaves provide the breeding ground for extremism at the level of both extremist political groups and individuals – potential recruiters of extremist and even terrorist groups.

The theoretic understanding enables us to work out a strategy to fight modern extremist movements. It should focus on the devastation of the breeding ground for extremism, meaning the strengthening of processes of socialization, social integration, horizontal social control, and bridging the gap between the structure of relevant values, on the one hand, and the existing socio-economic interests of individuals and groups, on the other hand. The awareness of real conditions for the implementation of one's own highly significant values is essential to achieve success.

Djakova Jelena

Дьякова Елена
(Харьков, Украина)

ANTISEMITIC PROPAGANDA IN NEWSPAPER "NOVA UKRAINA"

АНТИСЕМИТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА СТРАНИЦАХ ХАРЬКОВСКОЙ ГАЗЕТЫ «НОВА УКРАЇНА»

Во время Второй мировой войны происходило массовой физическое уничтожение евреев, известное в истории как Холокост. Но гитлеровцы не только физически истребляли людей по национальному признаку, но и проводили активную актисемитскую политику. Последнее происходило прежде всего в прессе.

Целью данной статьи является анализ юдофобской пропаганды, которая велась на страницах харьковской газеты «Нова Україна».

«Нова Україна» - ежедневная газета, издававшаяся с декабря 1941 г. по февраль 1943 г. Харьковской городской управой. После первого освобождения города 16 февраля 1943 г. издательство было перенесено в Полтаву, где газета публиковалась с конца марта до середины сентября 1943 г. В ней печатались статьи на злободневные, экономические, исторические и и др. темы [1, с. 251]. Эта газета имела не толь-

ко антисоветский, но и откровенно ксенофобский, и прежде всего антисемитский характер.

Еврейская тема красной нитью проходила через все номера «Нової України». В каждой газете говорилось о евреях. Самыми популярными выражениями были «жид», «жидо-большевики»/«жидо-большевистский режим». Вскоре к этим терминам добавились следующие: «интернациональное жидовство», «жидо-московский империализм», «жидовско-англосакские заговорщики», «английская и американская жидовня» и др. Появление последних формулировок связано с тем, что Англия и США решили помочь Советскому Союзу в войне с гитлеровской Германией.

Юдофобством пестрели и многие заголовки статей: «Жиды под большевиками»[1] (13.01.1942), «Вся Палестина жидам» (14.02.1942), «Жиды – главнейший враг человечества» (17.01.1942), «Социальное неравенство в жидовско-большевистском царстве» (15.7.1942), «Жиды завоевывают мир» (19.7.1942)

Анализируя статьи на обозначенную тему, можно разделить на три группы: на международную, местную злободневную и историческую темы.

Международная проблематика представлена как перепечатками из немецкой прессы, так и публикациями местных авторов.

Среди перепечаток представлены выступления А. Гитлера, Й. Геббельса, других политических деятелей и журналистов.

В новогоднем выступлении А. Гитлера вина за развязывание Второй мировой войны возлагается на Англию и Францию, которые 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии [2].

А в статье «Жиды виноваты» [3] рейхминистр Й. Геббельс напрямую обвиняет в развязывании военного конфликта евреев. Рейхминистр утверждает, что они «хотели своей войны и они ее получили». В этой публикации автор также обосновал необходимость обязательного ношения евреями «звезды Давида» на видном месте. Его сильно удивило, что, несмотря на все принятые меры, в Берлине оставалось много представителей этой национальности. Но еще больше его возмутило отношение некоторых немцев к евреям – не все берлинцы проявляли к ним ненависть.

29 июля 1942 г. была перепечатана статья генерал-лейтенант Шиодена «Япония и жидовство». В своей статьей ярый борец с еврей-

1 Далее перевод заголовков и цитат из статей авторский.

ством и масонами в Японии заявляет о попытке евреев укрепиться в этой стране и их неудачи в этом деле. И чтобы этого не случилось, японское правительство будет тесно сотрудничать с немцами, чтобы «уничтожить жидовскую опасность для мира в будущем духовно, т.к. внешние способы жидовской силы уничтожаются в этой войне» [4].

Именно борьба с капитализмом, большевизмом и евреями заставила гитлеровскую Германию начать войну по сути со всем миром. Гитлеровские пропагандисты считали, что только Великая Германия сможет сделать Европу Великой. Пауль Штайнфурт утверждал, что между этими двумя понятиями – Великая Германия и Великая Европа – существует причинно-следственная связь. По его мнению только благодаря Великой Германии Европа станет более могущественной [5].

Не менее ксенофобскими были и статьи харьковских журналистов. Петр Сагайдачный 14 января 1942 г. в передовой статье, описывая победы гитлеровцев на театре военных действий, отмечал, что «два, казалось враждебных и взаимопротивоположных друг другу мира, капиталистическо-плутократичный и коммунистическо-большевистский, но руководимые из-за кулис одними и теми же расовыми интернационально-жидовскими руками, нашли общий язык и объединились для достижения общей, как оказалось, цели: уничтожению носителей идеи устройства в Европе» [6].

Не менее антисемитскими были статьи, которые касались жизни в Харькове во время оккупации. Гитлеровцы и их пособники пытались восстановить городское хозяйство. Поэтому эта тема занимала центральное место в «Новій Україні». Прежде всего в публикациях по данному вопросу делался упор на то, что, покидая город, партийное руководство, в котором было много евреев, разрушили производственную инфраструктуру, вывезли оборудование, и оставили в тяжелом положении оставшихся в городе мирных людей [7].

Один из журналистов – Д. Личман – указывает, что харьковцы вместо того, чтобы сохранить оставшееся, уничтожают оставшееся, тащат домой деревянные доски, стекло, инструменты и т.п. Правда, в этом случае автор не обвиняет евреев, понимая, что такое поведение зависит от воспитания и естества каждого отдельного человека независимо от его национальности [8].

Стремясь показать позитивность гитлеровского «нового порядка», К. Кондратенко в статье «На степном хуторе» описывает жизнь в

небольшом общественном дворе (каком – не указано): «В сарае сосредоточенно работают молодые женщины, старательно очищая семена проса. В кузнеце готовят весеннему севу сельскохозяйственный инструмент общественного хозяйства. Освобожденные из жидо-большевистской неволи крестьяне хутора старательно работают, прикладывая много энергии, чтобы хорошо подготовленными встретить первую свободную весну» [9].

Журналист Виктор Царинник поднял проблему культурного строительства в Украине [10]. В своей статье автор говорит о вступлении украинского народа «в широкий круг европейских народов». А поэтому украинцы должны знать достижения Германии в области науки и культуры, изучать европейские языки, особенно язык немецкого народа, который освободил Украину из московской неволи» [10]. Упоминаемый уже П. Сагайдачный, продолжая тему культурного строительства в Украине, обвиняет в разрушении этой культуры «жидо-большевистскую московско-коммунистическую систему». При этом автор отмечает, что этот режим всюду в Украине сеял «грусть, печать и смерть» [11].

Конечно, на фоне происходивших массовых убийств такие заявления выглядят кощунственными.

Статьи на исторические темы тоже не обходили стороной вопрос негативного влияния евреев на жизнь в Украине. Обозначая географические границы государства, которые в этнографическом плане выходили далеко за существовавшие рамки причем не только на востоке, но и на западе [12, 13]. При этом авторы отмечали, что именно Украина является границей между Европой и Азией (понимая под этим цивилизационный, а не естественный кордон). И среди многих перечисленных народов, посягавших на земли Украины, были названы, конечно же, евреи. При этом они объявлялись самым главным и вечным врагом украинце. Объяснялось это тем, что именно «рыжий жид», как негативный персонаж, представлен даже в народном фольклоре [14].

Интересной для изучения отношений к евреям является статья «Роль жидовства в хозяйственной жизни Украины». В ней автор под криптонимами «М.Д.», инкриминирует евреям том, что они не допускали украинцев в различные сферы промышленности и торговли. Автор считает, что евреи сыграли отрицательную роль в развитии народного хозяйства, придя сюда в X-XI вв., и уже с этого времени

тормозили развитие украинской национальной экономики [15].

Большое количество статей на историческую тему посвящено советскому периоду. Определяя существовавший тогда в СССР общественный строй, как «жидо-большевистский режим», редколлегия газеты и журналисты заявляли, что представители других национальностей были просто «лакеями», пляшущими под «еврейскую дудку». По утверждениям авторов статей евреи в это время занимали ключевые посты в НКВД (и именно они были самыми жестокими палачами), суде, армии, торговле, на железной дороге и т.д. И даже в музыке евреи «высасывали из нашего (т.е. украинского народа – Е.Д.) все его соки, на корню рубили жизненные его силы» [16]. И в других сферах жизни евреи вредили только украинцам. В армии, например, во время военных сборов по халатности евреев-комиссаров гибли только крестьяне-украинцы [17].

Две статьи посвящены двум крупным политическим деятелям Советского Союза – наркому иностранных дел М.М. Литвинову и первому секретарю ЦК КП(б)У Л.М. Кагановичу [18, 19], которые, по словам авторов статей, очень хитры и работают не только на советский режим, но и являются оружием в руках мирового еврейства.

Таким образом, проанализировав публикации в харьковской газете «Нова Україна», можно констатировать, что немецкое правительство и их пособники в лице украинских коллаборационистов не только физически уничтожали евреев, но и вели активную антисемитскую политику, обвиняя евреев не только во всем несчастьях украинского народа и всего человечества, но даже в развязывании Второй мировой войны.

Список использованной литературы:

Харківщина: енциклопед. слов. / Харк. Облрада; Харків. Облдержадмін.; ред. рада : С.І. Чернов, В.С. Бакіров, М.І. Тітов та ін.; редкол. С.І. Посохов (голова), К.В. Астахова, С.М. Куделко та ін. – Харків: Золоті сторінки, 2014. – 440 с. [Харьковщина: энциклопед.слов. / Харьк. Облсовет; Харьков. Облгорадмин.; ред.совет: С.И. Чернов, В.С. Бакиров, М.И. Титтов и др.; редкол. С.И. Посохов (председатель), Е.В. Астахова, С.И. Куделко и др. – Харьков: Золотые страницы, 2014. – 440 с.]

Новорічна відозва Адольфа Гітлера до німецького народу: Бать-

ківщина ніколи не зможе винагородити своїх синів за те, що вони зробили для неї! // Нова Україна. 1942. 1 січня. [Новогоднее обращение Адольфа Гитлера к немецкому народу: Родина никогда не сможет вознаградить своих сыновей за то, что они сделали для нее! // Новая Украина. 1942. 1 января.]

Геббельс Й. Жиди винні / Райхміністер д-р Й. Геббельс // Нова Україна. 1941. 28 грудня. [Геббельс Й. Жиды виноваты / Райхминистр д-р Й. Геббельс // Новая Украина. 1941. 28 декабря.]

Шіоден. Японія і жидівство / генерал-лейтенант Шіоден // Нова Україна. 1942. 29 липня. [Шиоден. Япония и жидовство / генерал-лейтенант Шиоден // Новая Украина. 1942. 29 июля.]

Штайнфурт П. Велика Німеччина – Велика Європа / Пауль Штайнфурт // Нова Україна. 1941. 30 грудня. [Штайнфурт П. Великая Германия – Великая Европа / Пауль Штайнфурт // Новая Украина. 1941. 30 декабря.]

Сагайдачний П. 1942 / Петро Сагайдачний // Нова Україна. 1942. 14 січня. [Сагайдачный П. 1942 / Петр Сагайдачный // Новая Украина. 1942. 14 января.]

Олійник І. З недавніх днів ПАССІРШАЙН / Іван Олійник// Нова Україна. 1942. 18 січня. [Олейник И. Из недавних дней ПАССЕРШАЙН / Иван Олейник // Новая Украина. 1942. 18 января.]

Личман Д. **Берегти міське господарство / Д. Личман //** Нова Україна. 1942. 16 січня. [Личман Д. Беречь городское хозяйство / Д. Личман // Новая Украина. 1942. 16 января.]

Кондратенко К. На степовому хуторі / Кондратенко К. // Нова Україна. 1942. 25 січня. [Кондратенко К. В степном хуторе / Кондратенко К. // Новая Украина. 1942. 25 января.]

Царинник В. Завдання культурного будівництва / Віктор Царинник // Нова Україна. 1942. 17 січня. [Царинник В. Задачи культурного строительства / Виктор Царинник // Новая Украина. 1942. 17 января.]

Сагайдачний П. Ми не забули! / Петро Сагайдачний // Нова Україна. 1942. 18 січня. [Сагайдачный П. Мы не забыли! / Петр Сагайдачный // Новая Украина. 1942. 18 января.]

Зайпп Г. Київ – бастіон Европи проти Азії / Гунтер Зайпп // Нова Україна. 1942. 3 лютого. [Зайпп Г. Киев – бастион Европы против Азии / Гунтер Зайпп // Новая Украина. 1942. 3 февраля.]

Наш простір // Нова Україна. 1942. 7 березня. [Наше пространство // Новая Украина. 1942. 7 марта.]

Дубина К. Одвічний ворог українського народу / К. Дубина // Нова Україна. 1942. 15 лютого. [Дубина К. Вечный враг украинского народа / К. Дубина // Новая Украина. 1942. 15 февраля.]

М.Д. Роля жидівства в господарському житті України: До революції 1917 року // Нова Україна. 1943. 1 вересня. [М.Д. Роль жидовства в хозяй1ственной жизни Украины: До революции 1917 года // Новая Украина. 1943. 1 сентября.]

Костенко В. Українська музична культура / проф. Валентин Костенко // Нова Україна. 1941. 24 грудня. [Костенко В. Украинская музыкальная культура / проф. Валентин Костенко // Новая Украина. 1941. 24 декабря.]

Чому гинули українці-перемінники?: Про територіально-міліційну систему Червоної Армії // Нова Україна. 1942. 4 липня. [Почему гибли украинцы-переменники?: О территориально-милицейской системе Красной Армии // Новая Украина. 1942. 4 июля.]

Зейман Х. Вічний жид – Літвінов-Фінкельштейн / Хорст Зейман // Нова Україна. 1942. 28 січня. [Зейман Х. Вечный жид – Литвинов-Финкельштейн / Хорст Зейман // Новая Украина. 1942. 28 января.]

Лазар Мойсеєвич Великий // Нова Україна. 1943. 8 серпня. [Лазарь Моисеевич Великий // Новая Украина. 1942. 8 августа.]

Du Vall Katarzyna
Centre for Holocaust Studies at the
Jagiellonian University Kraków, Poland

BETWEEN LAW AND REALITY: COMBATING HATE CRIMES IN POLAND

"We love freedom. We hate racism. But what do we do when these values clash?"[1] An answer to this question seems to be one of key issues of liberal democracy.

Our starting point should be what the European Court of Human Rights underlines, namely that "freedom of expression (external manifestation or *forum externum*) is not an absolute right."[2] Undoubtedly, freedom of expression is one of the preconditions for political pluralism. Consequently, there is certainly a need for its effective legal protection. Simultaneously, law sets the boundaries of what is meant by acceptable in a democratic society. Hence, the problem of combating hate-motivated crimes is in fact a question of the necessary limits of freedom of speech.

Hate speech and hate crime in the light of Polish law

There is no legal definition of "hate speech" in international human rights.[3] Pursuant to the Recommendation No. R/97/20 of the Committee

1 E. Bleich, „The Freedom to Be Racist? How the United States and Europe Struggle to Preserve Freedom and Combat Racism", Oxford University Press 2011, p. 5

2 A. Weber, „Manual on hate speech", Counci of Europe Publishing, Strasbourg 2009, p. 1

3 Hate Speech, Council of Europe Portal, http://www.coe.int/en/web/freedom-expression/hate-speech [accessed: June 25, 2017]

of Ministers of the Council of Europe "hate speech" can be defined as "all forms of expression which spread, incite, promote or justify racial hatred, xenophobia, anti-Semitism or other forms of hatred based on intolerance, undermining democratic order, cultural cohesion and pluralism."[4] Hate speech targets groups, rather than individuals who simply become a stereotypic member of such groups; those groups are biologically or socially determined.[5]

The term "hate crime" was coined in the mid 80s in the USA.[6] It is reasonably claimed that "to be considered a hate crime, the offence must meet two criteria: first, the act must constitute an offence under criminal law; second, the act must have been motivated by bias".[7]

Both terms, "hate speech" and "hate crime", have not been explicitly adopted by Polish law. However, relevant regulations can be indicated easily. Thus, the idea of countering certain conducts harmful to democratic society is reflected, first of all, in articles 256 and 257 of the Criminal Code of June 6, 1997. I will focus on these provisions exclusively.

Article 256 stipulates that[8]:

§1 Whoever publicly promotes a fascist or other totalitarian system of state or incites hatred based on national, ethnic, race or religious differences or for the reason of lack of any religious denomination shall be subject to a fine, the penalty of restriction of liberty or the penalty of deprivation of liberty for up to 2 years.

§2 Whoever, in order to distribute produces, records or brings, buys, stores, posses, presents, transports or sends print, record or other item containing the substance referred to in §1 or being a carrier of the fascist,

4 M. Bilewicz, M. Marchlewska, W. Soral, M. Winiewski, „Hate Speech in Poland – summary of the national opinion poll", Stefan Batory Fundation, Warsaw 2014, p. 7

5 S. Kowalski, Obecność mowy nienawiści w życiu społecznym i debacie publicznej" [in:] „Mowa nienawiści a wolność słowa. Aspekty prawne i społeczne", Ed. R.. Wieruszewski, M. Wyrzykowski, A. Bodnar, A. Gliszczyńska-Grabias, Wyd. Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010, p. 240

6 See: M. Woiński, „Prawnokarne aspekty zwalczania mowy nienawiści", Ed. LexisNexis, Warszawa 2014, p. 22

7 What is hate crime, http://hatecrime.osce.org/what-hate-crime [accessed: June 27, 2017]

8 The Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, Criminal Code (1997) – Article 256, Poland, http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Expression/ICCPR/Vienna/Annexes/Poland.pdf [accessed: June 25, 2017]

communist or other totalitarian symbolism shall be subject to a punishment referred to in §1.

§3 The perpetrator of the prohibited act referred to in §2 shall not be deemed to have committed an offence if the act was committed as part of artistic, educational, collecting or scientific activity.

Article 257 orders that[9]:

Whoever publicly insults a group within the population or a particular person because of his national, ethnic, race or religious affiliation or because of his lack of any religious denomination or for these reasons breaches the personal inviolability of another individual shall be subject to the penalty of deprivation of liberty up to 3 years.

Therefore, according to Polish law hate speech or hate crimes can be based exclusively on: national, ethnic, race, and religious grounds.

Opinions seem to be split on the question of whether art. 256 and 257 of the Criminal Code should be extended or left in its current form.

On the one hand, it is recommended by European Commission on Racism and Intolerance that "sexual orientation and gender identity be explicitly added to the prohibited grounds in Articles 256 and 257 of the Criminal Code."[10] Likewise the UN International Covenant on Civil and Political Rights expresses its concern about "the reported increase in the number of incidents of violence, hate speech and discrimination based on race, nationality, ethnicity, religion and sexual orientation and the insufficient response by the authorities to such incidents. The Committee is also concerned that the Penal Code does not refer to disability, age, sexual orientation or gender identity as grounds for hate crimes."[11] There are also suggestions that, in addition to the above, social situation could also be included.[12]

9 The Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, Criminal Code (1997) – Article 256, Poland, http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Expression/ICCPR/Vienna/Annexes/Poland.pdf [accessed: June 25, 2017]

10 The ECRI Report on Poland (fifth monitorinf cycle), adopted on 20 March 2015, published on 9 June 2015, https://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/Country-by-country/Poland/POL-CbC-V-2015-20-ENG.pdf [accessed: June 27, 2017], p. 16

11 United Nations International Covenant on Civil and Political Rights. Concluding observations on the seventh periodic report of Poland, 23 November 2016

12 M. Płatek, „Mowa nienawiści – przesłanki depenalizacji" [in:] „Mowa nienawiści a wolność słowa. Aspekty prawne i społeczne", Ed. R.. Wieruszewski, M. Wyrzykowski, A. Bodnar, A. Gliszczyńska-Grabias, Wyd. Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010, p. 90

On the other hand, it is quite rightly argued that broadening the situations considered "hate speech" or "hate crime" lead to amending the law *ad infinitum* – when all possible cases are eventually listed. Such an approach appears to be irrational.[13]

It seems therefore that potential increasing the scope of bias-motivated crimes should be the result of in-depth study of new categories of particularly persecuted groups in a given society.

A concept of decriminalisation of hate crimes is also present and takes various forms. I.e. the question of the equality before the law appeared in this context.[14] It is also interestingly claimed that criminalisation of hate-motivated crimes in fact do not make sense, unless the notion of condemnation of such crimes is being internalised in a society.[15] Eventually, the idea of decriminalisation can be based on conviction that penalising hate-speech conflicts with overriding freedom of expression. Nonetheless, the considerations set out above are irrelevant, since Polish provisions arise out of the obligations of the international agreements.[16]

13 M. Woiński, „Projekty nowelizacji art. 256 k.k." [in:] „Mowa nienawiści a wolność słowa. Aspekty prawne i społeczne", Ed. R.. Wieruszewski, M. Wyrzykowski, A. Bodnar, A. Gliszczyńska-Grabias, Wyd. Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010, p. 39
It should be noted, however, that although, according to art. 32(2) of Polish Constitution: "No one shall be discriminated against in political, social or economic life for any reason whatsoever" – nevertheless, the addressee of this provision is a public authority rather than private individual. Therefore, it cannot complement inadequate sometimes hate-motivated crimes provisions (The Constitution of the Republic of Poland of 2nd April 1997, http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm [accessed: June 25, 2017]; M. Woiński, „Projekty nowelizacji art. 256 k.k." [in:] „Mowa nienawiści a wolność słowa. Aspekty prawne i społeczne", Ed. R.. Wieruszewski, M. Wyrzykowski, A. Bodnar, A. Gliszczyńska-Grabias, Wyd. Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010, p. 40).

14 M. Woiński, „Projekty nowelizacji art. 256 k.k." [in:] „Mowa nienawiści a wolność słowa. Aspekty prawne i społeczne", Ed. R.. Wieruszewski, M. Wyrzykowski, A. Bodnar, A. Gliszczyńska-Grabias, Wyd. Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010, p. 39

15 M. Płatek, „Mowa nienawiści – przesłanki depenalizacji" [in:] „Mowa nienawiści a wolność słowa. Aspekty prawne i społeczne", Ed. R.. Wieruszewski, M. Wyrzykowski, A. Bodnar, A. Gliszczyńska-Grabias, Wyd. Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010, p. 59-60, 91-92

16 Above all article 20(2) of the International Convenant on Civic and Political

As explained above, Poland has proper legal instruments that can be used to tackle hate speech and hate crimes. The question arises as to whether these provisions are effectively applied and how seriously public authorities are taking the problem of combating hate speech and hate crimes.

Law enforcement practice

The Police

According to the Police, the number of proceedings relating to hate speech and promoting fascism (art. 256 of the Criminal Code) has fallen significantly compared to 2015[17] and the number of proceedings relating to hate crimes (art. 257 of the Criminal Code) has fallen slightly compared to 2015.[18]

Consistent with figures submitted by the Ministry of Interior, hate crimes only make up 0.1% of all offences committed in Poland within one year. The detection rate for hate crimes has increased. It currently stands at 46,08% (39.8 in 2015; 31.2% in 2014; 30.53% in 2013).[19]

Minister of the Interior, Mr Błaszczak, views this situation as "a margin of a margin".[20] His alternate, Mr Jarosław Zieliński, argues, according to the

Rights adopted by the General Assembly of the Inited Nations on 19 December 1966: „Any advocacy of national, racial or religious hatred that con'stitutes incite ment to discrimination, hostility or violence shall be prohibited by law" (https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20999/volume-999-i-14668-english.pdf, accessed: June 27, 2017)

17 Policja – Statystyka, art. 256 Kodeksu karnego, http://statystyka.policja.pl/st/kodeks- karny/przestepstwa-przeciwko-13/63613,Publiczne-propagowanie--faszyzmu-nawolywanie-do- nienawisci-art-256.html [accessed: June 7, 2017]

18 Policja – Statystyka, art. 257 Kodeksu karnego, http://statystyka.policja.pl/st/kodeks- karny/przestepstwa-przeciwko-13/63614,Publiczne-zniewazenie-lub--naruszenie-nietykalnosci-z- powodow-narodowosciowych-ar.html [accessed: June 7, 2017]

19 Minister Mariusz Błaszczak: Przestępstwa z nienawiści to niewielki procent wszystkich przestępstw, 15 września 2016, https://mswia.gov.pl/pl/aktualnosci/15139,Minister-Mariusz-Blaszczak-Przestepstwa-z- nienawisci-to-niewielki-procent-wszyst.html [accessed: May 25, 2017]
J. Zieliński, Komisja Administracji i Spraw Wewnętrznych (nr. 56) z dnia 4 października 2016 r., pełny zapis przebiegu posiedzenia, Kancelaria Sejmu, Biuro Komisji Sejmowych, p. 6

20 A. Ambroziak, „Prokuratury bagatelizują przestępstwa z nienawiści", oko.press, 15 maja 2017, https://oko.press/prokuratury-bagatelizuja-przestepstwa-niena-

data quoted, that it is definitely not a dominant phenomenon in Poland.[21] When asked, before Parliament committee, about growing number of hate crimes, Mr Zieliński stated:

"I do not want to say that there is no problem. This problem indeed exists (…). Hate crimes are dangerous not because of their scale, but because of social dimension of such crimes. (…) Such crimes need to be combated with determination. (…) They contradict our civilisation. (…) In a civilised world there should be no hate crimes. (…) An allegation that we tolerate them is an absurd. (…) We have always condemned, we condemn, and we will condemn every crimes, and above all – hate crimes."[22]

He also rightly stressed that official statistics show that a number of hate crimes do not increase.[23]

The Prosecution

According to the The Prosecutor's Office, in 2016[24]:

1631 investigations were carried out (1548 in 2015);

1314 new proceedings begun (1169 in 2015).

The detection rate of hate-related crimes stands at 23.9% (allegations have been made in 388 out of 1631 cases. [25]

wisci-umarzaja-az-76-proc-postepowan/ [accessed: May 25, 2017]

21 J. Zieliński, Komisja Administracji i Spraw Wewnętrznych (nr. 56) z dnia 4 października 2016 r., pełny zapis przebiegu posiedzenia, Kancelaria Sejmu, Biuro Komisji Sejnowych, p. 7

22 J. Zieliński, Komisja Administracji i Spraw Wewnętrznych (nr. 56) z dnia 4 października 2016 r., pełny zapis przebiegu posiedzenia, Kancelaria Sejmu, Biuro Komisji Sejnowych, pp. 5-9

23 J. Zieliński, Komisja Administracji i Spraw Wewnętrznych (nr. 56) z dnia 4 października 2016 r., pełny zapis przebiegu posiedzenia, Kancelaria Sejmu, Biuro Komisji Sejnowych, p. 7

24 Wyciąg ze sprawozdania dot. spraw o przestępstwa popełnione z pobudek rasistowskich, antysemickich lub ksenofobicznych prowadzonych w 2016 roku w jednostkach organizacyjnych prokuratury, http://pk.gov.pl/sprawozdania-i--statystyki/wyciag-ze-sprawozdania-04- 2017.html#.WTK0EVPyiu4 [accessed: May 25, 2017]

25 Wyciąg ze sprawozdania dot. spraw o przestępstwa popełnione z pobudek rasistowskich, antysemickich lub ksenofobicznych prowadzonych w 2016 roku w jednostkach organizacyjnych prokuratury, http://pk.gov.pl/sprawozdania-i--statystyki/wyciag-ze-sprawozdania-04- 2017.html#.WTK0EVPyiu4 [accessed: May 25, 2017]

It should be noted that a significant difference between detection rate provided by the Ministry of Interior and the Prosecutor's Office is due to the methodology applied. I.e. the prosecution considers the notified events for which the proceedings have not been initiated.[26]

Most of hate-related crimes were committed via the Internet (701 cases, 43%) and only in 24.5% of cases indictments were sent to court. Violent intentional crimes formed 10.3% of total hate-motivated crimes and another 10.3% concerned threats. 9.5% of cases related to vandalism.[27]

Victims of hate crimes in Poland

As regards victim's nationality, the Prosecutor's Office reports that in 2016:

Most of the victims were Muslims (363 proceedings, 22%);

Jews (160 proceedings, 10%);

The Roma (109 proceedings, 6.7%0;

Black (98 proceedings, 6%);

Poles (86 proceedings, 5.2%);

Ukrainians (92 proceedings, 5.7%);

Syrians (23 proceedings)[28].

Similarly, the Ministry of Interior admits that since June 2015 a number of hate crimes against Muslims and Arabs have increased.[29] In the first half of 2016 the main victims of hate-motivated crimes were Muslims and the

---

The lowest detection rate: Warsaw: 9.7%, Białystok (21.6%) and Poznań (22.4%); the highest detection rate: Wrocław (44.2%) and Rzeszów (41.2%).

26 J. Szymczyk, Komisja Administracji i Spraw Wewnętrznych (nr. 56) z dnia 4 października 2016 r., pełny zapis przebiegu posiedzenia, Kancelaria Sejmu, Biuro Komisji Sejmowych, p. 10

27 Wyciąg ze sprawozdania dot. spraw o przestępstwa popełnione z pobudek rasistowskich, antysemickich lub ksenofobicznych prowadzonych w 2016 roku w jednostkach organizacyjnych prokuratury, http://pk.gov.pl/sprawozdania-i--statystyki/wyciag-ze-sprawozdania-04- 2017.html#.WTK0EVPyiu4 [accessed: May 25, 2017]

28 Wyciąg ze sprawozdania dot. spraw o przestępstwa popełnione z pobudek rasistowskich, antysemickich lub ksenofobicznych prowadzonych w 2016 roku w jednostkach organizacyjnych prokuratury, http://pk.gov.pl/sprawozdania-i--statystyki/wyciag-ze-sprawozdania-04- 2017.html#.WTK0EVPyiu4 [accessed: May 25, 2017]

29 Analiza przestępczości z nienawiści, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, Warszawa, maj 2016, http://www.spoleczenstwoobywatelskie.gov.pl/sites/default/files/analiza_mswia_policja.pdf [accessed: May 25, 2017]

number of such cases tripled compared to 2015. At the same time, there were three times less crimes against the Roma.[30]

Thus, Muslims were the main victims of hate-motivated crimes in 2016 and the number of cases almost doubled (the Roma in 2015), and, second, Jews, the Roma, black, Poles, and Ukrainians (Jews, Muslims, black, catholic, Ukrainians, Syrians, and Poles in 2015).[31]

It should be noted that the number of proceedings concerning Ukrainians almost tripled in 2016 compared to 2015. Simultaneously, a number of proceedings relating to the Roma and Jews decreased significantly[32].

An interesting resent study shows that currently the most common victims of hate speech are refugees and homosexuals. Hate speech also affects Muslims, the Roma and black. Hate speech can be seen in the Internet, in the media, and in everyday conversation more often than before. In 2016 almost 50% of the respondents acknowledges that they have heard Muslims being assaulted on television and 25% have heard Ukrainians being victims of hate speech.[33]

Political and social realties in the context of refugee crisis

The figures outlined above do not provide any grounds for concluding that a number of hate crimes has increased lately. One cannot also be assumed that government's statistics are false for any reason.

30 Przeciwdziałanie wystąpieniom skierowanym przeciw mniejszościom narodowym i etnicznym oraz zwalczanie mowy nienawiści, http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/mne/komisja- wspolna/aktualnosci/10118,Przeciwdzialanie-wystapieniom-skierowanym-przeciw-mniejszosciom- narodowym--i-etni.html [accessed: May 27, 2017]

31 Wyciąg ze sprawozdania dot. spraw o przestępstwa popełnione z pobudek rasistowskich, antysemickich lub ksenofobicznych prowadzonych w 2016 roku w jednostkach organizacyjnych prokuratury, http://pk.gov.pl/sprawozdania-i--statystyki/wyciag-ze-sprawozdania-04- 2017.html#.WTK0EVPyiu4 [accessed: May 25, 2017]

32 Wyciąg ze sprawozdania dot. spraw o przestępstwa popełnione z pobudek rasistowskich, antysemickich lub ksenofobicznych prowadzonych w 2016 roku w jednostkach organizacyjnych prokuratury, http://pk.gov.pl/sprawozdania-i--statystyki/wyciag-ze-sprawozdania-04- 2017.html#.WTK0EVPyiu4 [accessed: May 25, 2017]

33 M. Winiewski, K. Hansen, M. Bilewicz, W. Soral, A. Świderska, D. Bulska, „Mowa nienawiści, mowa pogardy. Raport z badania przemocy werbalnej wobec grup mniejszościowych", Warszawa 2017, pp. 5-6, https://www.rpo.gov.pl/sites/default/files/Raport%20Mowa%20Nienawi%C5%9Bci,%20Mowa%20Pogardy,%2027.02.2017.pdf [accessed: May 27, 2017]

It has to be recognised, however, that heightened sensitivity of institutions, international organisations, NGOs, political oppositions, and a large part of civil society to hate speech and hate crimes can be observed. Numerous journal articles and publications appear, too. They suggest that official data are presumably inadequate and not realistic. In many cases, for instance, they are classified i.e. as a battery or an act of vandalism. This issue has been raised regularly in the past.

I.e. the Polish Ombudsman, dr. Adam Bodnar, stresses the growing number of hate-motivated crimes.[34]

The US Department of State assesses that xenophobia and racism are a major issue in Poland.[35] Consistent with the Report:

"Among the country's principal human rights problems were xenophobic and racist incidents, including both hate speech and hate crimes involving violence, and cases of anti-Semitism. Local NGOs stated verbal harassment and physical violence targeting racial and ethnic minorities and foreigners increased. An increasing backlog of cases and lengthy court procedures impeded the delivery of justice."[36]

Prof. Rafał Pankowski, the Never Again Association, points out that since the Summer 2015 the explosion of racist-motivated incidents can be observed. Such incidents happen even several times a day. For him it is clear that xenophobic sentiments have worsened in Poland since 2015.[37]

The attention of all these actors to nationalism, xenophobia, and hate crimes is so considerable that the right wing of political and civil society representatives accuse them of fostering anti-governmental feelings and creating the impression that Poland is intolerant, racist, and xenophobic a country.

Mr Błaszczak argues that talking about racism serves political oppo-

34 Ranking RPO 2016, https://www.rpo.gov.pl/sites/default/files/Ranking%20RPO%202016.pdf [acccessed: May 25, 2016]

35 Prawa człowieka w Polsce – raport Departamentu Stanu USA, rp.pl, http://www.rp.pl/Sedziowie-i- sady/303169930-Prawa-czlowieka-w-Polsce---raport--Departamentu-Stanu-USA.html#ap-1 [accessed: May 27, 2017]

36 Poland 2016 Human Rights Report. Executive Summary. http://grafik.rp.pl/grafika2/1427548 [accessed: May 27, 2016]

37 Ekspert: Od 2015 mamy w Polsce gwałtowny wzrost zachowń ksenofobicznych. Jest ich nawet kilka dziennie, tokfm.pl, 4 stycznia 2017, http://www.tokfm.pl/Tokfm/7,103454,21201819,ekspert-od-2015- mamy-w-polsce-gwaltowny-wzrost-zachowan-ksenofobicznych.html [accessed: May 26, 2017]

nents and it represents leftist way of fighting against Prawo i Sprawiedliwość (eng. Law and Justice Party) government. His opinion is to be based on the Police statistics that show the decreasing number of hate crimes in Poland in 2016 compared to 2015 (3 cases less than in 2015).[38]

Likewise Mr Jarosław Zieliński said that: "you, the opposition, try to create a different impression of Polish reality. (…) Please, do not harm Poland. Presenting the country as xenophobic, intolerant, and a country where a number of hate crease increase is harmful, as it is not true".[39]

Regardless of the variety of opinions on the actual number of hate crimes in Poland, an alarming new trend should be pointed out. Although is not reflected in the statistic yet, it might become a reason for the increase of hate crimes in the near future.

According to the Amnesty International Report 2015/2016 "The government committed to relocate 5,000 refugees from Italy and Greece, amid a climate of intolerance and discriminatory speech, fuelled by some public officials."[40]

The European Commission has just launched infringement proceedings against Poland (Czech Republic and Hungary) "for non-compliance with their obligations under the 2015 Council Decisions on relocation." According to the European Commission, "Poland has not relocated anyone and not pledged since December 2015."[41]

What is more, Polish authorities seems to be trying to "play the game" on the political field with right-wing radicals. It has been suggested that

38 H. Orzechowski, „Rasizm w Polsce nie istnieje? Fakty przeczą słowom Błaszczaka", newsweek.pl, 5 stycznia 2017, http://www.newsweek.pl/polska/spoleczenstwo/rasizm-w-polsce-nie-istnieje-twierdzi- mariusz-blaszczak,artykuly,403042,1.html , K. Fejfer, oko.press, 6 stycznia 2017, https://oko.press/2016- byly-o-przestepstwa-nienawisci-niz-2015-razy-wiecej-niz-2014/ [accessed: May 27, 2017]

39 J. Zieliński, Komisja Administracji i Spraw Wewnętrznych (nr. 56) z dnia 4 października 2016 r., pełny zapis przebiegu posiedzenia, Kancelaria Sejmu, Biuro Komisji Sejnowych, p. 36

40 Amnesty International Report 2015/2016. The State of the World's Human Rights, http://www.amnesty.eu/content/assets/Docs_2016/ReportsBriefings/air201516-english.pdf , p. 295 [accessed: May 28, 2017]

41 European Commission - Press release. Relocation: Commission launches infringement procedures against the Czech Republic, Hungary and Poland, Brussels, June 14, 2017, http://europa.eu/rapid/press- release_IP-17-1607_en.htm [accessed: June 15, 2017]

there indeed is a relation between the ruling party and right-wing radicals. Such views are expressed i.e. by a left-wing party Razem (eng. Together) and left-wing or liberal press.[42] These observations, however, appear excessive.

Nevertheless, it is undeniable that right-wing parties and groups become more and more socially active. Firstly, the changes in the political environment opened up possibilities to directly express the far right views. Secondly, a refugee crisis and the rise in terrorist attacks in the European Union could only play into the hands of radical groups. Thus, the activity of radical groups in Poland has increased in 2016 and 2015 compared to 2014.

The right-wing groups focus mainly on the question of Muslim immigrants and make effort to convince public opinion that they are dangerous.[43]

Likewise the current government often argues that Western policy of "multiculturalism" has failed. Its rhetoric is based mostly on people's fear and prejudices.[44]

42 In 2016 Razem launched a "Zero Tolerance for State's Cooperation with the Radical Righ-Wing". Organizers of the campaign state: "the last months form a dangerous public institutions flirt with the radical, antidemocratic right. Neo-fascists, anti-Semites, right-wing militants – they all take part in official ceremonies on equal terms (...). Mainstream politicians incite xenophobia (...).Due to PiS's positive attitude towards people who spread hatred, the latter belief that now they can do everything they want" – Razem, Zero tolerancji dla współpracy państwa ze skrajną prawicą, http://zero-tolerancji.pl/o- kampanii/ [accessed: June 12, 2017]

43 I.e. In December 2016 the ONR protested in Katowice against welcoming Muslims in Poland with such slogans as: "The whole Poland is screaming: we don't want Islamic wilderness here!", "Germany and France are crying now. No more tolerance!", "Poland is not Brussels: we don't support Islam." - D. Majsner, Brygada Górnośląska: Manifestacja w Katowicach, 31 grudnia 2016, https://www.onr.com.pl/2016/12/31/brygada-gornoslaska-manifestacja-w-katowicach/ [accessed: June 3, 2017]

In August 2016 the ONR called for forgetting about political correctness and to have the courage to call it by its name: "we are in a religious war situation and we're losing this clash. The islamisation of Europe has to be stopped." – ONR: Stop islamizacji Europy!, 3 sierpnia 2016, https://www.onr.com.pl/2016/08/03/onr-stop- islamizacji-europy/ [accessed: June 3, 2017]

44 In March 2016, just after terrorist attacks in Brussels, Polish PM, Mrs Beata Szydło said: "Now it is impossible to welcome any migrants in Poland"; "German Chancellor, Angela Merkel, pursued an open migration policy. She even invited them to Europe. I always repeat: it was not Poland that invited migrants

Consequently, the level of anti-immigration sentiments has increased recently. According to the CBOS's survey No. 53/2016, 8% of the respondents declared to like the Arabs, whereas 67% stated that they dislike them.

Bearing in mind the attitude of the society towards other nations and denominations, especially the Arabs and Muslims, the ruling party and the public service media should refrain from creating a climate of fear and distrust. Since Muslims – an almost non-existing minority in Poland – appeared to be main victims of hate-motivated crimes, a great effort should be done to stop inciting hared against them. First of all, an anti-Islamic propaganda in public service media must end.

Instead, on the national level, government should prepare citizens for the emergence of people from different cultural backgrounds. It is particularly important in such a homogeneous state as Poland. Otherwise extreme consequences are to be expected soon.

---

to Europe. We know that we should help and we want to help people who had to flee their countries due to war. We always declared: they should be given financial support. But we should not welcome thousands of migrants that come to Europe to improve their lives. Among them there are terrorists, too." – Beata Szydło, March 23, 2016, http://www.superstacja.tv/wiadomosc/2016-03-23/szydlo-nie-ma-mozliwosci-zeby-do-polski-przyjechali-imigranci-polska-premier-krytykuje-angele-merkel/ [accessed: July 17, 2017]

Minister of Interior, Mr Mariusz Błaszczak, said: "We will not do anything that would threaten national security. We will not make another New Year's Eve like in Cologne, Dusseldorf or Hamburg happen in Poland" - Mariusz Błaszczak, January 7, 2016 https://mswia.gov.pl/pl/aktualnosci/14047,Szef-MSWiA-o-przyjeciu-uchodzcow-Gwarantujemy-ze-nie-narazimy-Polski-i-Polakow-n.html [accessed: July 17, 2017];

"France is in a much more difficult situation than Poland. Poland would be in the same situation if the government hadn't changed. We would have thousands of immigrants from the Middle East and Africa, according to the former government's decision", "Immigrants form Africa and the Middle East do not integrate. That's the fact", "The core of European values and our culture is Christianity. We need to come back to our origins (…). They don't respect these values. What is more, they impose their values on us" – Mariusz Błaszczak, July 15, 2016 http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/atak-w-nicei-mariusz-blaszczak-w-piaskiem-po-oczach,661323.html [accessed: July 17, 2017]

Dvuzhilnaya Inessa, Ph. D.
Grodno State Muscial College
(Belarus)

Инесса Двужильная

HOLOCAUST UNDERSTANDING IN THE SYSTEM OF SPECIAL MUSIC EDUCATION IN BELARUS

There are three stages in the musical education system of Belarus, with specialized secondary education, or 4-year music colleges, being the important link between them. The student body is made up of boys and girls between 15 and 19 years old. The subject of World War II (The Great Patriotic War) is studied in the context of general education subjects (history, Belarusian literature, and Russian literature). Special courses, such as world musical literature and Belarusian musical literature, also play an important role. Within these subjects, the curriculum provides for the study of the individual works of D. Shostakovich, A. Schoenberg, K. Penderecki, S. Reich, L. Abelovich, and G. Wagner, which are related to the Holocaust. In addition to special compulsory musical courses, integrative elective courses are also being developed. One of these is the author's course, "The Holocaust in Academic Music," which has been offered at Grodno State Musical College for the past 10 years. The course materials are reflected in a book published in 2016 (Grodno, GSU Y. Kupala), which has received high reviews in different countries (presentations of the book took place in Belarus, Russia, and Israel).

This report will examine the content of the course and its methodological foundation (the interdisciplinary approach, methods of "immersion in history," comparative analysis, and online resources). Attention will be focused on the response of the students and the forms of cooperation with concert organizations and museums (in particular with the "Mir castle" complex of the Grodno region, where a ghetto was once located).

«ОСМЫСЛЕНИЕ ХОЛОКОСТА В СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)»

В системе музыкального образования Беларуси исторически сложилось три ступени: детская музыкальная школа (школа искусств) – музыкальный колледж – ВУЗ (Академия музыки, университеты с музыкальными кафедрами). Важным звеном этой цепи выступает среднее специальное образование (музыкальные колледжи), обучение в которых ведется четыре года. Студенческая аудитория – юноши и девушки от 15 до 19 лет. В рамках ряда учебных дисциплин – истории, белорусской и русской литература, мировой и белорусской музыкальной литературы, изучается тема Второй мировой войны (Великой Отечественной войны). В курсе специальных музыкальных дисциплин учебными программами предусмотрено ознакомление с отдельными произведениями Д. Шостаковича, А. Шенберга, Кш. Пендерецкого, С. Райха, Л. Абелиовича, Г. Вагнера, отражающими тему Холокоста. Учебными планами музыкальных колледжей введены также часы авторских факультативных курсов. Таким в Гродненском государственном музыкальном колледже стал курс «Тема Холокоста в академической музыке», который читается автором публикации на протяжении 10 лет (2 курс, специальность «Музыковедение», 38 часов: 1 занятие в неделю). Материалы курса нашли отражение в книге, изданной в 2016 г. (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы) и получившей высокую оценку в разных странах (презентация книги состоялась в Беларуси, России, Израиле). Они прошли апробацию в многочисленных

международных конференциях в разных странах мира, в научных публикациях автора.

Для того чтобы осознать Холокост, необходимо понять какую культуру пытался уничтожить нацизм, какую роль в становлении европейского музыкального искусства сыграли евреи-музыканты. Этим обусловлен первый блок курса, в котором студенты получают информацию о древнем иудейском мире, о галуте, о вхождении евреев в культуру европейских стран и формировании пения в синагоге, идишской песни и клезмерского искусства, о роли евреев-музыкантов в истории музыки разных стран до начальной точки Холокоста. Конкретные исторические события 1933 – 1945 гг. дают представление о Холокосте. В рамках данного курса выстраивается его проблематика: политика Третьего рейха и судьбы музыкантов-евреев, песни гетто, музыка в Терезине и концлагерях (акт духовного сопротивления и средство унижения), Холокост и дети, Триединство Холокоста: уничтожение; сопротивление; спасение. Память об этих событиях уже в послевоенные годы возвратиться в произведениях известных композиторов XX века: Терезин (Д. Кривицкий. «Голоса Терезина»; А. Гуров. «Большая сарабанда Терезиенштадта»), Варшавское гетто (Д. Шенберг. Кантата «Уцелевший из Варшавы»; М. Вайнберг. Симфония №21; С. Беринский. Соната «Колокола Варшавы»), Освенцим (М. Вайнберг.

Опера «Пассажирка» и кантата «Дневник любви»; Кш. Пендерецкий «Dies Irae» и др.), Бабий Яр (Д. Клебанов. Симфония№1; Д. Шостакович. Симфония №13, Д. Кривицкий. Dramma per musica «Бабий Яр»; Е. Станкович. Реквием-кадиш «Бабий Яр» и др.), Змиевская балка (И. Хентов. Поэма «Боль Земли»), Румбула (Вл. Хвойницкий. «Колокола Холокоста. Молитва Румбулы»).

Выдающийся российский историк и философ М. Гефтер видел в Холокосте триединство: уничтожение; сопротивление; спасение. Действительно, важнейшей проблемой изучения Холокоста остается анализ поведения его участников: палачей, жертв и свидетелей. Музыка запечатлела имена, ставшие символом Холокоста – Януша Корчака (А. Галич. «Януш Корчак»), Анны Франк (Г. Фрид. Моноопера «Дневник Анны Франк» и др.). Эти произведения включены в авторский курс.

Основой курса выступает проблемное обучение. Не воспроизведение прочитанного заранее материала становится главным на уроке, а обсуждение ряда вопросов, которыми завершается каждый блок курса. Одни вопросы высвечивают мировоззренческие позиции студентов. Приведем некоторые из них:

«Еврейский народ называют «Народом книги». Согласны ли Вы с этим утверждением? Аргументируйте свою позицию»;

«Назовите публикации европейских просветителей, в которых проявились антисемитские высказывания. Обоснуйте причины их возникновения»;

«Как музыкальное искусство Третьего рейха должно было способствовать в поддержании атмосферы нацизма и превосходства арийской расы?»).

Другие вопросы для обсуждения предполагают освоение большого блока дополнительной информации; например:

Прокомментируйте слова В. Ульмана: «Здесь, в Терезине, где нужно повседневно преодолевать сопротивление материи, где всё окружающее враждебно Музам, – здесь истинная школа мастерства»;

Какую роль, на Ваш взгляд, сыграл проект «Холокост: Мемориальная музыка в Аушвице» в культурной жизни Кракова и Европы?

В проблемное поле попадают и специализированные вопросы, касающиеся конкретных музыкальных жанров или произведений:

Определите типологические черты музыкальных жанров еврейской культуры: каддиша, нигуна;

В каких произведениях отражена трагедия Варшавского гетто? Определите контекст их возникновения, жанровые черты;

Проанализируйте особенности литературного текста и музыки реквиема «Колокола Холокоста. Молитва Румбулы» В. Хвойницкого и Л. Коваля.

В чём проявляется оригинальность жанрового осмысления темы Бабьего Яра Е. Станковичем и Д. Кривицким?

Для современной эпохи характерен информационный взрыв, который внёс изменения во все направления деятельности общества и человека, в том числе и в сферу образования. Этот фактор необходимо учитывать и позитивно пользоваться им. Не случайно большую роль в учебном процессе играет работа студентов с интернет-ресурсами. В авторском курсе «Тема Холокоста в академической музыке» ими становятся многочисленные документальные материалы периода Холокоста, оцифрованные и размещенные на сайтах музеев и организаций, занимающихся данной проблематикой, аудио- и видеозапись музыкальных произведений, документальные и художественные фильмы, интернет-ссылки на которые даны в книге «Тема Холокоста в академической музыке». В условиях внеклассной работы студенты в полной мере могут знакомиться с ними и расширять свои знания.

На базе развитого мышления проявляются творческие способности студентов, которые находят преломления в проектной деятельности при подготовке к мемориальным мероприятиям, в написании конкурсных творческих работ. Так, несколько лет учащиеся-музыковеды сотрудничают с ансамблями солистов Гродненской государственной капеллы (струнный квартет, трио и др.). Результатом такой работы становятся концертные программы, которые нередко проходят в Хоральной синагоге, в Концертном зале Городского дома культуры. Одна из них состоялась в Большой Хоральной синагоге г. Гродно 4 апреля 2016 г. и была приурочена Международному дню освобождения узников нацистских концлагерей и жертвам Холокоста. Звучание

Экскурсия в Мирском замке. Юлия Сарай и экскурсовод Ольга Новицкая

живой музыки (произведения С. Прокофьева, С. Барбера, Г. Кляйна, Г. Алдема, А. Крейна, Д. Уильямса, С. Райха) сопровождалось слайдовой презентацией, отражающейся на стенах синагоги. Ее подготовили студенты-музыковеды, которые изучали факультативный курс и хорошо ориентировались в данной теме.

Творческое освоение материала факультативного курса проявляется и в экскурсии по Гродненскому гетто и Хоральной синагоге (музей «Из истории евреев Гродненщины»), в образовательных поездках студентов по местам Холокоста. Ими стали Аушвиц, Бабий Яр, Варшавское гетто, Минское гетто, уникальный Музей еврейского сопротивления в г. Новогрудке, музейный комплекс «Мирский замок» Гродненской области, на территории которого было расположено гетто. Нередко итогом образовательной поездки становится написание творческой работы, участие в республиканских и международных конкурсах студенческих работ, посвященных проблемам воспитания толерантности и памяти о Холокосте. Так, 12 августа 2017 года на территории Мирского замка прошли мемориальные мероприятия, связанные с 75-летием уничтожения гетто. В ходе памятного вечера была подарена исследовательская работа выпускницы Гродненского государственного музыкального колледжа Юлии Сарай «Местечко Мир в истории Холокоста».

Таким образом, авторский курс «Тема Холокоста в академической музыке» находит свое продолжение за пределами классной аудитории, формируются универсальные знания, которые в дальнейшем помогут решать студентам непростые жизненные задачи. Он не читается целиком в других учебных заведениях страны, вместе с тем отдельные материалы внедрены в курсы белорусской музыкальной литературы музыкальных колледжей и истории музыки ряда университетов Беларуси (Могилев, Витебск), истории белорусской музыки

Белорусской государственной академии музыки. К нему проявили интерес консерватории России (Астрахань, Волгоград) и Украины (Киев). Перевод книги «Тема Холокоста в академической музыке» на английский язык позволит ввести материалы в университеты Германии, Польши, Англии, Канады, США и предложить большой информационный блок о мемориализации трагедии Холокоста средствами музыки англоязычному студенту.

О курсе «Тема Холокоста в академической музыке» смотрите следующие публикации автора:

Двужильная, И.Ф. ***Тема Холокоста в академической музыке: моногр. / И.Ф. Двужильная.– Гродно: ГрГУ, 2016. – 227 с.***

Двужильная, И.Ф. Тема Холокоста в академической музыке (факультивный курс для музыкальных училищ и колледжей) / И.Ф. Двужильная // Холокост: Взгляд учителя: метод. ***пособ***. – сб. работ педагогов России, Беларуси и Украины. ***Вып***. 2 / сост. И.А. Альтман [и др.]. – М.: Центр и Фонд «Холокост», МИК, 2012. – С. 326–395.

Двужильная, И.Ф. К проблеме воспитания толерантности на уроках дисциплины «Тема Холокоста в академической музыке» в музыкальном колледже / И.Ф. Двужильная // Реальность этноса. Образование и этносоциализация молодежи в современной России: сб. статей по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 215-летию Герценовск. ун-та. Санкт-Петербург, 16–18 мая 2012 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – С. 241–247 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.grsu.by/katalog/176543-405387.pdf

Dr. Engel Valery
President of European Center
for Democracy Developement

XENOPHOBIA, RADICALISM, AND HATE CRIMES IN EUROPE, 2016

First of all, I want to say that this report is the result of collective work.

The preparation of the material involved researchers from various European universities and research centers: Department of History at Northampton University, UK; the Center for the Study of Fascism, Antifascism, and Post-Fascism at Teesside University, UK; the Institute for Strategic Studies of France; Department of Sociology and the Department of Social Research Methodology at Eötvös Loránd University (ELTE), Budapest; Political Capital Institute, Budapest; Faculty of Social Science at The Pantheon University of Athens; the Berlin Register for documentation of manifestations of right-wing extremism and discrimination in the district of Steglitz-Zehlendorf, Germany; the Institute for the Study of Crime and Law Enforcement, Netherlands; The history of the Jagiellonian University, Krakow; the Russian Institute for the Study of National Politics and Interethnic Relations, Moscow; the Ukrainian Institute of Analysis and Management.

Analysis is given on the basis of 8 EU countries (France, Germany, Greece, Hungary, Italy, the Netherlands, Poland and the United Kingdom), as well as Russia and Ukraine, as countries who play a significant role in political and economic processes in Europe.

What conclusions have we reached?

The level of Xenophobia as a whole decreased, except for countries facing the worst consequences of the migration crisis (Italy, Greece), as well as those states where governments for political purposes artificially inflamed the situation of fear of migrants and Muslims (Hungary, Poland). The samples of Xenophobia provoked by the authorities of the European country are Hungary and Poland, where in 2016 they were organized by the State and supported by state-owned media, massive campaigns against migrants.

As a result, Hungary and Poland, where live the minimum number of Muslims (less than 1%) showed one of the highest levels of Islamophobia (Chart 3) – 72% and 66% respectively.

All this took place against the background of a decrease in the activity of radical organizations. We can speak here about so called restructuring, when some parties accumulated around themselves the main protest electorate, while others practically lost their influence. But only UKIP was succesful in the election. Other right-wings parties demonstrated the relults lower than we expected.

This happened in France, Germany, the UK, etc. At the same time, it can be stated that voters who vote for right-wing radicals in Europe are by no means ideological opponents of the parties in the democratic spectrum. It is a protest electorate, frightened by a sharp change in the socio-cultural landscape and worried about their jobs, social guarantees, etc. Under certain conditions, he is ready to again vote for "system" politicians. The question is: can they be provided with such conditions? While polarization takes place mainly along the line "for or against the reception of refugees".

All this did not concern radical Islamists. In Europe there were 39 terrorist acts in 2016 and an unprecedented increase in the number of "jihad-tourists" leaving for Syria and Iraq, say the opposite. The defeats of IGIL in Syria and Iraq call for new "warriors of Allah" that the terrorist cells are trying to secure by spreading enmity, fear and hatred between European Muslims and indigenous Europeans, recruiting new supporters among the adherents of Islamic religious groups stupefied by Islamist propaganda.

Recruiting.

Accordingly, this could not but find reflection in the Europeans' tensions. (Diagram 1) (for comparison Diagram 2 – anti-Semitism, Diagram 3 – migrantophobia.)

At the same time, anti-Semitic stereotypes continue to be a driver for radicals of all types. For example, Islamist terrorists in substantiating their crimes, for example in Barcelona, cited the argument about a "global Jewish conspiracy," "Israeli occupation," and about Jews who impose their will on Brussels. Left radicals use anti-Zionist slogans that differ little from ordinary anti-Semitic cliches. The same is true of right-wing radicals who equate the words "liberal" and "Jew." It is known, for example, that the main slogan of the ultra-right in American Charlottesville was "Defend our values, regardless of the Jews in Washington." According to the police statistics of Germany, 90% All violent crimes on the basis of anti-Semitism are committed not by Islamists, but by right-wing radicals.

Interesting results of the polls relating to the Jews were presented in Germany by the Ebert Foundation. They complement this data. Thus, open forms of anti-Semitism find resonance in 6% of the respondents in this country. Along with this, forms of latent anti-Semitism and the associated negative attitude towards Israel remain at a high level. 25% of respondents supported the statement "Jews today use for their own aims the past tragedy of the war2, the" Third Reich ". 40% agree with the thesis "Given the Israeli policy, I can understand those who are bad about Jews."

Speaking about anti-Semitism, it is necessary to remember one more phenomenon, which few people pay attention to today. It's about the new phenomenon – so-called "Indirect anti-Semitism", what seems neutral to Jews, but really is against them or has one of the results of insulting Jews, violating their rights, etc.

Today we can speak about the three indirect forms of anti-Semitism: the heroization of executioners, the denial or trivialization of the Holocaust, and attempts to equalize communism and Nazism. The last two factors are typical, mainly for the countries of Eastern Europe, the first – for Ukraine. And the saddest thing is that since April 2015 – this is the State ideology of Ukraine, where the law "On the legal status and respect for the memory of fighters for Ukrainian independence in the twentieth century" came into force.

The members of the militaristic organizations that collaborated collectively or individually with the Nazi regime, who fought against the countries of the anti-Hitler coalition were heroized by this law. The law calls them "fighters for the freedom of Ukraine". There are the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN), the People's Liberation Revolutionary Organization (NVRO), the Ukrainian Insurgent Army Ukrainian Insurgent Army ataman Taras Borovets (Bulba) "Woodland Sich" Ukrainian Peo-

ple's Revolutionary Army (UTRA) , Ukrainian Main Liberation Council (UGVR).

Article 6 of this Law provides that a person who publicly manifest disregard for the fighters for Ukraine's independence, prevent the realization of the rights of independence fighters, bear responsibility in accordance with the current legislation of Ukraine. In addition, the public denial of the "legitimacy of the struggle for Ukrainian independence in the twentieth century" recognized the desecration of the memory of fighters for Ukrainian independence in the XX century, the humiliation of the Ukrainian people and is unlawful.

At the same time, the Islamists did not loose their activity. 39 terrorist acts for 2016 and an unprecedented increase in the number of "jihad-tourists" leaving for Syria and Iraq, state the opposite. The defeats of ISIS in Syria and Iraq call for new "warriors of Allah". Terrorist organisations are trying to secure this by spreading enmity, fear and hatred between European Muslims and indigenous Europeans and by recruiting new supporters among the adherents of Islamic religious groups stupefied by Islamist propaganda.

It can not be said that the authorities do not understand the danger. In 2016, they passed a number of serious Acts to combat Xenophobia and Radicalism. So, on December 22, 2016 in France, the Equality Act came into force/ This Act defined racial hatred and hatred on the grounds of sexual orientation as aggravating circumstances in the commission of crimes. In December 2016, the new anti-discrimination law was passed in Greece No. 4443/2016. The Law prohibited discrimination based on race, color, ethnicity in the labor and employment sector. In 2016, the denial of the Holocaust was criminalized in Italy.

Some measures have been taken to improve the situation of certain categories of minorities, in particular, of indigenous minorities in Italy and of sexual minorities in Greece – the Greeks were entitled to an official sex change without surgical intervention.

On May 17, the House of Representatives of the Netherlands (Tweed Kamer) adopted the draft Provisional Law on Administrative Measures to Combat Terrorism, submitted by the Ministry of Security and Justice (MSJ). The bill restricts the freedom of movement of persons posing a threat to national security, and those who intend to join terrorist groups or provide them with financial support. It also applies to persons who return from places of hostilities (in Syria, Iraq, Afghanistan, etc.)

The amendments were made to a number of anti-extremist and anti-terrorist laws in Russia. In total, 12 federal laws were amended. As a result, the Criminal liability was introduced for the spread of hate on the Internet. It was also forbidden to disseminate information defaming individuals or groups of people based on gender, age, race, nationality, language, attitude to religion, occupation, place of residence and work, and also in connection with their political beliefs.

The Criminal Code of the Russian Federation was supplemented with a new article 361 "The Act of International Terrorism", which criminalized the crimes endangering the life, health, freedom or inviolability of Russian citizens outside the territory of the Russian Federation. In addition, there have been changes in a number of articles of the Criminal Code, in particular in Art. 208, which criminalizes participation in illegal armed groups, including abroad.

Furthermore, the number of European countries took unprecedented security measures bordering on human rights violations. In France, as early as 2015, a state of emergency was introduced, and in 2016 – a state of emergency was extended.

In the Netherlands, a law was enacted, that allowed the acceleration of the deprivation of citizenship of jihadists returning from the war.

In Russia, a reform of anti-extremist legislation was implemented in 2016, imposing restrictions and new obligations on religious organizations, mail, cellular telephone of companies, etc.

The same situation is with the lawenforcement practises.

Together with Germany, Britain expanded the list of the so-called "safe states", including a completely unsafe Afghanistan, which automatically means the expulsion of all asylum seekers from that country. A whole series of laws aimed at squeezing refugees and asylum seekers from the country was adopted in 2016 by Hungary. All this was accompanied by an unprecedented xenophobic campaign in state-owned media.

The Law enforcement practices were subject to the same goals. First of all, I would like to note a number of new information and educational practices:

monitoring programs for interethnic and interreligious conflicts; educational programs for law enforcement officers and ordinary citizens; improvement of migration registration; support of cultural and educational programs of national and religious associations.

Here I would like also to focus on the initiative of the French govern-

ment to establish the "Freedom of Islam Foundation." This organization was established in 2016, led by former Minister Jean-Pierre Chevnement. The task of the new foundation will be teaching imams in French and with basics of French culture. The aim of the project is to reduce the influence of Morocco, Algeria, Tunisia and Turkey on the Islamic population of France. At the moment the influence is gained by appointment of imams and the financing of mosques. This situation, as a rule, forces the French population to think that Muslims are not their fellow citizens, but agents of foreign countries whose loyalty to France is under question. The second reason for the launch of the fund was the frustration of the French authorities in CFCM, the central organ of Muslim organizations, which does not have enough influence on Muslim communities to prevent radicalism.

Meanwhile, practically in all countries of monitoring we observe the growth of hate crimes in 2016.

Better the situation with hate crimes is in Russia and Poland only, where the number of reported hate crimes increased with a significant reduction in the number of violent crimes.

This means that the police are more likely to initiate criminal cases for non-violent crimes of hatred. First of all, it concerns the spread of hate on the Internet.

In 2016 there was a significant decrease in the number of violent hate crimes in Poland (Chart10) against the backdrop of a slight increase in the total number of recorded crimes.

In Russia (Chart 17), according to the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1'450 crimes motivated by hate (extremist crimes) were registered in 2016, which is 121 more than in 2015 and 416 more than in 2014. The increase was mainly due to non-violent crimes – first of all in Internet.

On the other hand, the number of registered violent crimes decreased from 115 in 2015 to 77 in 2016. And compared with 2014, when there were 134 crimes, the fall was more than 57%.

The rest of the countries recorded growth, and in such countries as UK (Chart 7) and Italy (Chart 13), significant growth.

In October 2016 statistics were published on *England and Wales*, which includes an annual observation period. It shows that in this territory, as compared to 2015, the total growth of registered hate crimes by 19.02%, as well as the increase in violent hate crimes against the person by 30.92%, was

recorded. This is an unprecedented growth, considering that in 2015 the dynamics was fixed at + 18.12% and + 18.09% respectively.

The *Scottish* Prosecutor's Office also published a report on hate crimes. This report states that 3'712 crimes were registered in 2015-16, but this is the lowest number since 2003-04. Also this is 3% less than in 2014-15. At the same time, the number of Islamophobic crimes in this period increased by 89%.

According to the British Jewish human rights organization CST, in 2016, there were 1'309 anti-Semitic incidents in the country, which is 36% more than in 2015 and 11% more than in 2014.

According to the British branch of the Islamist organization Hizb-ut Tahrir, which, in turn, refers to police information, from March 2016 to March 2017, there were 1'260 crimes against Muslims in the country.

The Government of *Italy* (Chart 13) did not publish statistics on crimes committed in 2016 at the time of this report. Nevertheless, there are NGO data according to which 544 hate crimes were committed in Italy in 2016. According to preliminary data, there are 242 cases of violence, which is almost two and a half times more than in 2015.

In *France* (Chart 8) in 2016, there were 12 terrorist attacks, including the most resonant in Nice on July 14, when a lorry driven by jihadists deliberately crashed into a crowd of people on the Promenade des Anglais. In total, 89 people were killed in this year's terrorist attacks and 451 injured.

In general, the number of hate crimes in this country grew by 14.78% in 2016 compared to 2015 and amounted to 3,649 cases, including a new position – attacks on Christian churches.

In Greece (Chart 9) in 2016 there was a decrease in the number of hate crimes. Such a conclusion is made according to the data of non-governmental organizations, since no official information was published at the time of writing the report. According to a non-governmental organization, the Racist and Violence Recording Network (RVRN), there were 188 hate crimes in Greece in 2016, including 95 crimes on racial grounds, 5 cases motivated by anti-Semitism, 57 homophobic cases and 31 cases based on hatred of migrants. This is 117 crimes less than in 2015.

This effect has a few reasons. First, the effectiveness of the programs of the Greek government and NGOs, especially of the program of housing for refugees, which removed social tension among migrants and local residents. Secondly, the decrease in the activity of the Golden Dawn, which is going through bad times due to the actions of law enforcement agencies.

In 2016, this neo-Nazi party was accused only in 2 violent crimes. As it is known, in the past years its activists were most active among the criminals.

Thirdly, this may indicate the specifics of the work of the Greek police, which, as a rule, refuses to register hate crimes of a non-violent nature. So, according to RVRN, during 2016, 603 calls were received by the hotline "11414" with messages about incidents of hatred, of which only 21 were registered and only 10 cases were initiated.

According to the Ministry of Internal Affairs, published in late April 2017, in Germany in 2016 there were 41,500 politically motivated offenses. This is 6.6% more than in 2015. Of these, 23,555 cases revealed right-wing radical motivation (2.6%), 9.389 left-wing motivation (-2.2%), and 3.372 political motivation of foreign citizens (+ 66.5%).

There were 8,983 episodes (8,530 crimes committed by local right-wing radicals, 10 by left radicals, 178 by foreigners and 265 by persons "without certain political preferences") of "xenophobic crimes" (hate crimes in the conventional sense), which is 5.46% more than in 2015. This is a big increase, considering that in 2014 there were only 3,939 hate crimes in Germany.

In 2016 in the FRG 1,290 violent crimes were registered, 12.08% more than in 2015. Accordingly, in 2014 this number was 62.8% less than a year later.

At the same time, the Ministry of Internal Affairs recorded 1,468 crimes of anti-Semitic orientation, including 36 acts of violence, 1,335 crimes motivated by racism, 220 of them violent, 1,516 cases motivated by religious hatred, 145 of them violent, 316 cases motivated by homophobia, 81 ended in violence.

In 2016 in Germany there were 7 terrorist attacks – the maximum number in recent years. In general, we see that hate crime continues to be a problem for Germany in the last 2 years. Despite the active work of the police, it does not manage to reduce the number of attacks against members of minorities.

Practically we have no data for Hungary. There have difficulties in the Netherlands (Chart 14), as local authorities do not publish complete information on hate crimes. In particular, there is no information on violent crimes. Thus, the police and the National Center for Discrimination Expertise provided only general data on 4'376 hate crimes in 2016, of which 1'723 on racist grounds, 352 for Islamophobic reasons, 1300 for homophobia, anti-Semitism for anti-Semitism – 355 and on the basis of disability – 400.

In Ukraine there are also big problems with statistics. There is a huge difference in figures between official data and data of non-governmental organizations. So, in 2014 the authorities of Ukraine provided information to the OSCE on 33 hate crimes, while NGOs – about 343. Today, this difference is gradually decreasing. However, the data we have in Ukraine (Chart 16) indicate that there are no data on non-violent crimes that simply do not register in the country. The authorities' refusal to consider the incitement of hatred as a crime sooner or later will result in an increase in violence.

Thus, we see that despite a certain decrease in the level of Xenophobia and activity of right-wing radicals, despite the vigorous actions of the authorities, the level of hate crime is growing. So, the measures taken by the European governments are not effective. Why?

I think that there are a number of reasons of objective and subjective nature. Subjective include legislative changes and law enforcement practices of the authorities, which de facto made the situation worse. These may include:

- Violation of the fundamental rights of ethnic and religious minorities;
- Tolerance towards non-violent hate crimes;
- Tolerance towards right-wing and neo-Nazi groups;
- Violation of the rights of migrants and refugees.

To the actual violations of the rights of ethnic and religious minorities in 2016 may be attributed the ethnic profiling in the police; Institutional racism; forced ethnic segregation in education (for example, among Roma in Hungary, the Czech Republic and other countries); changing of the administrative division of the country to deprive minorities of the right to use language advantages, as for example, in Poland in 2016, where the Opole District with the predominant residence of the Polish majority, was united with four other municipalities with more than 20% of the German minority; the artificial reduction of the number of schools of national minorities, the reduction of the right of national minorities to use their native language at the regional level, and the reduction of quotas for minority languages in the media, as happened in 2016 in Ukraine.

An important factor is also the pressure on religious organizations, which is typical for almost all countries of monitoring. An important factor remains the problem of concealing hate crimes and their transformation into common crimes, which is especially important in Greece, Hungary and Ukraine.

The main problem in Europe is also the contradiction between freedom

of speech and the requirements of Art. 4 of the Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, which (I quote) "declare illegal and prohibited organizations, and ... all other propaganda activities, which promote and incite racial discrimination, and shall recognize participation in such organizations or activities as an offence punishable by law; ".

When signing the Convention, the United Kingdom, France and Italy made reservations to this article. In Italy, the criminal responsibility for the spread of hatred is connected with the proof of the influence of the accused on a broad audience with the "goal of changing her behavior," which is also very difficult to prove. Many other countries that formally acceded to the Convention without reservations, in fact ignore the requirements of Art. 4. For example, also in Ukraine, this is due to the need to prove "direct intent".

Meanwhile, the criminalization of hate speech, especially in social networks, in many ways could help to reduce violent crimes on this basis. After all, as a rule, the criminal, before resorting to violence, turns to his "own" audience, primarily on the Internet, where he seeks accomplices, spreads his views, etc. The suppression of the crime at this stage provides an effect, since, as practice shows, the majority of persons convicted of non-violent crimes do not return to criminal activity and, moreover, to violence, in the future. It was this way that Russia and Poland went.

Speaking about the violations of the rights of migrants and refugees, it is necessary to recall the illegal actions in Hungary to oust migrants and refugees out from the country by reducing cash payments, expanding the list of "safe countries" in Germany and the UK, creating unbearable conditions for illegal immigrants in the United Kingdom, etc.

But the most important thing is the objective reasons (prerequisites) for European xenophobia and radicalism. There are several of them.

1. Features of modern liberal capitalism, which involves the free movement of capital and labor. As a result, in the West formed a new social stratum – poor people with professional education, representatives of working professions, who either lost their jobs due to the transfer of manufactures abroad, to cheaper countries, or began to get significantly lower salary due to the fact that to their countries came many labor migrants who successfully dumped on the labor market.

These people are a protest electorate, similar to the protest electorate from the American "rusty belt" who voted for Trump. These masses oppose globalization, they want to return production to their country, to reduce the number of labor migrants and to get priority to receiving

social benefits to themselves, but not to the foreigners. They do not want the dictates of Brussels or Washington, which pushes the world toward further globalization.

Today nobody interested in these people. This is not even classical unemployment, when there is a hope for the revival of production at the next stage of economic development. They have no chance and no hope. In fact, these people, whom the liberal elite calls losers, provided Brexit. These people are the natural environment for right-wing radical parties.

2) The features of the European constitutional tradition, which does not provide benefits for any ethnic groups other than the titular. As a result, European countries either deny the existence of ethnic minorities (for example, in France and Greece (except West Thrace), or limit their de jure or de facto their number to a narrow circle of traditional minorities, and therefore the only form of integration policy in such countries is voluntary assimilation.

For example, French law does not allow even collecting statistical data on the ethnic origin of its citizens. Many European countries have made reservations when joining the Framework Convention for the Protection of National Minorities of the Council of Europe, having determined that they treat only ethnic traditional minorities as national minorities. For example, in Germany they are Danes, surbs, friezes, German gypsies, in the Netherlands – only friezes, etc. Even those countries that adopted the Convention without reservations, de facto conduct exactly the same policy towards minorities, as well as those that have done so with reservations. So in Great Britain, which has fully acceded to the Convention, there is one state language (English) and three regional ones – Welsh in Wales, Gaelic in Scotland and Irish in North America. Ireland.

In principle, for almost a century and a half this system worked without problems. The mostly labor migrants, wanted to assimilate themselves as quickly as possible and to join the advantages of Western civilization.

The problem arose when a significant number of immigrants rejected voluntary assimilation. For example, according to recent polls, in France about 75% of Muslims feel "to some extent" or "unconditionally" French, and then already representatives of their religion, their ethnicity or country of origin. But 25% (and this is a very large figure) do not agree to adopt such a model. For them, their ethnic, religious and geographical origin is primary. They do not consider themselves French, although for many of them France is the motherland, and they have a French passport in their pocket.

Thus, the state has built a rigid framework. Beyond this framework are all people who can be called victims of globalization and international conflicts – they do not want to change their identity and prefer to educate their children in their native traditions, but for a variety of reasons were forced to leave their country of birth. In the conditions of strict integration rules, this group chose the self-isolation and created a kind of ghetto. And it's not so much about immigrants of the first generation as about large compact immigrant groups of the second and even third generation, which the state leaves in an ideological and cultural vacuum.

The problem is also that they perceive Europe as their homeland (after all, they really were born there), while at the same time seeking to change the identity of Europeans so that it corresponds to their traditional notions. This creates a basis for the growth of xenophobia, mutual hostility, discrimination and the strengthening of the influence of extremist groups on both sides.

The state, instead of developing a new ethnic policy that ensures the interests of all population groups, categorically does not want to abandon the policy of assimilation, but periodically makes various symbolic concessions, such as the ban on the installation of Christmas trees, alcohol sales in areas populated by Muslims, the introduction Halal food in general public schools, etc. All this only creates additional conditions for the "ghettoization" of communities and increases intercommunity disunity and enmity.

In principle, the European idea could help to solve this long-standing problem, but attempts by the EU leadership to move towards a Federation and, in the long run, to the creation of a single multinational state of Europeans, run counter to their member states, whose governments were not ready to sacrifice their national traditions and interests.

Thus, we have a set of contradictions of a systemic nature. First, liberal capitalism has led to the impoverishment of the big numerous professional workers and made them a base for right-wing radical organizations.

Secondly, the liberal capitalism ensured the influx of cheap foreign labor to Western countries. This labor is representing an alien social and cultural environment that is not ready for voluntary assimilation. Armed conflicts in the Middle East aggravates the situation, because refugees, who are not ready to change their identity, are added to labor migrants.

Thirdly, the constitutional tradition of Western democracies does not provide for any other forms of integration policy of minorities, apart

from assimilation, and therefore this new mass of migrants becomes a breeding ground for Islamists who simply fill the vacuum created by the state's refusal to participate in their cultural, educational and Religious life.

Fourth, there is an important contradiction between the main liberal value – freedom of speech and expression, on the one hand, and the requirements of Art. 4 of the Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, which prohibits the spread of racists ideas. This contradiction leads to the fact that in most countries of Europe the hate speech is not criminalized, as a result of this, there is an increase in the supporters of radical parties and groups, as well as the growth of violent hate crimes.

Fifth, the resulting increase in popularity of far-rights in European societies lead to the right drift of the policies of the ruling parties, which also begin to use popular xenophobic slogans for electoral goals. This leads to a number of mistakes of the political elite regarding minorities, which further aggravates the situation.

Sixth, the radical parties effectively use the existing circumstances, trying not only to stir up ethnic or inter-religious conflicts, but also inter-civilizational contradictions. In this case, not only migrants, but also representatives of traditional minorities become victims.

All this indicates that in Europe a socio-political crisis is breaking out, which affects the foundations of European nation states. Its main reason lies in the cornerstones of liberalism. Moreover, the values that for centuries have been the drivers of the growth and development of the states of Western civilization – democracy, freedom of movement for people and capital, consumption society, etc. – are becoming the main drivers of crisis phenomena.

In order to prevent this process, a cardinal adjustment of this course is needed, for the time being it is only possible to offer cosmetic measures as recommendations:

1. First of all, it is recommended to recognize all ethnic minorities, including the so-called. "New minorities", which are the most numerous. It is necessary to take measures to ensure State support for ethnic and religious communities to preserve their identity and to establish State control over their activities.

2. It is necessary to abandon the absolute right to freedom of speech and expression in those cases when it comes to hate speech, especially on the

Internet. As the experience of individual countries shows, this will lead to a sharp reduction in violent hate crimes.

3. It is necessary to strengthen the control of radical groups operating in the legal field. It will also be useful to attract religious organizations, especially Christian churches and Islamic associations, to combat hatred and the promotion of tolerance.

4. Strong measures are required to widely implement educational programs against racism and discrimination in the practice of training and improving the skills of law enforcement officers.

5. We need to do everything necessary to ensure that the government's actions against migrants and refugees, including illegally, did not lead to increased discrimination and hatred against these groups and, in general in relation to ethno-religious minorities.

Др. Энгель Валерий
Президент Европейского Центра
Развития Демократии

КСЕНОФОБИЯ, РАДИКАЛИЗМ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ В ЕВРОПЕ, 2016

Прежде чем начать, я хочу поблагодарить своих коллег, группу экспертов из 10 стран Европы, которые вместе со мной готовили этот материал.

В целом можно констатировать, что ситуация в Европе развивалась противоречиво и разнонаправленно. Так, уровень ксенофобии в целом снизился, за исключением стран, столкнувшихся с наиболее тяжелыми последствиями миграционного кризиса (Италия, Греция), а также тех государств, где правительства в политических целях искусственно нагнетали обстановку страха перед мигрантами и мусульманами (Венгрия и Польша). Причем интересно, что Венгрия и Польша, где проживает минимальное число мусульман (менее 1%) показали одни из самых высоких уровней *исламофобии* (Диаграмма 3) – 72% и 66% соответственно.

Все это происходило на фоне снижения активности радикальных организаций, в которых произошла реструктуризация, когда одни партии саккумулировали вокруг себя основной протестный электорат, а другие практически потеряли свое влияние.

Так произошло во Франции, в Германии, в Великобритании и

др. При этом можно констатировать, что избиратели, голосующие за праворадикалов в Европе, отнюдь не являются идеологическими противниками партий демократического спектра. Это скорее протестный электорат, напуганный резкой сменой социально-культурного ландшафта и беспокоящийся о своих рабочих местах, социальных гарантиях и пр. При выполнении определенных условий он готов снова голосовать за «системных» политиков. Вопрос – смогут ли им быть предоставлены такие условия? Пока поляризация проходит в основном по линии «за или против приема беженцев»

Все это не касалось радикалов исламистского толка. В Европе в 2016 г. произошло 39 террористических актов за 2016 г. и беспрецедентный рост числа выезжающих в Сирию и Ирак «джихад-туристов» говорят об обратном. Поражения ИГИЛ в Сирии и Ираке требуют новых «воинов Аллаха», что террористические ячейки и пытаются обеспечить, сея вражду, страх и ненависть между европейскими мусульманами и коренными европейцами, вербуя новых сторонников среди одурманенных исламистской пропагандой единоверцев.

Соответственно, это не могло не найти отражения в натсроениях европейцев. (Диаграмма 1) (для сравнения Диаграмма 2 – антисемитизм, Диаграмма 3 – мигрантофобия.)

Кстати, образ мусульманина и мигранта в общественном сознании европейских стран постепенно разделяется – к первым относятся с опасениями, ко вторым с сочувствием, хотя это одни и те же люди.

Таким образом, снижение мигрантофобии происходит на фоне роста исламофобии, что показывает, насколько неустойчивы настроения людей.

Нельзя сказать, что власти не осознают опасности. В 2016 году они предприняли ряд серьезных мер по борьбе с ксенофобией и радикализмом. Так, 22 декабря 2016 года во Франции вступил в силу Закон о равенстве, который определил расовую ненависть и ненависть на почве сексуальной ориентации отягчающими обстоятельствами при совершении преступлений. В декабре 2016 года был принят новый антидискриминационный закон в Греции № 4443/2016, который запретил дискриминацию по признаку расы, цвета кожи, национальной этнической принадлежности в секторе труда и занятости. В Италии в 2016 году было криминализировано отрицание Холокоста.

17 мая Палата представителей Нидерландов (Tweede Kamer) при-

няла проект Временного закона об административных мерах по борьбе с терроризмом, представленный министерством безопасности и юстиции (MSJ). Законопроект ограничивает свободу передвижения лиц, представляющих угрозу национальной безопасности, и тем, кто намерен присоединиться к террористическим группировкам или оказать им финансовую поддержку. Он также касается и лиц, которые возвращаются из мест боевых действий (в Сирии, Ираке, Афганистане и т.д.),

В России в 2016 году были внесены изменения в целый ряд законов антиэкстремистского и антитеррористического характера. Речь идет об изменениях в «Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О противодействии терроризму», в ряд других законов, а также в КоАП и УК РФ. Всего были внесены изменения в 12 Федеральных законов.

Более того, целый ряд европейских стран предпринял беспрецедентные меры безопасности, граничащие с нарушением прав человека. Во Франции еще в 2015 г. было введено, а в 2016 г. – продлено чрезвычайное положение. В Нидерландах был принят закон, позволяющий в ускоренном порядке, без суда лишать гражданства возвращающихся с войны джихадистов, имеющих двойное гражданство.

Здесь вопросы правозащитников вызывает моральная сторона вопроса, поскольку террористы, вытесненные из голландского общества, но оставленные на свободе, продолжат совершать преступления за границей.

В России была проведена в 2016 г. реформа антиэкстремистского законодательства, наложившего, в частности, ограничения на миссионерскую деятельность.

Великобритания приняла пакет законопроектов, направленных на создание невыносимых условий для нелегальных иммигрантов. При этом Объединенное Королевство не торопится открывать границу для новых потоков беженцев. Вместе с Германией Британия расширила список т.н. «безопасных государств», включив в него отнюдь небезопасный Афганистан, что автоматически означает высылку всех соискателей убежища из этой страны. Целый ряд законов, направленных на выдавливание из страны беженцев и лиц, ищущих убежища, приняла в 2016 г. Венгрия. Все это сопровождалось беспрецедентной ксенофобской компанией, развязанной в государственных СМИ.

Говоря о ***правоприменительных практиках*** 2016 года, следует

выделить *усиление иммиграционного контроля на границе, а также на воздушных и морских судах (практиковалось во всех странах мониторинга); введение ускоренной процедуры принятия решений о депортации лиц, ищущих убежища, но пытавшихся обмануть иммиграционные органы, а также лиц, прибывших из т.н. «безопасных» стран; увеличение отказов в предоставлении статуса беженца, борьба с ксенофобией и расизмом в сети Интернет*.

Пожалуй, стоит заострить внимание, в этом смысле, на инициативу французского правительства по созданию «Фонда свободы ислама». Эта организация была создана в 2016 г. во главе с бывшим министром Жан-Пьером Шевнементом (Jean-Pierre Chevènement). Задачей нового фонда будет подготовка имамов на французском языке и с преподаванием основ французской культуры.

Между тем, ситуация с преступлениями на почве ненависти принципиально улучшилась только в России и Польше, где увеличилось число зарегистрированных преступлений ненависти при значительном сокращении числа насильственных преступлений.

Почему мы говорим про Польшу и Россию, хотя общее число правонарушений на почве ненависти там выросло? Потому что, если мы проанализируем структуру преступлений, мы увидим, что этот рост произошел за счет преступлений ненасильственного характера и, в основном, в Интернете. При этом доля насильственных преступлений резко снизилась.

В остальных странах зафиксирован рост, причем в таких странах, как Великобритания (Диаграмма 7), Германия и Италия (Диаграмма 13) – рост значительный.

Таким образом мы видим, что несмотря на определенное снижение уровня ксенофобии и активности праворадикалов, несмотря на энергичные действия власти, уровень преступности на почве ненависти растет. А значит, меры, предпринимаемые европейскими правительствами не эффективны. Почему?

Я думаю, что здесь есть целый ряд причин объективного и субъективного характера. К субъективным относятся законодательные изменения и правоприменительные практики властей, которые дефакто усугубляют ситуацию. К ним могут быть отнесены:

нарушение основополагающих прав этнических и религиозных меньшинств;

терпимое отношение к преступлениям на почве ненависти;

терпимое отношение к праворадикальным и неонацистским группам;

нарушение прав мигрантов и беженцев.

К актуальным нарушениям прав этнических и религиозных меньшинств в 2016 г. может быть отнесено этническое профилирование полиции; институциональный расизм; принудительная этническая сегрегация в образовании (например среди цыган в Венгрии, Чехии и др. странах); изменение административного деления страны с целью лишения меньшинств права пользования языковыми преимуществами, как это например произошло в 2016 г. в Польше, где были объединены Опольский округ, с преимущественным проживанием польского большинства, с четырьмя другими муниципалитетами, где проживает более 20% немецкого меньшинства; искусственное сокращение числа школ национальных меньшинств, урезание права национальных меньшинств на пользование своим родным языком на региональном уровне, а также сокращение квот для языков национальных меньшинств в СМИ, как это происходило в 2016 г. на Украине.

Важным фактором также остается давление на религиозные организации, что характерно практически для всех стран мониторинга, прежде всего законы, запрещающие мусульманам носить в публичных местах религиозные атрибуты одежды.

Важным фактором остается проблема сокрытия преступлений ненависти и их трансформации в бытовые преступления, что особенно актуально в Греции, Венгрии и на Украине.

Существует проблема терпимого отношения к преступлениям на почве ненависти в целом, особенно среди сотрудников правоохранительных органов.

Еще одно проблемой является терпимое отношение в радикальным националистам и неонацистам. долгое время эта проблема была характерна для Греции, однако уже три года как это не так. Сегодня это Украина. Практически все праворадикальные организации в этой стране имеют свои военизированные подразделения, которые после смены власти в марте 2014 года были официально введены в состав Национальной гвардии Украины или Вооруженных сил.

Говоря о нарушениях прав мигрантов и беженцев, необходимо вспомнить о противозаконных акциях в Венгрии по вытеснению мигрантов и беженцев из страны, в том числе путем сокращения денежных выплат, о расширении списка «безопасных стран» в Германии и Великобритании, о создании невыносимых условий для нелегальных иммигрантов в Объединенном Королевстве, об упрощенной процедуре лиц, ищущих убежища, не имеющих при себе документов и пр.

Но самое главное – это объективные предпосылки европейской ксенофобии и радикализма. Их несколько.

1) Особенности современного либерального капитализма, который предполагает свободное перемещение капиталов и трудовых ресурсов. В итоге в развитых странах образовалась новая прослойка – это белые люди, имеющие профессиональное образование, представители рабочих профессий, которые либо потеряли работу в связи с переносом производства за рубеж, в более дешевые страны, либо стали получать существенно ниже из-за того, что в страну приехало много трудовых мигрантов, которые удачно демпингуют на рынке труда.

Эти люди – протестный электорат, аналогичный протестному электорату из американского «ржавого пояса», который проголосовал за Трампа. Эти массы выступают против глобализации, они хотят возврата производств в свою страну, сокращения числа трудовых мигрантов и приоритета в получении социальных благ перед иностранцами.

Сегодня эти люди совершенно никого не интересуют. Это даже не классическая безработица, когда есть надежда на возрождение производств на очередном этапе экономического развития. У них нет шансов и нет надежды.

В сущности именно эти люди, которых либеральная элита называет неудачниками, обеспечили Brexit. Эти люди являются естественной средой для праворадикальных партий. Именно этим объясняется относительный успех наиболее крупных из них.

2) Особенности европейской конституционной традиции, которая не предусматривает преимуществ для каких либо этнических групп, кроме титульной. В итоге европейские страны либо отрицают наличие у себя этнических меньшинств (как например, это происходит во Франции и Греции (кроме Зап. Фракии), либо ограничивают де-юре или де-факто их число узким кругом традиционных меньшинств.

Например, французское законодательство не разрешает даже собирать статистические данные об этническом происхождении своих граждан. Примерно то же самое происходит и в Греции, конституционная традиция которой ставит знак равенства между отдельными правами малых народов и религиозно-этнической сегрегацией, жертвами которой были православные греки на протяжении веков османского владычества. В то же время, «особые» национально-культурные права этнического большинства – французов или греков – не подвергаются сомнению ни в одной из них.

Многие европейские страны сделали оговорки при присоединении к Рамочной конвенции о защите прав национальных меньшинств Совета Европы, определив, что они относят к национальным меньшинствам только коренные традиционные этнические меньшинства. Например, в Германии это датчане, сёрбы, фризы, немецкие цыгане, в Нидерландах – только фризы и т.д. Даже те страны, которые приняли Конвенцию без оговорок, де-факто проводят точно такую же политику по отношению к меньшинствам, как и те, что сделали это с оговорками. Так в Великобритании, полностью присоединившейся к Конвенции, существует один государственный язык (английский) и три региональных – валлийский в Уэльсе, гаэльский в Шотландии и ирландский в Сев. Ирландии.

От такой практики страдают, прежде всего, некоренные меньшинства, которые не идентифицируют себя ни с одним из меньшинств «традиционных». Это турки, выходцы из бывшей Югославии, стран Азии и Африки и т.д.

Отсюда вытекает единственно возможный вариант интеграции – добровольная культурная ассимиляция, потому что государственная поддержка новых этнических и религиозных меньшинств отсутствует, а, следовательно, отсутствует и контроль над ними.

В принципе, на протяжении почти полутора столетий ассимиляционный подход помогал решить многие из этих проблем, поскольку люди, в основном трудовые мигранты, сами стремились как можно быстрее ассимилироваться и приобщиться к преимуществам западной цивилизации.

Проблема возникла тогда, когда значительная часть иммигрантов отвергла добровольную ассимиляцию. Например, согласно последним опросам, во Франции примерно 75% мусульман чувствуют себя «в той или иной степени» или «безусловно» французами, а потом

уже представителями своей религии, своего этноса или страны исхода. Но 25% (а это очень большая цифра) не согласны принять такую модель. Для них первичным является их этническое, религиозное и географическое происхождение. Они не считают себя французами, хотя для многих из них Франция – родина, а в кармане у них лежит французский паспорт.

Таким образом, государство выстроило жесткие рамки, за пределами которых в нач. 21 века оказались все те, кого условно можно назвать жертвами глобализации и международных конфликтов – они не хотят менять свою идентификацию и предпочитают воспитывать своих детей в традициях своих предков, но по целому ряду причин были вынуждены покинуть страну своего рождения. В условиях жестких интеграционных правил, эта группа предпочла самоизолироваться и создать своеобразное гетто. Причем речь идет не столько об иммигрантах первого поколения, сколько о крупных компактных группах иммигрантов второго и даже третьего поколения, которых государство оставляет в идеологическом и культурном вакууме.

Проблема состоит также том, что они воспринимают Европу как свою родину (ведь они действительно родились там), и при этом стремятся изменить идентичность европейцев так, чтобы она соответствовала их традиционным представлениям. Это создает основу для роста ксенофобии, взаимной неприязни, дискриминации и усиления влияния экстремистских групп с обеих сторон.

Государство, вместо того, чтобы выработать новую национальную политику, обеспечивающую интересы всех групп населения, категорически не желает отказаться от политики ассимилиции, но периодически идет на разного рода символические уступки, типа запрета на установку рождественских елок, продаж спиртного в районах, населенных мусульманами, введения халяльного питания в общеобразовательных государственных школах и пр. Все это лишь создает дополнительные условия для «геттоизации» общин и увеличивает межобщинную разобщенность и вражду.

По сути дела, европейская идея могла бы помочь разрешить эту давнюю проблему, но попытки руководства ЕС двигаться в направлении федерации и, в перспективе, создания единого многонационального государства *европейцев*, наталкиваются на противодействие своих государств-членов, чьи правительства оказались не готовы пожертвовать своими национальными традициями и интересами.

3. Еще одной проблемой в Европе остается также противоречие между демократическими ценностями и требованиями безопасности, а также противоречие между основной демократической ценностью – свободой слова и самовыражения и требованиями ст. 4 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которая криминализирует «всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти..., объявляет противозаконным и запрещает организации, а также … пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением».

При подписании Конвенции оговорки к данной статье сделали Великобритания, Франция и Италия. В Италии уголовная ответственность за распространение ненависти связана с доказательством воздействия обвиняемого на широкую аудиторию с «целью изменения ее поведения», что доказать также очень сложно. Многие другие страны, формально присоединившиеся к Конвенции без оговорок, на деле игнорируют требования ст. 4. Например, также на Украине это обусловлено необходимость доказывания «прямого умысла»

Общим обоснованием отказа ввести уголовную ответственность за пропаганду ненависти является приверженность принципу свободы слова и самовыражения, который является краеугольным в основном законе большинства стран ЕС.

Таким образом, мы упираемся в набор противоречий системного характера. Во-первых, глобализация привела к обеднению многочисленной прослойки белых, имеющих профессиональные рабочие специальности и сделали их базой праворадикальных организаций.

Во-вторых, существующий порядок обеспечил приток в страны Запада дешевой рабочей силы, представляющей чуждую социально-культурную среду, которая не готова к добровольной ассимиляции. Вооруженные конфликты на Ближнем Востоке еще более усугубляют ситуацию, поскольку к трудовым мигрантам добавляются вынужденные переселенцы и беженцы, вообще не готовые к смене идентичности.

В-третьих, конституционная традиция западных демократий не предусматривает никаких иных форм интеграционной политики меньшинств, кроме ассимиляционной, а потому эта новая масса мигрантов становится питательной средой для исламистов, которые

просто заполняют образовавшийся вакуум в связи с отказом государства от участия в их культурно-образовательной и религиозной жизни.

В-четвертых, существует непреодолимое противоречие между главной либеральной ценностью – свободой слова и самовыражения, с одной стороны, и требованиями ст. 4 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которая запрещает распространение человеконенавистнических идей. Это противоречие приводит к тому, что в большинстве стран Европы разжигание ненависти не криминализировано, Следствием этого становится увеличение сторонников радикальных партий и групп, а также рост преступлений на почве ненависти насильственного характера.

В-пятых, объективные предпосылки для роста радикализма и ксенофобии в европейских обществах ведут к правому дрейфу политики правящих партий, которые также начинают использовать в электоральных целях популярные ксенофобские лозунги. Это ведет к целому ряду ошибок политической элиты в отношении меньшинств, что еще более усугубляет ситуацию.

В-шестых, радикальные партии эффективно используют сложившиеся обстоятельства, стараясь еще более разжечь уже не просто межнациональные или межрелигиозные, а межцивилизационные противоречия. При этом жертвами становятся не только мигранты, но и представители коренных меньшинств.

Все это говорит о том, что в Европе разгорается социально-политический кризис, который затрагивает основы европейских национальных государств. Его главная причина кроется в краеугольных элементах либерализма. Более того, те ценности, которые на протяжении веков являлись драйверами роста и развития государств западной цивилизации – демократия, свобода перемещения людей и капиталов, общество потребления и пр. – становятся главными драйверами кризисных явлений.

Для того, чтобы предотвратить этот процесс нужна кардинальная корректировка этого курса, пока же можно предложить лишь косметические меры в качестве рекомендаций:

Прежде всего, рекомендуется *признать все этнические меньшинства*, включая т.н. «новые», являющиеся самыми многочисленными. Не умоляя значения интеграционных мер в области изучения государственного языка страны пребывания и основ права, необходимо

предпринять меры к обеспечению государственной поддержки этнических и религиозных общин, что позволит сохранить их самобытность, а также установить контроль над их деятельностью.

Необходимо *отказаться от абсолютизации права на свободу слова и самовыражения* ***в тех случаях, когда речь идет о пропаганде ненависти***, прежде всего в Интернете. Как показывает опыт отдельных стран, это приведет к резкому сокращению насильственных преступлений этого характера.

Следует *усилить контроль за радикальными группами*, действующими в легальном поле, в том числе за ультракатолическими организациями, которые демонстрируют сближение позиций с ультраправыми и даже неонацистами. Полезными станут также меры по привлечению религиозных организаций, прежде всего христианских церквей и исламских объединений, к борьбе с ненавистью и пропаганде толерантности.

Требуется принять решительные меры по широкому внедрению *образовательных программ против расизма и дискриминации* в практику подготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Нужно сделать все необходимое для того, чтобы *действия правительства в отношении мигрантов и беженцев*, в том числе находящихся в странах Европы нелегально, *не вели к усилению дискриминации* и ненависти в отношении этих групп и вообще в отношении этно-религиозных меньшинств

Введение госконтроля за религиозными и этническими общинами

Dr. Epstein Alek D.
Jerusalem

HOLOCAUST THAT NEVER ENDS: LIFE AND ART OF ZEEV KUN

Reactions in the visual arts to the Nazi persecution of the Jews paralleled Adolf Hitler's rise to power and continue to this day. During the Holocaust a tremendously rich variety of works of art were produced in the ghettos, hiding places, and camps of Nazi-occupied Europe. It was produced in extermination camps like Auschwitz, in the 'model' camp of Theresienstadt, in transit camps like Westerbork in the Netherlands and Malines in Belgium, and in the network of camps set up throughout France, such as Drancy and Gurs. All these artists, whether professional or amateur, men or women, young or old, had one thing in common – they had been labeled undesirables, interned in the camps, cut off from society, and ordained to be victims of the Nazi Final Solution. Unlike Holocaust Art – a name that designates the art produced by inmates in the ghettos and concentration camps – art that responded to the Holocaust has no clear name and its definition is highly complex. As it was demonstrated in Professor Ziva Amishai-Maisels' brilliant book entitled *Depiction and Interpretation: The Influence of the Holocaust on the Visual Arts*, this art was created by survivors as well as by refugees who fled to the free world before or during the war; by camp liberators who discovered the shocking truth of the Holocaust for themselves; by the children of survivors or refugees who carry in themselves the burden

of memories, pain, and guilt transmitted to them from their parents; and by non-participants who may have lost relatives in the Holocaust or were simply shocked by it or by the idea that its lessons remain unlearned. Some artists reacted immediately, occasionally even anticipating events to come. Others – including survivors who had tried to turn their backs on their past – reacted to events that triggered their emotions: the discovery of the camps, the Eichmann trial, or other examples of genocide. For some, the Holocaust was a specific event occurring in a set period of time; for others, it was an archetypal event which could be used to comment on other catastrophes. Whereas survivors and even their children often used art as therapy to recover from the past, most artists used it to make sure that the Holocaust would be remembered by memorializing it.

Several common motifs and themes run through all categories of Holocaust-related art. The primary image of the camp from the mid-1930s was of people behind barbed wire; this representation was reinforced after the camps were liberated. Another primary symbol was the refugee, a subject documented by the refugees themselves (like Marc Chagall) and by those who wanted to state their plight. This image was transformed after the war by artists such as Lasar Segall into that of the displaced person to represent survivors who were trying to find a place to stay. This subject slowly disappeared after 1948, as the State of Israel was seen as having solved this problem. Another image that was popular during the war was that of the Jewish partisan, especially those who participated in the Warsaw Ghetto uprising depicted in the monument by Nathan Rapaport. Other symbols became common only after the war, for instance the symbolic use of the crematorium chimney and the image of emaciated corpses or survivors, themes that grew out of the experience of liberating the camps and understanding what had happened there. Some artists later specifically portrayed the corpses in all their expressive reality to awaken the failed conscience of the modern world that continues to commit genocide.

All the above symbols were taken from the camp experience. But artists who were interested in learning moral lessons from the Holocaust also culled other images from religion and mythology to convey their ideas. Thus the victim can be portrayed through biblical symbols, such as the sacrifice of Isaac or Job who questions God, as in the works of Leonard Baskin and Jakob Steinhardt respectively. These subjects could also be used to vent anger against God for allowing the Holocaust to happen, as in the work of Mordecai Ardon. Marc Chagall led the way in depicting

the victims as the crucified Jewish Jesus, in an attempt to make Christians understand what was occurring. Resistance to Nazism was symbolized by Jacques Lipchitz by means of David slaying a Nazi Goliath and Prometheus slaying the vulture.

The Holocaust also prompted Jewish artists to take a renewed look at their Judaism. While some affirmed their faith and Jewish identity and others expressed their anger against God, a few stressed their lack of faith in the future of Judaism. Thus Samuel Bak depicted a destroyed and patched-up Ten Commandments that will never be the same. In Bak's own words, "I certainly do not make illustrations of things that happened. I do it in a symbolic way, in a way which only gives a sense of a world that was shattered."

As Samuel Bak, Zeev Kun, an outstanding Israeli artist, who is himself a holocaust survivor, is a conceptual artist with elements of post-modernism as he employs different styles and visual vernaculars, i.e. surrealism (Salvador Dali, René Magritte), analytical cubism (Picasso) and quotations from the old masters. The artist never paints direct scenes of mass death. Instead, he employs allegory, metaphor and certain artistic devices such as substitution: toys instead of the murdered children who played with them, books, instead of the people who read them. Zeev Kun's paintings cause discomfort, they are a warning against complacency, a bulwark against collective amnesia with reference to all acts of barbarism, worldwide and throughout the ages, through his personal experience of genocide. Ignited by haunting images from his memories of the horror of the Holocaust, Kun's work reflects not just the fragility of human existence but also the triumph of the human spirit in the face of atrocity.

Zeev Kun was born on April 16th, 1930, in the city of Nyíregyháza, in northeastern Hungary. His parents Blanka and Sandor owned an art supply store, where Zeev worked as a bellboy since the age of twelve. However, that did not last for long. In March and April 1944, the deportation of Hungarian Jews began, and Zeev, who was only fourteen back then, was first sent to Auschwitz, then to the Jaworzno concentration camp, 23 kilometers away from Auschwitz, and then from January to April, 1945, he was imprisoned at the concentration camps of Gross-Rosen, Buchenwald and Flossebürg. On April 23rd, 1945, the camp was freed by the 97 artillery division of the US army, who found over fifteen hundred half-starved and weakened prisoners; one of them was Zeev Kun, who had just turned fifteen. In late August, 1945, he managed to return to Hungary, where he learned that out of the eight thousand Jews of Nyíregyháza, only several hundred had survived

the Holocaust. Zeev Kun recalls that out of his 28 classmates, only three survived the war.

As incredible as it seems, with a concentration camp tattoo still visible on his arm, Zeev Kun went back to school. After graduation, he entered the Budapest Art Academy in the fall of 1947, where he studied for over two and a half years. As the new pro-Communist political regime was growing more and more repressive, all of his family's property was nationalized. The same year, Zeev Kun joined a group of approximately thirty Jews from the Zionist organization "Ha'Shomer Ha'tzair," and managed to secretly cross the Czech border, then go to Austria and later to Italy. Finally, the group boarded a ship at the city of Bari, and arrived to Israel by sea. This journey took them three whole months.

Initially, Zeev Kun settled at the kibbutz of Givat-Chaim near Hadera. However, quite soon after that, he moved again, this time traveling to Austria where he entered the Academy of Arts of Vienna. Zeev Kun arrived in Vienna just when the so-called Vienna School of fantastic realism was emerging in the city. Among its leaders were people of quite contrasting backgrounds. For example, Rudolph Hausner (1914–1995) was enlisted in the German army in 1941 and spent the whole war on the front lines as a Wehrmacht soldier, while Ernst Fuchs (1930–2015) who was half-Jewish (through his father), was sent to a concentration camp and was only saved thanks to his mother's huge efforts.

The students and professors of the Vienna Academy of Arts sought to analyze and reflect the horrors of World War Two in their art, all the while maintaining a dialogue both with the masters of the German Renaissance, such as Hieronymus Bosch and Pieter Bruegel the Elder, and with the surrealists active in the 1920s and 1930s, first of all, Max Ernst (1891–1976). According to Zeev Kun, back then, he felt especially close to Anton Lehmden and Ernst Fuchs. The main theme of E. Fuchs's works was the Apocalypse; his paintings are shot through with the fear of an inevitable catastrophe, of an imminent destruction of the world. In his paintings, full of pain and despair, the presence of death is always palpable. It is no wonder that Zeev Kun, who survived the horrors of Auschwitz and Buchenwald, was so deeply touched and moved by the works of this painter, who was also the same age.

When Zeev Kun returned to Israel, he was admitted to the local Association of artists and sculptors, but still, his artistic manner did not quite fit with what was then considered as the true contemporary art trends. He

had to wait until 1963 – almost ten years – before he managed to openly exhibit the works showing his unique and instantly recognizable style. To speak about the unspeakable, to tell those stories without making people shudder and turn away, Zeev Kun turned to the pictorial language of surrealism. Many gallery owners thought he had lost his mind, because while his perfectly-mastered technique allowed him to achieve the most complicated artistic goals, he still dedicated himself to creating deep and philosophical works that for years did not bring him any commercial profit.

Out of all the Israeli art institutions, the only one that ever worked with him on a regular basis was the Gallery of Eliezer Rosenfeld, founded in 1952. His exhibitions took place in London (1965), Sydney (1967), New York (1968), Detroit (1970), Paris (1972 and 1994), Stockholm (1975), Antwerp (1976) and Berlin (1987). Though, strangely enough, neither the Israeli Museum in Jerusalem, nor the Tel Aviv Art Museum has ever staged a retrospective exhibition of his works. Of all the artistic awards in Israel, he has only received the Max Nordau Prize (1973), which is far beneath his true merits and his contribution to art, both in Israel and abroad. Stunningly, Zeev Kun is still an inspired creator who has quite a lot to say, and he works at the easel everyday, producing new works of art.

The artistic destiny of Zeev Kun was largely predetermined by the ten years between 1943 and 1953. His teen years were destroyed by the horrors of the death camps, then he spent his youth at the art academies of Budapest and Vienna, and then he started a new life on the soil of the young State of Israel that was dealing with the consequences of the Holocaust and the losses suffered during the Independence War of 1948–1949. As Professor Recanat put it, "Zeev Kun has created a touching and poetic world inhabited by inanimate objects turned into living characters that tell their stories through touching still lifes. But, maybe, it is these old and long-abandoned objects, these decaying old buildings, so defenseless against fate, that constitute the best symbolic representation of the modern society that has made consumerism and wealth accumulation its religion. The brush of the painter transforms these paintings into heartfelt anthems of real human values." In his paintings, Zeev Kun has created a unique materialized world left behind by people against their will. The victims of the Holocaust who were captured and deported in haste did not have the time to take anything with them. So, almost everything they had in their homes remained there, either intact, or in some disarray. But

regardless, the people to whom these objects once gave comfort, are no longer there. The material objects can't take care of themselves, so their world falls apart slowly but surely.

That is the core message Zeev Kun seeks to convey to his viewer. At first sight, the interiors and exteriors he paints seem nice and attractive, but then they turn out to be the images of "death after death," the visions of life after the Apocalypse, a life that still goes on, but gradually inevitably slows down. Objects usually live much longer than people, but buildings only have a purpose when they give shelter to someone, and furniture and kitchenware only exist to make a house a home. Only people can give objects a true life and meaning, otherwise they remain inanimate and useless, doomed to decay as nature takes its course. That is what Zeev Kun shows so vividly in his canvases.

Zeev Kun does not attempt to represent directly in his art the worst dimensions of the Holocaust. Instead his paintings mix biographical references with references to both Jewish civilization and Western civilization more broadly, since he clearly views the Holocaust as a profound rupture in both civilizations as well as in his own life.

Ill. 1. Zeev Kun in his studio with the recently finished painting "Still life with a Curtain", Tel-Aviv, 2015. Photo: Alek D. Epstein.

The painting "Still life with a Curtain," the one that could also be called "The Last Bow," shows ordinary kitchenware: a casserole, a pitcher, a bottle, a ladle with a towel, a folded tablecloth. These objects are arranged in the center of the painting, they are even somewhat elevated, like on a stage. An opaque grey curtain adds to this impression, and it feels like it can close at any moment, thus forever hiding from us all these objects that used to make someone's house a home. The floorboards are cracked and split, the paint on the windowsill peeling off, and nothing can bring back to life what is already lifeless. The outside world remains grey, cold, drab and dull, and its lifeless brownish-bluish, green and dirty-white colors bring out a sense of despair, indifference and emptiness. The pitcher, the casserole, the bowl, and the tablecloth that once belonged to someone who is no longer there, crack, break and fall apart, just like the wooden floor of the house. Yet it feels like all these seemingly inanimate objects really do have a living soul. They are gathered on the windowsill, like actors onstage after a final performance, as if to take a last bow and disappear behind the grey curtain, disappear forever, just like those who they belonged to did, and that will be the moment that death finally triumphs over life.

In the painting "Abandoned House", the viewer can see a simple bland room with a single window hidden behind a modest transparent curtain, with the rays of the evening sun protruding and smoothly lighting up old walls with cracked paint that is almost coming off, and poor furniture: two tables, one with a bucket on it, the other with a clock with motionless cogwheels. Under the table by the window, the viewer can notice another bucket – and that is it. There is nothing else in the room, so empty and lifeless. A half-open door leads onto the porch, and farther on, one can see the treetops of a wild virgin forest, gilded with the fading light of the day. Motionless white-yellowish sunrays chime with deep ochre and opaque brown shadows covering the walls, the blue windowsill resonates with the dull wooden floor and the table, displaying the same bleak variety of blue one can see on the handrail outside and the paint cracks snaking up the walls. There is no one to take care of this house, no one to refurnish the room or repair the clockwork. There is no one to even close the door so that cold and merciless winds don't blow around the room that was once someone's home.

The painting "Mailbox" shows a withered tree near a closed gate and an almost destroyed barn with a collapsed roof. Pale lifeless shadows look out

Ill. 2. Zeev Kun, "Abandoned House".

of an empty tree hollow, resembling the restless ghosts of those pressed together, crushed in the Auschwitz barracks, and then killed in the gas chambers. From one of the branches hangs an old mailbox with an undistinguishable address upon it, washed away by the rain. People always wait for letters, that is why they hang mailboxes on their doors, but those deported to the concentration camps were denied any possibility of receiving a letter, deprived of the right to correspond, and their families could not find out what had happened to them, often hoping for years to see them. This huge mailbox looks like a mass grave where hopes for rescue are buried, the hopes of those who perished in Auschwitz and Buchenwald, in Jaworzno and Flossenbürg, all those for whom Zeev Kun speaks today. In a dark, sullen sky, completely covered with black-violet tempestuous clouds and flamed up with glaring lightings, a tumultuous wind unleashes a storm on the whole scene. With every gust of the tempest, broken slates tumble down from the roof, and the empty mailbox dangles back and forth. And the green grass piercing through the sand under the white brick wall seems to be the last reminder of the happy life that once flourished there. All the objects in the paintings seem stiff, almost frozen, like in an old photo, an instant captured for all eternity. The mailbox, hanging on the side, seems to hopelessly turn to the sky, while the roof falls in completely, destroyed by the raging gusts of the wind, and the gate is closed tight, since there is no one to enter it anymore. Finally, the darkness descends and gets ready to engulf what was once a blossoming world full of life, to bury it in oblivion. The artist manages to capture and convey the silent loneliness of the empty gate, the de-

stroyed barn, and the mailbox that no one will ever use once again to send a letter, and save them all from the darkness, from disappearing forever.

Zeev Kun has produced a vast number of astonishing landscapes and still lifes, but he has rarely painted portraits or self-portraits. That is the reason his "Self-Portrait with an Easel" really stands out among his works. Through paintings like this, the artist lets the viewer into his studio, he literally opens up to them. The room is modest and even somewhat bland: a simple still-life is laid out on an old blue border tablecloth. Grey-bluish walls, with a tinge of yellow, without any decorative patterns, show deep paint cracks. The whole scene is painted with gentle, transparent, almost graphic brushstrokes that remind one of a pencil or pastel drawing. Daylight fills the room evenly, and everything here seems so transparent, weightless, airy, even misty, like a distant memory from the past. In the background, one can see the artist's self-portrait, all painted in a palette of grey and brown, like a charcoal drawing, partly hidden behind an easel. The artist's face is shown from the side, as if he turned away from us. Indeed, he is all alone with his memory, watching his viewer with only one eye. But could it be different? In a way, one of his eyes is always full of horrific visions of Auschwitz and Buchenwald, it is always there, and even several decades later, he is doomed to watch the world around him with only one eye, because the other one is filled with what he had to see and to go through in those terrible years. As mentioned by Theodor Adorno in his Negative Dialectics, ethically Hitler's barbarism imposes a "new categori-

Ill. 3. Zeev Kun, "Mailbox".

Ill. 4. Zeev Kun, "Self-Portrait with an Easel".

cal imperative" on human beings in their condition of unfreedom: so to arrange their thought and action that "Auschwitz would not repeat itself, [that] nothing similar would happen". This is exactly Zeev Kun's mission in his life and art.

The painting "Five Minutes Before the War Ends" shows a dead tree near a house almost destroyed by bombs, stretching its dry branches over the ground covered with debris and shrapnel, wounded with projectiles and flooded with scarlet blood. From one of the branches hangs an alarm clock, miraculously saved from the recent bombing. Pain and horror reign all over the place. Smashed wooden roof beams stretch to the sky, resembling bare bones. Cracked and almost crumbling walls turn their empty windows to the sky, with rare shutters still hanging down on broken hinges, like a ghost beseeching the sky with empty eye-sockets. Chunks of stone, wood, and concrete are all mixed up in a huge pile on the street, and it seems like the earth itself rises up in humpy surges, stained with red. And in the meantime, the ruins tumble down and bury human lives and memories under the rubble. And for a moment, one can get a glimpse of the last green stems of grass that still remind you of a recent summer, and a woman's face under one of the broken boards, shining with cold and morbid, almost otherworldly light.

The clock has stopped forever, it seems so lost, surrounded by a vision of war and tragedy. It becomes the dramatic centerpiece of the painting. The clockwork has almost fallen out, but the white clock face is still there, remaining intact with its thin hands frozen at five minutes to six. But these five minutes will never pass. The clock will never start ticking again, there

will be no one to wake up to its alarm and start a new day. The painting is shot through with the deafening silence of despair and emptiness. And for a moment, one may feel that the clock alarm is still ringing, with no one to hear it, as if it was trying to wake the people up from this nightmare, to make them witness the tragedy of the massacre and do something to stop it, before it is too late.

Ill. 5. Zeev Kun, "Five Minutes Before the War Ends".

But no one did it. No one stopped World War Two or the Holocaust. That is the key message conveyed by Zeev Kun, the core idea expressed so vividly in all of his works. Despite the national Jewish rebirth in Israel and in some countries of the Diaspora, the painful memory of the Holocaust can never be healed, and it will live in us forever.

Dr. Feferman Kiril
Israel, Ariel University

CHRISTIANITY AND COLLABORATION

The presentation examines several aspects of wartime Christian approaches in various churches across Europe towards collaborating with the Germans in the implementation of the Final Solution policy. The first factor is the relationship between the Christians' religious awareness and their ethnic consciousness. In some cases ethnic considerations, with ensuing attitudes towards collaboration prevailed over religious understanding. The second aspect is overall Christian fear of Bolshevism, largely associated with Jews and regarded as an instrument of Jewish influence and viewed by many as the greatest threat to Christianity from its inception. The third factor is Christian understanding that the churches in the contemporary world were on the defensive and no effort should have been spared to preserve what can be still spared. The fourth factor is Christian attitudes towards converts (i. e. the extent to which Christians embraced Nazi ideas that converted Jews remained Jews) vs. their attitudes towards other Jews. The fifth is the question whether and to what extent there existed 'religious solidarity' between Christians and religious Jews that could bring about more moderate approaches towards religious Jews among the Christians.

Prof. Feldman Matthew
Teesside University, CFAPS

HOLOCAUST DENIAL AS A FORM OF MODERN XENOPHOBIA

Hi everyone, I'm Professor Matthew Feldman from Teesside University, where I'm the co-director of the Fascism Studies Centre there, and where I teach Nazism and the Holocaust over a few different modules. But I don't teach this particular subject there; not Holocaust Denial, for reasons I'll explain in this lecture to you (**PP2, some characteristics by the historian Richard Evans, who I'll say more about later**). I actually take a vote every year in my year 2 module, *The Third Reich, 1933-1945,* as to whether the subject of Holocaust Denial should replace an existing lecture on the development of the Nazis' Final Solution – say, on the history of Auschwitz-Birkenau?, or the actions of the Einsatzgruppen – those mobile killing squads following behind the Wehrmacht's invasion of the USSR in June 1941, about whom I'll have more to say shortly. After the kind of discussion I hope that we'll have after this lecture, the students voted to *ignore* the subject. There are certainly good reasons for doing so, in fact; a close colleague and specialist on the Holocaust understandably refuses to give any attention to Holocaust denial, since "it's just an insult to both victims and History."

I want to call this the 'round Earth' rejection of 'Holocaust denial'. It was best put forward by James Najarian, a very wise interpreter of the various

methods there are in denying the Holocaust: "Flat-earthers believe that the earth is flat and the United States space program is a hoax. This does not make the rest of us round-earthers; we don't need a name for ourselves." And it's true; some of the techniques of Holocaust Denial are so ludicrous as to defy belief. And it is also true that we can group some Holocaust deniers alongside people who think the US space programme was faked, or that 9/11 was an inside job; or who wear tin foil hats to protect the brain against radiation or mind control. The 'tin foil hat brigade' are likely to see every major historical event as a conspiracy; some sort of inside job that helps to conveniently explain how bewildering – and how cruel – the real world can be.

But this is the *least* serious and *least* important of the forms Holocaust denial takes today. As Youth Champions for Holocaust Memorial Day, it is likely that you are going to encounter some of the arguments put forward by more dangerous forms of Holocaust denial, which very deliberately styles itself as 'historical revisionism' so as to appear moderate and convincing; as simply another 'point of view' that everyone's entitled to. This slick surface can be seen on professional websites (http://www.ihr.org) and many books with the look, references and jargon of academic books (**PP3; images of books**). In considering some of the motives of those who are, to quote the important study from 2000, *Denying History: Who says the Holocaust didn't Happen and Why do they say it?*, Michael Shermer and Alex Grobman concluded that motivations for Holocaust denial are overwhelmingly advanced 'for present political or ideological reasons', especially anti-Semitism and fascism. It is this more 'intellectual' form of Holocaust denial – *such as claiming that the gas chambers were merely a 'detail of history', as Jean-Marie Le Pen recently reaffirmed (the founder and honorary President of the far-right Front National; did anyone see this in the news this week?)* – that is illegal in most of the European Union today (including France, Germany and Austria, but not Britain). The reason for this is simple, as I hope to show in the rest of this lecture: serious Holocaust denial is a serious problem; it is usually anti-Semitic, and it often tries to rehabilitate Nazism.

It is understandable, therefore, that many people feel passionately that there is no debate to have with deniers: the Holocaust took place; and therefore, spending even a moment on the subject of Holocaust denial is simply a waste of time. Speaking personally, I agree with these first two points: there is indeed no benefit in debating whether the Holocaust 'happened' with those who think, against the mountains of evidence, that it did not. Yet it does not

follow, for me at least, that simply ignoring this phenomenon altogether is the best way forward. While arguing with deniers themselves may be pointless, trying to understand their motives and arguments is not. For either way, this needs to be recognised: Holocaust denial exists, it is growing rapidly – especially online, as we'll see later – and ignoring the subject has, it seems, only allowed for Holocaust denial to grow unchecked – until the intervention, less notably by historians and social scientists, than by lawyers and judges – just like through the EU's 2007 Common Framework Decision, mentioned above.

Even generation before that, however, a similar note of concern was by advanced very early on, in Kenneth Stern's 1993 academic study *Holocaust Denial*. This was at a time when most academics, like my colleague, preferred to pass over Holocaust denial in silence, hoping that starving it of the oxygen of attention would head off the stream of increasingly frequent 'revisionist' titles (**PP4**) – like David Hoggan's *The Myth of the 6 Million* from 1969, Austin App's *Six Million Swindle* in 1973 or, three years later, Arthur Butz's infamous *The Hoax of the 20th Century*. These titles started were the start of 'historical revisionism', which attempted to go beyond the simple evasion: "it's the same work from the perennial Jewish enemy", the dismissal of all evidence as Allied propaganda, which held sway amongst some neo-Nazis in the years after 1945, as we'll see. Commenting upon this new crop of more sophisticated 'revisionists' emerging from the 1960s, who seemingly tried to engage the evidence in an academic way, Kenneth Stern's view bears restating here. He helpfully outlines a context of *political extremism and unchecked anti-Semitism* that always has been, and remains today, the main swamp from which Holocaust Denial emerges (**PP5**):

Holocaust denial must be taken seriously […] combating it cannot be a matter of Holocaust education alone. Holocaust denial is not about historical truth. It is about anti-Jewish hatred as part of a political agenda – and must be confronted as such… genocide is always possible if people are complacent about hatred. (xi)

The central underlying theme of anti-Jewish hatred takes us back to the wartime Holocaust: the most horrifying expression of anti-Semitic hatred, and of genocide, in history. This raises perhaps my most important point to remember today: the first people to systematically deny the Shoah – the extermination of all of Europe's Jews – were the Nazis themselves. Elites in the Third Reich destroyed evidence, ranging from documents to crematoria; they exhumed and burned already-desecrated corpses; and they kept the existence of their so-called 'Final Solution of the Jewish Question' as

great a secret as possible during the Second World War. In tandem with the development of the historical Holocaust itself, therefore, Holocaust denial was employed in various by Holocaust perpetrators; that is, the Nazis and their collaborators during the World War Two.

I think it is really vital to develop this point a little bit. It allows me to show you an excellent, trusted online resource with a great deal of information; but also, it offers a glimpse of just how much is known about the Holocaust, the best-documented genocide – indeed perhaps the best documented series of events – in history (**PP6**). Because there is so much material about the Holocaust, I'm going to focus on the actions of just one man, who you may not have heard of, named Paul Blobel. His genocidal activities in the Holocaust reveal much about its development, and his attempts to erase the past are really essential for the understanding of Holocaust denial.

An architect by trade, the 46-year old Blobel commanded the infamous Einsatzgruppe 4a in Ukraine that followed the Wehrmacht into the Soviet Union on 22 June 1941. Although Jews had been persecuted for the preceding 8 years under the Third Reich, and thousands of Polish Jews had already been killed since the onset of the Nazi occupation there from September 1939, the invasion of the USSR, codenamed Operation Barbarossa, immediately marked a step-change in the targeting and mass murder of Jews. At first shooting thousands of Jewish men as partisans, soon the Einsatzgruppen roving killing units began murdering tens of thousands of the elderly, women and children a month. In September 1941, Blobel organised the largest recorded murder in history to that date: the shooting of 33,771 Jews at the Babi Yar ravine just outside of Kiev as meticulously documented in the Einsatzgruppen Situation Reports. (**PP7**)

In order to conceal the growing scope of these activities in 'the East', the Nazi leadership looked for alternatives for mass shooting that would provide greater secrecy. In the closing months of 1941 (**PP8**), new decisions were taken on what had moved from mass murder to systematically-planned genocide. On 3 September gassing with Zkykon-B was tested at Auschwitz-Birkenau; from 1 November 1941 construction began on new extermination camps at Belzec and Chelmo later in the month, with the latter starting to murder Jews by carbon monoxide on 7 December 1941 in occupied Poland. These methods were derived from earlier programmes to murder disabled people using reinforced gas vans; when the so-called 'Euthanasia Programme' was concluded in August 1941 – revealingly, due a public outcry raised by Bishop von Galen – these gas vans were sent to the

Einsatzgruppe still operating behind the front lines. Paul Blobel's Einsatzgruppen C kommando received 2 of these gas vans in November 1941, and were the first to use them in the occupied 'East'.

By the time of the infamous Wannsee Conference on 20 January 1942 (**PP9**), which informed, coordinated and set to work the Third Reich's different agencies of state in carrying out the genocide of all of Europe's Jews under Nazi control, another so-called 'problem' needed a 'solution' *(note the use of euphemism; Jews were to be 'evacuated'. This manipulation of language was termed LTI by the Jewish-German diarist Victor von Klemperer, as the Nazis evolved a coded language to try and conceal their acts; analogous to 1944 Terezin film).* Tens of thousands of bodies buried in shallow graves were impossible to conceal, and were poisoning water tables along from the Baltic to the north and the Balkans in the south. In mid-1942 Paul Blobel was put in charge of the exhumation and cremation of these bodies, under the code-name Sonderkommando 1005. Its job was to erase as much of the evidence of Nazi crimes as possible. These details don't bear repeating here, but suffice it to say they too evolved techniques to efficiently cover-up many Holocaust sites in central–Eastern Europe; for example, Chelmno was partially-demolished, and Belzec was completely destroyed, with a Ukrainian farming family placed on top to hide the minimum of 434,508 Jews murdered there in 9 months. (**PP10 Hofle Telegram**).

The role played by Paul Blobel, who was hanged in Germany in 1951 for his crimes, is horrifyingly instructive. He helped organise the mass shootings of Jews in the second half of 1941; in 1942, when more secretive extermination camps began operating, Blobel organised the removal of evidence of Nazi genocide, and testified about his activities in the 1948 Einsatzgruppen trial. But above all, the case of Paul Blobel provides us with clear evidence that Holocaust denial was undertaken by the very murderers themselves, in order to eliminate all traces of their unprecedented crimes. Holocaust denial, then, was originally deployed during WWII itself by the Nazis for self-serving, sanitising and above all, anti-Semitic reasons.

The Third Reich's attempt to murder every European Jew under their control, and more relevantly here, their systematic attempt to conceal this unparalleled crime, were both unsuccessful: millions of Jews survived the occupation of the Third Reich, and Holocaust deniers must contend with literally thousands of corresponding testimonies by perpetrators and victims alike; they must ignore literally tens of millions of pages of contemporaneous documents; and they must argue that both general understandings

of history and generations of academic historians are deluded, deceitful or conspiratorial in their scholarship on the Holocaust.

To throw this point into some relief, we have but a handful of authentic sources about the Norman Conquest, or the Spanish Armada, or even the Great Fire of London in 1666 – the latter for example, including less than a dozen accounts from that year, of which the ubiquitous diary by the parliamentarian Samuel Pepys is certainly the best known. Yet to my knowledge, no one has carbon-dated Samuel Pepys' diaries for authenticity; forensically analysed his handwriting for veracity; or produced a 250-page report on the diary's legitimacy – as the Netherlands State Institute for War Documentation felt compelled to do with Anne Frank's Diary in the 1980s. This was as largely a result of systematic forgery claims by well-known deniers such as Richard Harwood (aka Richard Verrall of Britain's National Front, who wrote *Did Six Million Really Die?* in 1974), Robert Faurisson and of course, the gold standard of these historical deceivers, David Irving.

Irving had long been a denier of the Holocaust, calling it an Allied 'propaganda exercise' but posed as a reasonable, 'revisionist' historian while doing so (**PP11**). He had an important fringe following in the 1980s and 1990s, especially amongst the far-right, when he sued Penguin books and Deborah Lipstadt for libel after she claimed, in her 1993 *Denying the Holocaust: The Growing Assault on Truth and Memory*, that Irving was a 'dangerous spokesperson' for Holocaust Denial. In a famous case 1996 that saw several historians of Nazism and the Holocaust testify in London for the defense, including Richard Evans, who concluded: "The supposed evidence for the Nazis' wartime mass murder of millions of Jews by gassing and other means, he claims, was fabricated after the war. He has referred repeatedly to the 'Holocaust myth' and the 'Holocaust legend' and has described himself as engaged in a 'refutation of the Holocaust story'." (**PP12**)

After a four month trial, "had "significantly" misrepresented, misconstrued, omitted, mistranslated, misread and applied double standards to the historical evidence in order to achieve his ideological presentation of history. Judge Gray also found that Irving was an (**PP13**) "active Holocaust denier; that he is anti-semitic and racist, and that he associates with right-wing extremists who promote neo-Nazism." For any reasonable person then, this most sophisticated of revisionists was shown to be a fraud who manipulated evidence; while the wartime Holocaust was, once again, legally shown to have happened without a shadow of a doubt.

As in Irving's case, it can be seen that commonalities shared by Holo-

caust deniers from the Nazi period and today appear to share several features: first, anti-Semitism; second, ideological or political motivations that are usually fascist or even neo-Nazi; and perhaps also third, what James Najarian has called a 'rhetoric' of denial. By this he points to the traditional academic tendency to present arguments in terms of interpretations that have two 'sides'. Najarian's point is as simple as it might be unexpected: despite the frequency of anti-Semitism and radical right politics typically motivating Holocaust denial, 'Holocaust deniers efface history by using some of the same linguistic channels that late twentieth-century intellectuals commonly use' (76). These tactics include scholarly presentation with footnotes and academic structure, highly selective argumentation and deployment of evidence. Over time, the more academically-minded Holocaust deniers grew ever bolder in the 1980s and 1990s in attempting to establish a 'revisionist', yet seemingly sophisticated, 'interpretation' of history that denied the existence Third Reich's genocidal 'Final Solution'.

Strangely enough, perhaps the second half of the twentieth century can be considered 'the good old days', when scholars and publishers alike could simply disregard far more sporadic deniers of the Holocaust. Well-beyond the watershed date of 1979 – when the first pseudo-academic institution was established to feature Holocaust 'revisionism' in the United States, Willis Carto's Institute for Historical Review – such figures were either mocked or ignored; they were rarely treated seriously or as a danger. To cite Richard Evans again, importantly, their writings were instead 'mostly distributed by mail order', and of a calibre that 'seemed to belong in the world of sensational newspapers such as you could buy in American supermarkets, recounting the experiences of people who had been abducted by little green aliens or who had seen Elvis Presley still alive' (107-8). In short, until about 20 years ago, Holocaust deniers were largely dismissed out of hand by historians and the wider public alike. But then again, this was before the rise of the internet. **(PP14; we might look at some more examples after the lecture)**.

A personal story helps to stress this point. In working on this lecture, I entered the term 'Holocaust Denial' as a keyword search in one of England's copyright libraries. Of the 70 books that were available on the subject 'Holocaust Denial', roughly half were from this century. Broadly speaking, books before 2000 were overwhelmingly written by deniers themselves, while the later books to appear on the subject – those over the last generation – are largely works of proper scholarship on Holocaust denial by the likes of respected scholars of the Holocaust. So too with the 152 journal articles and

peer-reviewed texts employing the keyword 'Holocaust Denial': fully 71 of these were published by academics in the last ten years alone, in contrast to zero listed prior to 1973 and only 2 in the 1970s, and 17 over the whole of the 1980s. While this is something of a rough and ready quantification, I think it is likely in keeping with other national contexts and academic agendas in Europe and beyond. Making sense of this, we might say that deniers were publishing to deafening silence for some fifty years after World War Two, and only in the last couple of decades have academics confronted this trend.

Yet if denial is a slap in the face to the remembrance of the Holocaust – or better, its inverse: Holocaust denial is the trivialisation and negation of accepted history – then it seems to me that a lecture to HMD Youth Champions good a forum as any to confront it, to examine it, and to show it for what it is. Perhaps by familiarising ourselves with the central arguments and post-war history of Holocaust denial, however nauseating and noxious they may be, it is possible to recognise the attempts by extremists to hide behind scholarly facades and seemingly intellectual arguments. Particularly with the communication possibilities offered by the internet and social media, recognising these weavers of deception for what they are, and indeed always have been, has never been so important as it is today.

One reason is obvious: on some search engines, typing in 'Holocaust' as a keyword will bring up a denial site amongst the first pages of hits. This century, there is no doubt that we have entered Holocaust denial 2.0. Simple Holocaust denial slogans are used on Facebook and social media every day. Anyone can favourite or share a tweet that simply says *hashtag Holohoax. Does that make them a Holocaust denier? What do people think?* Online, comments denying the Holocaust are often simply substitutes for hatred of Jews: *has anyone experienced this?*

Ignorance of the Holocaust can manifest in many insensitive and hurtful ways, but I want to conclude by suggesting that Holocaust denial – or revisionism' as we've seen, merely a code-word for the same thing – is still different and worse. The people I'm talking about are the purveyors, the trolling Holocaust deniers, who seek to convince others. They are the ones to look out for, because as history shows, their motivations are overwhelmingly anti-Semitic or Nazi-sympathising.

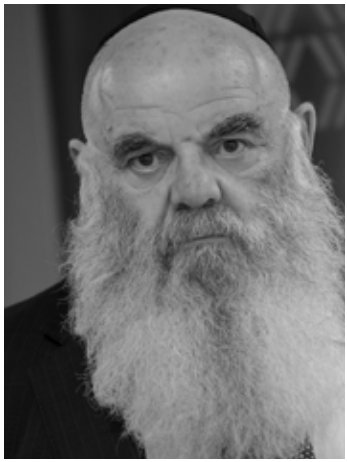
This can be seen in the Institute for Historical Review (the acronym IHR was deliberately chosen to mix it up with the University of London Institute for Historical Research), which is run by Mark Weber, who was an activist in the US neo-Nazi National Alliance before launching the pro-

fessional-looking website. Similar is the related, highly visible website *Codoh* (**PP15**) – Committee for Open Debate on the Holocaust – which hides behind the 'intellectual freedom' "with regard to this one historical event called "Holocaust," which in turn will help advance the concept of intellectual freedom with regard to all historical events." As ever, the one event they choose to examine is always the Holocaust The site's founder, Bradley Smith (**PP16**), who's intended audience is college students, is described by the Anti-Definition League as "someone [who] appears to recognize that his denial of the Holocaust itself contributes to anti-Semitism and anti-Semitic violence: In the company of fellow deniers, Smith even admits that he carefully constructs his campus speeches to minimize the possibility of disagreement with his ideas. In a lecture he gave at an April 2004 convention of the Institute for Historical Review and the neo-Nazi National Alliance, Smith said that his stump campus speech is constructed "as simpl[y] as possible…to set [the issues] up in a way that could not really be debated."

That is hardly 'free enquiry', needless to say. A final example can be seen in the conspiracy website Solar General, touting itself as "The Most Controversial, Censored and Forbidden Web Site in the World". From this current screenshot you can see the professional layout, but also the first three topics: "105 Questions on the Holocaust"; "Adolf Hitler: Life of a Leader"; and Anne Frank Fraud" – which should tell you all you need to know about this extremist and hate-inspiring 'revisionist' website (**PP17**). Leopards do not change their spots, even in the online jungle.

This is much the same conclusion reached by Deborah Lipstadt 20 years ago, in her watershed book of the same time, *Denying the Holocaust*. Given her refusal to be cowed by Holocaust deniers like David Irving, no less than her principled refusal to engage with their pseudo-intellectual shenanigans long before the problem of Holocaust denial manifested itself online, her final words there are no less appropriate as final words here and now (**PP18**):

We must vigilantly stand watch against an increasingly nimble enemy … When we witness assaults on truth, our response must be strong, though neither polemical nor emotional. We must educate the broader public and academe about this threat and its historical and ideological roots. We must expose these people for what they are. The effort will not be pleasant …. We will remain ever vigilant so that the most precious tools of our and our society – truth and reason – can prevail. The still, small voice of millions cry out to us from the ground demanding that we do no less. (222)

Dr. Greenberg Michael
Gishrey Tarbut Association

HOLOCAUST IN SCIENTIST AND ART LITERATURE

Greif Gideon, prof.
Modern Antisemitism in today's Germany

ANTI-SEMITISM IN GERMANY 2007-2017

All over the world, in the European countries, in the US and of course also in Israel the situation of the Jews in Germany is always closely monitored. Can Jews live in Germany without fear of anti-Semitic attacks? Do German politicians or journalists make anti-Semitic comments or use anti-Semitic stereotypes in speeches or articles? Is the situation of Jews living in Germany improving or are new problems or conflicts appearing?

In recent years, the world-wide public mostly said that the situation in Germany was approving, that Jews now can live in Germany safely and that Germany, its people and its government had changed. Angela Merkel is seen very positive in many countries, among them Israel, and after the election of Donald Trump some even considered her the new leader of the free world.[1]

But is this really true? At the same time, several incidents of anti-Semitism in Germany were discussed publicly and, as we will see today, anti-Semitism continues to be a problem in Germany. Many Jews living in Berlin or other cities experience anti-Semitic attacks, from time to time well-known and important newspapers, as the "Süddeutsche Zeitung"

1 Cf. Das Argument mit der Nazivergangenheit zieht nicht mehr, Die Welt, 10.06.2017, https://www.welt.de/politik/deutschland/article165412794/Das-Argument-mit-der-Nazi-Vergangenheit-zieht-nicht-mehr.html (20.11.2017)

use anti-Semitic stereotypes in their texts or in political cartoons. And of course, in recent months the rise of the AfD, the "Alternative für Deutschland", a right-wing political party was a central concern for those monitoring the situation of Jews in Germany. While mainly targeting Muslims living in Germany or seeking refuge due to international conflicts or the war in Syria, several members of AfD also gave anti-Semitic speeches and anti-Semitism continues to be a common opinion within the ranks of the new German right-wing party even if leading party officials seek to distance themselves and the party from anti-Semitism and even point in the direction of Muslim immigrants and their anti-Semitism saying, they were the real danger to Jews in Germany and the AfD was in fact fighting for the interest of German Jews.[2] We will see, how German Jews reacted to this positions of the Alternative für Deutschland when we have a closer look on the positions of this party and the reactions of the German public.

When talking about anti-Semitism in Germany, it has to be clear, that the situation is completely different to the one in 1933. In most cases, Jews can live in Germany without problems, there is no state policy to persecute or even annihilate them. This different situation is perfectly reflected in the fact that many young Israelis moved to Germany over the last years. They decide to life in Germany, mainly in the young and modern quarters of Berlin for many reasons: Due to the attractiveness of the cities and their infrastructure, due to the hip atmosphere especially in Berlin or because they want to escape the situation of conflict and war in Israel. Some of them return to the places where their families once lived, some move to Germany without a previous personal relationship to the country. In the young quarters of Berlin, like Mitte or even Neukölln – a quarter also inhibited by numerous immigrants from Arab countries and Turkey – several Israeli cafés, restaurants and bars have opened and Hebrew is spoken on the streets and in the public transports quite regularly. Many of those Israelis say, that they did not yet experience anti-Semitism while living in Germany. Others, of course did. As we will see, incidents happen quite often and are regularly reported on in Germany newspapers or by German organizations monitoring anti-Semitism.

I will try to shed a closer light on the situation in Germany, on the anti-Semitic incidents reported in the last 10 years, on the reactions of the German public and German politicians and on the different types and or-

2 Cf. Falsche Freunde, Jüdische Allgemeine, 24.08.2017, http://www.juedische-allgemeine.de/article/view/id/29407 (20.11.2017)

igins of today's anti-Semitism in Germany: The "old" German anti-Semitism still present in Germany's right political movement, from the national-socialist NPD (Nationaldemokratische Partei Deutschlands) to the populist right, for example the already mentioned AfD, the left anti-Semitism strongly connected to Israel and the conflict in the Middle East, and the phenomenon of anti-Semitism imported to Germany from immigrants from Arab countries, that is becoming a bigger and bigger problem for the German society and German Jews.

On the coming pages, I will refer to these three different types of anti-Semitism in Germany and give several examples of anti-Semitic incidents of all three types that happened in the last years. I also will paint a picture of the discussion within the German society as a reaction to the anti-Semitic incidents since anti-Semitism is always a highly controversial matter in Germany, each incident is accompanied by many voices condemning anti-Semitism and those who are not willing to accept its existence within the German society.

I will begin with the "old" German anti-Semitism which roots in Christian anti-Judaism as well as in the different forms of modern anti-Semitism. Both roots led to the racial anti-Semitic ideology of the National Socialist who then came to power in 1933 when ideology became policy. After 1945 the forces occupying Germany tried to persecute those responsible for the crimes and the propagation of anti-Semitic ideology during the so-called "Third Reich" and – especially in the Western part of Germany – establish a democratic state and political culture. For the biggest parts of the German society this task was more or less successful and with the integration of the Federal Republic of Germany into the political frameworks of the Western world, anti-Semitism became more and more marginalized. It is however, important to note, that this was a long process with many setbacks as – for example – can be seen by the long and hard fight of Fritz Bauer against old National Socialist networks within the justice system as well as among police forces and especially the secret services.[3]

But beside the old National Socialist, who had survived the denazification, the ideas of National Socialism, and with them anti-Semitism, stayed

3 The fight of Fritz Bauer is well illustrated by a comment recorded by Bauer's friend Manfred Amend: According to him, relating to the situation in the German justice system, Bauer often said: „When I leave my office, I enter enemy territory." (cf. Feindliches Ausland, Der Spiegel, 31.7.1995, http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-9205805.html (20.11.2017)

very much alive despite the democratization of the German society as a whole. Since 1945 many different extreme-right political parties have existed in the Federal Republic as well as in the German Democratic Republic. Today's extreme-right party is the already mentioned NPD. But besides the NPD there also exist several non-party organizations of the extreme right propagating anti-Semitism and creating National Socialist networks or even terror groups as the self-exposure of the NSU ("Nationalsozialistischer Untergrund", "National-Socialist Underground"), who had been killing immigrants for more than a decade without being exposed by police or internal secret services.

If one takes the results of the last federal elections, this extreme-right is quite marginalized, especially after the rise of the party of the populist-right, AfD: Only 0.4 percent voted for the NPD.[4] However, one has to take into account that many sympathizers of the NPD or other National Socialist groups voted for the AfD in this year's elections because they were hoping for a bigger impact of their vote. And in some areas of Germany the influence of a party like the NPD or other non-party groups of the extreme right is much bigger than these nation-wide numbers seem to show. In these areas of Germany – mainly poorer, rural areas in the former Eastern part (Saxonia or Mecklenburg-Vorpommern for example) the ideology of the extreme right as well as anti-Semitism are much more common and more socially acceptable than, let's say, in Berlin, Hamburg or Munich.

With the rise of the AfD – in this year's election the party received 12.6 percent of the votes[5] – many with an anti-Semitic world-view saw their chances by joining the new party. This can be seen by many anti-Semitic incidents connected to the party. For example the scandal about Wolfgang Gedeon, who is a member of the regional parliament of Baden-Württemberg for the AfD. In 2016, Gedeon wrote a paper propagating his positions. One sentence reads:

"Americanism is a political belief (…), not the Christian belief in an otherworldly realm of god, it is the old Jewish belief in a new earthly Jerusalem."[6]

4 Cf. Der Spiegel, NPD zu unbedeutend für Staatsgeld, 25.09.2017, http://www.spiegel.de/politik/deutschland/npd-hat-zu-wenige-stimmen-um-geld-vom-staat-zu-bekommen-a-1169729.html (20.11.2017)

5 Cf. https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse.html, (20.11.2017)

6 Cf. Was Gedeon über Amerika, Nazis und Juden schreibt, Tagesspiegel,

Gedeon sees himself and the AfD as fighters against the American aim to Americanize the whole world, which – as the quote above shows, for him is strongly connected to a Jewish influence. Accoring to Marcus Funk, who works at the German Center for Research on anti-Semitism at the Technische Universität Berlin, comes to the conclusion that Gedeons paper has a clear "anti-Semitic undertone"[7].

But Gedeon went even further: In his 432-page long book "Christlich-Europäische Leitkultur. Die Herausforderung Europas durch Säkularismus, Zionismus und Islam" (under the pseudonym W. G. Meister) Gedeon writes:

"While Islam is the external enemy of the Christian occident, the Talmudic Ghetto-Jews were its inner enemy."[8]

The case of Wolfgang Gedeon is especially interesting, because it shows the way the AfD deals with members with strongly anti-Semitic positions: While his anti-Semitic remarks (I only gave some examples, he repeatedly published texts or statements with strongly anti-Semitic content) where widely discussed and criticized as well in the general public as within the AfD, he never was excluded by the party. Gedeon is still a member of the AfD, in April 2017 he even took part in the Federal Assembly of the Party in Cologne.[9]

The AfD also represents a special form of anti-Semitism in Germany: secondary anti-Semtism. Secondary anti-Semitism is a form of anti-Semitism that appeared after the Holocaust. The Nazi perpetrators or their descendants tried to reverse the relation of guilt for the crimes by either making the Jews responsible for the crimes perpetrated against them or by saying that today, German was a victim of the ongoing remembrance or some kind of "guilt cult" aiming at the suppression of the German nation and its interests. Already in 1959, the philosopher Theodor W. Adorno referred to this type of anti-Semitism which until today plays an important

06.07.2016, http://www.tagesspiegel.de/politik/streit-in-der-afd-was-gedeon-ueber-amerika-nazis-und-juden-schreibt/13836796.html (21.11.2017)

7 Cf. Ibid.

8 Cf. Im Eiferer-Modus gegen Juden, FAZ, 04.06.2016, http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/antisemitische-thesen-von-afd-abgeordneten-gedeon-14268327.html (21.11.2017)

9 Cf. Delegierter trotz antisemitischer Schriften, Die Welt, 05.04.2017, https://www.welt.de/print/die_welt/politik/article163419428/Delegierter-trotz-antisemitischer-Schriften.html (21.11.2017)

role in the German society. Adorno writes:

"Sometimes the victors are declared to be the cause of what the defeated have done when they were still in charge, and for the crimes of Hitler those are declared guilty who acquiesced his rise to power, and not those who hailed him. The idiocy in all this is in fact an indication of something mentally uncoped-with, of a wound, although the thought of wounds should be dedicated to the victims"[10]

While one can also find examples for this type of anti-Semitism in publications by Gedeon,[11] I want to refer to a better-known example, that was followed by a nation-wide public debate in Germany. On January 17, 2017, Björn Höcke, head of the AfD parliamentary group in the regional parliament of Thüringen, gave a speech in Dresden, where he said:

"We Germans, are the only nation in the world, that built a monument of shame in its own capital."[12]

He continued:

"We need a culture of remembrance, the first of all brings us into contact with all the great achievements of our ancestors."[13]

Höcke´s speech was widely criticized and is now considered a perfect example for the way the new populist right uses the public to provoke debates in order to generate visibility for their own causes and positions. But it also shows one central aspect of today´s anti-Semitism in Germany. In many cases anti-Semitic positions are connected to or derive from the feeling that the crimes of National Socialist Germany are given too much room when talking about German history. This feeling quickly is turned against the Jews, who are made responsible for this: According to the world-view of secondary anti-Semitism it is them, who disturb the Germans in recovering a "healthy" patriotism by over and over again remembering everyone about the crimes of the past. This is what the Israeli psychiatrist Zvi Rex referred

10 Theodor W. Adorno, Eingriffe. Neun kritische Modelle (in German). Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996.

11 Cf. Was Gedeon über Amerika, Nazis und Juden schreibt, Tagesspiegel, 06.07.2016, http://www.tagesspiegel.de/politik/streit-in-der-afd-was-gedeon-ueber-amerika-nazis-und-juden-schreibt/13836796.html (21.11.2017)

12 Cf. Die Höcke-Rede von Dresden in Wortlaut-Auszügen, Süddeutsche Zeitung, 18. Januar 2017, http://www.sueddeutsche.de/news/politik/parteien-die-hoecke-rede-von-dresden-in-wortlaut-auszuegen-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-170118-99-928143 (21.11.2017)

13 Cf. Ibid.

to saying: "The Germans will never forgive the Jews for Auschwitz."[14]

The AfD uses speeches like the one delivered by Höcke to refer to the feelings of many Germans who do not want to be remembered of the crimes of their grandparents or parents in order to mobilize them for a broader project of right-wing politics. This is one of today´s dangers in the German political landscape: The AfD is mobilizing a growing number of Germans with a racist, nationalist – and anti-Semitic world-view and is giving them a political representation.

Two other forms of anti-Semitism however, are not less influential in today's German society. Both of them strongly relate to the situation in the Middle East and in some cases, are closely linked: The left anti-Semitism often disguised as criticism towards Israel, the so-called "Israelkritik". And the anti-Semitism of Muslim and Arab immigrants, some of them from Libanon or the Palestinian territories.

When I say that it is a form of anti-Semitism coming from the left, this does not mean that only people with a left world-view represent this form of anti-Semitism, it is widely spread in the German society and the connection between anti-Zionism and anti-Semitism is very close in many party of the society – not only in the left-wing movement and Arab communities but also in nation-wide newspapers, as we will see. There also is a strong connections to the phenomenon of secondary anti-Semitism: By implying that the Israelis were the new Nazis, that their methods in the occupied territories were the same as those of the National Socialists, German guilt is relativized. However, the roots of this anti-Semitism disguised as concern for the rights of Palestinians lies in the political left who considered the Israelis perpetrators against the defenseless Palestinians within the ideological framework of anti-Imperialism. Left-wing terrorist organizations such as "Rote Armee Fraktion" (RAF; Red Army Fraction) were strongly connected with Palestinian terrorist groups in the 1970s[15] and German terrorists even took part in the hijacking of planes and the selection of passengers as Jewish or non-Jewish in 1976.[16] Today this left anti-Semitism is of course

14 The Raging Bronx Bull of German Journalism", Forward. The Jewish Daily, 06.06.2007, http://forward.com/culture/10874/the-raging-bronx-bull-of-german-journalism/ (21.11.2017)

15 On the RAF cf. Stefan Aust, Der Baader Meinhof Komplex. Hoffmann und Campe, Hamburg 1985.

16 Cf. Andreas Musolff: Die Terrorismus-Diskussion in Deutschland vom Ende

less deadly, but still very much alive as I will show with some examples from the last years.

One central organization for left anti-Semites is the international organization "BDS" which stands for "Boycott, Disinvestment, Sanctions". BDS is leading a world-wide campaign against the Israeli state urging companies, universities, artists and others to boycott the Israeli state. Their actions – especially in Germany – often resemble the National Socialist boycotts of Jewish stores and businesses. On December 29, 2016, for example, activists of "BDS Berlin" protested in front of an electronic store at Alexanderplatz in Berlin. They called for a boycott of products by the company Hewlett Packard and called Israel a colonial illegitimate state and an apartheid state.[17]

Another organization, the campaign "Berlin Against Pinkwashing" that is accusing Israel of supporting the rights of homosexuals only for reasons of marketing, protested against the "Israeli Gay Movie Night" at the Babylon Cinema in Berlin. At this protest, the same accusations were made against Israel, it was once again called an apartheid state.[18]

But as I said this "left" form of anti-Semitism that also becomes evident during many left-wing protests – such as the very large annual protest on May 1 in Berlin[19] – has a wider impact on the German society. This once more became evident on February 21, 2014, when the liberal newspaper "Süddeutsche Zeitung" published a cartoon by Burkhard Mohr on the acquisition of "WhatsApp" by "Facebook": Mohr drew a kraken representing "Facebook" or the company´s founder Mark Zuckerberg, the kraken is controlling the whole internet with its tentacles and has a relatively big

der sechziger bis Anfang der neunziger Jahre. In: Georg Stötzel, Martin Wengeler (Hrsg.): Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland. (=Sprache, Politik, Öffentlichkeit, Band 4) de Gruyter, Berlin 1995.

17 Amadeu-Antonio-Stiftung, Chronik Antisemitischer Vorfälle 2016, https://www.amadeu-antonio-stiftung.de/die-stiftung-aktiv/themen/gegen-as/antisemitismus-heute/chronik-antisemitischer-vorfaelle-2016/ (21.11.2017) Anti-Semitic incidents in Germany are also collected and published by RIAS, the echerche- und Informationsstelle Antisemitismus Berlin.

18 Ibid.

19 Members of the anti-Semitic left-wing groups „For One State and Return to Palestine" (F.O.R Palestine) and „BDS Berlin" („Boykott, Desinvestition, Sanktionen" attacked other protesters carrying an Israeli flag. (Cf. RIAS, Chronik, https://report-antisemitism.de/#/public#content) (21.11.2017)

nose and a big lip.[20] This was not the first time the Süddeutsche Zeitung published cartoons or articles propagating clear anti-Semitic stereotypes.[21] Especially the newspaper´s correspondent in Israel, Peter Münch, is infamous for several articles about the conflict in the Middle East with an anti-Semitic undertone.[22] The cartoon of Mohn however, was changed after the Simon-Wiesenthal-Center intervened.[23] And also the big German magazine "Der Spiegel" is regularly criticized for articles relating to anti-Semitic stereotypes. Especially, the columnist Jakob Augstein is known for publishing anti-Semitic articles: In 2013 the Simon-Wiesenthal-Center named him one of the "Top 10 Anti-Semitic / Anti-Israel Slurs", naming – among others – the following quote from one of Augstein's articles for "Der Spiegel":

"Israel's nuclear power is a danger to the already fragile peace of the world. This statement has triggered an outcry. Because it's true. and because it was made by a German, Günther Grass, author and Nobel prize winner. That is the key point. One must, therefore, thank him for taking it upon himself to speak for us all."[24]

The anti-Semitic obsession of many left-wing activists is very close to that of many immigrants from Arab or Islamic countries now living in Germany. That becomes extremely evident when military conflicts break out in the Middle East, when a new war between Israel and Hamas or Hezbollah begins: Quickly German streets are full of protesters against Israel – left-

20 Cf. Antisemitismusvorwurf gegen Süddeutsche Zeitung, Der Spiegel, 25.02.2014, http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/mark-zuckerberg-wiesenthal-center-kritisiert-sueddeutsche-fuer-antisemitische-karikatur-a-955613.html (21.11.2017)

21 Cf. E.g. Mena-Watch, Die unausrottbare "Stürmer"-Krake: Was bitte soll an einer antisemitischen Karikatur antisemitisch sein?, http://www.mena-watch.com/mena-analysen-beitraege/warum-die-krake-eine-antisemitische-chiffre-ist/ (21.11.2017)

22 Cf. E.g. Antisemitismus zwischen den Zeilen, Die Zeit, 13.4.2016, http://www.zeit.de/kultur/2016-04/israelkritik-antisemitismus-medien-sueddeutsche-zeitung-10nach8 (21.11.2017)

23 Cf. Antisemitismusvorwurf gegen Süddeutsche Zeitung, Der Spiegel, 25.02.2014, http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/mark-zuckerberg-wiesenthal-center-kritisiert-sueddeutsche-fuer-antisemitische-karikatur-a-955613.html (21.11.2017)

24 Simon-Wiesenthal-Center, 2012 Top 10 Anti-Semitic / Anti-Israel Slurs, http://www.wiesenthal.com/atf/cf/%7B54d385e6-f1b9-4e9f-8e94-890c3e6dd277%7D/TT_2012_2.PDF (21.11.2017)

wing activists as well as Arab and Muslim immigrants. In Berlin, an annual protest takes place on the so-called "International Quds Day" an Iranian propaganda event against Israel,[25] in some years more than 2,000 protesters took part in the protest.[26]

In 2014 – during the war between Israel and the Hamas –, the situation escalated and the protests turned even more extreme than in the years before: In cities all over Germany, especially Muslim immigrants went to the streets to protest against Israel. Slogans like: "Israel, child killer" or "Jew, you cowardly pig, come out and fight alone!" were heard in German streets.[27] After the escalation of several protests a big discussion started in German newspapers and politicians called for action against this new wave of anti-Semitism.

In a statement in January 2016, chancellor Angela Merkel stated:

"Anti-Semitism is more widespread than we imagined. And that is why we must act intensively against it."

She continued, that „We must take care, specifically also in youth from countries where hatred of Israel and Jews is widespread," and made clear that the German state has to take a clear stand on anti-Semitism: "We can try to reason with them again and again but it should also be clear: Anti-Semitism has no place in our society…we must simply put clear limits".[28]

However, it is unclear if effective measures were taken and anti-Semitic incidents continue to happen in Germany. In April 2017, the German public became aware that a 14-year-old boy had to leave his school in Berlin-Friedenau because he was continuously attacked by his classmates for

25 Cf. Am Al-Quds-Tag ist Hetze gegen Juden normal, Der Tagesspiegel, 01.07.2016, http://www.tagesspiegel.de/berlin/muslime-und-antisemitismus-in-berlin-am-al-quds-tag-ist-hetze-gegen-juden-normal/13819166.html (21.11.2017)

26 Cf. Gutachten von Udo Wolter für den Integrationsbeauftragten der Bundesregierung, Berlin im November 2004, http://www.digberlin.de/dig/wp-content/uploads/2009/11/gutachten__Quds.pdf (21.11.2017)

27 Cf. Deutsche Behörden fürchten neue antijüdische Hetze, Der Spiegel, 22.07.2014, http://www.spiegel.de/politik/deutschland/gaza-krieg-israel-hass-und-antisemitismus-auf-demos-in-deutschland-a-982351.html (21.11.2017)

28 Merke: Anti-Semitism more widespread than we imagined, The Times of Israel, 23.01.2016, https://www.timesofisrael.com/merkel-anti-semitism-more-widespread-than-we-imagined/ (21.11.2017)

being a Jew.[29] On April 3, 2017, a young woman was insulted at the airport Berlin-Schönefeld after arriving with an El-Al-flight from Tel Aviv. When she entered the arrival hall, she was "greeted" by 25 young men who screamed "Free, free Palestine". When she arrived at the nearby train station, she realized that someone had opened her backpack and had thrown a burning cigarette in it. Her luggage was damaged by the burning cigarette.[30]

As we can see, anti-Semitism is still a problem within the German society and Jews in Germany are confronted with new problems. The "old" German anti-Semitism, the National Socialist ideology is still existing but not as dangerous as it used to be in the past. However, new forms of anti-Semitism have emerged. This means that the fight against anti-Semitism within the German society has to continue on different frontlines: One has to combat those still propagating the old National Socialist racial Antisemitism, or secondary anti-Semitism as well as those disguising their anti-Semitism as "criticism of Israel". And the German state and the civil society have to make sure the integration of Muslim and Arab immigrants is successful and prevents radicalization and the spread of anti-Semitism among immigrant communities. The fight against anti-Semitism cannot stop.

29 Jüdischer Junge verlässt Schule nach antisemitischen Vorfall, Der Tagesspiegel, 01.04.2017, http://www.tagesspiegel.de/berlin/berlin-schoeneberg-juedischer-junge-verlaesst-schule-nach-antisemitischem-vorfall/19600038.html (21.11.2017)

30 Cf. Frau aus Israel-Flug am Flughafen antisemitisch beleidigt, Die Welt, 07.04.2017, https://www.welt.de/regionales/berlin/article163519641/Frau-aus-Israel-Flug-am-Flughafen-antisemitisch-beleidigt.html (21.11.2017)

Gulakova Maria
St-Peterbourg Institute of Judaic
Russia
Мария Гулакова
Доцент Санк-Петербуржского
Института Иудаики

TEACHING HISTORY OF HOLOCAUST TO RUSSIAN MIDDLE SCHOOL STUDENTS. TRAUMA BORDERLINES

The methods of teaching the Holocaust history to Russian school students emphasize on details of violence Jewish population experienced. During classes, teachers use archive materials including photo and video materials that contain information on physical assault against Jews. As a result, children feel scared and reject the facts they learn. Dealing with school education, we have faced the situations when teachers evaluated children's tears as a positive thing and considered them as an indicator of emotional intensity children experience. Modern educational system in the Russian Federation follows the tradition of Soviet school education based on the idea of heroism and fear still promoted at Russian schools.

The main goal of our research is combining history learning, which is an intelligent task, and developing school students' empathy, which is a moral task, avoiding children's excessive traumatizing. We are focused on making school students get interested in the provided material and avoiding its rejection by them.

We have applied our approach to teaching school students the Holocaust history at a municipal Jewish School operating in Saint Petersburg. The school curriculum includes the course named *The History of Jews* and we have delivered classes on the history of the Holocaust dating them to the

International Holocaust Remembrance Day commemorated on January 27. Over 100 school students aged 10–14 years took the four academic hour course within a month.

Our teaching methods emphasize on providing school students with historical facts. We adapt the theme of the Holocaust to the secondary school age. We also carried out preliminary work before teaching the subject to our school students. Using supporting materials such as maps, ghetto plans, children's drawings, photographs and video interviews given by those surviving the Holocaust, we helped our school students to get exposure to the Holocaust history, geography and art.

We believe that children should obtain knowledge of such an emotionally hard topic via learning stories about the rescue of Jewish people and witnessing the events with the help of their teacher. At our classes we used a training aid called *Three Dolls* developed by the Yad Vashem's International School for Holocaust Studies. *Three Dolls* deals with three Jewish girls surviving the Holocaust. Their dolls that became the true members of the girls' families during the hard times help the girls to share their experiences and emotions with the readers. Adapted for children, the training aid helps get them involved into the experiences their peers survived during the war and make them feel interested in them. In addition to the *Three Dolls* training aid, we also used pieces of pictorial art and literature as well as movies to provide our school students with information on the Holocaust. We were focused on children's associative thinking in order to expand their horizons about important historical events. Associative images were supposed to be used to help the school children realize the fact of the Holocaust through color palette and seasons of the year.

During our classes the children only obtained information over the number of victims of the Holocaust instead of the means used for elimination of Jews. During the class dealing with Shoah geography we found out that part of school students thought that Jewish population had only been eliminated in Germany and some parts of Poland and knew nothing about the extermination of Jews carried out in the country where they come from. During all the classes the school students compared the Holocaust with The Siege of Leningrad about which they start getting information yet at kindergartens. The school students who are used to seeing materials featuring dead bodies and learning the stories about those who died during the Siege of Leningrad, did not want to learn anything about the Holocaust and tended to reject the discussion of the subject, which is natural. Learn-

ing the stories about the rescue of the *Three Dolls* characters, they started to get adapted to the theme and not to feel scared about drawing a parallel between the two historical events.

Our teaching method emphasizes on the children's emotional involvement in the dialogue over the Holocaust based on the knowledge they obtain. Dealing with education, we do not find the development of certain special feelings of our students appropriate but at the same time we cannot just let them know some facts about the subject and feel satisfied seeing that it left them indifferent. Violence might be considered as the easiest way to attract children's attention to such things as the Holocaust or the Siege of Leningrad but we do not think that fear and children's tears can be considered as relevant to the educational process. During the classes children themselves brought up moral matters.

Our report focuses on the school students' feedback to the course. At the end of the course we suggested the school students write their essays in form of letters addressed to the affected children, their dolls, their parents or to those who rescued them during the Holocaust. The assignment was facultative and the letters could be anonymous but eventually all the children signed them.

It is worth pointing out that the school students asked the girls and their dolls the following questions: "*Tell me, how you could manage all that?", "What calmed you down when you experienced hard moments?", "What did you feel after separating from your parents?", "Do you believe that all that will never happen again?", " Were you very scared when you were escaping from the Fascists?", " What did you dream of when you were in ghetto?".* That proves the children felt involved in what had happened, tried to enter into a dialogue with the characters and were interested in all the details of the events, including emotional ones. Despite the fact that our students were shown a video interview given by the elderly book characters surviving the Holocaust, they wrote their letters to them as if they were still children. The school children did not admit the grown-ups into their children's world and preferred to share their ideas with their peers, who were the book characters, as well as wanted to continue their communication with them in their letters. A few children wrote that they had very good friends and wanted to introduce them and the book characters to each other, explaining that the experiences the latter had should be told about to as many people as possible. For example, one of the students wrote the following: "*I want the world surviving the Holocaust to*

always remember it and tell the next generation about it so that they could think it over and feel sorry about it in order all the horror would never happen again".

The school students were able to evaluate such a thing as national peculiarities and often wrote in their letters the following sentences: "*I am so sorry that you are dark-haired and have dark eyes due to which you got into ghetto*". That also proves that the school children could feel connected to the past events and showed their emotional reaction to them. A lot of students started their letters in the following way: "*When I learned your story…*" and then the authors went on to write such sentences as "*I was so scared", "I was so sorry that…", "I felt depressed", "I felt sympathy for…*" etc. The children used a great number of descriptive words to describe their emotions and succeeded in that, which is extremely important.

About 98% of the school students who wrote their letters to the *Three Dolls* characters wished them health and happiness as well as being never separated from their families. The main idea of the letters was the hope that the Holocaust would never happen again and the children wished that both to themselves and the book characters.

It is specific that boys of 11-13 expressed their wish to help the affected book characters and their letters to them contained such sentences as "*If I had been there then, I would have definitely helped you", "How could I help you at the moment?", "I would have definitely helped you when you faced the difficulties*". All that is extremely important as the school children do not only share the characters' feelings but are willing both to ease their pain and support them. We presume that the level of rapport and frankness our school students demonstrated might be considered as a positive result of our course.

There were some letters we did not find appropriate for analyzing. For example, some students took a new look at the category of misfortune. Thus, a boy of 12 wrote in his letter: "*I feel sorry as I realized that there is true grief which is much deeper than that I feel about my low marks at school*".

We find the following responds to the facts the children learned about very important: "*While listening to the story, I felt that I was by the characters' side there and I could share their feelings about the situation*". *"I was deeply interested in the touching stories. Normally, I watch a show or read a book during my classes, so I really find it unusual that I was following the stories and found them interesting". "The Holocaust is an awful thing. Listening to the stories about it I just could not believe that it all had really happened*

and I still cannot understand why people could have been that violent. Some people only assassinated others victimizing them due to the fact that they belonged to another confession and were of different nationality. All that proves that people might be unbelievably violent and I just cannot believe that. If the hatred people feel to each other could be considered as a good thing, mankind would achieve significant progress and the world would live in peace and harmony".

As we deal with education, we appreciated the fact that our school students became so interested in the subject. They often stayed in classroom after the class and wanted to listen to the continuation of the story. They invited their peers from other grades to the classes several times or just told them the stories they had learned during their classes. We did not expect the children to respond to the material the way they did feeling sorry for the characters or being willing to help them as it is extremely hard indeed to get school students interested in school subjects nowadays. Our school children became really interested in the theme offered for discussion and that was the main and most important result of delivering our course to them.

We intend to complete the course with other interviews and cover the Holocaust geography more closely, creating a map featuring the Holocaust spots and telling school children about them. Last academic school year we only slightly covered the theme of children's creative work at the time of the Holocaust. During our classes we intend to read and analyze children's diaries of that time as well as rhymes written by children then and to consider the topic dedicated to pieces of art created by ghetto prisoners.

Our approach is based on avoiding the subject of violence while teaching school students the history of the Holocaust and as a result on reducing the level of their emotionally traumatic experiences when they learn the information dealing with it. Our teaching method definitely requires adjustment but considering our experience we can make a conclusion that we have chosen the right strategy for teaching school students the subject although it is at odds with traditional ones used in the Russian education system.

Our school students obtained enough knowledge of the subject and we witnessed their emotional respond to it. They did not feel depressed or worn out after the classes but at the same time they did not leave indifferent to the information they had been provided with. The school students got exposure to one of the most terrible periods in the history of mankind and

we believe they managed to learn from it. That allows drawing a conclusion that the approach we use is more efficient than the other ones used to teach school students the subject. Due to it our school children were deeply involved in the learning process.

In conclusion, we would like to mention that some children asked the addressees to write their answers to the letters and even expressed their readiness to learn the language the characters spoke, which proves that they were ready to hold a dialogue with them and did not mind it.

It is us who can only provide an answer to the school students' letters, giving them an example to follow and letting them see that we remember the Holocaust and do our best to prevent the recurrence of such tragic events in the future.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА ДЕТЯМ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА. ГРАНИЦЫ ТРАВМЫ

Одним из важнейших вопросов является – возможность преподавания истории Холокоста среди молодежи. У данного предмета есть две основные цели: ознакомление с вопросом и использование полученных знаний для предостережения на будущее. Я считаю, что для детей школьного возраста должна быть использована особая методология преподавания истории Катастрофы. Проведя исследование в России, я выяснила, что чаще всего используются материалы содержащие в большей мере исторические подробности насильственного характера. Детей в первую очередь знакомят со способами уничтожения и ущемления в правах евреев и других групп пострадавших, позволяется использовать архивные материалы (фото, видео) содержащие сцены физического насилия. В своей методике, в первую очередь я опираюсь на ознакомление с историческими фактами общего характера, мое знакомство детей с Холокостом происходит, по средствам, адаптации данной темы к средне-детскому возрасту. Таким образом, используя вспомогательные материалы (карты, презентации, видео-интервью) мы знакомимся с географией, искусством, спасением оставаясь в рамках Катастрофы. Я считаю, что знакомство детей с такой тяжелой для их психики темой должно

проходить, например, через истории спасений, истории в которых сами дети были свидетелями происходивших событий. Мною так же применяется курс: история Холокоста через живопись, литературные произведения, кинематограф. В своем докладе я представлю анализ детских творческих работ, как отклик на предложенную мной методику преподавания в рамках общеобразовательной школы с еврейским компонентом.

Dr. Hansen Ann M.
Zefat Academic College,
Israel

TEACHING TOLERANCE THROUGH LEARNING ABOUT THE HOLOCAUST: NON-JEWISH ISRAELIS WHO HAVE VISITED AUSCHWITZ

Suspicion, fear and resentment of "others" who differ are as old as time. They appear among animals and mankind alike, and frequently lead to violence. People who raise chickens will know that if there is a black chick among the new hatchlings, the yellow chicks as a group will peck at it until it dies. Throughout history, the Jewish people as individuals and as a group have been the "black chicks" in a world of yellow. Hatred of this group achieved new records of efficiency and evil under the direction of the Third Reich, but those who carried it out included everyday people among both the conquering and the conquered. The rest of the nations of the world who closed their eyes and their doors to what was happening also bear responsibility.

It is easy to sit back from a distance of 80 years and pass judgment, but how do we handle the hatred and suspicion between many groups that still exists today? Can these feelings be prevented, or at least ameliorated? One possibility is through education, but that is also a complicated issue involving ethnic, religious, historic and pedagogical factors. Is it possible, let alone realistic, to expect education to overcome millennia of distrust

and hatred? I propose to examine these questions through the lens of Israel . Specifically, I will present three case studies of non-Jews from Israel who have participated in official delegations to Holocaust sites in Poland in an effort to promote tolerance by understanding the "other" .

I. Why Israel?

Like Latvia, Israel is a geographically small country with a long and often bloody past. It's population – including that in the Arab sector – comes from nearly every country in the world. Most of the world's languages are represented, as are three major religious streams (Judaism, Islam, Christianity) and other smaller ones. Even though Israel is modern in many ways, most of its population sectors still live, marry and interact socially only within their separate groups according to religious, clan and ethnic identity. Interaction with members of other sectors is minimal. Even the school system is organized according to religious, ethnic and linguistic affiliation, with distinctions being made even to the degree of religious conviction (from devout to profoundly secular). As a result, barriers of distrust exist between the various sectors of Israeli society, and extends to Holocaust study.

II. Attempts to teach tolerance through learning about the Holocaust

Even though Holocaust education is required as part of the Israeli High School curriculum, what and how much is taught is largely left up to the individual schools. The Ministry of Education has paid lip service to the principle and absolved itself of the responsibility. As a result, many (but not all) high schools in the Jewish sector offer a Holocaust studies program which culminates in an organized trip to Poland . I have not found a single school in the non-Jewish sector which offers a similar program (to be fair, few schools in the Jewish sector offer educational programs about Israel's non-Jews either). Of more concern is the near-absence of non-Jews in any official visit to Holocaust sites in Europe. I would like, in chronological order, to discuss a few who have.

1 **Father Emil Shoufani of Nazareth, May 2003** – Spurred by violent events of the Second Intifada, Archimandrite Emil Shoufani of the Greek Catholic Church and the then-principal of a Nazareth high school organized a group of 120 prominent Arabs and 150 prominent Jews from Israel to

make the trip to Poland, where they would be joined at Auschwitz by a similar group of 200 Muslims and Jews from France. The purpose of the trip was to bring a measure of mutual understanding between the groups and to open a dialogue about the respective needs and desires of each. Months of preparatory educational seminars took place before the journey, preparations which Father Emil felt were as important as the trip. He named this project "From Memory to Peace." This groundbreaking visit received coverage in the world press (including the BBC, CNN and AlJazeera), yet reaction in the Arab world was extremely negative. Participants were accused of collaborating with Israel and weakening the cause of the Palestinians.[1] Opposition came from both Muslim and Christian sources in Israel and the Palestinian Authority. Many of the participants also had their own agenda for participating. One Arab participant, a teacher, stated "We hope this will help us and the Jews to live in good neighborhood, and to understand each other. We hope it can help stop the bloodshed and the cruelty [of the ongoing intifada war] . . . We are not responsible for the Holocaust, but they [Jewish Israelis] are responsible for what is going on now in Israel."[2] An Arab journalist participating stated "I did it for myself, my people and my children, not for the Jews."[3] It is interesting to note that many of the Arab participants were looking to *open* a dialogue with Jewish Israelis, while a Jewish Israeli participant wanted to *change* an existing dialogue.[4] Father Emil Shoufani received an educational prize from UNESCO for his work with this delegation and other projects.

2. Y.M. – YM is a young Christian Arab from Nazareth who asked that initials be used instead of her name, because of the extremely negative repercussions of her participation in a youth delegation to Poland recently. Y comes from two old and established Nazareth families who can trace their presence there back multiple generations. Her mother is a popular host of radio and television programs in Arabic. Her parents founded, own and operate a successful business with clients from all over Israel, the Middle East and Europe. They are also very active in several organizations whose purpose is to foster better understanding between followers of different religions in Israel. Her mother was one of the first Israeli Arabs to participate in a delegation to Auschwitz. Y was raised to believe it is important to learn about and accept others. The family lives in a mixed Arab-Jewish neighborhood and speaks both Hebrew and Arabic, but Y attends an Arab school and most of her friends are Arab. She is a vibrant, attractive, "normal"

teenager who loves shopping and doing things with friends, but who also happens to be intelligent, talented and hard-working. Most importantly, she is trying to live the values taught to her by her parents. From age 16 she has been a youth volunteer medic with Magen David Adom, Israel's equivalent of the Red Cross emergency services. She soon was asked to become a trainer of other youth volunteers (both Arab and Jewish), and part of her work with MDA (and other organizations) led to her being awarded the Outstanding Youth Volunteer of Israel this year by the Israeli Minister of Education. Unlike most of her social peers, now that she has finished high school she will be volunteering 3 years with MDA (one year of which she will be trained and certified as a paramedic). Every year MDA sends a small delegation to Poland. Participants are recommended at the local level and selected by the national directors. Two years ago Y was asked to be one of 14 participants in the delegation. Because of her mother's experience, and because of the values she had been taught, she decided to go. When she initially joined MDA as a volunteer she received a lot of criticism for being part of something "Jewish". When she returned from Poland her life was made a literal hell. People who had been her friends since kindergarten completely cut her out of their lives. No one at school would sit by her. Her teachers belittled, criticized and emotionally abused her to the point that her parents had to interfere. Neighbors wouldn't talk to her. She became a social pariah. She became so emotionally broken from this social bullying that her parents often stayed home from work to be with her and help her rebuild her emotional confidence. She does not regret participating in the delegation, and feels that she learned much from it, including how it feels to be a victim of hatred.

3. <u>Anne Frank Branco Weiss High School</u> – The Anne Frank is an area high school in northern Israel on the border with Lebanon. The Anne Frank school differs from the majority of Israeli schools in that its student body is ethnically and religiously varied: secular Jews, Circassian Muslims, Arab Christians and Druze. The school's principal explained why his school continues to prepare and send groups to Poland. "The study of the Holocaust is a way to instill values that we believe in . . .Stepping out of your comfort zone leads to amazing encounters within ourselves and a deep conversation between the groups that make up the school's population."[5] The school's delegations to Poland have included 3 Circassian students, one Maronite Christian and one Druze girl. According to the

teacher who led these delegations, these minority students were already indistinguishable from the other students because of their educational background in a liberal kibbutz school system and not in the traditional schools in the villages where their parents had been raised,parents basically turned their backs on the traditions of their own societies.[6] From the beginning their children were educated in secular Jewish schools (i.e. "Israeli"). In the case of the Druze girl, both her parents were doctors and had moved to a Jewish community whose members are known for very liberal attitudes. The Maronite student comes from a town which until a few years ago was exclusively Christian Arab, with a high percentage of the adults working in respected professions and where education was and is encouraged for both sexes. The Circassians originate in the Caucasus mountains in modern-day Russia. They were originally Christian, but converted to Islam when asked by the Ottoman Turks to come to the Middle East and work as guards on the Empire's borders. Of the two communities in Israel, most are Muslim in name only.

IV. Conclusions

Based on current statistics from Israel, the future of learning tolerance through teaching about the Holocaust is bleak. The percentage of non-Jewish Israeli school students participating in Holocaust education programs is miniscule. There are currently no Arab educational institutions in Israel that I could discover which include preparatory education for a trip to Holocaust sites in Poland as part of their curriculum. I could discover only one student from the Arab school system who participated in a delegation to Poland, and she was severely punished by her community for doing so. The few non-Jews who have participated in trips by Jewish schools have grown up and been educated in the Jewish secular school system, not in the schools of their own societies.

In short, there is a noticeable lack of interest and desire in non-Jewish Israeli society to learn about the Jewish sector, including learning about the Holocaust. It would be easy to despair and abandon all efforts. What we need to remember is that hundreds of thousands of people are alive today because a very few Righteous Among the Nations risked their own safety and that of their family members to save Jews. Likewise, if only a handful can learn tolerance through education, we have succeeded.

1. Sources

1. Interviews
2. Biton, Liron, interview in Zefat, Israel 25 June 2017
3. El, Uri, telephone interview with author, 29 June 2017
4. Hansen, Allen, Messenger interview with author, 30 June 2017
5. Hansen, Yaron, interview with author in Haifa, Israel 29 June 2017
6. M., Y., telephone interview with author, 30 June 2017
7. Mills, Gary, telephone interview with author, 26 June 2017

2. On-line Sources

1. "Arabs, Jews Trace Holocaust at Auschwitz", in the Auschwitz Organization Museum News, 27 May 2003 http://auschwitz.org/en/museum/news/arabs-jews-trace-holocaust-at-auschwitz.327.html
2. "For the Sake of Peace", in the Auschwitz Organization Museum News, 21 May 2003 http://www.auschwitz.org/en/museum/news/for-the-sake-of-peace..328.html
3. Avivi, Yuval, "Why some Israeli high schools stopped trips to Poland", in Al-Monitor, 16 February 2016 http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/02/poland-high-school-holocaust-survivors-israel-flag.html
4. Cook, Jonathan, "Arab Parliamentarian in Israel visits Auschwitz", in The Electronic Intifada, 27 January 2010 https://electronicintifada.net/content/arab-parliamentarian-israel-visits-auschwitz/8646
5. Dankowitz, Aluma, "An Israeli Arab Initiative to Visit Auschwitz", in The Middle East Media Research Institute, Inquiry and Analysis Series No. 136, 25 April 2003 https://www.memri.org/reports/israeli-arab-initiative-visit-auschwitz
6. Sheleg, Yair, "Jews and Arabs Visit Auschwitz Together", in Haaretz, 27 May 2003 http://www,haaretz.com/jews-and-arabs-visit-auschwitz-together-1.8869
7. "Preparatory Session for Israeli Arabs' Visit to Auschwitz", in Yad Vashem Press Releases, 19 February 2003 https://www.yadvashem.org/press-releases/19-february-2003-07-55

End notes:

i. Aluma Dankowitz, "An Israeli Arab Initiative to Visit Auschwitz", in The Middle East Media Research Institute, Inquiry and Analysis Series No. 136, 25 April 2003 https://www.memri.org/reports/israeli-arab-initiative-visit-auschwitz Accessed 11 June 2017

ii.Awwad Nawaf as quoted in "Arabs, Jews Trace Holocaust at Auschwitz", in the Auschwitz Organization Museum News, 27 May 2003 http://auschwitz.org/en/museum/news/arabs-jews-trace-holocaust-at-auschwitz.327.html Accessed 11 June 2017

iii. Nazir Majali, quoted by Jonathan Cook in "Arab Parliamentarian in Israel visits Auschwitz", in The Electronic Intifada, 27 January 2010 https://electronicintifada.net/content/arab-parliamentarian-israel-visits-auschwitz/8646 Accessed 11 June 2017

iv. Ayala Sitbon, as quoted in "Arabs, Jews Trace Holocaust at Auschwitz", op. cit.

v. Quoted by Yuval Avivi, "Why some Israeli high schools stopped trips to Poland", in Al-Monitor, 16 February 2016 http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/02/poland-high-school-holocaust-survivors-israel-flag.html Accessed 25 June 2017

vi. Uri El, telephone interview with author, 29 June 2017

Ilkovskaia Irina
Rector of The Saratov Regional Institute
of Education Development (Russia)
Ирина Ильковская
ректор ГАУ ДПО „Саратовский областной институт развития образования”

ACTUALIZATION OF HOLOCAUST HAPPENINGS IN CONTEXT OF CREATION OF HISTORICAL MEMORY

The presence of an introduction to the Holocaust in the educational curricula of our country is beyond doubt. We consider the preservation of the historical memory of the Holocaust a means to countering xenophobia, intolerance, and the falsification of history.

However, the topic of the Holocaust is fairly new for Russian education. It was first included in school programs and history textbooks in 2004. Modern history teachers need special preparation in the history of the Holocaust, considering that the majority of them did not study this subject while at university. Extensive educational activities in this area are carried out by the transregional Holocaust Research and Education Center, which organizes instructional seminars on teaching about the Holocaust for educators from different parts of Russia. For Russian teachers, of course, exchanging teaching experiences about the Holocaust between educators in different parts of Russia, Ukraine, Belarus, Israel, the USA, France, and Germany is important because this experience is unique, just as the histories of each of these countries and their understandings of the Holocaust are unique.

Since 2005, the Saratov Regional Institute for Educational Development has been working on mainstreaming the events of the Holocaust. Two fun-

damental trends can be distinguished in this effort: academic efforts dealing with the study and teaching of the Holocaust, and practical efforts concerned with preserving the memory of the tragedy of the Holocaust.

The program module "The Formation of Tolerance through the Study of the Holocaust" has been included in course preparation for history and social studies teachers since 2010.

The institute regularly hosts activities on commemorative dates such as International Holocaust Remembrance Day, International Day of the Liberation of Nazi Concentration Camps, and Victory Day, which are organized jointly by public and state organizations and cultural centers.

An important area of work for the Holocaust Institute is work with high school students. The accomplishments of the specialists of the institution can be seen in the achievements of educators and students from the Saratov region in the international competition „Remembering the Holocaust - The Path to Tolerance," organized by the Holocaust REC.

«АКТУАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ ХОЛОКОСТА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

Введение истории Холокоста в работу института мы рассматриваем как средство противодействия ксенофобии, нетерпимости, фальсификации истории. Тема Холокоста является относительно новой для российского образования. Она впервые была включена в школьные программы и учебники истории в 2004 году. Современные преподаватели истории нуждаются в специальной подготовке по истории Холокоста, поскольку большинство из них не изучали данной темы в вузах. С этой целью в Саратовском областном институте развития образования ведется работа по актуализации событий Холокоста, в которой можно выделить два основных направления в контексте заявленной темы: научно-образовательное – изучение и преподавание темы, и прикладное – сохранение памяти о трагедии Холокоста. Модуль программы «Формирование толерантности через изучение темы Холокоста» включен в курсовую подготовку учителей истории и обществознания с 2010 года. Важным направлением работы института по изучению истории Холокоста является

работа со старшеклассниками. Заслугой специалистов института можно считать победы педагогов и школьников Саратовской области в Международном конкурсе «Память Холокосте – путь к толерантности», организованном НПЦ «Холокост» (г. Москва).

Dr. Juanatey Ana Garcia
Universitat Pompeu Fabra/Institut Barcelona d'Estudis Internacionals (Spain)

TACKLING CYBERHATE IN SPAIN: RECENT EXPERIENCES

Introduction

A great proliferation of extremist messages on the Internet is taking place all over Europe. According to studies carried out by the think tank Demos, there are approximately 10,000 tweets a day with racist insults in English on Twitter, which represents one out of every 15,000 tweets[1]. This propagation is closely related to the context of the refugee crisis as well as to the wave of the terrorism that is afflicting Europe. In fact, the terrorist attacks in Paris, Brussels, Nice and, more recently, Barcelona, have generated significant waves of Islamophobic hatred on social media.

Therefore, although it is difficult to determine quantitatively the real scope of the problem, there is a growing concern about cyberhate in Europe. Proof of this preoccupation is the recent activity carried out by the Council of Europe (COE) and the EU to tackle this problem. On the one

1 Gagliardone, Iginio, Alisha Patel, and Matti Pohjonen. 2014. "Mapping and Analysing Hate Speech Online: Opportunities and Challenges for Ethiopia". University of Oxford and Addis Ababa University. http://pcmlp.socleg.ox.ac.uk/sites/pcmlp.socleg.ox.ac.uk/files/Ethiopia%20hate%20speech.pdf

hand, the COE launched in 2012 the **No hate campaign**, which is aimed at mobilising young Europeans by creating a social movement against online hate speech. On the other hand, the EU signed in 2016 a **Code of Conduct** with the tech companies and launched and High Level Group, involving different stakeholders with the aim of preventing and combating hate crimes and hate speech, and with a special emphasis on countering online hate speech.

This concern has led to an increasing demand by international institutions and other actors such as NGOs for the introduction of penal restrictions on hate speech that also take into account the greater reach of cyberhate. At the EU level, **Framework Decision 2008/913/JAL of 28 November** established general guidelines to be followed by all EU member states when combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law. At the COE level, the **Additional Protocol to the Convention on Cybercrime,** approved in 2003, requires member States to adopt measures to establish as criminal offences the dissemination of racist and xenophobic material through computer systems as well as the use of computer systems to make racist and xenophobic motivated threats and insults to deny, minimise or justify genocide or crimes against humanity.

As a consequence of these changes in the international legal framework, countries such as Spain have recently introduced stricter penal restrictions on hate speech that take also into account its dissemination online, which has been welcomed by NGOs and international institutions. However, some authors have also expressed concern, as these changes may result in illegitimate restrictions of the right of freedom of expression, particularly in countries such as Spain with issues regarding the independence of the judiciary[2]. This concern has reanimated the debate about what limits free speech should have in a democratic society, as well as about the efficacy of hate speech restrictions vis-à-vis other strategies based on awareness-raising and education.

This brief report will delve into these issues through the examination of different experiences put in practice recently in Spain to tackle hate speech online, both form a judicial as well as extra-judicial perspective.

Part 1: Tackling cyberhate in Europe

According to the European Commission against Racism and Intolerance (ECRI) General Policy Recommendation Nº 15 (2015), hate speech is

2 https://www.liberties.eu/en/news/council-of-europe-spain-judicial-independence

"(any) form of expression– namely, the advocacy, promotion or incitement of the denigration, hatred or vilification of a person or group of persons, as well any harassment, insult, negative stereotyping, stigmatization or threat of such person or persons and any justification of all these forms of expression – that is based on a non-exhaustive list of personal characteristics or status that includes "race", colour, language, religion or belief, nationality or national or ethnic origin, as well as descent, age, disability, sex, gender, gender identity and sexual orientation(…)"[3].

Despite this wide definition, the Recommendation specifically excludes from it any "form of expression – such as satire or objectively based news reporting and analysis - that merely offends, hurts or distresses" (par. 13). Therefore, the Recommendation reflects the protection required under Article 10 of the European Convention on Human Rights, following the European Court of Human Rights jurisprudence.

Similarly, the Recommendation established that criminal sanctions for the use of hate speech should be imposed only in limited circumstances because of "the potential risk they pose for violating the right to freedom of expression" (par. 171). In particular, the recommendation takes account "the risk of criminal responsibility being unjustifiably used to suppress criticism of official policies, political opposition and religious beliefs" (par. 180). At the same time, it stresses "the need for any specific penalty imposed in a particular case to reflect the principle of proportionality since a failure in this regard can itself be a basis for violating the right to freedom of expression" (par. 180).

This Recommendation also pays attention to the specific problem of cyberhate, admitting that nowadays the use of hate speech in the vast majority of cases takes place through the media and the Internet (par. 130). Interestingly, the same paragraph states that the Internet is at the same time a vehicle both for using hate speech and for challenging it. Therefore, while recognizing that some regulation of the media and the Internet is not inconsistent with the right to freedom of expression, it stresses that "greater reliance on self-regulation to tackle the use of hate speech will in many instances be not only more effective but also more appropriate". Consequently, it recommends the use of self-regulation mechanisms, such as codes of conduct, monitoring project, complaints mechanisms and provision of training to counter hate speech.

3 http://www.coe.int/t/DGHL/MONITORING/ECRI/activities/GPR/EN/Recommendation_N15/REC-15-2016-015-ENG.pdf

Part 2: Tackling cyberhate in Spain

As in other European countries, the problem of cyberhate is on the rise in Spain. Messages that insult and denigrate women, Gypsies, Muslims, Jews, homosexuals, transsexuals, etc., are troublingly frequent both in social and digital media. Just to give one example, for a few hours after the Paris attacks, #matadatodoslosmusulmanes ("kill all Muslims") became the third most used hashtag in Spain[4].

As a response to this problem, different strategies have been put recently into practice, both at the judicial and extra-judicial level.

Judicial strategies

Spanish legislation has introduce over the years greater penal restrictions on hate speech.

In response to the need to adapt to the European framework, the Spanish Criminal Code was modified in 2015. This reform grouped various hate speech crimes together in Article 510 of the Criminal Code, and punished them with the following penalties:

-1 to 4 years in prison and a fine of 6 to 12 months, for

a. Direct or indirect incitement to hatred, hostility, discrimination and violence, against groups or individuals for racist, anti-Semitic and other motives linked to ideology, religion, origin, sex, sexual orientation, illness or disability.

b. Production and distribution of material with the same motives as those mentioned in Section a).

c. Denial or glorification of the crime of genocide, crimes against humanity or against individuals or property in the case of armed conflict that may have been committed against the aforementioned groups, when that promotes or fosters a climate of violence, hostility and hatred towards them.

-2- 6 months to 2 years in prison and a fine of 6 to 12 months (and 1 to 4 years in prison when a climate of violence, hate or discrimination is promoted)

a. Holding events, producing and disseminating material that might imply humiliating or disparaging one of the aforementioned groups or its members on discriminatory grounds;

4 Jubany, Olga, Roiha, Malin, and Martínez, Arlette. 2016. "Online Hate Speech in Spain. Fieldwork Report. PRISM. Preventing, Redressing & Inhibiting Hate Speech in New Media". Universitat de Barcelona. Fundamental Rights and Citizenship Programme of the European Union

b. public glorification or justification of crimes committed against the aforementioned groups.

The regulation of Article 510 also establishes a series of aggravating circumstances concerning the using "new technologies", taking into account the potentially greater reach of the behaviour (in that case the terms of imprisonment will be in the upper half of the range).

In general, this change in the Criminal code has been welcomed by NGOS and international institutions. Nevertheless, the recent judicial activism using article 578 of the Criminal Code about glorying terrorism by Spanish upper courts have raised concern about the possible consequences for the protection of free speech. In 2015, there were 19 convictions for "glorifying terrorism" on the Internet and in 2016 there were another 27. In 2017, there were very notorious cases, such the one of rock musician César Strawberry, and the one of 21-old student Cassandra Vera. César Strawberry was sentenced by Spain's Supreme Court to a year in prison for tweeting off-colour jokes about Francisco Franco's Prime Minister Luis Carrero Blanco, who was assassinated by Eta in 1973, among others. Cassandra Vera was condemned to 1 prison sentence for the publication of 13 tweets between 2013 and 2016 also for jokes involving Carrero Blanco.

Despite none of them has entered prison, human rights organizations such as Amnesty International and Human Rights Watch have raised concern about the state of freedom of expression in Spain and the political use of justice. Just to give a few examples, Amnesty's 2016 annual report also criticized the "broad or ambiguous definitions that pave the way for a disproportionate or discretionary enforcement of the law by authorities" and threatened "to violate individuals' fundamental rights and freedoms"[5]. In a similar vein, Judith Sunderland from Human Rights Watch, described Vera's sentence as "very worrying" and affirmed that "these kinds of rulings do have a chilling effect on freedom of speech"[6].

Others, such as Stephane M. Grueso, from the Platform for the Defense of the Freedom of Information characterized Strawberry's prosecution as "politically biased"[7]. Similarly, the Observatory of Civil Rights and Public Freedoms characterized this ruling as "terrible news for the freedom of expression" and went on stressing the danger of the concept of hate speech as

5 http://www.dw.com/en/tweets-raise-concerns-over-free-speech-in-spain/a-37939487

6 *Ibid.*

7 *Ibid.*

"it has become a genuine mantra, a key ingredient, serving as a crutch and an excuse that allows certain judicial actors of a notably conservative stripe to impose their perspective, which may lead to illegitimate restrictions of the right to freedom of expression"[8].

Extra-judicial strategies

Europe-wide campaigns such as the *No hate campaign* have triggered also extra-judicial strategies to be put in practice in Spain.

At the governmental level, the Institut of the Youth (Instituto de la Juventud, INJUVE) have joined the campaign in 2013 and launched its national version, as it was done by other countries.

Moreover, it is worthy of mention the action put in practice by the local government of the city of Barcelona that has planned several specific initiatives for preventing and fighting against discrimination and hate speech, particularly online. More concretely, the Barcelona city council launched in March 2017 the international conference **#BcnvsOdi: strategies for combatting intolerance in social networks.** This conference that counted with the presence of academics, journalists, civil servants and NGOS, showed that also actors such as cities may get involved in the fight against hate speech online. The city of Barcelona is currently preparing a web portal about cyberhate with information and resources that will be launched in November 2017[9].

At the civil Society level, in 2014 was launched the **Online Project Against Xenophobia and Intolerance in Digital Media (PROXI)**, by the Human Rights Institute of Catalonia (IDHC) and the web-based organization United Explanations. This project, which was selected as a good practice by the European Commission[10], was pioneer in the analysis of hate speech online as it developed and original methodology to observe and analyse hate speech on digital media and about how to intervene effectively in online media forums.

Final remarks

Cyberhate is a problem with no easy solutions. The seriousness of hate speech and its consequences for societies cannot be overlooked, and legal

8 https://www.liberties.eu/en/news/sentencing-of-a-twitter-user-imperils-freedom-of-speech

9 Web will be available also in English in November 2017: http://ajuntament.barcelona.cat/bcnvsodi/en/

10 https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/proxi-online-project-against-xenophobia-and-intolerance-in-online-media

means and judicial strategies have to be part of the solution. Similarly, the greater potential of propagation of hate speech online has to be also taken into account in national legislative frameworks.

However, the case of Spain shows that tougher measures against hate speech and other similar offences such as glorifying terrorism may have unwanted consequences. Therefore, it is important to be aware of dangers of the penal restriction of hate speech, in particular the political use of the concept, as well as the lack of proportionality in penalties.

Moreover, in order to respect the principal of minimum intervention of criminal law, other strategies must be taken into consideration. In particular, strategies based on self-regulation must be stressed, such as codes of conduct, monitoring project, complaints mechanisms and provision of training to counter hate speech. In order to do that, it is important to involve different stakeholders, such as government, regions, and cities and, of course, civil society.

For more information about the recent strategies put in practice to counter cyberhate in Spain, please contact ajuanatey@gmail.com.

Dr. Elena Kokkonen
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Russia)

Кокконен Елена
кандидат психологических наук, доцент Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого Россия.

„RUSSIAN RELATIVES OF HOLOCAUST VICTIMS (EVIDENCE FROM THE TOWN OF STARAYA RUSSA)“

Before the war, about 38 thousand people lived in Staraya Russa (Leningrad district, Russia), including more than 1000 Jews. The city was occupied by the Nazis on August 9, 1941. Starting in the middle of September 1941, a general registration of the population began with the goal of identifying Jews, Soviet-party activists, and members of their families. The Russian police and its citizen-volunteers played a special role in this registration.

The testimony of Zinaida Spindler (maiden name Ivanova) is available both in the documents of the Extraordinary State Commission for Ascertaining and Investigating Crimes Perpetrated by the German-Fascist Invaders and their Accomplices, and in the criminal case against the employees of the Staraya Russa city police. She testified to the ESC saying, "My mother-in-law Spindler was Jewish, and she also went to the registration. Two weeks after the registration, all Jews were transported in cars to the city prison, and then were taken to an unknown location."

In fact, Spindler, through her brother, was assigned to work with the police who were involved in the arrest of the Jews. As she testified in the interrogation: "Arrests were made by the Gendarmerie, but the police also participated. In the month of December all Jews were executed, including my husband's mother Tamara Borisovna Spindler and her son Matvey."

At the beginning of 1942, they exterminated the last Jews in Staraya Russa, including those who were baptised or who had a Russian wife or husband.

РУССКИЕ РОДСТВЕННИКИ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА: ЖЕРТВЫ, СВИДЕТЕЛИ, ПАЛАЧИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СТАРАЯ РУССА)

Нацисты и их пособники уничтожали как евреев, так и их родственников. Значительная часть их них стала жертвами – жертвами Холокоста. Те из них, кто смог пережить войну, стал свидетелем преступлений нацизма. Однако встречаются отдельные факты, когда родственники жертв палачами.

Северо-Западные районы РСФСР находились под немецкой оккупацией более трёх лет. Новгородская область была разделена на две части линией фронта. Перед войной в Старой Руссе, районном центре Новгородской области (до 1944 г. – Ленинградская область, Россия), проживало около 38 тыс. человек. Из них евреев 828 (2,2 % населения)[1]. Город был оккупирован гитлеровцами 9 августа 1941 г.

Нацисты установили в городе жестокий оккупационный режим. При содействии пособников из числа местного населения они уничтожили сотни военнопленных и мирных граждан.

На захваченной гитлеровцами территории России разжигание межнациональной розни являлось одной из основных составляющих нацистской оккупационной политики. Антисемитизм занимал особое место. Геноцид против еврейского населения нацисты стремились осуществлять при содействии со стороны местного населения.

Так немецкий комендант города Мосбах предложил бургомистру Невскому «подобрать на должность начальника городской полиции надежного человека не только в политическом отношении, но и нерусской национальности, например, из латышей или эстонцев». Последнее было вызвано тем, что «русский стал бы сводить счеты со своими недругами»[2].

1 Энциклопедия Холокоста на территории СССР. М. 2011. С. 943.

2 Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. М., 2004, С. 119.

Вскоре после прихода немецких оккупантов в город Старую Руссу, Иван Иванович Скорин был назначен оккупантами заместителем городского головы Быкова. Под руководством Скорина в помещении бывшей городской аптеки по ул. К. Либкнехта с середины сентября 1941 года началась поголовная регистрация населения. Она преследовала цель выявления евреев, советско-партийного актива и членов их семей.

Особую роль здесь играла русская полиция и ее добровольные помощники из числа местных жителей. Многие из них, обиженные советской властью или желавшие выслужиться перед оккупантами, добровольно приходили в городскую управу, гестапо или полицию и доносили на членов ВКП (б) и комсомола, не успевших эвакуироваться, а также на лиц еврейской национальности.

В первое время трудоспособные евреи привлекались к принудительным работам. При этом специально оговаривалось, что «оплата труда не должна соответствовать выработке, но лишь поддерживать существование работника и нетрудоспособных членов его семьи с учетом и других средств, имеющихся в его распоряжении»[3].

Так как город Старая Русса в 1941 года находился в прифронтовой зоне, «окончательное решение еврейского вопроса» должно было быть принято в самые сжатые сроки. Евреи, жители города Старая Русса, в октябре были все одновременно арестованы. Аресты проводила немецкая жандармерия при активном участии русской полиции. В октябре все арестованные были расстреляны. Все их вещи конфисковались в пользу оккупантов, однако часть из них была позднее передана городской управе для поощрения наиболее активных работников[4].

Из допроса бывшей сотрудницы Старорусской полиции Тамары Финагиной: «Мне так же известно, что полицией в декабре месяце 1941 года было арестовано до тридцати человек евреев, которые в начале прихода немцев были пока оставлены, так как у них были жены или мужья русские, поэтому в начале, в августе и сентябре 1941 г. были уничтожены немцами еврейские семьи, где не было русских.

Все эти евреи сгонялись полицией и с жандармами в монастырь

3 Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее - АУФСБ по Новгородской области) Д. 1/6995. Т. 1, С. 12.

4 Там же, Л. 16.

и в разбитых стенах расстреливались немцами и жандармерией. Это говорили мне полицейские, фамилий которых я не помню»[5].

Старая Русса была освобождена 18 февраля 1944 года частями Первой Ударной армии. Через три месяца здесь приступила к своей работе ЧГК района.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.

Указ предусматривал, что в задачу ЧГК входит «полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими органами работы в этой области».[6]

В основном работа Новгородской областной комиссии была завершена в сентябре 1945 года, но и в 1946 году комиссия продолжала работу по приему заявлений от пострадавших граждан, вернувшихся в область.[7]

31 декабря 1944 года Старорусская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в составе Ицкевича Я.Е. (председатель), Становой Л.А., Изотова В.Н., Кулешовой Н.И. (члены комиссии) составили акт № 9, в котором говорилось следующее: «В первых числах сентября месяца 1941 года немецкие военные власти объявили регистрацию всего еврейского населения, проживающего в городе Старая Русса, после чего всех евреев независимо от возраста обязали носить белые повязки на рукаве.

Спустя две недели после регистрации, немцы арестовали всех евреев, в том числе женщин, детей и стариков, и посадили часть в тюрьму, а часть в приспособленное здание под тюрьму в монастыре. По ночам из здания тюрьмы доносились крики истязуемых немецкими палачами ни в чем неповинных женщин, детей и стариков. Немцы

5 Там же. 1, С. 127 – 123.

6 Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО), Ф. Р – 1793 Оп. 1. Л. 4.

7 ГАНО Ф. Р – 1793 Оп. 1. Л. 5 – 4.

расстреливали целые семьи лишь только за то, что они принадлежали к еврейской национальности. Немцами расстреляны Борушкин Михаил и его отец, Зеликман, муж и жена, Борушкина Зеля, 80-летняя старушка Борнштейн Софья Борисовна, Филькинштейн с двумя малолетними детьми и др.

Остальные арестованные евреи, после истязания в тюрьме, немецкими палачами вывозились на автомашинах и дальнейшая судьба этих несчастных жертв неизвестна, т.к. никто из арестованных в настоящее время в город не вернулся.

Проведенной немцами операцией в городе истреблено до 2-х тысяч мирного еврейского населения.

Правильность указанных в акте фактов подтверждается личными заявлениями и протоколами опроса жителей города Старая Русса – Шпиндлер Зинаиды Ивановны, проживающей ул. Дубовицкая, дом № 8, Андерсон Варвары Федоровны, проживающей ул. Бетховена, дом № 35, Лапшиной Ираиды Ермиловны проживающей ул. Клары Цеткин, дом № 12, Сухаревой Анны Павловны, проживающей ул. Пушкинская, дом № 15.

О чем и составлен настоящий акт»[8].

В показаниях З.В. Шпиндлер конкретно говориться о следующем: «С начала оккупации я проживала в г. Старая Русса и знаю следующие факты зверств, чинимых немецкими войсками, а именно:

В первых числах сентября 1941 года немецкие военные власти объявили регистрацию всего еврейского населения, проживающего в Старой Руссе. Как происходил процесс регистрации и где я не знаю, но хорошо знаю, что происходил, т.к. моя свекровь Шпиндлер была еврейкой и она тоже ходила на регистрацию.

Недели через две после проведенной регистрации всех евреев на машинах увозили в городскую тюрьму, а затем увозили неизвестно куда, имущество их было немцами разграблено, так было сделано с моей свекровью, она увезена, а имущество ничего не оставлено, все взято. Количество забранных (арестованных) евреев сказать не могу, но после этой проведенной немцами операции в городе не осталось ни одного еврея.

Какая дальнейшая судьба этих несчастных людей мне неизвестно. Никто из арестованных до настоящего времени не вернулся»[9].

8 ГАНО Ф. Р – 1793 Оп. 1. Л. 41.

9 Там же, Л. 43.

Но кроме этого есть материалы, собранные сотрудниками органов государственной безопасности. Так в секретном сборнике материалов о немецких разрушениях и зверствах, деятельности разведывательных и контрразведывательных органах противника в районах Новгородской области, подвергавшихся оккупации, который был издан Управлением НКГБ СССР по Ленинградской области в 1944 году, о Холокосте в Старой Руссе говориться следующее: «С первых же дней прихода немцев в г. Старая Русса было установлено зверское отношение к еврейскому населению. Евреям было приказано на левом рукаве носить белую отличительную повязку. Был случай, когда собрали все еврейское население и публично расстреляли 25 человек разного возраста. Позднее было расстреляно все еврейское население в один день»[10].

Кроме сбора информации о жертвах и разрушениях было необходимо установить имена всех палачей и пособников гитлеровцев. Поэтому показания Зинаиды Шпиндлер (в девичестве Ивановой) имеются как в актах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, так и в уголовном деле на сотрудников Старорусской городской полиции. И если изначально эта женщина воспринималась как жертва нацистского оккупационного режима, позднее стало ясно, что она сама является соучастницей преступлений немцев.

Семья Ивановых, к которой относилась Зинаида, встретила немецкую оккупацию положительно. Ее отец стал старостой в деревне под городом, а родной брат записался в полицию. Так Шпиндлер, через своего брата оказалась устроена на работу в полицию, которая занималась арестом евреев, в том числе и ее родственников по мужу.

Как она показала позднее на допросе: «Аресты проводила жандармерия, участвовали и полицейские.

В декабре месяце все евреи были расстреляны, в том числе и мать моего мужа Тамара Борисовна Шпиндлер и ее сын Матвей»[11].

В начале 1942 года в Старой Руссе уничтожили последних евреев: тех, кто был крещен, или имели женой или мужем русских.

Но сама Шпиндлер-Иванова избежала каких-либо репрессий со стороны оккупантов. В Старую Руссу она приехала на лето. Из ее уголовного дела, согласно собственным показаниям, следует: «До Оте-

10 Архив Управления ФСБ по Новгородской области., Ф. 7, Д. 33. Л. 57.

11 АУФСБ по Новгородской области. Д. 6995/1. Т. 1, Л. 213.

чественной войны 1941 – 1945 гг. я проживала в городе Ленинграде, муж работал на Кировском заводе, я была домохозяйкой.

В июле 1941 г. я с малолетним сыном, которому исполнился один год, выехала из Ленинграда к своим родственникам, проживавшим в городе Старая Русса. Там же, в этом городе, проживали брат и мать моего мужа которых я хорошо знала и поддерживала с ними отношения»[12].

Если верить Зинаиде Шпиндлер она не планировала оставаться на захваченной гитлеровцами территории: «12 августа 1941 г. немцы временно оккупировали город Старую Руссу и эвакуироваться я не смогла»[13].

На допросе ее конкретно спрашивали о судьбе еврейского населения. Следователь формулировал этот вопрос конкретно: «Расскажите, что вам лично известно об арестах и расстрелах еврейского населения города Старая Русса?»[14].

Ответ Шпиндлер-Ивановой был следующим: «Мне известно, что евреи, жители города Старая Русса, в каком количестве я не помню, в октябре месяце 1941 года были все одновременно арестованы»[15].

Зимой 1941 – 1942 года все еврейское население Старой Руссы было уничтожено: «В декабре месяце все евреи были расстреляны. Где именно они расстреляны, мне неизвестно. О том, что евреи расстреляны говорили в полиции, кроме того, я ходила на квартиру к матери мужа Тамаре Борисовне Шпиндлер (она жила на Пушкинской улице) и мне сказали, что ее арестовали и все ее вещи конфисковали, а позднее передали, что она расстреляна в числе других евреев, жителей гор. Старая Русса»[16].

Но малолетний сын Зинаиды, по отцу еврей, смог избежать этой участи, так как он жил среди родственников жены – полицейских.

Полиция занималась не только арестами советско-партийного актива и лиц еврейской национальности, но и собирала вещи, оставшиеся без хозяев в городе. Собирались они в один склад, после чего распределялись между сотрудниками управы и полицейскими. Частично вещи отправляли в Германию. Часть вещей, изъятых на

12 Там же.
13 Там же, Л. 213 об.
14 Там же.
15 Там же.
16 Там же, Л. 214.

квартире Тамары и Матвея Шпиндлеров оказались у Зинаиды как «память».

Зинаида Шпиндлер лично никого не расстреливала. В полиции она работала секретарем, готовила различную документацию. Никому из своих еврейских родственников она не помогла, более того, после освобождения она себя пыталась представить, как жертву гитлеровцев.

Процесс над сотрудниками старорусской городской полиции совпал со временем, когда в СССР была отменена смертная казнь (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни»). Изначально Шпиндлер была приговорена к 10 годам лишения свободы, но этот приговор был обжалован прокуратурой как слишком мягкий. Однако новый срок – 15 лет лишения свободы она до конца не отбыла. В 1955 году ее освободили по амнистии.

Конечно, ее история не вполне типична. Из жертвы она стала свидетелем, из свидетеля – преступником.

Ковальчук Светлана
доктор философии
Рига

МОЖНО ЛИ ИЗ ПАМЯТИ УБРАТЬ ТРУПЫ?

Марк Данилович Вайнтроб (1895–1942) – она из многочисленных жертв Холокоста 1941/1944 годов в Латвии, чью судьбу по сей день невозможно разгадать, чьи достижения в области научного знания ввести в полноценный научный оборот. Кто вы, Марк Вайнтроб? Где родились, какую гимназию и университет окончили? По одной из версий, которую, судя по архивным документам, «подбросил» сам Вайнтроб, он родился в Крустпилсе (Крейцбург).

Накануне 20 столетия, т.е во время Всероссийской переписи населения 1897 года, население Крустпилса составляло 4142 человек, более 70% процентов евреи. То были восточноевропейские евреи идишисты, проживавшие в этих краях примерно с конца 18 столетия. Согласно переписи населения Латвии в 1930 году в Крустпилсе проживало 3136 и 1149 евреев. Политические репрессии, прошедшие с лета 1940 по 14 июня 1941 гг., сменились в последнюю неделю июня 1941 года последовательной политикой этнических репрессий.

О размахе политических репрессий , к примеру, 14 июня 1941 г. свидетельствует огромная книга: Aizvestie: 1941. gada 14 jūnijs. Rīga, LVA, 2001. В книге учтено 15 424 жителей Латвии арестованных в ходе акции устрашения, отправленных в товарных вагонах на восток СССР. На страницах можно найти имена людей всех национальностей. Из увезенных 14 июня кто-то погиб, в лагерях, кто-то вернулся после войны в Латвию. 14 июня из Крустпилса выслали 36 евреев.

Масштабная трагедия развернулась в последние дни июня 1941 года, когда началась общая трагедия евреев Латвии, Крустпилса/Екабпилса и многих других городов и местечек. Семен Дубнов, Август Каминка, Пауль Мандельштам, Марк Вайнтроб и еще около 70 000 тысяч латвийских евреев погибли за годы немецкой оккупации Латвии. Уже 6 июля начались аресты и создание гетто на территории крустпилсской еврейской школы. Массовые убийства евреев в июле-августе 1941 года в болотах Куку были осуществлены командой В. Арайса.

Ушли в небытие люди, погибли в пожарищах репрессий и многочисленные культурно-религиозные ценности евреев. Особенно ощущается утрата документов при восстановлении судеб ученых оказавшихся в эмиграции в Латвии с начала 1920-х годов. Тому пример судьба философа Марка Вайнтроба. В межвоенные 1920–30-е гг. за многочисленные блистательные публичные лекции Вайнтроба величали «рижским Златоустом». Вайнтроб оставил яркий след в культурном еврейском и русском пространстве Латвии. К тому же, Марк Данилович служил учителем в рижских школах, заведовал Еврейскими государственными педагогическими курсами, 16 лет имя Марка Даниловича Вайнтроба неразрывно связано с историей Русских Университетских курсов – рижского частного высшего учебного заведения. В сентябре 1921 г. горячо поддержал инициативу известного профессора-слависта Константина Ивановича Арабажина по созданию высшей школы. Это по-своему уникальное для прибалтийских государств гуманитарное учебное заведение было нацелено на поддержание образовательного уровня молодого русскоязычного населения.

Широк был и профессиональный размах этого талантливого человека: занимался историко-философскими проблемами европейской и еврейской философии, читал лекции по логике, теории права, психологии, был знатоком истории искусства и литературы. Вайнтроб был великолепным стилистом, у которого легкость и доступность слога сочетались с глубиной мысли. Его имя обрело известность у читательской аудитории газет «Сегодня», «Сегодня вечером», «Народная мысль», «Новый Двинский голос». Не раз печатался и в специальном юридическом издании В.И. Синайского журнале «Jurists» (Юрист), на страницах которого осмысливал право с позиции этики, рассматривал понятия права и государства в философии Фихте, Спинозы. В других изданиях читатели знакомились с его развернутыми статьями о наглядности в процессе обуче-

ния, о психоанализе, с обстоятельными литературно-философскими размышлениями о душе, кино, искусстве. Статья, посвященная философским воззрениям яркого представителя философии жизни Анри Бергсона, была выпущена даже отдельным изданием. Между прочим, Вайнтроб стал единственным автором, из писавших в те годы на русском языке, который печатался в ежемесячном журнале «Daugava» (Даугава), посвященном вопросам философии, литературы, искусства. Не пренебрегал, напротив, живо откликался рецензиями на научные новинки, выходившие из под пера коллег. До сего дня можно читать его продуманные, объективные рецензии на труды рижских друзей и коллег юристов, историков, литературоведов, педагогов, писателей – Василия Синайского, Семена Дубнова, Макса Лазерсона, Александра Вейдемана, Роберта Виппера, Бориса Виппера, Зенты Маурини, Паула Дале, соотечественников из Праги, Берлина, Москвы, Петрограда – Зинаиды Гиппиус, Евгения Спекторского, Семена Франка, Михаила Гершензона, Леонида Пастернака, Сергея Платонова и многих других.

Несомненно, он был искренне был погружен в философское обоснование еврейской национальной идеи, поскольку считал сионизм «единственным национальным решением еврейской проблемы, отвечающей самому сильному подъему национальной воли». Свою позицию выражал, публикуясь в таких изданиях как «Еврейская трибуна», «Ахдут». Можно вспомнить его участие в работе по сбору пожертвований в пользу Центрального комитета фонда Карен-Гаесод в Латвии, занимавшегося привлечением средств с целью строительства еврейской Палестины, способствовавшего открытию поселений и созданию Иерусалимского университета. Но пристрастность к сионизму гармонично уравновешивалась с преподаванием русского языка и литературы в еврейских средних школах и почитанием А.С. Пушкина как «гениальнейшего из поэтов».

Но вернемся к проблеме документальных свидетельств. Вайнтроб въехал в Латвию в ноябре 1920 г. Во въездном документе беженца, не было указано место рождения, только дата по старому стилю 3 августа 1895 г. и вписано, что уроженец Лифляндии, при выдаче паспорта место рождения вписали Крустпилс (Крейцбург). Подлинных документов, удостоверяющих личность, а тем более свидетельств об окончании учебных заведений, видимо, не имел. Несмотря на неполноту документов и по причине острой нехватке

педагогических кадров, в Министерстве образования Латвии приняли заявление Вайнтроба в еврейских школах, поверили его биографическим данным, которые он написал. Фонд Министерства образования Латвии Латвийского Государственного Исторического Архива сохранил два личных дела Вайнтроба. В одном из них находим его прошение в Городской школьный совет с просьбой «предоставить место преподавателя по философской пропедевтике (психологии, логике, введению в философию).» Прилагались и документы, свидетельствовавшие о факте окончания университета и curriculum vitae. В деле этих документов или их копий не сохранилось. Хотя, как правило, таковые прилагались к заявлениям.

Эвакуированная со средней школой дочь Вайнтроба Ада (1924–2010?), в замужестве Минц, проживавшая с начала 1970-х в Израиле, по отрывочным воспоминания, со слов знакомых всегда излагала свою версию биографии отца, а документы МО Латвии сохранили иные варианты им же написанной биографии. Ада Вайнтроб/Минц в письмах утверждала, что ее отец, Марк Вайнтроб, родился в Киеве в состоятельной многодетной семье адвоката, при детях держали бонн, говоривших с детьми на французском и английском. По окончании гимназии учился в Сорбонне, закончил два факультета Московском университете, получил философское, математическое и педагогическое образование, прекрасно играл на скрипке, увлекался шахматами и футболом, приехал в Латвию со второй женой. Думается, дочь Вайнтроба не раскрыла, оставила при себе существенные детали биографии отца – почему он въехал в Латвию по поддельным документам, не имел при себе свидетельств об окончании учебных заведений, наконец, каково его настоящее имя и образование.

Обращение к архивам категорически размыли стройную со слов дочери биографию Вайнтроба. Начался напряженный, почти детективный, поиск свидетельств о Вайнтробе в архивах разных стран. География архивных поисков: Латвия – Россия (Москва–С-Петербург) – Украина. В этой цепи поиска, увы, не достает архивных свидетельств из Франции и США.

Чиновники МО Латвии долгое время весьма терпимо относились к отсутствию у Вайнтроба реальных документов: МО удовлетворилось нотариальным заверением и 12 февраля 1929 г. допустили к преподаванию русского языка. Но в феврале 1935 г. требование МО предоставить диплом Московского университета был высказан

в категорической форме. И уже очередное, нотариально заверенное свидетельство М. Шенфельда и Ж. Бергмана от 26 февраля 1935 г. лежало на столе в Школьном департаменте. 1 июля 1935 г. комиссия отложила дело Вайнтроба до получения дополнительных сведений об окончании Московского университета. Министерство образования в 1935 г. решительно требовало предоставить подлинники документов для дальнейшей работы. В сентябре 1935 г. Марк Данилович лишился всех мест работы. Поскольку отсутствие подлинных документов расстроило все планы в Латвии, то глубокой осенью 1939 г. Вайнтроб было решил попытать счастья в учебных США. Но и там ничего не сложилось. В феврале вернулся в Ригу.

Когда 22 июня 1941 г. Германские войска напали на СССР, Рига «уже 1-го июля была занята немецкими войсками. Для многих это было освобождение. Но далеко не для всех. Для М[арка]Д[аниловича] как еврея по национальности начались новые мытарства. Он жил без прописки, не получал продовольственных карточек, не выходил на улицу, должен был скрываться у знакомых на чердаке, чтобы не попасть в гетто. Выдержать все это он не смог и решил сам уйти из жизни…». Дочь друга Вайнтроба проф. ЛУ В. И. Синайского – Н.В. Синайская – в личных беседах с автором говорила о том, что Вайнтробу помогал скрываться неподалеку от Риги в местечке Ропажи проф. ЛУ Александр Н. Круглевский, но так или иначе, все закончилось трагической гибелью, предположительно, в феврале 1942 г.

В статье «Инструкция борьбы с удушьем», напечатанной в последнем майском номере (№ 22) московской «Новой газеты», шла речь о памяти жертв политических репрессий. Один подразделов статьи так и назывался «Уберите из памяти трупы!» В нем речь шла ненадобности постоянно вспоминать горькие страницы истории 20 столетия. Название статьи, подзаголовка можно смело перенести и на осмысление вопросов Холокоста. Тем более, что наметилась тенденция тему Катастрофы заменять / подменять краеведческими, культурологическими изысканиями на фоне восстановления, реконструкции некогда сожженных синагог в разных районах Латвии. Несомненно, это важный аспект для осмысления исторически сложившихся, устоявшихся в нашей стране традиций многоконфессиональности, мультикультурности, мультиэтничности.

Но сожженная синагога Крустпилса, в которой хранились документы, лишила исследователей возможности узнать о причастности

к этому лифляндскому городку двух жертв этнических репрессий – Марка Вайнтроба и его жены Миры Вайнтроб (1898–1941; урожденная Вайнтштейн, погибла в Рижском гетто). Но ведь после массовых расстрелов в лесах и болотах, после смертей от голода и непосильной работы в лагерях, удушья в газовых камерах могил не оставалось. В лучшем случае остались одни имена. Как раз имена и судьбы людей следует помнить.

Prof. Boris Kovalev
Russian Academy of Sciences (Russia)
Ковалев Борис
доктор исторических наук, профессор, Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Россия

„ANTISEMITISM OR NATIONALISM? THE HISTORY OF AN UNSUCSESSFUL ATTEMPT TO ERECT A MONUMENT TO HOLOCAUST VICTIMS IN THE TOWN OF STARAYA RUSSA“

In 2010 in the city of Staraya Russa, the Jewish community attempted to establish a memorial to the victims of the Holocaust at their own expense. It was supposed to be located on Beethoven street, on the site of the execution of Jewish inhabitants of the city in 1941. Local authorities granted them all of the necessary permissions.

However, a campaign began against the memorial in local journals. Journalists wrote that memorials shouldn't be built to war victims of just one nationality, and that all people are victims of war, regardless of their national identity.

An employee of the local museum, questioning the number of victims of Jewish nationality, stated that "the intersection of Beethoven and Mineral streets, which is the entrance to the historical part of the ancient Russian city Staraya Russa, should become a place for perpetuating the memory of all peaceful residents of the city who were victims of the war. It is quite reasonable to establish a memorial cross or stele here."

Because the Jewish community has refused to donate money for this memorial cross for seven years, nothing has yet been built in this place.

Ковалев Борис

АНТИСЕМИТИЗМ ИЛИ НАЦИОНАЛИЗМ? К ИСТОРИИ НЕУДАЧНОЙ ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКА ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА В СТАРОЙ РУССЕ

В Новгородской области (Россия) установлены два мемориальных знака на месте гибели евреев – под городом Сольцы и в деревне Жестяная Горка. Но наибольшее количество еврейского населения было уничтожено гитлеровцами осенью 1941 года в Старой Руссе. С 2009 года активистами еврейской общины предпринимались безуспешные попытки установления там памятного камня.

Новгородская область была выделена в самостоятельную территориально-административную единицу в составе РСФСР в августе 1944 г. В нее вошли районы, ранее находившиеся в составе Ленинградской и Калининской областей. Западные районы новгородчины в 1941 – 1944 гг. находились под гитлеровской оккупацией. Перед войной, согласно статистическим данным, в городе Новгороде проживало 40 тыс. человек, из них евреев более 900. В Старой Руссе проживало около 38 тыс. человек. Из них евреев более 1000[1].

24 сентября 2007 года в Новгородской области на 85-м километре дороги Великий Новгород – Псков был открыт Памятный знак в Молочковском бору – на месте расстрела нацистами евреев города Сольцы. На этом месте собралось более двухсот человек. Траурную церемонию открыл раввин новгородской синагоги Гершон Палей: «В годы войны вся Восточная Европа превратилась в огромное еврейское кладбище. Новгородская область, к сожалению, не исключение. Погибли старики, женщины и дети – те, кто не ушел на фронт, те, кто не успел или не смог эвакуироваться.

Все они попали по доносу соседей-ненавистников в руки фашистских полицаев. И ошибаются те, кто думают, что это трагедия только еврейского народа. Нет, это трагедия всех и это предупреждение всему. Ненависть может привести к катастрофе. Но память может ее предотвратить. Открываемый сегодня в Молочковском бору памятник призывает всех нас: станьте посланцами живой памяти»[2].

1 См.: статья «Старая Русса». Энциклопедия Холокоста на территории СССР. М., 2009.

2 Жилин Иван Послание живой памяти // Еврейские новости, № 32, сентябрь 2007.

22 июня 2011 года, в День памяти и скорби, около небольшой русской деревни Жестяная Горка был установлен мемориальный камень в память о евреях Северо-Запада России, расстрелянных и замученных здесь карателями в 1942 – 43 гг.

Общее между Жестяной Горкой и Молочковским бором заключается в том, что они еще со второй половины 40-х годов были известны как места массового уничтожения мирного населения. Но в Молочковском бору уничтожались только евреи, а в Жестяной Горке нацистами и их пособниками уничтожались заложники, захваченные в плен партизаны, коммунисты и евреи.

Жестяная Горка, где установлен поминальный православный крест на месте сожженной гитлеровцами русской деревни, обелиск с красной пятиконечной звездой советским солдатам, погибшим при освобождении этих мест, памятный знак о замученных евреях – является своего рода поклонной горой новгородчины.

22 июня 2011 года в день «Памяти и Скорби» был открыт Памятный Знак на месте расстрела евреев в годы Великой Отечественной войны в деревне Жестяная Горка Батецкого района Новгородской области.

Открывая церемонию, директор Фонда «Еврейская община Великого Новгорода – центр развития культурного и духовного наследия» А. А. Кнопов сказал: «Здесь были расстреляны или заживо погребены мирные граждане, кто не успел или не смог эвакуироваться. Они были убиты только за то, что были евреями. Прошло 70 лет! Снова и снова рассказываем трагическую историю безвинных жертв, чтобы никогда не забывались эти события. Мы должны увековечить память каждого.

Открывая этот Памятный Знак, перелистываем еще одну страницу к миру, чтобы то, что произошло, никогда не повторилось»[3].

В сопровождении скрипки прозвучали стихи еврейского поэта Мотла Грувмана, посвященные родным, расстрелянным гитлеровцами под Немировым на Украине. Строки из этого стихотворения «Мама» выбиты на Памятном камне: «Лежат тут и старые, и молодые, и те, кто убиты, и те, кто живые, все вместе, все вместе, и деды, и внуки…»[4].

Весной 2010 года еврейской общиной города Великий Новгород было подготовлено «Обоснование необходимости открытия памятного знака на месте расстрелов нацистскими оккупантами и их пособника-

3 Памятный Знак жертвам Холокоста. http://www.beitzeiv.ru/news/2011/news1_220611.html Дата обращения 02 мая 2015 г.

4 Там же.

ми мирных жителей, евреев Старой Руссы осенью - зимой 1941 года». В нем говорилось: «Старая Русса находилась в оккупации до 18 февраля 1944 года. В результате боевых действий город был полностью разрушен.

31-го декабря 1944 года Старорусская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в составе Ицкевича Я.Е. (председатель), Становой Л.А., Изотова В.Н., Кулешовой Н.И. (члены комиссии) составили акт № 9, в котором говорилось следующее: «В первых числах сентября месяца 1941 года немецкие военные власти объявили регистрацию всего еврейского населения, проживающего в городе Старая Русса, после чего всех евреев независимо от возраста обязали носить белые повязки на рукаве.

Спустя две недели после регистрации, немцы арестовали всех евреев, в том числе, женщин, детей и стариков, и посадили часть в тюрьму, а часть в приспособленное здание под тюрьму в монастыре. По ночам из здания тюрьмы доносились крики истязуемых немецкими палачами ни в чем неповинных женщин детей и стариков. Немцы расстреливали целые семьи лишь только за то, что они принадлежали к еврейской национальности…

28 и 29 октября 1944 года Комиссией была произведена эксгумация трупов в районе улицы Бетховена. Из акта эксгумации следует: «Территория городских огородов по ул. Бетховена служила для фашистов местом закапывания в землю трупов замученных ими Советских граждан».

С прискорбием приходится признать, что это место до сих пор не отмечено никаким памятным знаком...

На основании вышеприведенных материалов, в год 65-летия Великой Победы, просим разрешить установку памятного знака на месте захоронения рушан-евреев, жертв нацистского оккупационного режима»[5].

Совет депутатов города Старая Русса проголосовал за установку мемориального камня. Однако инициативная группа граждан, проживающих в городе, выступила категорически против установки знака. Информационную поддержку им оказала местная газета «Старая Русса», опубликовавшая несколько материалов об этом.

Среди противников увековечивания памяти жертв Холокоста были местные жители, которые на протяжении нескольких лет занимались вопросом «декоммунизации» города. Современная топонимика Старой Руссы оформилась после 1917 года. Тогда в массовом

5 Из личного архива Автора.

порядке переименовывались улицы: «Эпоха социалистического строительства привела к появлению на карте города улиц Ленина, Энгельса, Карла Маркса, Урицкого, Володарского, Клары Цеткин, Розы Люксембург, Дзержинского, Либкнехта и т.д., имена которых в ряде случаев по-русски даже трудно выговорить»[6]

В книге М.В.Горбаневского «Улицы Старой Руссы» встречаются фразы если не антисемитские, но акцентирующие внимание на национальности описываемого человека с негативным контекстом: «Улица Володарского. В. Володарский на самом деле – Моисей Маркович Гольдштейн (1891-1918 гг.) - деятель российского революционного движения, комиссар по делам печати. Володарский прославился тем, что за короткое время данной ему властью закрыл около ста пятидесяти петроградских газет. Член Президиума ВЦИК (высшего большевистского руководства), убит эсером. Никакого отношения к истории, географии и культуре Старой Руссы Гольдштейн-Володарский не имел»[7].

Книгу Михаила Горбаневского в Старой Руссе представляла журналистка Елена Николаева. 17 апреля 2010 года она опубликовала в городской газете статью «Да будет памятник»[8].

Как следовало из этого материала, жители города отнеслись к идее увековечить память своих земляков-евреев крайне отрицательно: «Узнав о том, что в Старой Руссе предполагается установить памятный знак представителям только одной национальности, пострадавшим от рук фашистов, многие старорусцы испытали шок: зачем выделять представителей одной национальности, если рядом с ними во рвах лежат расстрелянные в годы войны мирные жители других национальностей, а также советские военнопленные?»[9]

Главным тезисом всех последовавших материалов было утверждение о том, что нельзя ставить памятники людям какой-либо конкретной национальности: «Понимая, что национальный вопрос – это всегда тема щепетильная, можно было бы сделать вид, что рушане не против увековечивания памяти погибшим евреям, ведь они действительно погибли. Дескать, лучше не ввязываться в полемику. Пусть себе устанавливают, что хотят.

Но следующим шагом должно было бы стать разрешение властей установить здесь же или на перекрёстке других улиц памятник рас-

6 Горбаневский М.В. Емельянова М.И. Улицы Старой Руссы. М., 2010. С. 48.
7 Там же, С. 154.
8 Николаева Елена Да будет памятник // «Старая Русса», 17 апреля 2010 г.
9 Там же.

стрелянным русским, потом расстрелянным украинцам, татарам, цыганам и т. д.»[10]

Во время обсуждений всячески подчеркивалось, что Старая Русса – русский город, а именно русские понесли здесь самые большие потери во время гитлеровской оккупации. Следует признать, что эти заявления соответствовали действительности если брать общее количество жертв.

3 июля 2010 года на страницах газеты «Старая Русса» была опубликована новая статья Елены Николаевой «Памятных знаков много не бывает». В ней говорилось о том, что «Полтора месяца прошло с тех пор как в администрации Старорусского муниципального района состоялось заседание инициативной группы по установке памятного знака жертвам фашистского режима.

Самое первое предложение, поступившее в органы местной власти, было от Новгородского общества еврейской культуры об установке памятника еврейским жителям Старой Руссы.

Но по зрелому размышлению старорусцы пришли к выводу, что если и устанавливать памятный знак, то не представителям какой-то одной национальности, а всем мирным жителям, ставшим жертвами нацистского оккупационного режима»[11].

Никакого специального собрания жителей собрано не было. Но противники установления мемориального камня в память жертв Холокоста обратились к ветеранским организациям. Именно их авторитет должен был изменить подход к самой идее памятного знака: «Что касается установки памятного знака на углу Бетховена и Минеральной, то люди готовы были внести свои пожертвования. «Памятных знаков много не бывает», – сказал участник войны Эдуард Павлович Турман. – Это мы сейчас с вами помним, что был фронт и был тыл.

Что были герои, шедшие на таран и закрывавшие собой амбразуры, и были тысячи расстрелянных мирных жителей, которых наша, армия не смогла защитить и которые испытали на себе ужас фашистской оккупации. Если у нас есть возможность установить памятный знак этим жертвам войны, то мы обязаны это сделать»[12].

Что касается еврейской общины, то ей предложили сдать деньги

10 Там же.

11 Николаева Елена Памятных знаков много не бывает // «Старая Русса», 3 июля 2010 г.

12 Там же.

на «общий памятник»: «Уже создана и работает инициативная группа по установке такого памятного знака в год 65-летия Победы. Место установки и его внешний вид планируется определить с учётом мнения широкой общественности.

Сейчас решается вопрос об открытии банковского счёта для сбора средств. А пока что деньги на памятник принимаются в редакции газеты «Старая Русса». И мы рады будем увидеть среди жертвователей в том числе и Новгородское общество еврейской культуры»[13].

Весьма активно против установки памятника выступили некоторые сотрудники музея Северо-Западного фронта. Так А.Ф.Иванова, по образованию филолог, отправила в районную администрацию письмо «К вопросу о местах захоронения еврейского населения г. Старая Русса и количестве расстрелянных евреев в оккупированном фашистами городе в 1941 году». В нем она утверждала следующее: «В историческом обосновании, предоставленном еврейской общиной Новгородской области с целью установления памятника в Старой Руссе на месте пересечения улиц Бетховена и Минеральной, нет доподлинного доказательства по факту захоронения в могилах на территории бывших огородов на ул. Бетховена, нет ссылки на точное количество евреев в оккупированном городе.

На мой взгляд, место пересечения улиц Бетховена и Минеральной, практически, въезд в историческую часть *древнего русского* (выделение А.Ивановой – Б.К.) города Старая Русса – может стать местом увековечения памяти *всех* мирных жителей города, ставших жертвами минувшей войны. Здесь вполне реально установить поклонный крест или памятную стелу, либо создать курган (холм) памяти. А решать этот вопрос нужно всем миром»[14].

Особо следует отметить, что указанный адрес – «пересечение улиц Бетховена и Минеральной», не является «въездом в историческую часть города», а на сегодняшний день (июнь 2017 года) находится в катастрофическом положении, как один из самых неблагоустроенных районов Старой Руссы.

При этом, за пять лет до этого, в 2005 году А.Ф.Иванова выпустила в качестве автора-составителя книгу «Край, опаленный войной». В этом издании утверждалось несколько другое: «В Старой Руссе в результате подготовленных и проведенных в наикратчайшие сроки

13 Там же.

14 Из личного архива Автора.

погромных операций были уничтожены более трех с половиной тысяч евреев, 1700 цыган, 260 душевнобольных согласно декрету об экстаназии (так в тесте – Б.К.)»[15].

Можно предположить, что подобное радикальное изменение точки зрения данного сотрудника музея связано с тем, что в 2005 году читателю сообщалось о гитлеровских злодеяниях вообще (выделено мной – Б.К.), а в 2010 году встал вопрос об увековечении памяти именно евреев-рушан.

При этом, следуя исторической правде, на мемориальном камне предполагалось написать о том, что он указывает место расстрелов мирного еврейского населения – жителей города и советских военнопленных, замученных гитлеровцами зимой 1941 – 1942 годов. Но начавшаяся кампания об установлении общего знака памяти в которой проскальзывали нотки антисемитизма, заставила еврейскую общину города Великий Новгород отказаться от своих планов.

В 2014 году корреспондент газеты «Новгородские ведомости» Василий Дубовский вновь вернулся к этой проблеме. В своем материале «Неоконченный реквием» он писал: «В 2010 году новгородская еврейская община хотела установить в Старой Руссе монумент жертвам Холокоста. Со стороны местной общественности возникла встречная инициатива – увековечить на пересечении улиц Бетховена и Минеральной память всех жертв, не только евреев. Обе идеи заблудились где-то на углу исторической правды и целесообразности.

Глядя из июня 2014-го, следует признать, что только вид сделан. Никакого сквера со скамеечками и памятником на углу улиц нет и в помине. Правда, поодаль встала модульная котельная»[16].

Эту ситуацию попытался объяснить командир старорусского поискового отряда Владимир Алексеев: «Об этом не принято говорить открыто, но русский солдат до сих пор не увековечен так, чтобы нам было не стыдно. Представители национальных республик высказывают пожелания ставить памятники своим землякам. Одни уже поставили, другие еще поставят, потом третьи. А русские чем занимались? Они вообще то сражались за Старую Руссу? Поэтому получа-

15 Край, опаленный войной. Северо-Западный фронт и его музей в Старой Руссе. М., 2005. С. 89.

16 Дубовский Василий Неоконченный реквием // «Новгородские ведомости» (выпуск Старая Русса). 25 июня 2014 г.

ются ситуации, когда и другим толком сказать нечего, и самим ничего не сделать»[17].

Но около Старой Руссы есть памятный знак людям одной национальности. 19 мая 2000 года у озера Ильмень в пос. Устрека состоялось открытие мемориала братского захоронения воинов-якутян, погибших при штурме озера зимой 1943 года. Автор этого проекта – Д. Саввинов.

Нижняя часть памятника, выполненная из мрамора, символизирует расколотую льдину, по всему периметру которой располагается шесть 8-метровых стел, изображающих каркас северного жилища, которое якуты называют ураса. Внутри сооружения находятся гранитные плиты, напоминающие саркофаг (так ранее в Якутии хоронили умерших). Именно на этих плитах и высечены имена погибших – около 250 фамилий[18].

В память об этом событии одна из улиц Старой Руссы стала называться улицей Якутских стрелков.

На настоящий момент (июнь 2017 года) вопрос увековечивания памяти жертв Холокоста в Старой Руссе по-прежнему не решен.

17 Там же.

18 http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1220562 Дата обращения 28 июня 2017 г.

Kozhevnikov Andrey and Epstein Alek D.

COMMEMORATING THE TRAGEDY OF THE VILNIUS JEWRY IN ART: RAFAEL AND RIVKA CHWOLES – HOLOCAUST SURVIVORS, WITNESSES AND PAINTERS

Rivka Chwoles-Lichtenfeld (1923–2017) has had so eventful a life that it seems like she has lived several lives at once; although, one wishes that most of her experiences never happened. Chwoles-Lichtenfeld was fortunate to see the day her paintings depicting Jerusalem streets were exhibited in Vilnius. Indeed, her latest exhibition opened quite recently, in December 2015 – and a new one is scheduled for late September, 2017. Seventy years ago, however, none of that would have been possible. No one could contemplate a Jewish state with its capital in Jerusalem, and no one could imagine Chwoles-Lichtenfeld as an accomplished painter living and working in Israel either, let alone hope for her works, along with paintings by her brother Rafael Chwoles (1913–2002), to be shown at a museum in Vilnius, the very city where her parents and sisters were once killed simply for being Jewish. And yet, that is the way in which her story proceeds.

Both brother and sister were born in Vilno, then part of Poland. They spent their early childhood at 4, Nemetskaya street (also known as *Vokiečių street*), and later the family moved to 10, Yezernaya street, then part of a Jewish neighborhood. There were six children in the family, and all of them spoke Yiddish at home, though all mastered Polish as well.

On September 18th, 1939, Soviet troops took over Vilnius and its region, and suddenly, the Russian language entered their daily life. Rivka recalls the

ridiculous and glaringly deceitful propaganda spread by the new authorities who claimed one could obtain anything in the Soviet Union, even an orange-producing factory. This was a dangerous sign, considering that the Chwoles family had quite a bit to lose, since they owned a house inherited from a grandfather, as well a cloth shop.

In October 1939, Stalin returned Vilnius to Lithuania. On the one hand, this move was supposed to raise his popularity among the local population, but on the other hand, it made no difference, since the Soviet Union was preparing to take over all of Lithuania, both its "independent" part and the region claimed to be "liberated from Polish occupation." In July 1940, Soviet-controlled elections to the People's Sejm took place, with the "Working People's Bloc" being the only political force allowed to participate. Rivka was only twelve years old, so she obviously did not vote, and then she studied decorative arts at a polytechnic college. On July 21st, the People's Sejm proclaimed a Lithuanian Soviet Republic, and declared Vilnius its capital. On August 3rd, Lithuania was annexed by the Soviet Union.[1]

On June 24th, 1941, the regime in Vilnius changed once again. The Nazis occupied the city. On September 6th, two ghettos were set up in Vilnius, and all the local Jews were confined there. At that time, there were over sixty thousand Jews in Vilnius, so they made up more than one quarter of the overall population. There existed a so-called "big ghetto" and a "small ghetto," separated by *Vokiečių* street.[2] The Chwoles family, along with four others, ended up in an apartment at 10, *Žydų* street, then part of the "small ghetto." Seventy-five years later, Rivka still recalls, "You can't imagine what we went through during those days. We lived in constant fear of death, every day, every hour. Every day, they came for new Jews and took them away, and they never came back to their families. When there were too few people left in our ghetto, we moved to the other one, situated near the *Rūdninkų* street. There, we had a secret hiding place: we found a built-in cupboard in a wall connecting two separate rooms, and every time we heard the "hunters" from the Sonderkommandos walking up the stairs, we hid there, so they did not find us."[3]

Almost everyone in the ghetto knew what happened to those taken away to Ponary. In February 1946, the great Yiddish poet Abram Suzkever, while testifying before the Nuremberg court, told that "In the last days of December 1941 … a carload of shoes belonging to the Jews executed at Ponary was brought into the ghetto. He sent these old shoes as a gift to the ghetto. Among them I recognized my mother's."[4]

Rafael's and Rivka's father Moise Chwoles was a very religious man, and even in 1943 he was still telling everyone that, "If God has not let us perish so far, he will protect us like he has done until now." In contrast, their mother Chava-Lea was more realistic. One day, when the father was away at prayers, she told her daughters Rivka, Sophia and Elka that the only way they could save their lives was to flee from the ghetto.

The girls managed to escape at the very last moment. On July 21st, 1943, the SS chief Himmler issued an order to liquidate all the ghettos on the occupied Soviet territory. By the end of September, 1943, the Vilnius ghetto was completely liquidated, and all of its captives were either shot at Ponary or sent to concentration camps in Estonia or Poland.

Despite all the precautions taken by the Chwoles sisters, and despite their made-up story that they were Polish orphans whose parents had been repressed by the Soviets, only two of the three girls survived. The Nazis caught and killed Elka. For several weeks, the sisters had to hide in one of the city's abandoned basements. Later, they met two Lithuanian sisters named Nina and Lidia. When these two were going to the village of Geluny located seventy kilometers away from Vilnius to see an aunt who lived there, they agreed to take Rivka along with them, though they were risking their lives for hiding a Jew. Indeed, in 1994, the World Holocaust Remembrance Center Yad Vashem recognized Nina Balkiene and Lidia Petrauskiene as Righteous among the Nations. The girls went to the village by foot and arrived there several days later.

Rivka survived the war by telling everyone her name was Maria Voishvilovska, and by moving all the time. When she returned to Vilnius after the city was freed, she learned that her parents and three of her sisters, including Elka, had been killed.

She was relieved to discover that her elder brother Rafael had managed to survive, because at the time of the German aggression he was staying in Belarus. (In 1940, he was assigned the post of an art school principal within a public art center in the town of Vileyka, which in 1939–1944 was a regional center within the Republic of Belarus). When Germany invaded the Soviet Union in June 1941, Rafael Chwoles was working in Minsk, so he was evacuated and spent most of the war in the then Gorkovskaya oblast (now Nizhegorodskaya oblast, Russia). There he worked as a member of a railway construction team. His pregnant wife Marina was captured and killed by the Nazis on her way from Vilnius to Minsk. In 1942, Rafael settled in a village called Krasnye Baki, near the river Vetluga, where he

worked as a decorator at the events held at the local cultural center. He made stage decorations, and also painted portraits of dead soldiers from their photographs. There he remarried, and his new wife, Moscow-born Maria Ponomareva, was also an evacuee. In 1944, their eldest son Alexander was born.[5] After a short stay in Moscow in 1945, Rafael Chwoles returned to Vilnius, where he learned that his parents Moise and Chava-Lea, along with three of his sisters, had been murdered by the Nazis, and that out of his entire family only two sisters, Sophia and Rivka, had managed to survive.

Ill. 1. Rivka Chwoles Lichtenfeld and Rafael Chwoles, Vilnius

Rafael had an important impact on Rivka and her art, which is easy to explain. He was an important cultural figure, whose destiny was predetermined and shaped by the turbulent Jewish history in the twentieth century. He was born in the city of Vilna, then part of the Russian empire, on the eve of World War One, which resulted in a dissolution of the empire. And as for Vilna, it became a part of Poland in 1922. Rafael Chwoles received primary religious education and then attended a Jewish humanistic gymnasium from which he graduated in 1930. Since he had shown a significant interest in arts since early childhood, he decided to take lessons from the artists Moishe *Leibovski* (1876–1942), Alexander Shturman (1869–1944) and Ber Zalkind (1879–1944) who later all perished in the Holocaust. He also attended evening lessons at the Creative arts school founded by the Vilnius Artists' Society, which he finished in 1934. Rafael Chwoles was an active member of the group "Junge Vilne" ["Young Vilnius"] founded by some Jewish writers and artists in 1929, and tried to reconcile the national and religious Jewish legacy with the modern art trends. In 1933, he showed his works for the first time at a young artists' exhibition in Vilnius, and in 1935

his painting "Homeless Boy" was awarded the prize for the best portrait at an exhibition staged by the group "Junge Vilne."[6]

Starting in 1936, Rafael Chwoles was an active member of the Society of Jewish Vilnius artists, served as its co-chairman, and also gave painting lessons at Jewish schools. In 1938, his second (and last) personal exhibition in his native city in his whole lifetime was organized, showcasing nearly a hundred of his paintings, none of which has survived. It goes without saying that the loss of the works of art created by the artists, writers and scientists who perished in the Holocaust is immeasurable, but we also have to remember that even those who managed to survive, often lost all their work.

Since returning to his native city, Rafael Chwoles found his main inspiration in its ruins, and especially in what was once the Jewish neighborhood. Many of the buildings actually made it through the war, and in the late 1950s many old houses were still there, so one can get a picture of how the old streets had looked before the war. For example, the remnants of the Choral Synagogue of Vilnius were only destroyed as late as 1955, and the building could have been restored.[7] Keeping that in mind, it is obvious that

Ill. 2. Rafael Chwoles, "The Destroyed Great Synagogue in Vilnius"

the series of works entitled "Vilnius Ghetto" created by Rafael Chwoles during those years is a unique artistic, historic and ethnographic document. Works of art do not usually preserve the memory of the past or make new generations discover it, as that is the purpose of history and the filmic arts. But Rafael Chwoles played a unique role, both as an artist and a chronicler who managed to preserve a past no one can tell us about. The Lithuanians mourn different losses, and the Jews who remember what the Vilnius that was home to their fathers looked like no longer live there.

A famous Yiddish poet, Abram Suzkever, described Rafael Chwoles' work, saying that, "I observed him wandering through the ruins of Jerusalem of Lithuania with canvas and brushes in his arms. He painted the walls of the Beth Midrash of the Gaon (Rabbi Elijah), the ruins of the 'Dolhoif' synagogue, he transcribed onto canvas the breaths encapsulated beneath the ashes. He painted the two iron railings which were left over from the Yivo building and which stood out as two iron arms in the desolate emptiness. He painted and painted and in each and every painting his countenance was reflected."[8]

These themes are also present in Chwoles-Lichtenfeld's works. Her elder brother influenced and inspired the images she created, although she has found her own means to express the pain and the tragedy she underwent.

Her painting, "Commemorating Jewish Vilnius" (1985), is a tragic vision of a city being devastated by fire and storm–and an image of a life falling apart. A tumultuous, burning sky flares up with flames, while white houses, almost reduced to rubble, tumble down and melt like hot wax, crushing and destroying a snaky street underneath. Rare patches of green, blue and grey pale in sharp contrast to deadly blazes coming from above, while the houses outlined with thick coal-black strokes turn to seething ashes. A crumbling skyline and restless red clouds form some sort of a fiery whirlpool, like a vortex ready to devour everything around it. Chaos reigns over the scene, and the city is blended into an indistinguishable mixture of fading colors and blurring lines, sprinkled with bloody patches of red. It seems like the whole world is doomed to fall into a gaping abyss. The earth trembles and shakes, rising like a wave of an infernal ocean, ready to mercilessly throw the miserable ruins into the darkness. Bare trees desperately stretch their fragile branches towards the fiery skies, as if begging for a miraculous salvation, and their brown-grey deformed trunks add to the impression of a huge whirlpool of fire swirling around in circles, engulfing what has been left from a once peaceful city. All that has been left is the

Ill. 3. Rivka Chwoles Lichtenfeld, "Commemorating the Jewish Vilnius", 1985

memory that will live on, as long as there is someone to keep it. And there is, indeed. In the left lower corner of the painting, one can see an old white-bearded man, wearing a kippah, apparently a wise sage or a rabbi, who attempts to flee the disaster, turning away his face from the dreadful scenery in fear. He is one of the last survivors from a people that from now on has neither past nor future. But this figure's escape and rescue mean that the memory of the perished city will endure, captured on canvass forever.

After the war, Chwoles-Lichtenfeld resumed her studies and also began to work. The violin remained a distant dream, but she could never let go of her musical aspirations, so she put aside some money from her modest earnings and managed to buy a guitar and, later, an accordion. Additionally, when her husband Joseph played chess, she decided to learn to play, too.

Surprisingly, she turned to be quite talented and over time reached spectacular success. She became a Lithuanian chess vice-champion in the years 1951 and 1952, and then she won the 1954 and 1955 Lithuanian chess championships. At the games, she used her husband's name Lichtenfeld, but for her first and second name, she used the cover-up name of Maria she made up during the war. The fake documents that saved her life during the Holocaust prevented her from revealing her true identity even a decade after the war was over.

Still, she and her husband wished to live freely without concealing their Jewish identity, under their real names, so as soon as it was possible, they left the Soviet Union in 1957 as Polish citizens, thus regaining their presumed "motherland." However, for them, their true motherland lay some-

place else: two and a half months later, they moved once again, and this time, they emigrated for Israel.

Once they stepped down from the ship on solid land, they were taken to Ashdod. They had been promised a beautiful city by the sea, but when they arrived there, the place was barely livable. The blooming city by the sea was yet to be built from little.

Today, Ashdod is a modern city with a population of 220,000 and stunning skyscrapers visible for miles around. But in 1957, none of that existed. Rivka and her husband had to spend three years in a bungalow with no power supply. The very same year they arrived in Israel, Rivka won the second Israeli women's chess championship. However, even today it is impossible to live on the money one can get from chess prizes, let alone back in those days. As for Rivka, her victory did not bring her a single penny, and she even had to buy bus tickets to go to the championships herself.

The couple had just arrived in Israel, so they had serious financial issues, and eventually they had to give up chess. At that time, the Israeli authorities did not consider women to be capable of pursuing a professional chess career, so Chwoles-Lichtenfeld constantly received offers to take hairdressing or tailoring courses. But art was the one thing that most fascinated her. She has kept a photo taken in 1959 showing her standing by the seashore with an easel, painting. When she says that "in a way, a true artist is always a starry-eyed dreamer who lives in their own world,"[9] you really do believe her." Ten years later, Chwoles-Lichtenfeld entered the High School of Art in Tel Aviv founded by the Lithuanian-born painter Arie Margoshilsky in 1964. She spent four years there, and after she completed studies at the school in 1973, she went to France where she joined her brother Rafael who had left both the Soviet Union and Poland as well, and who had become one of the key figures in Parisian Jewish culture.

In Soviet-controlled Lithuania, Rafael Chwoles was treated in a way that in general, resonated with the official double attitude of the Soviet state towards the Jews. Even though he was admitted to the USSR Union of Artists, his Jewish-themed works were never exhibited, and since that was basically the only kind he produced, he did not have a single exhibition in all the fourteen years he spent in Vilnius after the war. On August 24, 2004, a memorial plaque was unveiled on the house situated at 13, Tilto street, where Rafael Chwoles lived in 1945–1956 and where his youngest son Milij was born in 1951. However, at that time, no one cared about what he did except for some devoted enthusiasts. The authorities did not impede the

artists of Jewish origin to exhibit and give courses as long as they glorified the ideals of socialist combat and labor, but those who, instead of the revolutionary leaders and their followers, painted the ruins of synagogues and Bible-based scenes, were left on their own, as the Soviet state had nothing to offer them.

In 1957, persons of Polish origin and holders of Polish citizenship residing in the USSR were allowed to return home. Many thousands of people benefitted from this decision to regain Poland, and so did the sisters of Rafael Chwoles, Rivka and Sophia, who eventually left for Israel after a short stay in Poland. As for Rafael Chwoles himself, he hesitated for a while, but in 1959, as he saw no future for Jewish culture in the USSR, he decided to leave the country after all. By that time, his sisters had already left Warsaw, and he decided to settle down and live on his own in a completely new country where his once large family had lived years before. A new country, indeed, since the Polish People's Republic headed by Władysław *Gomułka* had little in common with the interwar Poland ruled by Pilsudski and *Mościcki*.

Until 1967, Rafael Chwoles achieved success as an artist. In the eight years he spent in Poland, over a dozen of his personal exhibitions were organized in various cities of the country.[10] In 1964, he was elected chairman of the Social and Cultural Society of Jews in Poland. Moreover, with the support of the American Jewish Joint Distribution Committee, he even traveled to Spain and Morocco, where he produced a series of sketches depicting synagogues and congregation members.[11]

He continued painting in oil and aquarelle, and he also made posters for cinema and theater. He prepared illustrations for Jewish books, and also created a series of monotypes under the title "Biblical Motifs" (this technique consists of printing an image on paper from a picture painted on glass; Rafael Chwoles adopted it around 1958 and used it quite often). However, in the late 1960s, when the USSR and its satellites, including Poland, completely broke off diplomatic ties with Israel after the Six-Day War, the freedom of expression in Poland was considerably limited, and this affected the domain of culture in general, and Jewish culture in particular.

Eventually, in 1969, Rafael Chwoles and his family decided to leave Poland. Rafael Chwoles spent the last thirty-three years of his life living in two different countries. He mainly lived and worked in Paris, but he only felt at home among Yiddish artists in Israel, where his lifetime's last exhibitions took place in 1986 and 1987. In addition, the Sholom-Aleichem Center in

Tel Aviv features a large stained glass window entitled "Memory Prayer" based on his sketch.

Rivka arrived in Paris with a diploma in her hands, as an accomplished painter, but according to her, she owes most of her artistic skills to her brother, who taught her after she finished the High School of Art. But even though both proved themselves to be exceptional expressionist masters who participated in many group exhibitions featuring works by Chagall, Mane-Katz and other prominent figures of Jewish art, they could rarely live on what they made from their paintings. "Only a dead painter can sell well", says Chwoles-Lichtenfeld bitterly.[12] She deplores that the huge retrospective exhibitions of her brother's work in Vilnius only took place after he passed away in 2002. Four years later, a joint exhibition was organized in Vilnius, featuring works by her and her granddaughter Ida, the daughter of Milij, thus revitalizing the family tradition.

The artistic life of Rivka Chwoles-Lichtenfeld has been, to say the least, complicated, but nevertheless, she has had her share of success after all: in 1970s and 1980s, three of her exhibitions were organized in Paris, and in the last twenty years, five exhibitions took place in the city of Ashdod, her new home. Additionally, in 2007, a joint exhibition was held in Vilnius featuring both Rivka's paintings and also works by her grandniece Ida Chwoles. Rivka still keeps a photo taken twenty years ago. It captures an historic moment. When Shimon Peres visited Ashdod in 1996 after he became the head of government in 1995, the Mayor of Ashdod offered him one of her paintings as a gift.[13]

Rivka has lived in Ashdod for more than half a century, and for her, the city is not just a place where she lives and works, but also a source of artistic inspiration. She has created magnificent images of Ashdod depicting the city throughout its history. Her painting "Market in Ashdod" was reproduced on the first page of the calendar issued by the Ashdod municipal council for the fiftieth anniversary of the State of Israel and featuring works by local artists. Israeli landscapes provided a fresh inspiration for her art. It has been noted that Rivka Chwoles-Lichtenfeld "paints the full of life streets of Jerusalem in the style of German Expressionism, using strong contrasts between light and shade, pure colors, wide and vibrant brushstrokes, and framing objects with thick black lines."[14]

"In the Vilnius ghetto, I swore to myself that if I survived, I would dedicate myself to art", said Rivka Chwoles several months before she passed away.[15] She kept this pledge and became an outstanding artist, in

spite of various circumstances and obstacles. Many dozens of her brother's and her own paintings will always stay with us, contributing to our memory, giving us joy and inspiration.

Notes

1 See: Lauri Malksoo, *Illegal Annexation and State Continuity. The Case of the Incorporation of the Baltic States by the USSR* (Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2003).
2 See: Harry Gordon, *The Shadow of Death: The Holocaust in Lithuania* (Lexington: University Press of Kentucky, 2000).
3 Personal interview with Rivka Chwoles, Ashdod, Israel, December 24, 2015.
4 See: Witness Abram Gerzevitch Suzkever's testimony, February 27, 1946 // *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Proceedings* (Nuremberg, 1947), vol. VIII, p. 307.
5 Personal interview with the artist's son Milij Chwoles, Paris, France, March 11, 2016.
6 See: Laima Lauckaite, *Rafael Chvoles. The Search for Jerusalem* (Vilnius: Vilnia Gaon State Jewish Museum, 2013), pp. 8–10.
7 See: Ausra Rozankeviciute, *Vilnius by Rafael Chwoles* (Vilnius: Vilnia Gaon State Jewish Museum, 2012), pp. 9–23; Vilma Gradinskaite, "The Images of Jerusalem of Lithuania as a Holy City in Raphael Chwoles' Works" // Proceedings of the Fifteenth Annual International Conference on Jewish Studies, vol. 2 (Moscow: Center for University Teaching of Jewish Civilization "Sefer", 2008), pp. 471–482 [Russian].
8 Abram Suzkever, *Rafael Chvoles. Ghetto* (Jerusalem: Yad Vashem, 1986), p. 2.
9 Personal interview with Rivka Chwoles, Ashdod, Israel, December 24, 2015.
10 See: Laima Lauckaite, *Rafael Chvoles. The Search for Jerusalem*, p. 27.
11 Personal interview with the artist's son Milij Chwoles, Paris, France, March 11, 2016.
12 Personal interview with Rivka Chwoles, Ashdod, Israel, January 24, 2016.
13 Personal interview with Rivka Chwoles-Lichtenfeld, Ashdod, Israel, December 24, 2015.
14 See: Vilma Gradinskaite, *Shalom, Israel! The Paths of Litvak Artists* (Vilnius: Vilnia Gaon State Jewish Museum, 2015), pp. 23–24.
15 Personal interview with Rivka Chwoles, Ashdod, Israel, January 24, 2016.

Rabbi Krieger Avraham
head of the Shem Olam Institute
for Holocaust edcuation and researche
(Israel)

EDUCATIONAL APPROACH TO TEACHING THE HOLOCAUST

Prof. Kulik Sergey
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia)
Кулик Сергей
доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, профессор Института наук о Земле СПбГУ. Россия.

„PARTISAN MOVEMENT IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA AND THE HOLOCAUST“

During the war, prisoners of the ghettos sought any opportunity to save their lives. One of the ways to escape was the possibility of joining partisan forces. These groups were most active in the northwest region of Russia. However, Jews who joined partisan units were very often regarded as potential agents of German special services. The Soviet command believed that it was very easy for the Nazis to recruit them by threatening the lives of their friends and relatives. This is precisely what partisan commanders warned the partisan headquarters in Moscow and Leningrad about. The headquarters then gave the order to pay special attention to Jews desiring to join partisan detachments. In addition, the Nazi anti-Semitic propaganda actively influenced the Resistance forces. It blamed the Jews for the problems in Russia, claiming that Jews were cowards who wanted to hide from all these problems behind others.

Therefore partisans who had escaped from German camps and ghettos were carefully checked. They could be shot for the smallest suspicion. Because of this, not everyone who wanted to take up weapons to fight against the Nazis were able to.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ И ХОЛОКОСТ

Во время войны узники гетто искали любую возможность спасти себе жизнь. Одним из путей спасения была возможность попасть в партизанские отряды. На территории России наиболее активно они действовали в Северо-Западном регионе. При этом на силы Сопротивления активно воздействовала нацистская антисемитская пропаганда. Она обвиняла евреев во всех проблемах России, утверждала, что все евреи трусы, желающие спрятаться от всех проблем за чужую спину.

Начало войны в Западной Европе гитлеровской пропагандой объяснялось нападением на III Рейх Великобритании, Франции и США и происками Сталина, который хотел вызвать войну между европейскими государствами, чтобы добиться затем господствующего положения на континенте. Поэтому война Германии и СССР трактовалась нацистскими пропагандистами происками всемирного еврейства: «эта война спровоцирована большевиками, которые стремились вызвать мировую революцию. Мировая революция была нужна им и стоящей за их спиной мировой еврейской закулисе для того, чтобы установить свое мировое господство»[1].

В целом же, боевые действия как на Востоке, так и на Западе трактовались как противостояние прогрессивной «Новой Европы» со стремящимися к мировому господству «англо-американским империализмом» и «жидо-большевизмом»[2].

Партизанское движение, направленное против гитлеровцев и их союзников, объявлялось «происками евреев». Недаром во многих немецких приказах слова «партизан» и «еврей» стояли рядом. Из-за линии фронта советские агенты докладывали в Москву о том, что «каждый полицейский на службе у немцев имеет удостоверение о том, что он находится на службе в полиции, а кроме этого, имеет специальную белую нарукавную повязку, на которой на немецком языке написано: «находится на службе германской армии».

Все полицейские дают присягу в том, что они будут выполнять все

1 Государственный архив Орловской области, Ф., П52-, Оп. 2, Д. 632., Л. 52.
2 Там же, Л. 52 об.

приказы немецкого командования: активно бороться с бандитами, партизанами и евреями»[3].

Для населения оккупированного Северо-Запада России активно предлагалась различная антисемитская литература. Гитлеровцы рассчитывали и на то, что ее будут внимательно читать и в партизанских отрядах. Среди книг и брошюр наибольшими тиражами выпускались следующие издания: «Великая Отечественная война. Борьба против большевиков – долг каждого патриота». В ней содержался призыв обратить гнев «отечественной войны» против «истинного» врага всех русских людей – евреев, незаконно захвативших власть в стране в 1917 году.

В брошюре В.Лужского «Еврейский вопрос» были рассмотрены следующие проблемы: «Чем вызывается антисемитизм?», «История еврейского вопроса», «Эмансипация евреев и ее последствия», «Сионисты и ассимиляторы», «Марксизм и еврейство», «Еврейство и антисемитизм в России», «Достоевский как идеолог антисемитизма», «Евреи и большевизм», «Евреи в Советском Союзе», «Большевизм и война – дорога к пагубной для человечества всемирной власти евреев»[4].

Трудно не признать важность активной пропагандистской и контрпропагандистской работы в условиях боевых действий. Но грубый, прямолинейный ура-патриотизм, присущий советской пропаганде в начальный период Великой Отечественной войны, недооценка противника и переоценка собственных сил, часто приносили совершенно противоположный результат. В Москве ошибочно считали, что интернационализм является естественным состоянием для абсолютного большинства советских людей. Более того, классовый подход предполагал, что немецкие солдаты – это одетые в шинели вчерашние рабочие и крестьяне, не собирающиеся воевать с «первой в мире страной победившего пролетариата».

В 1941 году многие партизаны и мирные жители с удивлением и возмущением говорили: «Если бы все было правдой, что сообщает Совинформбюро, нас бы давно уже освободила Красная Армия. А раз она пока еще далеко, значит, советским листовкам “Вести с Советской Родины” верить нельзя»[5].

3 РГАСПИ, Ф. 69, Оп. 1, Д. 911, Л. 37.

4 Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. II. С. 432 – 436.

5 ГАОО, Ф. П - 52, Оп. 2, Д. 511, Л. 2.

Первые месяцы войны были самыми сложными для населения, оставшегося по тем или иным причинам на оккупированной гитлеровцами территории. Изощренная гитлеровская политика, относительная слабость сил антифашистского сопротивления, заставили сомневаться очень многих граждан нашей страны.

Осознание несостоятельности идеологизированных подходов и несбывшихся надежд на классовую солидарность приходило через жертвы и страдания. По мере накопления горького опыта и осознания иллюзорности старых представлений классовые подходы все больше отходили на задний план как в политических заявлениях руководителей, так и на уровне обыденного сознания[6].

В этих условиях партизаны и подпольщики должны были выработать основные направления своей деятельности для максимального привлечения людей на свою сторону. Но всей этой организационной и идеологической работы было явно недостаточно. Простое человеческое общение часто являлось тем мостом, который связывал партизан и мирное население.

Те отряды, которые не отсиживались в лесу, не ограничивали свою борьбу с врагом исключительно военными акциями, не рассматривали население только как источник поставки продовольствия и информации, в конечном счете, добивались наибольших успехов.

Партизаны были заинтересованы в привлечении в свои ряды добровольцев. Уже осенью 1941 года они узнали о массовом уничтожении евреев. Эти факты использовались, в том числе, и в пропагандистской работе: «Стонет советский народ на оккупированной территории, стонет под сапогом проклятых немецких захватчиков, поставивших себе целью истребить не только всю еврейскую часть населения, но и всё самое лучшее и достойное из русского народа, а остальную часть превратить в рабов, превратить в обыкновенный рабочий скот»[7].

Одной из категорий людей, которые стремились попасть в партизанские отряды и бороться с гитлеровцами были военнопленные, бежавшие из лагерей. Именно от них командиры сил сопротивления узнавали о том, что творилось в немецком плену: ««Днём пьяные эсэсовцы с засученными рукавами вошли в расположение нашего лагеря

6 Козлов Н.Д. С волей к победе. СПб., 2002. С. 189.

7 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Ф. 69, Оп. 1, Д. 911, Л. 50.

и приказали всем евреям пойти по одну сторону верёвки. Некоторые евреи не хотели уходить, прятались, их тут же на месте расстреливали по указанию предателей. Некоторые пытались переправиться через реку, но и там их ждала смерть, так как немецкие бронемашины и пулемётные точки, установленные на другой стороне реки, стреляли и убивали их на месте»[8].

Главная задача немецких охранников этого лагеря (он находился около Пскова) было стремление как можно быстрее сделать из пленных жестоких животных. Бежавший из плена солдат Николай Петров рассказал командиру партизанского отряда: «Когда в лагерь приносили пищу, родственники или знакомые, то она по назначению не попадала, изголодавшиеся люди набрасывались на принесённое. В основном это был уголовный элемент. Получалась свалка.

Немцы на это никакого внимания не обращали. Потом немцы говорили: «У русских ничего не троньте, а у «юде» можно отбирать». Таким образом, немцы натравливали уголовников на евреев, они отбирали пищу, одежду, врывались в расположение евреев, отделённых от нас верёвкой»[9].

У находившихся в лагере немцы отбирали всю более или менее приличную одежду, как-то: кожаные пальто, куртки и прочее Уголовников, которые страдали из-за отсутствия одежды, немцы натравливали в первую очередь на евреев.

Партизанам становилось понятно, что у евреев не остается никаких шансов на спасение, даже если речь шла о специалистах, к которых оккупанты могли нуждаться: «Когда немцы отделили евреев от людей других национальностей, то сразу приказали отделить советскую интеллигенцию еврейской национальности: инженеров, техников, врачей, студентов. Отделили также еврейских рабочих-специалистов.

Во время пребывания в лагере были расстреляны многие и русские просто ни за что: не понравится немцу какая-либо физиономия – стреляет»[10].

Спастись удалось очень немногим: «С евреями было так. Отделили советскую интеллигенцию, посадили на автомашину и увезли куда-то. Вначале ходили слухи, что увезли на работу, а в действительности уничтожали.

8 Там же, Л. 51.

9 Там же.

10 Там же.

В лагере осталось небольшое количество евреев, которые жили потом в организованном гетто. Там же поселили и основную массу рабочих-специалистов»[11].

Иногда даже эсэсовцы испытывали чувство дискомфорта от «окончательного решения еврейского вопроса под Ленинградом». Александр Клейн, переживший немецкий плен позднее вспоминал о том, как он помогал гитлеровцам в Тосно найти часовщика: «Староста предложил нам сесть. Эсэсовцы брезгливо оглядели убогую обстановку и остались стоять.

Обер-штурмбанфюрер снял с руки часы и объяснил, зачем пришел, где найти часовщика?

– Переведи им, – обратился ко мне староста. – Не надо было жида в говне топить.

Я подумал, что ослышался. Но старик повторил и я перевел.

Обер-штурмбанфюрер поинтересовался, что значат эти слова, и староста объяснил.

Когда немцы заняли Тосно, эсэсовцы утопили часовщика-еврея в уборной. Староста неторопливо разъяснил, как беднягу окунали, вытаскивали, снова окунали, пока он окончательно не захлебнулся. Жену его, русскую, не тронули. Дочь расстреляли: очень уж лицом походила на отца.

– Так что, – заключил староста, – часовщика у нас нет, единственный был.

Офицеры переглянулись.

– Нд-а-а, – протянул, поморщившись, обер-штурмбанфюрер, – часовщика бы можно было пока оставить в живых. Перестарались»[12].

Но евреи, оказавшиеся в расположении партизанских соединений, очень часто рассматривались партизанами как потенциальные агенты немецких специальных служб. Советское командование считало, что гитлеровцам было очень легко их вербовать, шантажируя жизнью родных и друзей. Именно об этом партизанское командование предупреждали штабы партизанского движения из Москвы и Ленинграда. Оттуда приходили приказы обращать особое внимание на евреев, бежавших из гетто и лагерей, которые желали вступить в партизанские отряды.

С первых дней разведывательной деятельности партизаны стол-

11 Там же.

12 Клейн А.С. Дитя смерти. Сыктывкар, 1993. С. 121 – 120.

кнулись с многочисленными трудностями. Сбор, обобщение и анализ информации о противнике требовали специальных знаний, которых у большинства бойцов не хватало. Большинство партизан и подпольщиков не владели даже начальными приемами и методами конспирации, допускали досадные ошибки, что приводило к непоправимым утратам. Так, например, большие трудности при организации подпольной работы возникли в Новоржевском районе Ленинградской области, где по вине секретаря РК ВКП (б), из-за его легкомыслия, список агентов НКВД попал в руки немцев[13].

Гитлеровцы пытались бороться с советским сопротивлением всеми возможными способами. Внедрение своей агентуры в отряды народных мстителей и подпольные организации являлось одной из основных задач немецких спецслужб. Наряду с использованием «добровольческих формирований» в борьбе против партизан из них создавались небольшие группы со шпионскими и диверсионными целями.

Разведотделы штабов партизанского движения по мере возможности проводили работу по обобщению опыта ведения партизанской разведки, выясняли ее проблемы, сильные и слабые стороны, достоинства и недостатки, методы работы вражеской контрразведки, выясняли ее сильные и слабые стороны и давали рекомендации на этой основе для улучшения деятельности партизанских разведывательных органов [14].

На Северо-Западе России с созданием Ленинградского штаба партизанского движения и его фронтовых оперативных групп разведывательная деятельность партизан приняла организованные формы и стала вестись планомерно. Штаб установил тесную связь с разведывательными отделами фронтов. Имея широкие возможности добывания сведений о противнике через партизанские отряды, всем командирам партизанских отрядов и групп стали ставиться наряду с боевыми заданиями также и конкретные задачи разведывательного характера.

Появление новых людей в партизанских отрядах, безусловно, должно было сопровождаться с их самой тщательной проверкой. Однако излишнее легковерие и наивность зачастую совмещались с подозрительностью и жесткостью.

Начальник штаба ЦШПД П.К.Пономаренко в августе 1942 года писал: «За последнее время органы немецкой разведки усиленно стремятся всеми способами засылать в партизанские отряды свою

13 ЦГА ИПД СПб., Ф. 4000. Оп. 10, Д. 373 а, Л. 28.

14 Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 94.

агентуру из числа завербованных военнопленных и предателей из местного населения.

Кроме этого, немецкое командование создает под видом партизанских отрядов банды из уголовных элементов и предателей, которым даются задачи устанавливать места нахождения партизанских отрядов и совершать неожиданные нападения на партизан и места базирования отрядов»[15].

В целях предотвращения проникновения в партизанские отряды агентуры противника и ее своевременного разоблачения приказывалось провести следующее:

Организовать агентурное оповещение каждого партизанского отряда с целью выявления среди партизан немецкой агентуры.

Установить строгую проверку принимаемых в отряды новых людей путем агентурной проверки по месту жительства[16].

Получали партизаны и специальные инструкции, которые, по мнению их авторов должны были обезопасить отряды от проникновения в них вражеской агентуры: «Большая часть агентов гестапо работает на добровольных началах, являясь выходцами из среды, враждебной советской власти, или же судившиеся при советской власти за самые различные преступления.

Нужно отметить, что немцы не жалеют средств на разведывательную работу и очень часто просто покупают наших людей, особенно молодых девушек, которые, находясь в тяжёлых материальных условиях, идут работать в немецкую разведку за деньги, одежду, питание, а иногда и просто за пудру, губную помаду и одеколон. Очень много девушек живут с немецкими солдатами и офицерами и через них начинают работать в гестапо»[17].

Но не только корыстные люди или уголовники могли представлять опасность для партизан. Жертвы нацистского оккупационного режима, в том числе и евреи, также рассматривались как потенциальные агенты немецких спецслужб: «Кроме таких методов вербовки разведчиков из числа политически и морально неустойчивых людей, немцы по отношению людей, не желающих добровольно или за деньги работать на Гестапо, применяют всевозможные коварные методы.

Очень много разведчиков партизанских отрядов, попавших в ге-

15 РГАСПИ, Ф. 69, Оп. 1, Д.14, Л. 8.

16 Там же.

17 РГАСПИ, Ф. 69, Оп. 1, Д. 911, Л. 56.

стапо и разоблачённых, немцы перевербовывают и заставляют работать на них. Для достижения этой цели немецкая разведка применяет метод ареста и содержание таких людей тюрьмах, ареста их семей, а затем предлагают им перейти на работу в Гестапо.

При согласии работать в гестапо и выполнять задания немецкого командования таких людей и членов их семьи освобождают, отобрав у завербованного подписку. Члены семьи завербованного остаются под наблюдением, и если эти агенты не выполняют задания, то их семи расстреливают»[18].

В другой инструкции из Ленинграда говорилось еще более конкретно: «Для забрасывания в партизанские отряды в качестве разведчиков, немцы, используют евреев, надеясь на то, что партизаны, зная, что немцы евреев жестоко преследуют, будут оказывать им большое доверие»[19].

В другом сообщении из Центра говорилось о том, что: «В партизанский отряд была заброшена с той же целью другая группа, состоящая из 5-и человек, под видом бежавших из плена, при чем, среди них был один еврей. Эта группа тоже была разоблачена и расстреляна»[20].

Люди, вырвавшиеся из немецких лагерей и гетто, оказавшись в расположении партизан, тщательно проверялись. При малейшем подозрении их могли расстрелять. Поэтому далеко не все, желавшие с оружием в руках воевать против гитлеровцев, получали это право.

18 Там же.

19 Там же, Л. 58.

20 Там же.

Lipes Nadia
Jewua.info (Ukraine)

THE FEATURES OF HOLOCAUST TEACHING IN UKRAINE

The features of Holocaust instruction in Ukraine, or more specifically, the absence of instruction about the Holocaust in public schools and its consequences.

ОТСУТСТВИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ХОЛОКОСТА В УКРАИНЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Являясь практиком-генеалогом, я как никто другой, вижу последствия отсутствия преподавания такой важной темы, как Холокост. Особенно это проявляется во множестве обращений ко мне с целью подтверждения еврейских корней, сразу становится очевидным тот факт, что жители Украины вообще не знают, что именно происходило на этой территории во время немецкой оккупации. С каждым годом информации на эту тему в учебниках по истории Украины становиться все меньше. К текщему 2017 году вся инфор-

мация о Катастрофе в учебнике для 11 класса (Год випуска: 2011 Автор: Струкевич, Романюк, Дровозюк, стр 35-36), превратилась один параграф, состоящий из 4 абзацев,в одном из которых указано, что нацисты убили киевских евреев в Бабьем Яру, (чем Бабий Яр отличается от Дробицкого Яра, или любого другого не совсем ясно, но таков выбор авторов учебника), а также убивали их в различных концлагерях. Там же указано, что помимо евреев немцы уничтожали цыган, украинских националистов и прочих, неугодных им по каким-либо признакам, групп населения. Безусловно, в самых разных источниках, включая регулярную прессу, фигурирует цифра 6 миллионов. В принципе, масштаб этой цифры настолько велик (для сравнения – население трех прибалтийских республик, согласно Википедии, составляет 6 миллионов 124 тысячи человек. (И это на 2017 год.),что сознать действительные размеры такой трагедии невозможно, проще думать, что это число было завышено.

Кроме непонимания масштабов трагедии еврейского народа, современное население Украины не понимает общих исторических процессов, и не в состоянии разделить различные события по времени (Я делаю данные выводы исходя из поступающих ко мне клиентских запросов). И это не смотря на то, что основное внимание в изучении истории Украины уделяется именно двадцатому веку.

Украинские школьники весьма тщательно изучают движение различных армий в период 1914-1920 гг., фамилии полководцев, но абсолютно не понимают причинно-следственных связей и тем более последствий перемещения этих армий для разных национальных групп. Например, правильным ответом на вопрос о том, кто же устраивал еврейские погромы, был – черносотенцы (По крайней мере именно этот ответ был засчитан за правильный во время теста ЗНО 2017 по истории Украины).

Не менее странно рассмотрены исторические процессы, связанные со Второй мировой войной. Как и в случае с периодом революции, дети изучают исключительно процессы наступлений или отступлений советских войск , но не жизнь населения во время оккупации. Более того, в современной Украине период оккупации замалчивается (не считая описаний героической борьбы УПА и прочих формирований и тяжелой доли гастрабайтеров). Если в учебниках СССР (к сожалению не могу назвать авторов, поскольку я закончила советскую школу более 20 лет назад) встречались упоминания о коллаборантах,

то в учениках современной Украины вопрос коллаборации обходится стороной, а вместо этого делаются попытки обелить действия различного рода украинских националистических формирований. Их действия против мирного населения вообще не рассматриваются, а описываются попытки героического сопротивления, причем без указания конкретных потерь с обеих сторон.

Мной были изучены имеющиеся в открытом доступе учебники по истории Украины и Всемирной истории, подписанные в печать в 2011 году (например история за 10 класс Полетуна, 9 класс – Турченко, 8 класс – Власова, 7 класс – Гисем, 5 класс – Пометун)

Вопросы, связанные со второй мировой войной и Холокостом изучаются только в пятом классе – теме посвящено два предложения, и в 11 классе – теме посвящен один параграф. Понятие антисемитизм рассматривается исключительно в контексте Холокоста. Только один из учебников подводит к этой теме начав описывать ситуацию с Германии 1933 года, при этом антисемитизм в царской России, равно как и в революционные годы, никак не рассматривается и не описывается.

В учебнике для пятого класса присутствует следующая фраза: В Бабьем Яру недалеко от Киева расстреливали людей разных национальностей. Среди жертв преобладали евреи. Во время оккупации Бабий ЯР забрал жизнь более чем у ста тысяч человек. Детей, женщин и стариков. Почти шесть миллионов человек уничтожили нацисты во время оккупации. Из 900 тыс жителей Киева к 1945 году осталось только 180 тысяч. – Это единственный абзац, который посвящен Холокосту. Не совсем понятно, зачем детям акцентируют внимание на каких то цифрах(которые не соответствую действительности), но абсолютно не объясняют кто такие евреи, и почему убивали именно их. Кроме этого, исходя из этого текста, можно подумать, что евреев убивали только в Бабьем Яру. И любые другие евреи, которые не жили в Киеве, могли пережить войну и их никто не убил. Так же этот учебник не показывает, что из 900 тысяч жителей Киева 400 тысяч успели эвакуироваться, и после войны многим из них удалось вернуться назад, в Киев. В итоге современное население видит, что есть евреи, которые жили в Киеве до войны, и живут в Киеве после войны, значит не всех оставшихся в Киеве евреев убили. А из этого следует, что последствия Холокоста для еврейского населения Украины преувеличены и по большому счету ничего особо отличающегося от происходящего с другими группами населения не происходило. Помимо этого, не-

которое количество абзацев уделено героическому сопротивлению нацистам и созданию партизанских отрядов. Из текста абсолютно не следует, что украинские националисты не имели никакого отношения к сопротивлению в первые дни войны,а вместо этого прямо указано, что борьба украинского народа против оккупантов помогла освобождению украинских земель.

В истории Украины для седьмого класса состав населения украинских земель описан весьма странным образом. Евреи фигурируют в числе иностранных колонистов и явно показаны, как нечто чужеродное данной местности.

В учебниках для 11 класса по Истории Украины написано следующее:

Расовая политика нацистов предусматривала безжалосное уничтожение славянских народов, ромов и евреев. Чтобы оправдать нечеловеческое поведение на окупированых территориях немецкие идеологи обвинили во всех своих бедах евреев и большевиков. Началось массовое уничтожение евреев – Холокост. В Киеве 29 и 30 сентября было уничтожено 34 тысячи человек. Расстрелы происходили каждый вторник и пятницу. За несколько месяцев в городе было уничтожено 40 тысяч евреев. Тут уничтожались и те, кто представлял угрозу безопасности для оккупационного режима. Итого в Бабьем Яру расстреляли более 195 тысяч человек. Всего за годы войны немцы уничтожили шесть миллионов евреев,из которых в Украине 1.6 миллионов.

Из этого абзаца сложно понять, почему нацисты больше всего хотели уничтожить славян, поскольку именно славяне идут первыми в перечне на уничтожение, а вместо этого уничтожили евреев. Количество уничтоженых евреев тоже непонятно. Сначала речь идет о двух днях сентября, потом это превращается в два дня в неделю, кто остальные люди, которых расстреляли в Бабьем Яру, а главное каким образом 40 тысяч евреев в начале абзаца превращается в 1.6 миллионов в его конце.

Далее учебник пытается пояснить, кто и почему убивал евреев вместе с немцами, потому что совершенно очевидно, что самостоятельно немцы не могли расправиться с таким количеством людей. Слегка затрагивается тема коллаборционизма, который делят на некоторое количество составляющих уточняя, что подобного сотрудничества было практически невозможно избежать. Впрочем, учебник

соглашается с тем фактом, что достаточное количество людей пошло на сотрудничество с немцами добровольно.

Но он же оправдывает действия добровольных сотрудников тем, что жители присоединённых земель еще не были лояльными советскому режиму, плюс члены репрессированных или раскулаченных семей, возможно, испытывали желание отомстить. Так же учебник указывает на то, что были и такие, кто участвовал в карательных операциях против мирного населения и в этом случае их действия квалифицируются как военное преступление. При этом из текста абсолютно не понятно, почему нелояльные советскому союзу граждане убивали своих еврейских сограждан. Вместо объяснения этого странного феномена учебник 11 класса, точно также как учебник5 класса, переходит к описанию партизанских действий, которые велись на территории Украины.

При этом в учебнике четко сказано, что советские партизаны не имеют никакого отношения к националистическим силам Украины.

Националистические силы Украины упоминаются в следующем контексте:

Существовала организация Коновальца, которая после его убийства раскололась на организации Бандеры и Мельника. 30.06.41 года организация Бандеры объявила независимость Украины и за это Бандеру отправили в концлагерь.

В августе 1941 года Бульба Боровец, который удтверждал, что действует от имени правительства УНР создал отряд Упа- Полескую сечь, и утверждал, что со временем, партизанские отряды должны превратиться в регулярную армию, он не хотел сотрудничать с ОУН, но его заставил Шухевич в 1943 году. Роль националистических формирований в жизни оккупированной Украины не раскрыта абсолютно.

Учебник по Всемирной Истории за 11 класс сообщает следующее:

В Бабьем Яру было расстреляно около 100 тысяч человек, большинство из низ были евреями, но в целом Бабий Яр представляет собой братскую могилу для многих категорий граждан, в том числе и украинских националистов. А в целом за время оккупации население Украины потеряло около 10 млн человек. Вместе с этим, даже после того как Германия начала проигрывать войну, на ее стороне все еще сражалось более миллиона человек, представителей разных народов СССР, из которых 250 тысяч были украинцами.

Так же в этом учебнике рассматривается вопрос еврейского сопро-

тивления, попытки побегов из немецких концлагерей и праведники мира из разных стран, которые пытались спасти евреев.

Как мы видим, из данных учебников, невозможно составить какую либо цельную картину происходящего на оккупированной территории. Невозможно понять, какое количество евреев, оставшийся на оккупированных территориях, в процентном отношении было убито, кто именно убивал евреев и по каким причинам это происходило. Тем более, невозможно понять, чем участь еврейского населения Украины отличалась от участи украинского населения. Так во всех учебниках представлено только одно место убийства евреев – Бабий Яр, и то, в нарративе братской могилы для всех категорий населения и вместе с этим, указано огромное количество украинцев, угнанное на работы в Германию, и при этом нигде не указано, какое количество из угнанных смогло вернуться домой. Создается впечатление, что большинство угнанных в Германию не вернулись никогда. И таким образом, можно сравнивать евреев, которым удалось выжить на оккупированной территории с украинцами, которым удалось вернуться домой.

В результате подобного трактования истории Второй Мировой Войны в целом, и истории Холокоста в частности, большинство жителей Украины уверено, что ничего особо страшного для евреев на территории страны не происходило, и они вполне могут оказаться потомками евреев, которые успешно пережили оккупацию. Точнее, они вообще не видят проблемы связанной с евреями и немецким оккупационным режимом. А способы, которыми они пытаются подтвердить свое еврейское происхождение, приводят генеалогов в недоумение. Жители Украины в результате подобных пробелов в преподавании Холокоста не понимают самых элементарных вещей с ним связанных. Причем это касается абсолютно всех жителей Украины, включая ее еврейское население, которое живет в том же нарративе, что и украинское. И это, пожалуй, является самой большой проблемой украинского (еврейского) образования в Украине на текущий момент.

Dr. Ljujic Vanja
Netherlands Institute for the Study
of Crime and Law Enforcement

CRIME-TERROR NEXUS AND RADICALIZATION IN THE NETHERLANDS

What differentiate terrorism from other criminal offenses is a 'thematic' use of violence as a device to achieve political, rather than material objectives (Schmid, 2016). According to Article 83a (Dutch Criminal Law), terrorism refers to a variety of crimes that have been committed with terrorist intent. Terrorist intent is defined as an attempt to intimidate the population in order to disrupt the political, economic or social structure of a country and force the government to act or refrain from acting. Terrorist motivation may draw from different ideological or religious narratives, yet, (potential) attacks are much more dependent from the set of criminal skills and opportunity than any ideological or religious determination (Perry & Hasisi, 2015).

According to the Dutch official reports, terrorist threat is primarily related to foreign fighters who have gained combat experience and skills to carry out attacks upon their return to the Netherlands (AIVD, 2016).[1] Another matter of concern stems from operational obstacles to persecute cross-border criminal jihadi networks. In June 2015, Turkish officials arrested Brahim el-Bakraoui on charges of being a foreign fighter. He was deported to the Netherlands, and released before the court of law due to a lack of evidence connecting him to terrorism. In March 2016, Belgian

1 Ibid.

police identified Brahim and his brother as the two suicide bombers that carried out Brussel attacks.[2]

The confluence between criminal and terrorist offences is twofold. Recent analyses of Paris and Brussels attackers reveal that terrorists often have criminal record and use the services of criminal networks (Basra & Neumann, 2016). It includes obtaining weapon and forged documents, but also the use of alternative sources, such as drug trafficking, robberies, kidnapping, arms trading, and smuggling to finance terrorism (Hutchinson & O'malley, 2007). Moreover, the line between criminal and terrorist motivations have become blurred (Makarenko, 2005).

In comparison to previous waves of jihadi international terrorism (cf. Gallagher, 2016), which often consisted of educated individuals, the current ('gangsta') wave includes people with lower education, 'sporadic' criminals, and members of immigrants gangs that have been radicalized and recruited in prison (Ljujic, Prooijen & Weerman, 2017). ISIS-inspired cells are loosely affiliated and fragmentized. Prevalence of suburban criminals indicates that at least to some extend status disadvantages may facilitate collaboration of the 'common' and 'terror' criminals to advance their respective economic and political goals (Makarenko, 2004). Recent studies of those "Jihadi gangsters" depict Sageman thesis of 'bunch of violent guys" (Sageman, 2005) united by cross-national (jihadi) identity (Cotte, 2011) in which religion provides not only instant fatherland, but also a great personal boost in terms of significance and redemption (Crenshaw, 1987) from past sins (e.g. promiscuity, drugs, alcohol, or a criminal past). Adverse socioeconomic status increases vulnerability to violent offending, as well as resilience towards de-radicalization and re-socialization programs that are supposed to provide a path to pro-social participation in society.

What about religion? An ultra-conservative Salafist movement within Sunni Islam, is considered a breeding ground for radicalization of Dutch Muslims. Security concerns are merely related to a small proportion of its followers – known as jihadi Salafists – who are known for strong endorsement and preaching of violence (De Bie, et al., 2017). It is against this background that the Dutch parliament (unsuccessfully) passed a motion calling on the cabinet to look into banning Salafist organizations in the Netherlands[3]. Despite the law stating 'He who in public, either verbally or in writ-

2 https://www.counterextremism.com/countries/netherlands

3 http://www.dutchnews.nl/news/archives/2016/02/dutch-will-not-ban-salafist-organisations-despite-radicalisation-fears/

ing or image, incites hatred or discrimination against people or incites acts of violence towards people or property of people because of their race, their religion or beliefs…shall be punished with imprisonment not exceeding one year or a fine of the third category,' there was no any criminal follow up upon discrimination-incitement cases against Salafist protestors before the Netherlands court of law.[4]

The question of how to prevent and reduce radicalization and the crime-terror nexus is ongoing puzzle for scientists and policy makers. Jihadi gangster is not a label but a disturbing indication of cultural polarization, which manifests as decreased trust and loyalty toward national laws and institutions. Parallel to preventive and security measures, it may be worthwhile to encourage cross-religious dialogue and national resilience to any form of extremism.

References

de Bie, J. L., de Poot, C. J., Freilich, J. D., & Chermak, S. M. (2017). Changing organizational structures of jihadist networks in the Netherlands. *Social Networks*, *48*, 270-283.

Basra, R., & Neumann, P. R. (2016). Criminal Pasts, Terrorist Futures: European Jihadists and the New Crime-Terror Nexus. *Perspectives on Terrorism*, *10*(6).

Cottee, S. (2011). Jihadism as a Subcultural Response to Social Strain: Extending Marc Sageman's "Bunch of Guys" Thesis. *Terrorism and Political Violence*, *23*(5), 730-751.

Crenshaw, M. (1987). Theories of terrorism: Instrumental and organizational approaches. *The Journal of strategic studies*, *10*(4), 13-31.

Hutchinson, S., & O'malley, P. (2007). A Crime–Terror Nexus? Thinking on Some of the Links between Terrorism and Criminality 1. *Studies in Conflict Terrorism*, *30*(12), 1095-1107.

Ljujic, V., van Prooijen, J. W., & Weerman, F. (2017). Beyond the crime-terror nexus: socio-economic status, violent crimes and terrorism. *Journal of Criminological Research, Policy and Practice* 3, pp.158-172.

Makarenko, T. (2004). The crime-terror continuum: tracing the interplay between transnational organised crime and terrorism. *Global crime*, *6*(1), 129-145.

4 ibid.

Perry, S., & Hasisi, B. (2015). Rational choice rewards and the jihadist suicide bomber. *Terrorism and Political Violence*, *27*(1), 53-80.

Schmid, A. P. (2017). Marc Sageman. Turning to Political Violence: The Emergence of Terrorism. *Perspectives on Terrorism*, *11*(4).

Lucovnicova Olga (Kobetz Odri)
Master of Arts

THE HOLOCAUST DOCUMENTARY FILM CHRONICLES AS A POWERFUL TEACHING TOOL IN CREATING AN OPEN, TOLERANT AND DEMOCRATIC

Films based on Holocaust photo and video archives – a powerful teaching tool in creating an open, tolerant and democratic society

Abstract

This report argues that documentary films are the best way to illustrate the Holocaust phenomenon in the context of contemporan society. Thus, through systematisation and combination of photo and video archives documentary films reconstruct the historical line of the World War II, revealing fascism premises, development and outcomes. Consequently, movies are an important tool in revealing the roots of prejudice, racism, and stereotyping in any society. Hence, it contributes to deep understating of the European Union's fundamental values importance, such as democracy, the respect of human rights, equality, freedom and the rule of law.

CONTENT:

Introduction
I. The socio-psychological impact of documentary photographs on society
II. The documentary film – a complex and powerful tool of influencing the human's subconscious.
III. The artistic particularities of the film "Night and Fog"by Alain Resnais.
IV. The Michael Romm's illustration of danger caused by the totalitarian regime. Principles of totalitarian propaganda and crowd behaviour in the documentary film "Triumph over violence".
V. The Post – Holocaust Reality through Films

Conclusion

Bibliography

Introduction

In the context of XXI century, the Holocaust, genocide of six million European Jews, is extremely important topic to study in order to build a conscious, democratic and prosperous society. First, the globalization leads to concentration of people from different ethnic groups in limited space, forming megacities. As a result, the tension based on ideological, cultural and social issues grows up. Since 1975 the number of urban agglomerations with a population over 10 million grew from just three to 37. Moreover, by 2030, a projected 730 million people will live in cities with at least 10 million inhabitants, representing 8.7 % of people globally. In addition, the developed world became more dangerous. In 2015 deaths from terrorism have increased massively, although globally there was a slight fall. The Global Terrorism Index (GTI) 2016 reveals that there was a 650% increase in fatal terror attacks on people living in the world's biggest economies in 2015. Secondly, the Holocaust is the best-documented genocide in the world. Thus, at the Nuremberg trial there were submitted over 3,000 tons of records. Decade later, the United States National Archives in collaboration with the American Historical Association published 62 volumes of finding aids to the records captured by the US military at the end of the war. On the one hand, Holocaust is the large-scale illustration of consequences of hate, prejudice and racism. On another hand, it reveals the danger of silence, indifference and ignorance to the oppression of others.

One of the most effective methods of teaching the Holocaust is through visual images. Over 100 years ago scientists from all around the world, discovered that visual information is remembered and reproduced faster and

easier than textual information. This phenomenon is called "the effect of image superiority". Recent experiments have proved that people are able to memorize over 2500 consecutive images with the 90 % reproduction accuracy. In addition, the neuroanatomist R.S. Fixot found that when our eyes are open, our vision accounts over 2 billion firings per second of electrical activity of the brain. At the same time, he mentions in the American Journal of Ophthalmology, that 50 % of our neural tissue is directly or indirectly liked to the retina. Thus, visual materials are very important part of studying process, which help to memorize and visualize the past historical events.

Hence, photo and video archives are the strongest illustration of disastrous consequences of intolerance, racism, hatred and extremism of the World War II. Moreover, by being a direct connecting branch between the viewer and the Holocaust victims, they provoke a strong emotional impact on humans. In addition, photographs are perceived as a direct expression of reality. Thus, the entire Nuremberg courtroom was redesigned, to install the projector and screen, for the ability to use photo and video materials during the process as important evidences of the Holocaust.

Finally, film is best tool in systematisation of the Holocaust photo and video archives. It allows the chronological reconstruction of the past events. Since the Holocaust was a part of the totalitarian Nazi regime, propaganda and anti- humanist ideas, it is critical to teach it through systematic chronological historical line, revealing it's causes and effects. Thus, a documentary film based on photo and video archives is the best way to provide a comprehensive and authentic understanding of history. In addition, cinematography, viewed as a universal language of expression, can force the viewer to unconsciously come to conclusions set up by the film director. As a result, the proper use of video and photo materials can contribute to needed changes in human's conscience and society in general.

I. The socio-psychological impact of documentary photographs on society

> It is like writing history with light and my only regret is that it is all so terribly true.
>
> - Woodrow Wilson

The invention of photography gave people the opportunity to document in details the instantaneous reality and preserve it for a long period of time. In addition, it provides the possibility of easy and fast data transfer world-

wide. Thus, soon after it's discovering by Nicephore Niepce, photography made a wide amount of changes in society. In the book "Photography: The Whole Story", Juliet Hacking mentions that soon after the adaptation, spread and commercialisation of photographic processes, it removed a wide range of fields owned by fine arts, due to it's propriety of capturing surrounding world in small details, which was impossible before. People preferred photographs instead of paintings, because they assured the authenticity of real subjects and events. At the same time, photography is an exceptional instrument for fast and cheap information transfer. Indeed, expenses spend on the photograph execution are cheaper and faster than any other way of information capture, as it's speed of capturing counts in milliseconds. In addition, the image copying process is fast and easy. Thus, photography became a primary tool for documenting reality and spreading the information.

The way photography has influenced the society is critical. It made possible to unveil the cruelty, social issues and injustice happening all around the world. An eloquent example is Alice Seeley Harris' photographs of the injuries sustained by the Congolese natives at the hands of the agents and soldiers. In the 23 years of the Leopold II domination, 10 million Africans were tortured due to the exploitation of the Congo Basin natural resources. From 1898 to 1905, Alice Seeley Harris taught English to children in Congo. At the same time, she used to take photographs of Congolese life, as well as injuries and atrocities caused by soldiers on local population. Later, these photographs were used in one of the first human rights campaigns. Alice presented her images at 200 meetings in 49 cities from the United States via magic lantern screenings. In addition, the American daily paper, *New York,* used her photographs to illustrate the atrocities happening in Congo.

The spread and revealing of Harris' photographs forced people in Europe to face what was really happening in Congo. People of the highest level started to sign up and give money to help victims. Under the public pressure, Leopold ceded administration of the Congo Free State in November 1908 to the Belgian government. After the return to Congo from 1911 to 1912, Alice noted improved conditions in the treatment of natives and later produced a book, "Present Conditions in the Congo". Soon thereafter, hundreds of Alice's African documentary photographs were displayed at the Colonial Institution.

Congolese people are not the only ones who have taken advantage of the power of photography. Today, there are known hundreds of iconic photo-

graphs which contributed to the rise of people's awareness on social issues happening all around the world. Even though, the horror and atrocities captured in such photographs as "The Napalm Girl" by Nick Ut, "Burning Monk" by Malcolm Brown," Saigon Execution" by Eddie Adams or Holocaust photo and video archives are on the limits of photographic ethics' questions, they do not show anything more or less than the reality caused by human's hands.

II. The documentary film – a complex and powerful tool of influencing the human's subconscious

The ability of capturing and preserving the movement, approaches cinematography to reality, causing a strong impact on human's subconscious. The tremendous effect of cinema on mankind was evident from the presentation of the first known video footage created by Lumiere Brothers. Maxim Gorky, published his impressions about Lumiere's films, in the Nizhny-Novgorod's daily newspaper:

«*Suddenly something clicks, everything vanishes and a train appears on the screen. It speeds straight at you—watch out! It seems as though it will plunge into the darkness in which you sit, turning you into a ripped sack full of lacerated flesh and splintered bones, and crushing into dust and into broken fragments this hall and this building, so full of women, wine, music and vice.*» This confession of Maxim Gorky became the most famous literary responses to film. It elucidates the huge impact of cinema on humankind. In fact, motion picture transposes the viewer in the middle of action from film. Thus, the public becomes a part of movie, living all moments next to the main character.

Documentary films based on Holocaust video and photo archives are the best tool for systematic, chronologic and structural studies about it. Film is a universal language of expression, where all existing arts are mixed up to reflect the main idea. In the contrast to photography, film has more means of expression. In addition, to perceive the information provided through film, we use all major human senses. This fact accelerates and increases the sense of perception, highly influencing the human's subconscious and directly attempting short and long-term memory. In that case, it is important to make difference between television format film and artistic documentary movie. If first has just informative significance, the second, includes the artistic search, symbols and metaphors used in storytelling to sensitize the viewers feelings rather than just telling the facts.

Generally, any film goes through post-production process of filmmaking. Lev Kuleshov, the soviet film director and the founder of the world's first film school, considers montage as being the strongest part of film, which differentiate it from other arts. He believed that the film director can force the viewer to unconsciously come to conclusions set up in the editing, even if they contradicts the image or shooting circumstances. Thus, in right hands, video and photo archives included in film can become a strong tool of influencing and changing society.

Since 1940 were realized numerous fiction and documentary films which reflect the Holocaust issues. Based on them, we can analyze the perception and vision over Holocaust from one country to another. Most of documentary films were realized for informational purposes, with well-established chronological script line, followed by detailed comments. At the same time, a few film directors tried to go further and use cinematographic language to increase the emotional impact and change viewers' interpretations of graphic images through visual contrast, counterpoint, comparison and metaphors.

III. The artistic particularities of the film "Night and Fog" by Alain Resnais

Ten years after the liberation of Nazi Concentration Camps, Alain Resnais made one of the first documentary films on the Holocaust topic ***"Night and Fog".*** The title is taken from the notorious "*Nacht und Nebe"l* program of abductions and disappearances decreed by the Nazis on 7 December 1941. The film features the abandoned grounds of Auschwitz and Majdanek. In her film, Alain Resnais uses graphic and musical contrasts. Opening film credits are accompanied by gloomy, monotonous music by Hanns Eisler, which reflects the horror of the concentration camp. Immediately after, the musical mood changes into dynamic, cheerful and harmonious rhythm, introducing the viewer to the contemporary time. Alain mixes two time spaces- present and past, which are delimited by the colour field. Consequently, modern time is reflected through bright and vibrant colors of the green field, blue sky and sunny day. In contrast, the Auschwitz concentration camp looks like an alien gloomy construction established on the prosperous, fruitful and "peaceful" Earth. It's fence, pilings and buildings remind the history of terror, human sufferings and unreasonable cruelty. The film continues with Nazi's monochrome video footages of 1933 year, a retrospective of past events. The music is dynamic, but at the same

time trivial. Black and white somber graphic images show the development of the Nazi ideology. Over the background of crowds it is highlighted the figure of leader, Adolf Hitler. Monochrome images help to emphasize the idea of erased individual identity. The construction of future concentration camps looks like a notable and grandiose event, overshadowed by Michele Bousquest's comments, which reminds us about the Jewish youth who is occupied by own future, unaware of the upcoming nightmare. The film's turning point is the departure of convoys to Auschwitz. It is the last moment when the viewer can see well-dressed, healthy and elegant people wearing yellow stars on their clothes. The composition of the frame reflects the idea of the "last way". The perspective created by the endless wagons in motion is cropped up by the frame's edge or disappears in white emptiness, revealing the concept of *the unknown direction to nowhere*. The infinitely long train full of tortured people arrives to Auschwitz concentration camp. The black night sky, gloomy smoke, silhouettes of soldiers standing with shotguns, directs to the movie title "Night and Fog", as being it's visual representation. The film continues with explanation and detailed description of cruel, painful and atrocious life of prisoners. Besides hunger and starvation, it includes sadism, torture, executions, rape, scientific and medical experiments. In contrast, it is portrayed the totally different life of the Schutzstaffel on the same territory. The last film section includes just black-and-white images, which depicts the gas chambers and piles of bodies. The film finishes with the country liberation, discovery of the camps' horror, and the question *"who is responsible for it"*.

To sum up, the film "Night and Fog" reveals two different realities. It shows our peaceful present and the horrifying past. Thus, through contrasting matter of the same subject, Alain Resnais shows that the history is created by people and the past leaves it's marks forever. The chronological line focused on the representation of the victims' starvation in time, increases the emotional impact by showing the fascism' effect on humankind. At the same time, the film's atmosphere is dramatized with the level of cruelty and atrocities victims were subjected to. So the viewer can feel and understand properly the victims' sufferings.

IV. The Michael Romm's illustration of danger caused by the totalitarian regime. Principles of totalitarian propaganda and crowd behaviour in the documentary film "Triumph over violence".

The documentary film "Triumph over Violence" by Mikhail Romm, reflects the totally new approach to the Holocaust issue. Romm's vision over

Holocaust is surprisingly complex and multisided. In the interview for the scientific magazine "Skepticism", Romm remarks that he decided to realize this film after he talked with young people about fascism. The discussion took place due to the international news transmission about the modern fascists from Argentina and West Germany. He assumed that war is a distant concept for young people born before and after it. Moreover, they have no idea what fascism represents. For young people it was difficult to believe completely what they heard or read about the Holocaust. Furthermore, they considered it dead, and some of them believed that information is too exaggerated. Considering the fact that *"Triumph over Violence"* was released just 20 years after the war was finished, we can assume that contemporary youth is even worse informed. Thus, the film's significance and importance increases over years.

Even though the film is monochrome, it reflects a wide emotional range and sentimental pattern. Vadim Abdrashitov in an interview notes :*"the film Triumph over Violence not only reveals the essence of the Nazi regime, but totalitarian regimes in general, demonstrates the principles of totalitarian propaganda, behaviour of the crowd, proclaimed humanist ideas".*

The documentary follows the tradition, which has been set up in soviet filmmaking by Esfir Shub, who was a pioneer in the use of video archives owned by foreign state in creation of original compilation films. Thus, in "Triumph over Violence" were used chronicles captured from the Ministry of Propaganda of Nazi Germany film archives, Hitler's personal photo archive and numerous amateur photographs taken by the Schutzstaffel soldiers. Mikhael Romm notes:*"out of a huge amount of material, we have selected everything that we seemed as the most striking and giving an impulse to reflect together ".*

The film is divided into 16 chapters. It begins with children's drawings. It is notably that Romm's grandson is the author of the first image, happy cat. The diversity of images in forms of expression, on the one hand, and the similarity of dreams, desires and vision, on another hand, is surprising.

It can be related to the idea that the child is a white paper, on which parents, teachers and society leave certain marks. Additionally, it is associated with Hitler's passion to fine arts and his dream to become an artist. Together, they display the idea that no one is born with hate, stereotypes and intolerance. Overall, the one's personality is created over time under the various factors. Romm mentions in the same interview, for the magazine "Skepticism", that the idea to start the film with kids came in his mind from the start, so he wanted to establish the moral references, from the child's purity to the nonhuman fascists. The film continues with scene of students waiting for examination results, shot with the hidden camera. Romm mentions that in the beginning, he asked his polish colleagues to film lovers. Consequently, the request was accomplished, but the method of shooting was completely different from his expectations. Although, filmmakers from Warsaw have chosen attractive polish girls and modern guys, who did their best to illustrate love, on screen there was no real feelings. Thus, he gave all freedom to Kulish, soviet cameraman, to film young people with hidden camera. Thus, the film role reveals a complex palette of emotions, from tears to unearthly happiness. The camera operator used the telephoto lens to shoot close-ups from distance, as well as to reduce the death of field, so to highlight people's silhouettes over blurred background. Thus, the viewer's attention focuses on individual emotions and the variety of their manifestations. The hidden camera divulges the beauty of sincere human worries. In addition, Kulish captures the interaction between people and the happiness for each other's success. Thereby, the idea of love as the highest form of humanity is exposed.

The film is accompanied by Romm's comments, creating the sensation of "tête-à-tête" dialogue. The spontaneous nature of comments manifested by the use of syntax, vocabulary and intonation, became one of the main distinctive features of the film. In order to increase emotional impact, the film director uses "on the edge" cinematographic techniques. Thus, the gunshot sound and archive photo of soldier, directing a blown pistol on the woman holding her child, interrupt the story line about love between children and mothers. This abrupt transition produces a strong emotional impact. The following footages, which express the maternal tenderness, are perceived totally different due to the "Kuleshov effect", a mental phenomenon by which viewers derive more meaning from the interaction of two sequential shots than from a single shot in isolation. The film continues with contrast alternation of motion pictures and freeze-frames, close-ups

and wide shots, reality and past, life and death. The minute of silence is interrupted by Romm's comment/translation on the inscription written on the Auschwitz fence's pillar "Germany over all". In that context, Germany is not a symbol of one state, but a motif of terror, mass blindness and the polemic between reality and propaganda. Auschwitz's ruins are filmed with the red lens filter to darken the sky. It creates a gloomy, dramatic atmosphere, a metaphor of time burden. Details of the concentration camp reveal the pain captivated within it's walls forever. The pile of shoes, cut off hair, children's potties, gaze chambers and ovens remind the human's suffer and smell of death. Meanwhile, the Hitler's biography is presented through the private photography collection. The rise to the power is showed gradually, from a politician who behaves hesitantly to a ruler chanted by crowds. The amount of his fans increases progressively from a group of people to uncontrollable crowds. Soldiers look like robots or zombies walking down the street. Another film's key point is the eagle, formal symbol of the Nazi Party, which stands above all. In contrast to atrocities happening in Germany, in film appear international news reportages, focused on the Royal families' leisure, sport competition and Hitler's visit to the Opera. All together, it reflects the idea of governance and journalists' ignorance, compared by film director with seals. Michael Romm confronts two contradictory realities – European daily life full of joy and the death camp prisoners' horror. The contrast between these archival footages creates the strong emotional effect on the viewer and the complex understanding of the specific historical time frame. Besides, the tension grows up worldwide. While Europe is stroked by protests, revolutions and provocations, in Germany the new order is set up by the night parade with fire in the name of Hitler. In this context, fire symbolize the transformation of humankind into savage. The burning of books epitomize the mass mind's eclipse and blindness. The first seeds of racism, intolerance and inequality are revealed in physical and biological comparison between people. After the sorting into right and wrong people, first are subjected to terrorization, torture and murdering. At the same time, during the "*common soup*", Hitler says, *"If once I die, my spirit will remain alive*". In the context of film, it symbolizes the spirit of discrimination, prejudice and unreasonable hate still persisting worldwide.

The narrative film line returns it's leitmotiv – childhood. It reveals the gradual transformation of child into a Nazi, showing how fascism is born and developed. Jacque Fresco, American futurist and social engineer, mentioned in his interview, "*If anyone were born in Nazi Germany, he would*

become a Nazi, because of the lack of information and choice". In contrast, Romm shows "another Germany", with slogans "Fascism is poverty and war" used on parades and people fighting against fascism, despite the pressure. In addition, the film director confronts war's horror with the elite's wealthy life, concluding that some people die for idea, others for country, but the elite prospers. The final chapter exposes the military high-tech, rockets and nuclear bombs. Michael Romm hints to the idea that the repetition of history, in the contemporary context, would cause consequences more grave than before, and next time we will not have a second chance. Thus, the Nazi Germany must be seen as a negative phenomenon, which is important to analyze and prevent on time.

The last film sequence reflects the idea of new beginning. It shows the variety of children's emotions and occupations. The "Chicken Ryaba" fairytale told by a little girl becomes a symbol of the fascism's emergence and development. In the contrast to child's voice, the archive photographs of victims are displayed on the screen. Thus, the background girl's distant voice links to people's tough destiny.

V. The Post – Holocaust Reality through Films

The Post – Holocaust reality is an important part to analyze and study. It reveals the consequences and after marks of the genocide horrors. First film, which faces the Holocaust repercussions, is the film "Nuremberg: The Nazis Facing their Crimes", directed by Christian Delage. Being based on the restored courtroom footages, it has an incomparable significance. Thus, the documentary film reveals real perpetrators and victims. In addition, it represents the historical moment when the Holocaust photo and video footages were exhibited for the first time and captures its psychological impact on people. On the one hand, it acknowledges the viewer with people responsible for the war crimes, whose faces hit with ignorance and calmness. On another hand, it shows the contradiction between justice and injustice. The Nuremberg process faces the complexity and difficulties of impartial justice on the international level. Despite the fact that a large number of evidences and witnesses were collected, the process lasted almost a year. Moreover, defendants denied the Holocaust existence and their guiltiness till the end. Thus, the 90 minutes long film reveals all aspects of the post Holocaust reality, which are still valid for nowadays. First, the perpetrators' negation and the lawyer's efforts to prove their guiltlessness display the issue of the Holocaust denial. Second, the confession of Ernst Michel,

the Auschwitz survivor, reveals psychological and physical injuries faced by victims of the Nazi regime. Third, it shows the huge importance of photo and video materials for visualization of the Holocaust horror.

The best way to picture the post- Holocaust reality is through individual stories. "The Portraitist" is the documentary film, which shows the story of Wilhelm Brasse, who despite of his resistance to obey the Nazi regime, was captured and forced to take photographs of the Auschwitz concentration camp prisoners. The "identity pictures" shot by him reveals the fear, hopelessness and suffers hidden behind victim's deep sight. After the liberation, Wilhelm could not continue his work as photographer. He affirms that the horror of cruelty and atrocities made by SS supervisors pursued him all his life.

The film director Claude Lanzmann had a totally new approach to the Holocaust issue interpretation. He brings survivors back in war times through physical space. The whole film is a "tet-a-tet" dialogue between the spectator and survivors. Visiting places of their difficult childhood long after the war, induces sincere emotions and detailed testimonies from the first person. This dramaturgical method approaches the viewer to victims and the Holocaust horrors. Thus, the spectator can feel the whole terror survivors passed through. The contemporaneous views and landscapes contradict with victims' stories and memories. The overlapping of the bloody past and the peaceful present creates the strong emotional impact on the viewer.

Conclusion

Holocaust should be taught in the context of contemporaneous social issues, such as globalization, continue growing democracy, disappearance of limits between nations and cultures. It these conditions the risk of intolerance, hate and fascisms is overwhelming. That makes "Holocaust" a part of our present, not just a moment from the past.

Holocaust photo and video archives best reveal the danger of today's social issues. In addition, the visual learning is one of the most efficient studying methods, which helps students to comprehend the scale of potential danger derived from fascism. Due to the documentary side of photo and video archives, their informative value is incomparable. Combined with the cinematographic language, documentary chronicles become a powerful teaching tool. Thus, documentary films have informative significance and high emotional impact.

Nowadays, there is a big amount of various documentary and fiction films based on World War II. They interpret Holocaust from different views

and sides. Thus, some films tend to reflect Holocaust through numbers and dates, presenting it as the biggest genocide ever known and crime over whole nation. At the same time, other movies are based on individual stories of Holocaust victims. It is very important to highlight and systematize films, which are best for the studying process in the meaning of informational value and level of the emotional impact. In that context, the film "Night and Fog" by Alain Resnais is a good introduction into the "Holocaust" topic. Being made ten years after the end of war, when the Holocaust topic was sufficiently studied and assimilated, it reflects an individual approach instead of trivial documentary research. The use of two different color fields and time spaces in film, deeps the viewer to the "Holocaust" issue and emphases the awareness over intolerance. The film "Triumph over violence" by Michael Romm opens wide the problem of fascism. Starting with the pureness of children the movie shows the metamorphosis of humanity into inhumanity. Instead of focusing on atrocities, Romm shows the feature of humankind and strikes the viewer with the contrast between beauty and horror, pushing the spectator to meditate on human being and fascism "cause- effect" topic. At the same time, films, which elucidate the post-holocaust reality, acknowledge the viewer with contemporaneous issues related to this topic. Moreover, they reveal the risk and circumstances of the "Holocaust denial" appearance, the first step of ignorance and blindness over contemporaneous social issues.

Finally, today's youth is used to receive the big amount of information in a short time. Thus, films became the most efficient ways of information transition. At the same time, every chosen film should be analyzed in details, to point out the key elements related to the "Holocaust" topic. Some people argue that the "Holocaust" should be excluded from the studying process because of it's cruel content which can affect the youth's psychology. Although, there is a big difference between learning about the Holocaust horror or being a part of it. I strongly believe that ignoring our past is not the key to success and only acceptance and acknowledgement can be the right way to the bright future of our world.

Bibliography

Baron, L., "***Projecting the Holocaust into the present : the changing focus of contemporary Holocaust cinema***". Rowman & Littlefield, 2005.

Biddiss, M., «***Victors' Justice? The Nuremberg Tribunal***» History Today.

Bower, T., "***Blind Eye to Murder: Britain, America and the Purging of Nazi Germany – A Pledge Betrayed*** "(2nd revised ed.). London Little, Brown.

Eaglestone, R., "***Teaching Holocaust literature and film***". Palgrave Macmillan, 2008.

Fixot RS; American Journal of Ophthalmology, 1957

Ginsberg, T., "***Holocaust film : the political aesthetics of ideology***." Cambridge Scholars Pr Ltd, 2007.

Gonen, Jay Y., "***The Roots of Nazi Psychology: Hitler's Utopian Barbarism***", Lexington: U of Kentucky Press, 2000.

Harran, M. J., "***The Holocaust Chronicle***". Publications International Ltd, 2000.

Insdorf, A., "***Indelible shadows: film and the Holocaust***". Cambridge University Press, 2003.

http://www.holocaustchronicle.org/

Lindeperg, S., "***Night and Fog: a Film in History***", University of Minnesota Press, 2014.

Maxim Gorky, essay «***The Kingdom of Shadows***", Nizhny Novgorod daily magazine, 1896

Picart, C. J., "***The Holocaust film sourcebook***". Praeger, 2004.

Romm, M., "***Triumph over Violence***" interview for "Skepticism" magazine.

http://scepsis.net/library/id_1174.html

Saxton, L., "***Haunted Images: Film, Ethics, Testimony, and the Holocaust"***. Wallflower Press, 2008.

Dr. Luxemburg-Isenberg Florence
Zefat Academic College, (Israel)

AT THE ABYSS AND WHAT NOW: ISRAEL'S GROWING CHALLENGES FOR HOLOCAUST REMEMBRANCE

Holocaust stands apart as a precaution – an ominous warning for our very existence as human beings, not to betray fundamental principles which first and foremost is the tolerance and acceptance for those who are different. Trivialization, denial of truth and indifference not only belittle the devastation surrounding it, but lower the dignity of all human beings." (Dr. Florence Luxenberg-Eisenberg)

Humanity is at the brink. We have entered a new phase in terms of world morality and are at the abyss. The Holocaust: the brutal, systematic annihilation and extermination of over 6,000,000 Jews done on an official scale at the highest ranks, committed by family men, educators engineers, doctors, and the like; the genocide of the Jewish people perpetrated by the Nazis and assistants – is a painful reminder of man's evil side. And yet questions arise as to whether or not anything has been learned. Since the Shoah (Holocaust in Hebrew), there have been other genocides – Yet the word "Holocaust" always stirs an emotion. There are people who refuse to discuss it; those who deny it; and those who are so directly affected by it that it has interfered with their daily lives. The event lifted the world's curtain of naiveté and thrust humanity to take a good, hard look at itself when

the horrors of the Nazi machine were discovered. And since then and until now, we are entering a new world order and a new morality-increasing antisemitism which is now also disguised as anti-Israel or anti-Zionist to make it a more "proper" concept; xenophobia, racism, and intolerance are on the rise-new genocides are being committed against Christians (most recently by ISIS); a world of indifference and silence; those who strive to be politically correct despite these growing realities.

The Holocaust stands out; apart from any other event and still, despite all of the other genocidal events since then—is the horror that is most discussed, researched, and documented.

For the State of Israel, Holocaust commemoration and remembrance poses its own daunting challenge. We have reached an impasse and we are at the abyss. Yad Vashem focuses on gathering as many testimonies and names as it can muster. The survivors, the direct atrocity witnesses are practically gone. This poses critical challenges for the Jewish State because of where we have reached and where we need to go. The era of the survivors is coming to an end!

1) Students learn about the horrific event in the 11th grade, culminating in a non-compulsory trip to Poland to see the actual locations. But not all students go and the biggest question is whether or not they should and who should pay.
2) The Holocaust's fitting place in Israel amidst growing trivialization and apathy towards the subject.
3) How can we make it more relevant for our youth.
4) At what age should students begin Holocaust education.
5) What is Israel's role in combating contemporary slander and twisted distortions.

Protecting truth from deniers of reality is a daunting task worldwide but even more an overwhelming task for the Jewish State. The question that is being asked in Israel is: Where do we go from here? How can we reach to the other side and focus on the new era?

Lvova Tatyana & Vorontsova Yulia
Jewish Charity Organization „Eva“ (Russia)

Воронцова Юлия, Львова Таня

„DIARIES AND ART CHILDREN OF HOLOCAUST AS THE MOST IMPORTANT TOOL IN THE HOLOCAUST TEACHING“

The Jewish philanthropic organization Eva has been carrying out educational projects directed to the study of the Holocaust for over 10 years. Their work with children's diaries and other creations during the Holocaust has taken a distinct and serious direction. It is this topic that resonates most with young audiences, triggering an emotional response to the fate of their peers. Every testimony, every story, is unique and requires a unique approach, becoming, in fact, a separate learning experience.

This report will discuss the experience of working both with well-known and little-known texts in Russia, the principles of selecting materials, and the methods of work.

Воронцова Юлия, Львова Таня

ДНЕВНИКИ И ТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ ПЕРИОДА ХОЛОКОСТА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТРУМЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ ТЕМЫ ХОЛОКОСТА

Еврейская благотворительная организация «Ева» уже более 10 лет проводит просветительские проекты, направленные на изучение истории Холокоста. Отдельным и очень серьезным направлением стала работа с дневниками и творчеством детей периода Холокоста. Именно эта тема находит наибольший отклик среди молодой аудитории, вызывая эмоциональное сопричастие к судьбам их сверстников. Каждое свидетельство, каждая история является неповторимой и требует индивидуального подхода, становясь, по сути, отдельным образовательным проектом.

Работая с молодой аудиторией необходимо особенно аккуратно подбирать материал, не травмируя чувствительные хрупкие детские души. Для ребенка при столкновении с такой сложной темой важно не только понимание, но и сопереживание. Проекты и мероприятия, где главной составляющей являются детские воспоминания о трагедии Холокоста, вызывают неподдельный интерес, живой отклик.

В начале работы мы обращались к всемирно известным историям и персоналиям, таким как Януш Корчак и Анна Франк. В последние годы мы стараемся находить материал, который в гораздо меньшей степени знаком российской аудитории.

В 2012 году мы впервые обратились к дневнику Рутки Ласкер, 14-летней еврейской девочки, убитой в Освенциме в 1943 году. Дневник не был переведен на русский язык, так что мы начали работать лишь с небольшими отрывками и документальным фильмом об истории дневника.

История дневника удивительна сама по себе. Он был найден лишь в 2006 году, тогда история «польской Анны Франк» появилась во многих печатных изданиях по всему миру. Дневник был переведен на 14 языков, но на русском был издан только в 2015 году благодаря петербургскому переводчику-энтузиасту Анне Тамариной.

На шестидесяти страницах, исписанных аккуратным детским подчерком, Рутка рассказывает не только о жизни в гетто и преступлени-

ях фашизма, свидетелем которых она стала, но и о своих внутренних переживаниях, первой влюбленности, отношениях с родителями и друзьями. Рутка говорит об универсальных вещах, ее мысли и чувства близки и понятны современным подросткам. А практически детективная история нахождения дневника через 60 лет после гибели его автора привлекает дополнительное внимание и вызывает неподдельное удивление и интерес. После издания дневника в 2015 году было проведено несколько презентаций для школьников и широкой аудитории. Главная особенность работы с этим документом заключается в сочетании нескольких историй: самой Рутки и ее семьи, младшей сестры Рутки, родившейся после войны и узнавшей об уничтоженной в Холокосте первой семье ее отца лишь в 14 лет, и истории дневника, хранившегося в безвестности в доме польской подруги Рутки многие десятилетия.

Для более детального знакомства школьников с текстом дневника был проведен конкурс детских рисунков. Ребятам предложили проиллюстрировать наиболее тронувший их отрывок. В качестве художественной техники была выбрана черно-белая графика, которая уже использовалась в создании выставок по рассказам Анны Франк, стихам Аллы Айзеншарф.

На протяжении многих лет проводились встречи школьников с бывшей узницей Вильнюсского гетто и концлагерей Стразденгоф и Штуттгоф писательницей Машей Рольникайте. Её книга «Я должна рассказать» основанная на дневнике, который Маша вела в гетто, стала одной из первых книг о Холокосте, вышедших в Советском Союзе. Кроме того Мария Григорьевна принимала участие в проведении презентаций дневника Рутки Ласкер для школьников, т.к. сохранение памяти о погибших было важнейшим делом ее жизни. Более двух тысяч школьников смогли лично встретиться с писательницей и узнать ее историю в рамках образовательных программ «Евы». В 2016 году Маша Рольникайте ушла из жизни, и «Ева» провела ряд мероприятий, посвященных ее памяти. На конкурс детского рисунка по дневнику Рольникайте (всё в той же технике черно-белой графики) было подано рекордное количество работ. Главной причиной, безусловно, стало личное знакомство с Марией Григорьевной многих петербургских учителей и школьников.

В результате в «Еве» были подготовлены 4 выставки, посвященные четырем девочкам из разных стран: Анне Франк, Алле Айзеншарф,

Рутке Ласкер и Маше Рольникайте, двум из которых удалось чудом пережить Холокост, а о двух мы знаем лишь благодаря их дневникам. Общая художественная техника позволила объединить выставки в единый цикл, дающий общее понимание трагедии Холокоста. Очень важно, что выставки не являются «одноразовым» проектом – создание цикла позволяет постоянно возвращаться к этим историям.

Еще более долгосрочной историей является авторский проект художника Натальи Воронцовой «Последняя бабочка». Вдохновением проекта стало стихотворение юного узника Терезина Павла Фридмана «Бабочка», которое лежит в основе художественных мастер-классов. Важнейшей составляющей частью являются личные истории – участникам рассказывают о Холокосте через историю конкретных еврейских семей, после чего предлагают сделать бабочку в память о жертвах Катастрофы. Образ бабочки выбран не только благодаря стихотворению, но и потому что бабочка является символом света и возрождения жизни. Именно такой и должна быть память: светлой и бесконечной. Все бабочки выполняются в едином формате и технике, при этом творческие способности участников не играют никакой роли – все работы собираются в единую выставку, отличающуюся яркостью и разнообразием. Мастер-классы проводятся регулярно, выставка пополняется новыми работами и постоянно увеличивается – сейчас собрано более 600 бабочек. В мастер-классах участвовали люди от 5 до 90 лет: школьники, учителя, пожилые люди, родители с детьми, бывшие узники гетто, члены общества глухонемых и многие другие.

Этот проект имеет сразу несколько образовательных аспектов: участники мастер-классов узнают о Холокосте через личные истории, имеют возможность почувствовать свою сопричастность и выразить эмоции через творчество, а посетители выставки не только узнают о Терезине и Павле Фридмане, но и видят, сколько людей внесли свой вклад в сохранение памяти о жертвах Холокоста.

Makhouskaya Irina
Belarussian State University (Belarus)

Маховская Ирина
БГУ, Минск

UNDERSTANDING OF COLLABORATIONISM IN THE CONTEXT OF MEMORY ABOUT WWII IN THE MEMORY OF PEOPLE FROM SMALL TOWN IN WEST BELARUS

This analysis originated from a project on microhistory dedicated to understanding the inhabitants of the small town of Mir in relation to the history of their community. The investigative focus was aimed at studying the perception of the Holocaust in the town of Mir by its inhabitants, Jews and non-Jews, in the context of the events of World War II. What survival strategies were used, which of them were accepted as justified, and which were outside the traditional Belorussian understanding of "lyudkastsi?" It is important to consider the different behaviors and the range of motivations for different social groups (age, ethnic, etc).

In most cases, collaborative memories are seen as a survival strategy, a way of adapting to new conditions and new authorities. Cooperation with the police is viewed, above all, as a short-sighted tactic, seeing that the victory of either side was not obvious. In the narrative about the police, those who voluntarily went to the police and those who were forcibly recruited under fear of death are on opposite poles of the judgment system. A different perception concerns those who voluntarily went to the police in the first days of the war. Sources testify of the extreme cruelty of the police, who had

almost unchecked power over the civilian population. It is unlikely that we will be able to definitively answer the question concerning why and how this became possible. We can only speak about the factors that contributed to this possibility, such as the Schutzmannschaft as the first opportunity for social mobility, and violence as the most simple form of the realization and demonstration of sudden power (according to M. Fuko), etc.

КОЛАБОРАЦИЯ И КОЛАБОРАНТЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКТСЕ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ОПЫТ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование возникло из проекта по микроистории, посвященного восприятию жителями местечка Мир истории своего населенного пункта. Всего было записано около 90 интервью с мирянами 1920 – 1230-х годов рождения, детство которых, а у многих и юность пришлись на межвоенный период, когда Мир находился в составе Польши. В качестве основного метода использовалось биографическое (лейтмотивное и нарративное) полуструктурированное интервью.

Исследовательский фокус направлен на изучение восприятия событий Второй мировой войны жителями Мира. Какие именно сюжеты актуализированы в сегодняшней памяти мирян? Какие вызвали развернутые рефлексии, а какие – вовсе не были проговорены? Какие стратегии выживания применялись, какие из них воспринимаются как оправданные, а какие – за рамками традиционного белорусского понятия "людзкасци"? Представляется важным рассмотреть различные типы поведения и разнообразие мотивации представителей различных социальных (возрастных, этнических) групп.

Основной корпус источников данной работы составляют записанные в ходе исследования интервью, кроме того использованы материалы архива Яд ва-Шем, United State Holocaust Memorial Museum и опубликованные воспоминания выживших в Мирском гетто.

Сегодня Мир – поселок Кареличского района Гродненской области Республики Беларусь. Но в течение первой половины XX века государственная принадлженость Мира и его жителей менялась целых пять раз[1], этот факт важно учитывать, изучая такие темы как война, восприятие местными жителями власти (польской, советской, немецкой) и колаборация. Цитируя наших рассказчиц,

Жили при Польше, пришли русские, потом – немцы, потом – русские. Это все нужно было пережить[2]

Белорусам тяжело сосредоточиться: вся власть переходная[3].

Еще одно важное условие – национальный состав населения. Традиционно белорусские местечки были многонациональными, большинство населения составляли евреи. В Мире в 1939 году проживали белорусы, поляки, татары. Из 5,5 тыс. человек населения местечка 3,3 тыс – евреи.

Коллаборация с немцами – одна из самых значительных тем в памяти о войне, нарратив о сотрудничестве с новой властью разнообразен и варьируется в зависимости от мотивации, условий, в которых оказались люди, степень вовлеченности в карательные акции и т.д.

Из всего разнообразия оценочных суждений ярким эмоциональным неприятием и осуждением отличются рассказы о тех, кто был рекрутирован в первый состав полиции, организованной в течение нескольких недель с начала оккупации. В отношении получивших власть и оружие летом-осенью 1941 года в воспоминаниях жителей Мира очень часто встречается выражение "полицаи хуже немцев". Источники свидетельствуют о крайней жестокости полицаев, получивших практически бесконтрольную власть над гражданским населением. Убийства, издевательства, изнасилования, грабежи стали

1 На момент начала XX века Мир входил в состав Российской Империи вследствие разделов Речи Посполитой. По условиям Рижского мирного договора Мир отошел к Польше в 1921 году. В 1939 году в результате советской оккупации Мир вошел в состав БССР. 27 июня 1941 года Мир был захвачен немецкими войсками и находился под властью Германии до освобождения 7 июля 1944 года. С этого момента – центр Мирского района Барановичской области БССР, с 1956 – вошел в состав Кареличского района Гродненской области БССР, с 1991 года – Республики Беларусь.

2 Интервью с Лидией Ш., 1923 г.р.

3 Интервью с Надеждой А., 1923 г.р.

обычным явлением, по некоторым свидетельствам, приносящим им явное удовлетворение. Как свидетельствуют документы, полицаями "первого призыва" были молодые люди от 25 до 36 лет[4] и, по воспоминаниям наших информантов, большинство из них были жителями не Мира, а окрестных деревень.

Многие вступали в полицаи, хотели власти. Крень, Аберган, Пузиновский, *они из Прилук и д. Озерское. Стали бандитами*.[5]

Свае беларусы ішлі ў паліцыю. 6 чалавек з маей дзярэўні пайшлі ў паліцыю. Ім далі такіе права: што хочаш, то і рабі.[6]

9 ноября 1941 года была проведена первая "акція" в результате которой прямо на улицах местечка было убито по разным источникам от 1200 до 1600 евреев. Многие свидетельства говорят о том, что именно полицаи обыскивали дома, вытаскивали из укрытий спрятавшихся, зная местных жителей, выявляли евреев. После первого расстрела выживших перевели в гетто, где были созданы невыносимые условия к которым следует добавить постоянный страх, издевательства и унижения. Каждый день кого-то убивали, местная полиция терроризировала гетто ради наживы и ради забавы.

После первой акции в Мире полиция невозможно издевалась над евреями: среди ночи вламывались в еврейские дома, грабили, били издевались, девушек заставляли раздеваться догола, заставляли танцевать, петь, прыгать. Насиловали девушек и т.д.[7]

Паліцаі былі. Сволач, старога яўрэя біў сусед недалекі. Я ўбачыла і папытала, Вася, нашто ты б'еш? Ты ж з ім хадзіў. – Ідзі, а то і табе дам![8]

В одном из домов на улице Завальной (ныне – Ленинградская) полицаями и комендантом Фэстом был организован притон, туда затаскивали девушек, насиловали, после чего расстреливали[9].

Отношения полицаев с местным населением, очевидно, фактически не контролировались немецкими властями, о произволе со стороны полицаев вспоминают и евреи, и нееврейское население. Полицаи

4 Дин М. Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941-44. – СПб.: Академический проект. Изд-во ДНК, 2008. С.91.

5 Интервью с Владимиром Л., 1922 г.р.

6 Интервью с А.А., 1926 г.р.

7 Testimony of Charchas Szloma. Yad Vashem. M.49.E. ZIH. 727

8 Интервью с Надежда А., 1923 г.р.

9 НАРБ. *Ф.* 845. ***Воп***. 1. ***Спр***. 6. Л. 53.

грабили местное население, сводили личные счеты и т.д. Один из наших информантов рассказал, как полицай Бакунович застал его в гостях у девушки, угрожая пистолетом, приказал немедленно убираться и расстрелял вслед убегающему целую обойму[10]. Другая информантка вспоминала, как ходила жаловаться «ляйтеру», так как полицай Авдейчик отобрал у нее сено, кстати, «ляйтер» восстановил справедливость[11]. Многие вспоминали, что опасно было выходить из дома вечером, так как полицаям ничего не стоило застрелить человека. Один из мирских шуцманов говорил, что у белорусских полицейских было достаточно власти, чтобы арестовывать и расстреливать людей. Никто не мог помешать этому, и никто их не наказывал[12].

Следует, однако, отметить, рассказы о таких отъявленных бандитах и садистах практически всегда имели продолжение на тему «но были и другие…». Даже среди добровольных полицейских были люди, попавшие туда под давлением условий и вовсе не горевшие энтузиазмом.

Коллаборация в воспоминаниях в большинстве случаев рассматривается как стратегия выживания, как способ приспособления к новым условиям и новой (очередной) власти. Статус шуцмана обеспечивал регулярный доход, это был способ обеспечить семью. Сотрудничество с полицией оценивается, скорее, как недальновидная тактика, поскольку не была очивидной победа той или иной стороны. По крайней мере такую позицию транслируют воспоминания о событиях до конца 1942 года.

Дак друг у мене был Серожа Нарбутович … При немцах пошел добровольно в полицию. Я ему говорю: Серожа, нашто табе етая полиция? – А что я буду делать? – От, дурак! Ну, что-нибудь, пристроился бы. А я ж был в шорной мастерской. Работал. – На что она табе, етая полиция? Ты ж не знаешь еще что может быть! Это же еще война идет, а ты уже залез в этую полицию. Ну, другой работы не было, так он пошел. Ну, потом як уже отступали, он ушел с немцами. Письмо мне из Англии прислал. Он пишет, что сразу мы с немцами у Германию, потом попали в Италию, и пошли в партизаны итальянские. Потом оттудава в Англию. … А оттудава в Австралию. Там много наших в Австралии[13].

10 Интервью с Владимиром В., 1922 г.р.
11 Интервью с Зинаида К., 1922 г.р.
12 Дин М. Пособники Холокоста… С.97.
13 Интервью с Владимиром Л., 1922 г.р.

Очевидно, герой этого сюжета не был последовательным сторонником немцев, ушел, спасаясь от преследования советскими войсками, для которых был очевидным врагом, но оставил немецкую армию и перешел к итальянским партизанам, как только представилась такая возможность. Некоторые уходили в полицию, чтобы не угнали в Германию, не желая выполнять принудительную работу.

Но больше всего свидетельств о случаях, когда в полицию забирали насильно. Зимой 1941-1942 года начинает разворачиваться партизанское движение. С одной стороны, это потребовало увеличения штата шуцманства, с другой, партизаны с целью устрашения стали расстреливать семьи полицаев, и найти желающих пойти в полицию стало трудно. В Мире с сентября 1942 года начинают набирать в полицию насильно. На основании архивных документов было установлено, что половина всех служивших в немецкой полиции во время войны в Мире была рекрутирована осенью 1942 года[14]. В то же время становится очень трудно уволиться из полиции. Встала неразрешимая дилемма: "Раньше заставляли идти в полицию. Пойдешь в полицию – партизаны семью расстреляют. Пойдешь в партизаны – немцы семью расстреляют»[15]. Кроме полиции, набирали местных жителей во временные формирования для антипартизанских акций.

Некоторые белорусы, состоя на службе в полиции, использовали служебное положение для передачи сведений партизанам или для помощи гражданскому населению. «… вот у нас один сосед, он отсидел в тюрьме потом, за свою деятельность, пошел комендантом. … Так он, собственно говоря, больше всех боялся, чтоб они не наделали вреда. И он каким-то образом все знал, что за чем, и к этому втихаря говорил, что надо лучше делать. Давал советы и вот говорил: «Если б я не пошел, так мало ли кто другой, совершенно бы по-другому вел себя».[16]

В результате оказалось, что те, кого забрали насильно, и кто считал, что не был вовлечен в преступления и остался в Мире, после войны пострадали больше добровольных полицаев. Эти, осознавая, что при советской власти им грозит расправа, ушли вместе с немцами, эмигрировали в Австралию, США, Австралию, Великобританию.

14 Дин М. Пособники Холокоста… С.92.

15 Интервью с Петром Б., 1923 г.р.

16 Лабоцкая Л.И.,1930 г. // Женщины. Память. Война [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: http://wmw.gender-ehu.org/docs/interviews/7.doc

Считавшие же себя невиновными оставшиеся получили сроки заключения при советской власти.

Что касается тех, кто добровольно пошел в полицию в первые дни войны, вряд ли мы сможем определенно ответить на вопрос – почему, и как такое стало возможным. Можем говорить лишь о факторах, возможно, способствовавших этой возможности. Исходя из источников, большинство добровольных полицаев не были жителями Мира, это были выходцы из крестьянских деревенских семей. В межвоенной Польше у большинства из них практически отсутствовала возможность социальной мобильности, и советская власть не принесла эмансипации в деревню. Став шуцманами, они получили власть, причем над теми евреями из местечка, которые до того были недосягаемы по положению, и с которыми вчерашние крестьяне находились в лучшем случае в отношениях долговых обязательств. Внезапно обретенная власть с одной стороны, с другой – хаос, ситуация неопределенности, неочевидности исхода, создали условия отсутствия социального контроля и безнаказанности за любое насилие – среду, способствующую проявлению худших сторон. Насилие (по М.Фуко) стало самым простой формой реализации и демонстрации внезапной власти. Хотя нельзя сказать, что среди этих свирепых полицаев совсем не было жителей Мира, были, в рассказах наших информантов повторяются одни и те же три-четыре фамилии. Свои, мирские полицаи хорошо знали евреев и их роль в идентификации, отборе тех, кто пошел на первый расстрел велика.

Таким образом, в нарративе о полицаях на противоположных полюсах оценочных суждений те, кто добровольно пошел в полицию, и те, кого насильно рекрутировали туда под страхом смерти. Действия последних оправдываются как вынужденные, к тому же среди этой категории было определенное количество тех, кто использовал свое положение для помощи гражданскому населению или партизанам.

Masyukova Natalya
Масюкова Наталья
заведующий кафедрой
гуманитарных дисциплин ГБУ ДПО
«Ставропольский краевой институт
развития образования, повышения
квалификации и переподготовки
работников образования»,
кандидат педагогических наук

THE TEACHING HISTORY OF HOLOCAUST IN THE STAVRAPOL REGION

The main directions taken in the preservation of the memory of the Holocaust in the Stavropol region: the explorative research activities of school children (for example the "Kislovodsk valley 1942" project), the perpetuation of its memory, the hosting of seminars and conferences dedicated to the problems of the Holocaust in the Stavropol region, and the organization of competitions for schoolchildren's investigative and creative projects.

ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Современный период в российской истории и образовании – время смены ценностных ориентиров. В 90-е годы прошлого столетия в России произошли как важные, позитивные перемены, так и негативные явления, неизбежные в период крупных социально-политических изменений. Эти явления оказали отрицательное влияние на

общественную нравственность, гражданское самосознание, на отношения людей к обществу, государству, закону и труду, на отношения человека к человеку.

В период смены ценностных ориентиров нарушается духовное единство общества, размываются жизненные ориентиры молодежи, происходит девальвация ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок.

Изучение истории Холокоста и преподавание данной темы в образовательных организациях Ставропольского края призваны способствовать формированию знаний о Холокосте, воспитанию толерантности у подрастающего поколения, активизации интереса к малоизученным страницам истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в молодежной и педагогической среде.

На Юге России с 1941 по 1943 год погибло не менее 67500 евреев, цыган, инвалидов и других категорий населения, что составило 56% всех жертв нацистского геноцида в СССР. Подавляющее большинство жертв Холокоста (91,2%) было уничтожено на территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев.

В 1942 году на Ставрополье оказались тысячи эвакуированных евреев. Согласно данным Чрезвычайной государственной комиссии, работавшей на Ставрополье летом 1943 года, на территории края во время оккупации немцы уничтожили 31645 человек гражданского населения и 277 военнопленных. В 85 городах и селах края в его современных границах число жертв еврейского населения составило около 27 тысяч человек.

Алексей Толстой, председатель Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированных территориях, писал в статье «Коричневый дурман», опубликованной в газете «Красная звезда» в №183 от 5 августа 1943 года: «В конце июня я вылетел из Москвы на Северный Кавказ, чтобы оформить вещественными доказательствами и свидетельскими показаниями следы немецких преступлений… Еще немало людей, живущих вдали от войны, с трудом и даже недоверием представляют себе противотанковые рвы, где под насыпанной землей – на полметра в глубину, на сто метров протяжением – лежат почтенные граждане, старухи, профессора, красноармейцы, вместе с костылями, школьники, молодые девушки, женщины, прижимающие

истлевшими руками младенцев, у которых медицинская экспертиза обнаружила во рту землю, так как они были закопаны живыми... На Северном Кавказе немцы убили все еврейское население, в большинстве эвакуированное за время войны из Ленинграда, Одессы, Украины, Крыма...».

Сохранение памяти о событиях этого исторического периода стало одним из направлений деятельности кафедры гуманитарных дисциплин ГБУ ДПО «Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования». Профессорско-преподавательским составом кафедры ставятся следующие задачи по изучению и преподаванию истории Холокоста в Ставропольском крае:

– организация исследовательской и проектной деятельности по малоизученным страницам истории Великой Отечественной войн;

– обновление методики преподавания истории Холокоста в образовательном процессе;

– освоение ресурсов темы Холокоста как педагогического средства для построения эффективной системы духовно-нравственного воспитания учащихся.

В процессе решения поставленных задач сотрудники кафедры активно сотрудничают с Центром и Фондом «Холокост», г. Москва.

Так, на протяжении ряда лет кафедрой гуманитарных дисциплин организуется проведение регионального этапа ежегодного Международного конкурса «Память о Холокосте – путь к толерантности». В 2016 году в региональном этапе конкурса приняли участие 75 человек, из них – 27 педагогов и 48 учащихся. Работы победителей вошли в научно-методический сборник «Особенности освещения «Трудных вопросов истории России» в процессе реализации Историко-культурного стандарта». Учащиеся и преподаватели края неоднократно становились призерами международного этапа конкурса с исследовательскими проектами по истории Холокоста на территории Ставрополья.

11 обучающихся образовательных организаций края стали в 2017 году призерами и лауреатами первой Всероссийской заочной олимпиады по истории Холокоста, проводимой Межрегиональной общественной организацией «Научно–просветительный Центр «Холокост» и Международным научно-образовательным Центром истории Холокоста и геноцидов Российского государственного гуманитарного университета.

Данные результаты стали возможны благодаря организации и поддержке исследовательской и поисковой работы в общеобразовательных организациях края, таких как проект «Кисловодская долина 1942-1943», осуществляемого на базе школы № 2 г. Кисловодска. Участники проекта знакомят с результатами своей работы на региональных, всероссийских и международных конференциях. Так, на базе данной школы была проведена региональная научно-практическая конференция «Ставропольский край в Великой Отечественной войне: взгляд из XXI века». В ней приняли участие ветераны Великой Отечественной войны, профессорско-преподавательский состав вузов г.Ставрополя, г.Пятигорска и г.Москвы, ученые и сотрудники музеев г. Пятигорска и г. Кисловодска, учителя и учащиеся из различных городов и районов края. Материалы секции «Оккупационный режим и Холокост на Ставропольской земле» опубликованы в сборнике докладов и выступлений участников конференции.

Сотрудниками кафедры опубликован также сборник методических материалов «Трудные вопросы истории России»: цена победы СССР в Великой Отечественной войне», в который вошли работы учителей, победителей конкурса методических материалов в номинациях «Холокост на оккупированной территории СССР и Ставропольского края» и «Дети – жертвы оккупации, «нового порядка» и Холокоста». Материалы проводимых мероприятий и конкурсов размещаются на странице кафедры гуманитарных дисциплин СКИРО ПК и ПРО, где создан отдельный раздел «Преподавание истории Холокоста в общеобразовательных организациях Ставропольского края».

Преподаватели кафедры и ряд учителей повысили профессиональную компетентность в области преподавания истории Холокоста в процессе участия в стажировках, организованных Центром, и познакомились с опытом работы в данном направлении не только российских коллег, но и в Израиле, Германии, Франции. Полученными материалами они делятся в рамках конференций и круглых столов, в ходе курсовой подготовки в институте повышения квалификации.

Расширяется сотрудничество и с научной общественностью края, в частности с преподавателями Северо-Кавказского федерального университета. Так, в 2017 году подготовлен и сдан в печать учебно-методический комплекс «История Ставрополья», в котором в параграф по истории Великой Отечественной войны нами включен материал

по истории Холокоста на территории Ставропольского края. На новый учебный год запланированы научно-практические семинары с участием, как ученых, так и учителей по вопросам изучения и преподавания истории Холокоста.

Проводимая работа, на наш взгляд, позволяет консолидировать усилия учителей и школьников, преподавателей ВУЗов края по сохранению памяти об истории Холокоста, способствует воспитанию у подрастающего поколения толерантности, что является особенно актуальным для Северного Кавказа.

Rob May

ANTI-SEMITISM: THE IMPACT OF FASCIST ITALY AND NAZI GERMANY ON THE BRITISH UNION OF FASCISTS

'The Transnational Far Right'

The transnational far right is currently flourishing. The unexpected election of the racist, nationalist and isolationist Donald Trump as president of the United States has galvanised far right groups across the world. In Europe, the rise of Trump combined with an increase in Jihadi Islamist terrorism and an influx of refugees escaping Middle Eastern war has led to a resurgence of far right activity. Politically, the far right has become mainstream in many countries, for example France, Germany and Austria, and far right themes (racism, xenophobia, anti-liberalism, nationalism and social conservativism, amongst others) are gaining traction with the European electorates at an alarming rate. Beyond the confines of the nation-state, moreover far right movements are also scoring victories and mobilising activists, as this report will emphasise.

In considering the 'transnational' far right in Europe, this report examines the contemporary movements across several spheres. Firstly, the intriguing relationships between European far right political parties and Vladimir Putin's Russia are analysed. Secondly, the emergence of the influential and now international (and emphatically pro-Trump) alt-right will be explored

Pasman Tatjana
Pskov Regional Teachers-in-Service Institute, PR TISI (Russia)

HISTORY OF THE HOLOCAUST AT THE LESSON AND AFTER-HOUR ACTIVITIES: FROM THE EXPERIENCE OF THE TEACHERS OF THE PSKOV REGION

„History of the Holocaust in school textbooks and programs on history and social studies. Regional aspects of the history of the Holocaust and their use on the lesson and after-hours activities. The main activities of Pskov's teachers and students in preserving the memory of the Holocaust: lessons and extracurricular activities (expeditions, surveys, publications in the media, conferences). Research activities on the history of the Holocaust - an effective means of educating students. Social projects"

Perekrests Lea
Human rights without frontiers Int.
(Belgium)

HUMAN RIGHTS WITHOUT FRONTIERS INTERNATIONAL EXCERPT

On 2 October 1997, the then fifteen members of the European Union signed the Final Act to the Treat of Amsterdam to which was annexed a Declaration on the status of churches and non-confessional organisations, which reads:

"The European Union respects and does not prejudice the status under national law of churches and religious associations or communities in the Member States.

The European Union equally respects the status of philosophical and non-confessional organisations"

This declaration asserts the non-involvement of the EU in relations between state and religions in domestic religious matters.

Today in the European Union, the fundamental rights to Freedom of Religion or Belief are largely respected: Freedom to have, not to have or to change religion or belief; Freedom of association; freedom of worship and assembly; freedom to share one's religion or beliefs; and the right to conscientious objection to military service.

Whatever the legal status of a religious or belief community may be, the members enjoy these rights.

However, government restrictions and practices perceived as discriminatory can be, and have been, challenged in domestic courts as

well as in the European Court of Human Rights in Strasbourg and in the European Court of Justice in Luxembourg.

Historically, discrimination within EU member states has been tied to a hierarchy of religions and institutional discrimination. In the EU, two-tiered and multi-tiered systems of registration and state-recognition of religious and belief communities have led to some hierarchical categorization that generates discrimination.

This is currently the case in Austria, Belgium, Denmark, Germany, Greece, Hungary, Poland, Romania, and Slovakia, amongst other EU member states. The unique hierarchical systems of registration of religious and beliefs groups in each country has had legal implications, and societal implications, that violate the rights and freedoms that members and groups are supposed to enjoy under EU law. To examine the state systems, the consequences of these state systems, and the involvement of the European Court of Human Rights is vital to understand this form of institutional discrimination and to ameliorate it.

Prof. Peto Andrea
Central Europe University (Hungary).

MEMORY POLITICS OF THE HOLOCAUST: NON-REMEMBRENCE, FORGETTING AND AMNESIA

The issue of recognition of responsibility for the collaborationism with Nazis victimizing Jews during the World War II has always been among core problems of the Latvian-Israeli relations since their establishment. The community of the repatriates from the republic insisted that, following the German scenario, public apologies and punishment for the war crimes should be an essential precondition for the establishment of bilateral relations. The research is devoted to the analysis of approaches to the issue of several generations of Latvian politicians starting from Anatoly Gorbunov till present. It is planned to find out specific features of their attitudes towards the need to claim responsibility and the necessity to integrate this aspect of country's history into the system of education. Special emphasis is made on the reaction of the government and the parliament of Latvia, whether they supported or not a particular statement. Moreover it is planned to analyze the reaction of the Israeli side and the influence of a particular remark on the dynamic of bilateral contacts. The research represents a continuation of author's monograph devoted to the analysis of the Latvian-Israeli relations, published by the Institute of Middle Eastern Studies (Moscow) in 2016.

Polkovnikova Tatyana

Полковникова Татьяна
кандидат педагогических наук,
заместитель директора,
учитель истории и обществознания
ГБОУ СОШ №700
Василеостровского района Санкт-Петербурга

THE HISTORY OF HOLOCAUST IN EDUCATIONAL AREA. THE EXPERIENCE OF TEACHER FROM ST-PETERSBURG

This report describes the experience of teaching the history of the Holocaust in school through various types of activities, including book fairs, Tolerance Weeks, classroom time, meetings with Holocaust survivors, excursions, and the organization of educational-research activities.

ИСТОРИЯ ХОЛОКОСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ

Работа по такой важной и необходимой сегодняшним школьникам теме, как история Холокоста, может идти по следующим направлениям:

подготовка и проведение мероприятий, посвященных конкретным событиям или памятным датам (день памяти Бабьего Яра, Международный день толерантности, Международный день памяти жертв Холокоста и др.);

проведение уроков истории и обществознания с использованием материалов по истории Холокоста;

организация исследовательской работы школьников, участие в конкурсах исследовательских работ.

Основные цели преподавания истории Холокоста:

Приобретение учащимися систематических знаний по истории Холокоста, формирование представлений о Катастрофе как универсальном, всеобщем опыте нарушения прав человека, как проявления интолерантности в своем чрезвычайном виде;

Подведение учащихся к глубокому осмыслению значения извлечения «уроков» Холокоста, опасности повторения подобной трагедии;

Содействие формированию у учащихся неприятия идей расизма, фашизма, ксенофобии, умения противостоять современной неонацисткой пропаганде, попыткам «отрицания» Холокоста;

Приобретение учащимися навыков применения полученных знаний для анализа современных ситуаций общественного развития, проявлений интолерантности, ксенофобии, этноцентризма, антисемитизма;

Формирование чувства уважения к другим культурам, психологической готовности к принятию «иного».

На наш взгляд, работа по преподаванию истории Холокоста, чтобы быть эффективной, должна органически включаться в систему работы образовательного учреждения, а мероприятия, посвященные этой теме – в годовой круг событий школы. Так, одним из направлений работы школы №700 (Санкт-Петербург) является формирование читательской культуры учащихся, приобщение детей к чтению, расширение круга чтения. В связи с этим многие мероприятия, посвященные памятным датам в истории Холокоста, связаны с изучением школьниками литературы по этой теме. При этом предметом разговора может стать как одна книга, так и серия книг по определенной тематике.

Так, например, 9 сентября 2013 года в рамках Международного дня грамотности в 7, 8, и 10 классах прошли беседы по книге Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме». Рассказ о конкретной книге стал поводом для очень серьезного и глубокого разговора со школьниками об истории Холокоста в Европе. Некоторые ребята уже посмотрели фильм режиссера М. Хермана по этой книге. Они рассказали о своих

впечатлениях после просмотра фильма. Беседы по книге не оставили равнодушными никого из участников. Почему стала возможной трагедия Холокоста, нравственный выбор человека в условиях тоталитарного режима, актуальность чтения литературы по истории Холокоста для современных школьников – вот только некоторые темы, которые были раскрыты в ходе бесед. Ребята высказали пожелание организовать совместный просмотр фильма «Мальчик в полосатой пижаме», а также обсуждение различных вопросов по истории Холокоста после прочтения книги.

24 сентября 2015 года учащиеся нашей школы побывали на презентации книги «Детский голос из Холокоста. Дневник Рутки Ласкер» в ЕСОДе (Санкт-Петербург). Эта книга – живой голос девочки, которой было столько же лет, сколько сегодняшним детям. Но на ее долю выпало стать свидетельницей страшного времени, которое не оставляло надежды на счастливый исход. Дневник Рутки Ласкер, 14-летней еврейской девочки из Польши, погибшей в лагере смерти Освенцим, был найден и издан только в 2006 году. Он был переведен на 14 языков и опубликован во многих странах мира. На русском языке дневник вышел благодаря петербургскому переводчику Анне Тамариной.

На шестидесяти страницах, исписанных аккуратным детским подчерком, Рутка рассказывает не только о жизни в гетто и преступлениях фашизма, свидетелем которых она стала, но и о своих внутренних переживаниях, первой влюбленности, отношениях с родителями и друзьями.

На презентации ребята посмотрели **документальный фильм «Дневник Рутки»,** в котором Захава Шерц – доктор наук и преподаватель Института им. Вейцмана, живущая в Израиле, рассказала историю своей сводной сестры Рутки Ласкер, о существовании которой она ничего не знала до 14 лет, пока случайно не нашла ее фотографию в старом семейном альбоме. После просмотра фильма состоялась **видеоконференция с Захавой Шерц. Эта встреча состоялась благодаря сотрудничеству школы №700 с еврейской благотворительной организацией «Ева».**

День памяти жертв Бабьего Яра в 2016 году был отмечен проведением выставки книг по истории Холокоста и тематических бесед по теме «Бабий Яр: помнить, чтобы жить!» в 6, 10 и 11 классах. Кроме исторической справки о событиях в Бабьем Яру в сентябре 1941 года предметом вдумчивого и серьезного разговора со школьниками ста-

ли такие вопросы, как: антисемитизм как явление, его особенности в Европе и СССР, что нужно сделать, чтобы подобное не повторилось. Большой интерес у школьников вызвали книги по истории Холокоста. Многие ребята после бесед и знакомства с книжной выставкой взяли книги для чтения дома.

Следует отметить, что самое глубокое впечатление остается у школьников, когда они слышат рассказы о Холокосте от тех, кому посчастливилось остаться в живых, т.е. от очевидцев событий. 13 ноября 2015 г. в нашей школе состоялась встреча с **М.Г. Рольникайте** – бывшей узницей Вильнюсского гетто и двух концлагерей. На встречу и презентацию книги «Детский голос из Холокоста. Дневник Рутки Ласкер» пришли ученики из 6, 7А, 7Б, 11 классов. Мария Григорьевна Рольникайте поделилась с ребятами своими воспоминаниями о страшной войне, о том, как она пережила свое пребывание в гетто, как выжила, пройдя через два концлагеря. Четыре года ужаса и мучений, а ей было всего 14 лет.

Очень важным событием вот уже несколько лет является участие учащихся нашей школы в *Международном Фестивале толерантности.*

В 2010 году Фестиваль был посвящен теме Праведников народов мира. Организаторам Фестиваля удалось наполнить этот день программы самыми разными событиями. Ребята познакомились с выставкой работ учащихся, посвященных Праведникам народов мира, побывали на встрече с Ароном Вайсом, известным исследователем истории Холокоста, стали зрителями замечательного спектакля, показанного днепропетровским театром европейской драматургии «Дзвон» «День гнева» по пьесе Романа Брандштеттера.

Арон Вайс рассказал ребятам о своей непростой судьбе, о том, как он был спасен во время Холокоста украинской женщиной по имени Юля. Его рассказ позволил задуматься над очень важными вопросами: каковы были мотивы людей, которые спасали тех, над кем нависла смертельная опасность, почему Праведники народов мира делали выбор в пользу спасения других людей даже под угрозой смерти.

Спектакль «День гнева» никого не оставил равнодушным. Действие спектакля разворачивается в католическом польском монастыре, куда, спасаясь от преследований нацистов, приходит бежавший из гетто еврей. Настоятель монастыря укрывает беглеца, хотя и знает, что подвергает себя и других монахов огромному риску. Одна из при-

хожанок доносит на беглеца, а эсесовец, требовавший выдать беглого узника гетто, является бывшим другом настоятеля, изменившим религии во имя нацизма.

Участие в Фестивале толерантности позволило десятиклассниками не только получить новые знания по истории Холокоста, но и познакомиться с людьми, пережившими Холокост, «прикоснуться» к их судьбам, поразмышлять над сложными мировоззренческими вопросами, связанными с самыми трагическими страницами истории 20 века.

В 2015 году Фестиваль был посвящен теме трагедии детей, которые стали жертвами Холокоста. «Детский голос из Холокоста» – так в этом году назывался Фестиваль. 18 ноября учащиеся 8 и 10 классов под руководством учителей истории Полковниковой Т. А. и Лыч Т. Л. приняли участие в событиях первого дня Фестиваля. Ребята побывали на открытии Фестиваля, посетили выставку рисунков по «Дневнику Рутки Ласкер». Одной из участниц конкурса рисунков стала ученица 8 класса Павлова Ксения. Одним из самых важных событий первого дня Фестиваля были встречи с людьми, пережившими Холокост. Так, ученики 8 класса беседовали с Львом Эммануиловичем Курманом, который рассказал им свою историю о том, как он жил в гетто во время оккупации. Такая встреча – это уникальная возможность узнать об этих страшных событиях не из книг или Интернета, а из уст очевидца, непосредственного их участника. Даже когда время встречи закончилось, ребята задавали вопросы и не хотели прощаться с Львом Эммануиловичем.

Также в рамках Фестиваля состоялась Конференция школьников и студентов «Мы не можем молчать. Школьники и студенты о Холокосте». На Конференции выступила ученица 9б класса школы №700 Зачиняева Мария. Ее работа получила высокую оценку зрителей, вызвала большой интерес. Мария стала победительницей Конференции.

Главная цель Фестиваля толерантности остается неизменной – воспитание толерантности и профилактика ксенофобии через знакомство широкой аудитории с историей Холокоста.

Одно из важных мест в годовом круге событий школы занимает Неделя толерантности. В 2016 году эта неделя вместила в себя много событий, которыми были охвачены учащиеся 8-11 классов школы. Началом Недели толерантности стало открытие выставки книг,

посвященных Холокосту в школьной библиотеке. Особое место на выставке занимали книги Марии Григорьевны Рольникайте, которые она лично подарила школе во время встречи с учащимися. Эта встреча состоялась в январе 2016 года. К сожалению, эта встреча оказалась последней, весной этого года Мария Григорьевна ушла из жизни. В 8-11 классах были проведены классные часы, посвященные событиям Хрустальной ночи в Германии. Ребята не только слушали рассказ учителя, но смогли задать много вопросов по этой теме. В рамках Недели толерантности учащиеся 9 и 10 классов школы приняли участие в X Международном Фестивале толерантности в ЕСОДе. Учащиеся 10 класса приняли участие во встрече с Ароном Вайсом, смогли посетить выставки Фестиваля посвященные произведениям Маши Рольникайте и посмотрели спектакль «Граница» по пьесе Сл. Мрожека «Дом на границе». Ученики 9 класса также посетили выставку рисунков, встретились с людьми, которые пережили Холокост, послушали их эмоциональные рассказы, наполненные болью, тяжелыми воспоминаниями об этих страшных событиях. Живой отклик вызвал у ребят спектакль «Молодого театра» из Санкт-Петербурга, который назывался «Шоа». Молодым актрисам удалось воссоздать на сцене события Холокоста, показав его как трагедию не только 6 миллионов евреев в целом, но каждого в отдельности. Режиссер Инна Аронова перед спектаклем сказала очень точную фразу о том, что с каждым погибшим мир изменился 6 миллионов раз, потому что каждый человек – это целый мир, уникальный и неповторимый, и никто не должен присваивать себе право решать, кому жить на этой земле, а кому нужно умереть.

Цели Фестиваля – воспитание толерантности и профилактика ксенофобии через знакомство с историей Холокоста достигаются через разные формы работы с учащимися, каждая из которых становится не просто мероприятием Фестиваля, но попыткой достучаться до сердца и души каждого его участника.

Международный день памяти жертв Холокоста также отмечается в нашей школе различными памятными мероприятиями. Так, например, 27 января 2011 года в 6, 7 и 8 классах школы были проведены уроки, посвященные освобождению Ленинграда от фашистской блокады и Международному дню памяти жертв Холокоста. День снятия Блокады и день памяти жертв Холокоста приходятся на одну и ту же дату – 27 января. Несмотря на различие, блокада и Холокост – это

элементы одной общей, грандиозной по масштабам трагедии. Когда мы говорим о войне, Блокаде, Холокосте, мы вспоминаем о жертвах фашизма. Но сочувствовать и сопереживать мы сможем только в том случае, если за цифрами сможем увидеть судьбы конкретных людей. Именно поэтому, уроки были посвящены судьбам двух девочек: Тани Савичевой и Анны Франк. Их имена знает весь мир во многом благодаря их дневникам, каждая страничка которых до сих пор обжигает сердца людей. Уроки были посвящены теме «Два дневника, две жизни, две судьбы». Учащиеся услышали рассказ учителя о снятии блокады Ленинграда и освобождении Освенцима, ставшего символом Холокоста, о Тане Савичевой и Анне Франк, прочитали страницы их дневников. На уроке звучали стихи о блокаде и Холокосте. Блокада и Холокост – это явления одного порядка, это преступления фашистов против человечности. Планы нацистского руководства не оставляли права на жизнь жителям Ленинграда – точно так же, как они не оставляли права на жизнь евреям. Ребята говорили о том, что сегодня нельзя допустить, чтобы исчезла память о миллионах людей, которые погибли в годы Второй мировой войны, в годы блокады и Холокоста. «Мы будем помнить, пока мы живы. Мы будем жить, пока помним все это…».

27 января 2015 года ученики 5, 6-ых, 7 классов приняли участие в беседе-реквиеме, посвященной 70-й годовщине освобождения Освенцима. Эту беседу для них подготовили учащиеся 11 класса. Особое настроение было создано зажжением свечей и чтением стихов об Освенциме «Мужчины мучили детей» Наума Коржавина, «Детская косичка в Освенциме» Данки Максимович. Учащиеся узнали об истории Освенцима как крупнейшего в Европе лагеря смерти, о проведении селекций, о злодеяниях фашистов по отношению к заключенным, о детях-жертвах Освенцима. Подводя итог беседе, старшеклассники говорили о том, что сегодня необходимо знать о событиях семидесятилетней давности, это наш долг перед теми, кто не вернулся, чьи голоса мы никогда не услышим. Необходимо отметить, что при подготовке беседы были использованы материалы издания «Методических рекомендаций по проведению «Урока толерантности, посвященного Международному дню памяти жертв Холокоста», размещенного на сайте Центра Холокост.

29 января 2015 года учащиеся 7 и 8а классов школы №700 под руководством классных руководителей Мишкиной Л.Е. и Полковниковой

Т.А. приняли участие в беседе и экскурсии в музей Холокоста, которая проходила в еврейской благотворительной организации «Ева». Участники тех страшных событий Бонюшко Людмила Федоровна, Горбачева Наталья Леонидовна и Слепнер Владлен Львович рассказали ребятам о том, чему они были свидетелями. В годы Холокоста они были детьми, но эти страшные события надолго сохранились в их памяти. После общей беседы ребята разделились на группы и смогли близко пообщаться с бывшими узниками лагерей и гетто, задать интересующие их вопросы.

20 января 2017 года в России началась Неделя памяти. Она была приурочена к двум датам – Международному дню памяти жертв Холокоста и 72-й годовщине освобождения Освенцима Красной Армией. 23 января 2017 года учащиеся 9 и 10 классов под руководством классных руководителей Полковниковой Т.А. и Мишкиной Л.Е. приняли участие в Круглом столе и пресс-конференции, которые проходили в Бетховенском фойе Большого зала Санкт-Петербургской консерватории и были посвящены предстоящему концерту «Желтые звезды». В Круглом столе и пресс-конференции принимали участие как музыканты, так и общественные деятели и исследователи.

Актриса Чулпан Хаматова рассказала о своем опыте прочтения и восприятия дневника Маши Рольникайте, пианистка Полина Осетинская, кларнетист Юлиан Милкис, дирижер Владимир Альтшулер рассказали о том, какие произведения они выбрали для исполнения на концерте, поделились своими мыслями об актуальности темы Холокоста для сегодняшних школьников.

На мероприятие специально приехала Людмила Максимовская, директор музея истории Невеля, которая рассказала о работе музея по увековечиванию памяти жертв Холокоста, прочитала свои стихи, посвященные этой теме.

Чрезвычайно интересным было выступление Снежаны Замалиевой, кандидата философских наук, специалиста по философии Виктора Франкла, который пережил несколько нацистских лагерей и на основе своего трагического опыта создал свою особую терапевтическую систему.

26 января в ГБОУ СОШ № 700 прошли два мероприятия для учащихся 10 и 8, 9 классов. 10 класс принял участие в проекте «Последняя бабочка». Заместитель директора организации «Ева» Татьяна Львова провела художественный мастер-класс, на котором все ребята, вне

зависимости от творческих навыков и способностей, смогли создать свою бабочку – символ света и возрождения жизни, нашей памяти о людях, погибших в огне Холокоста.

Для учеников 8а, б и 9 классов в этот день была организована встреча с Маей Петровной Камар, которая в годы войны была узницей Каунасского гетто. Ребята не только узнали о жизни в гетто, о мужестве и стойкости узников, но и смогли задать интересующие их вопросы.

Важным и актуальным направлением работы по преподаванию истории Холокоста является организация исследовательской деятельности школьников. В 2015 году ученица 11 класса школы №700 Вязникова Евгения принимала участие в районном конкурсе исследовательских работ «Василеостровские чтения». Ее работа была посвящена теме «Духовное противостояние евреев в годы Холокоста». В 2016 году ученица 9 класса Зачиняева Мария получила диплом 2 степени на этой Конференции с работой, посвященной Яну Карскому. Работы учениц школы Зориной Кати о памятниках периода Холокоста и Цветковой Даши – творческая работа рисунок «Зося и Зузя» – принимали участие не только в конкурсе, организуемом Центром «Холокост», но и в Василеостровских чтениях – конкурсе работ старшеклассников.

Работу по истории Холокоста я считаю очень важной для современных школьников, она помогает не только узнать о событиях, связанных с историей Холокоста, но и осознать, что «нет геноцида против кого-то, геноцид всегда против всех» (М. Гефтер).

Polyakova Irina
The teacher of history, Methodist
of Grodno gymnasium (Belorus)

THE TEACHING OF HOLOCAUST IN BELARUS. PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Уважаемые коллеги! В своем докладе я представлю краткий анализ преподавания темы Холокоста в Беларуси на сегодняшний день и проблем, с которыми сталкивается белорусский учитель, приступая к изучению этой темы.

Специфика преподавания Холокоста в Беларуси состоит в том, что образовательно-просветительская работа среди белорусских учителей по изучению истории Холокоста проводилась в основном при содействии и помощи наших зарубежных коллег из России (НПЦ «Холокост») и Украины «Украинский центр изучения Холокоста». Несмотря на то, что в Беларуси историю Холокоста знают на конкретных примерах, у многих учителей фактически отсутствуют какие-либо систематические знания по истории Холокоста в Европе и на постсоветском пространстве, об истоках, причинах, последствиях, а также вообще по вопросам еврейской истории. И хотя в Беларуси уже с 1993 года проводятся исследования по истории Холокоста и формируется своя собственная школа ученых, занимающихся этой

темой, по словам белорусского историка Евгения Розенблата «проблема Холокоста в Беларуси пока является скорее академической, интересной исключительно историкам, а белорусское общество, по сути, проявляет индифферентность».

Очевидно, что сложившаяся ситуация отражает общую картину, сложившуюся в исторической науке Беларуси, и которую отмечают наши зарубежные коллеги-историки из Германии. На встрече немецких и белорусских историков в Институте Гете в г. Минске профессор, д-р ист. наук Маркус Бернхард и Штефон Хаас, доктор наук, профессор и заведующий кафедры теории и методологии Геттингенского университета (Германия) отметили: «Историческая наука сегодня в Беларуси не предлагает осмысления многих актуальных проблем в историческом измерении. И это является одной из причин, почему ситуация как в обществе, так и в самой исторической науке меняется так тяжело, а само будущее этой науки находится под вопросом….»

Этим объясняется и то, что Государственный День памяти жертв Холокоста в Беларуси не определен и государственного музея Холокоста в стране, на территории которой было уничтожено около 2 миллионов европейских и советских евреев тоже нет. Отсутствуют официальные директивы, в которых специально оговорена необходимость преподавания темы Холокоста,школьные программы не только не включают Холокост в качестве отдельной темы, но и не обозначен как один из вопросов, который может рассматриваться в ходе занятий. Данные факты были отмечены в обзоре образовательных подходов «Преподавание тем холокоста и антисемитизма» Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека еще в 2006году и на сегодня не потеряли свою актуальность. Я попыталась суммировать все трудности, которые стоят перед белорусским учителем, готовым погрузиться в эту тему:

Отсутствие систематических курсов по подготовке учителей и/или соответствующих учебных материалов

Недостаток времени, выделяемого на эту тему в учебной программе.

Недостаток подготовки и отсутствие принципиальной методики преподавания темы Холокоста в многокультурной учебной среде.

Существование предрассудков и стереотипов у некоторых преподавателей и государственных чиновников.

Отсутствие четкой позиции относительно причин, лежащих в ос-

нове введения темы Холокоста в школьные программы, и сравнения Холокоста с другими случаями геноцида.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие государственной поддержки на официальном уровне, просветительскую деятельность по изучению Холокоста взяли на себя общественные объединения.

В 1999 году в Беларуси было создано общественное объединение «Республиканский фонд «Холокост»», основной целью которого стало создание научно-просветительского центра по изучению истории Холокоста на территории Беларуси, включая еврейское сопротивление и вклад евреев в победу на фронте и в тылу во время Второй Мировой Войны. Однако до сегодняшнего дня эта цель так и не была достигнута. Часть просветительской работы по теме Холокоста взял на себя Музей истории евреев Беларуси. Были проведены республиканские конкурсы среди учителей, учащихся, студентов и преподавателей на тему: «Холокост. История и современность. Уроки толерантности», в которых участвовало свыше 2 000 человек из разных городов и деревень Беларуси. В некоторых школах были созданы музеи Холокоста. При содействии российского НПЦ «Холокост», Белорусский фонд «Холокост» в течении нескольких лет проводил ряд конференций и семинаров, посвященных преподаванию истории Холокоста. Десятки учителей из различных областей Беларуси прослушали курс лекций и участвовали в практических семинарских занятий, посвященных методике преподавания Холокоста в школе, истории евреев Беларуси, природе и истоках антисемитизма, истории Холокоста и сопротивления евреев Беларуси. Благодаря просветительской деятельности российского НПЦ «Холокост» и его сопредседателя Ильи Альтмана белорусские учителя познакомились с методическими пособиями Центра, обобщающими опыт работы учителей, школьников и студентов, и могут использовать представленные методики в своей преподавательской деятельности. Многие учителя пользуются учебными пособиями, сборниками документов, и другими изданиями, издаваемыми Центром, смогли познакомиться с опытом своих европейских коллег в зарубежных семинарах в Яд Вашем, Доме Ванзейской конференции, Парижском мемориале ШОА.

Историческая мастерская имени Леонида Левина при поддержке «Минского международного образовательного центра имени ЙоханнесаРау» реализует образовательные проекты по исследованию унич-

тожения евреев на территории Беларуси и сохранению исторической памяти о жертвах национал-социализма.

Как региональный координатор НПЦ «Холокост» и координатор программы ЕАЕК «Толерантность – уроки Холокоста» я четко вижу, что ключевая роль в преподавании этой темы принадлежит именно учителю. Чтобы добиться реального улучшения в этой сфере, приоритет должен быть отдан интенсивной подготовке учителей. С большим удовлетворением могу сказать, что в прошлом году удалось скоординировать работу упомянутых общественных организаций и провести совместные мероприятия с привлечением государственных учреждений образования. При активном участии Исторической мастерской был объявлен Национальный конкурс работ школьников и студентов «Жертвы национал-социализма и места уничтожения в Беларуси», который, по существу, будет отборочным конкурсом в этом году. В помощь учителям для подготовки конкурсных работ были проведены методические семинары в областных центрах и г. Минске. К проведению семинара удалось привлечь Институт образования учителей, заинтересовать их темой и перспективой использования ее в контексте изучения региональной истории. В марте этого года в Музее ВОВ была открыта выставка, посвященная четвертому по масштабу месту уничтожения евреев «Лагерь смерти Тростинец. История и память» при поддержке Международного образовательного центра г. Дортмунд

Совместными усилиями Исторической мастерской, и учителей-энтузиастов, работающих в теме удалось организовать показ этой выставки не только в Минске, но и в Гродно и Молодечно. Очень большую помощь оказала Ассоциация иудейско-христианского диалога «Шомер-Интернешнл» и гимназия имени Карского, которая являлась соорганизатором выставки. Я очень надеюсь, что практика совместной работы общественных объединений найдет свое продолжение и в будущем, тем более, что и Гродненский Институт развития образования дал согласие на совместную работу на основе договора с Международной школой преподавания Катастрофы Яд Вашем.

Alla Praisman
writer (Israel)
Прайсман Алла
писатель (Израиль).
Автор книги «Я прошла Освенцим»

„THE MEMORY OF THE SECOND GENERATION“

The Holocaust and its influence on the second generation (the children of Holocaust survivors) is becoming the subject of intensive study in many countries. Very few detailed recollections of the second generation exist. This is because many survivors of the Holocaust have, for different reasons, either hidden their past from loved ones or limited themselves to certain facts. This is especially characteristic for those who lived in the territory of the Soviet Union. My book, I Went Through Auschwitz, is a unique and detailed witness, representative of the second generation. The chairman of the Knesset of Israel Julius Edelstein wrote in his preface: “I Went Through Auschwitz is not only a detailed account of Bertha Sokolskaya, who endured the road of death through the German concentration camps, but also contains the testimony of Alla, who grew up under the shadow of these stories, under the shadow of the Holocaust.” The theme of my report, “The Holocaust and its Repercussions on the Fate of the Second Generation,” is seen in my book, I Went Through Auschwitz. The book tells the story of my mother, the 20-year-old Polish Jew Bertha Sokolskaya, who for two years lived in the terrible conditions of the Bialystok ghetto, and participated in the uprising in August of 1943. After that, she was sent to Majdanek, Auschwitz, and Bergen-Belsen. Ending up in the Soviet Union after the war, concealing her history from those around her, she told her story to

only one person--her daughter. I grew up in two parallel worlds–the world of the Holocaust, and in Soviet reality. The influence of the Holocaust on the fate of these two women will be discussed in this report.

ВОСПОМИНАНИЯ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ

Моя мама Берта Сокольская родилась 15 декабря 1921 г. в Польше, в городе Белостоке. Во время Второй Мировой войны она разделила страшную судьбу польских евреев. В конце июля 1941 г. все евреи Белостока были собраны в гетто. В августе 1943 г., началась ликвидация гетто. После отчаянной попытки восстания жителей гетто, в котором принимала участие и моя мама, она была отправлена в немецкие концлагеря. Первым лагерем смерти, куда свозили белосточан, была Треблинка. Переполненный людьми железнодорожный состав, в котором оказалась моя мама, прибыл в Треблинку, когда лагерь уже был охвачен пламенем, в результате восстания узников. Немцы, продержав состав у лагеря 3 дня, направили его в Майданек. После Майданека она попала в Ближен – рабочий лагерь СД, затем в Освенцим. Когда стали приближаться советские войска, нацисты погнали узников Освенцима, среди которых находилась и моя мама по, так называемой, Дороге Смерти, через Бухенвальд в Берген-Бельзен. Пробыв в Берген-Бельзене около несколько месяцев, мама была спасена войсками союзников. Она знала, что в Белостоке никого из ее родных уже не осталось в живых, ее муж и брат погибли под бомбежкой в первые дни войны в 1941 г., пытаясь вырваться из окруженного немцами города, остальных, включая ее мать, сестру и племянников сожгли в печах Майданека и Треблинки. Категорически отказавшись возвращаться в Белосток, Берта сказала англичанам, что она московская студентка, которая приехала в этот город на каникулы перед самой войной. Русский язык мама выучила во время оккупации восточная части Польши Советским Союзом в 1939-1941 гг. Она надеялась в Москве отыскать свою тетю, которая прибыла туда в начале 1920-х годов в составе Временного революционного комитета Польши (Польревкома) во главе с Дзержинским. В конце 1946 г. Берта оказалась на территории сталинской России.

Я являюсь представителем 2-го поколения переживших Катастрофу. Холокост в Европе закончился, но остался жить и стал распространяться как вирус в умах и мыслях детей, чьи родители являлись жертвами Холокоста.

Точное определение «дети, пережившие Катастрофу» относится к тем, кто оказались в концлагерях в детском возрасте, но в последнее время в это понятие включают и 2-е поколение. Это обычно люди, родившиеся в семьях переживших Холокост в 1940-50-х гг.[1] В каждой семье люди, пережившие Катастрофу, по-разному решали для себя вопрос посвящать ли своих детей в свое прошлое, рассказывать ли о всех перенесенных ими ужасах, если да, то насколько подробно? В своем интервью английской газете «Гардиан» Рита Гольдберг, преподаватель литературы в Гарварде делиться впечатлением, которое произвело на слушателей ее выступление на лондонских чтениях, где она рассказывала о судьбе своей матери, близкой подруги семьи Анны Франк, спасенной в Берген-Бельзене: «Люди подходили ко мне в слезах и с благодарностью. Ко мне подошла дочь человека, уцелевшего в Варшавском гетто, который категорически отказывался говорить об этом и запрещал задавать какие-либо вопросы».[2] Михаил Эвен, отец Геулы Эвен известной израильской телеведущей, рассказывал, как в детстве страшно стеснялся своего отца, который по ночам ужасно кричал во сне. Отец, бывший узник Дахау ничего своим детям не рассказывал, но кошмары его мучили постоянно. Многие родители рассказывали своим детям лишь отрывки из своего прошлого или намекали на перенесенную ими трагедию. Некоторые же своего прошлого не скрывали. Соня Пилсер, автор полубиографической книги «Ребенок Холокоста» пишет: «Я смотрела на своих родителей, их воспоминания не успокаивали их, лишь терзали страшным сознанием потерь. ... Любое радостное событие в семье сопровождалось огромным чувством грусти, которое неизбежно сопровождалось Холокостом».[3] Дети знали, что их родители перенесли страшную трагедию, что сами они лишены родственников. Вырастая, они чувствовали насущную необходимость понять происхождение своих собственных демонов, что и заставляло их изучать историю своих родителей. Холокост их не отпускал.

Но вернемся к Берте Сокольской. Оказавшись на территории Советского Союза Берта с ужасом поняла, в какую тяжелую обстановку она попала. Чудом избежав сталинских лагерей, как

человек, прибывший в СССР с оккупированных территорий, она через много месяцев, с помощью Михоэлса попала в Москву к своей тете. Именно к ней она стремилась всем сердцем, к той самой легендарной тете Соне. Ее встретила испуганная пожилая женщина, чудом уцелевшая от репрессий, которыми подверглись члены Польревкома в Москве. Берта стала рассказывать о пережитом, начала записывать все, что с ней произошло, но тетя, обнаружив эти записи, в страхе, что придут с обыском и найдут их, все записи сожгла, наказав своей племяннице никогда и никому не говорить о своем прошлом. В специальной мастерской Берта вывела клеймо с номером Освенцима.

Для Советского Союза подобная ситуация была довольно типична. В газете «Известия» в 2015 г. было напечатано интервью под названием «Дети лагеря смерти». Сестры - польки Ксения и Лидия попали в Освенцим, когда им было 13 и 14 лет.: «- Мы в течение 50 лет молчали, никому ничего не рассказывали. Когда приехали в Россию в Краснодар, случайно набрели на церковь. Там батюшка наказал нам никому о прошлом не говорить, слишком опасно, так как могли забрать в другой лагерь. Это же клеймо на всю жизнь. Мы сдержали свое слово. Я прожила с моим мужем 15 лет, он рано умер, и я так и не успела рассказать о себе правду. Супруг мой не узнал , кем я являюсь на самом деле – ни о том, что я полячка, ни о том, что мне пришлось пережить».[4]

Берта вышла замуж за известного в те годы киносценариста Г. Шаховского, в 1956 г. он заключил договор с Ялтинской киностудией на написание сценария о двух художниках маринистах Айвазовском и Тернере, они переехали в Ялту, где я и родилась. После моего рождения Шаховской исчез в неизвестном направлении, а Берта осталась в Ялте одна с маленьким ребенком на руках, в страшной антисемитской обстановке общей квартиры и с разрывающими ее душу воспоминаниями о Холокосте.

С тех пор, как я себя помню, начиная с 3-4 лет, я стала единственным и внимательным слушателем своей мамы, вместе с ней я практически каждый день проживала ее годы детства, юности в Польше и страшную действительность Катастрофы. Вместе с ней я отправлялась в путешествие по самым темным закоулкам ее памяти. Особенно я любила выходные дни, когда мы отправлялись в изумительные парки, окружавшие Ялту – Воронцовский, Ливадию,

Масандру, садились на скамейку под цветущей глицинией или чайными розами и уходили далеко, далеко в мир моей мамы. Мама рассказывала мечтательным, убаюкивающим голосом, периодически переходя на польский, чтобы действительность не мешала ей. Я слушала, прижавшись к маме, польский меня не смущал, он почему-то был таким же понятным и ясным, как русский. Ох, как там было хорошо в ее детстве, я мысленно играла в саду с маминими братьями и сестрами, ведь у меня нет ни братьев, ни сестер, или разговаривала с куклой в маленькой маминой комнате. Меня совсем не смущало, что в конце каждого рассказа мама прибавляла – Моня погиб в минском гетто, а Мирьям, смешную зануду Мирьям вместе с мамой (моей бабушкой) сожгли в печах Треблинки. Потом ее рассказ перемещался в гетто, концлагеря, в первые послевоенные годы в Советском Союзе. Я внимательно вслушивалась в каждое произнесенное мамой слово. Спускалась вместе с ней в схроны, вырытые под белостокским гетто, задыхалась от духоты и жажды в вагоне, стоящем у Треблинки. Алка, говорила она мне, ты не можешь себе представить, каким тяжелым от жажды становиться язык, он распухает и как деревянный застревает во рту. Я честно раздувала губы и пыталась увеличить свой язык, чтобы он тоже не двигался у меня во рту, чтобы мама видела, как я внимательно ее слушаю. После каждого рассказа мама прибавляла – помни, никогда, ни при каких обстоятельствах ты об этом никому не рассказывай. Но однажды я ее запрет нарушила. Я была в детском саду, мне было уже шесть лет. Мы с подружками решили рассказать друг другу о каком-нибудь интересном случае из жизни своих родителей. Я рассказала о том, что когда мама была в концлагере Берген-Бельзен, англичане стали сбрасывать с самолетов масло, чтобы как-то подкормить умирающих узников. «Те, кто мог двигаться, добирались до масла и, съев его, умирали в страшных мучениях. Моя мама двигаться уже не могла и поэтому не умерла», – торжественно закончила я. Потом, испугавшись, что нарушила клятву, я стала умолять своих подружек не говорить об этом моей маме. Но мы тут же повздорили, и одна из девочек, увидев мою маму, которая пришла забирать меня из детского сада, передала ей мой рассказ. Мамино лицо почернело. Она дернула меня за руку и потащила за собой. Дорога пролегала вдоль моря. Обезумев от страха, на глазах у прохожих она била меня и кричала: «Ты оста-

лась без отца, теперь ты лишишься и матери. Меня увезут в сибирские концлагеря, а тебя отправят в детский дом». Мне было больно, стыдно, но больше всего страшно – страшно потерять маму, да еще из-за собственной болтливости. Шел 1963 год, за пребывание в нацистских лагерях смерти уже никого не сажали, но страх у нее остался. С тех пор я никогда никому ничего не рассказывала.

Слушая рассказы мамы я никогда не испытывала ни страха, ни ужаса. «Нас, молодых девушек, в Освенциме заставляли таскать камни с одного место на другое и при этом избивали, но меня никогда по лицу не били, я была очень красивая»! Я так гордилась, что у меня красивая мама и даже немцы не били ее по лицу!

В своей книге в небольшом вступлении к воспоминаниям мамы о концлагерях я писала:

«Сейчас, когда я пишу эти строки и мысленно ухожу вслед за мамой в страшное путешествие по концлагерям, я испытываю непреодолимый ужас, зная наперед, какая дорога мне предстоит. Удивительно, что будучи маленькой девочкой, я никогда не испытывала страха, проходя вместе с мамой эту дорогу. Раз за разом возвращалась она к самым страшным и значимым событиям этого путешествия по смерти, раз за разом она вспоминала, рассказывала, проживала их заново – и я вместе с ней, переспрашивая, вникая, впитывая подробности, но без страха, без ужаса. Единственным моим чувством была холодная ненависть к тем, кто все это сделал. Я не спрашивала себя, за что, я просто знала, что они это сделали».[5]

Когда моя мама умирала, я безумно болезненно переживала ее предстоящий уход. Как-то в больнице, когда я сидела у ее, кровати ко мне подошел молодой человек: «Разреши помочь тебе – обратился он ко мне – Я психолог из Америки, здесь в качестве добровольца, пытаюсь помочь родственникам умирающих. «Ты не сможешь мне помочь, – ответила я – ведь я не просто теряю мать, вместе с ней уходит от меня целый мир – Польша, моя погибшая семья, которую я никогда не знала...». «Какой ужас! – произнес он, ты же всю жизнь была ее психотерапевтом, только в отличие от профессиональных психотерапевтов у тебя не было защиты».[6]

Существует большое количество исследований 2-го поколения переживших Катастрофу. Ими занимаются историки, психологи. То, что отмечают все исследователи и то, что хорошо понимаем мы, дети людей перенесших Катастрофу, что наши родители ухо-

дят, и мы вместо них становимся свидетелями Катастрофы. Холокост – это не опыт одного поколения, не изолированное событие Второй Мировой войны и послевоенных лет. Это событие, раскаты которого звучат на десятилетия и это то, что чувствовали жертвы Холокоста, передавая свою историю детям в наследство.

В моем интервью 9-му каналу израильского телевидения меня спросили – Вы так и жили в двух мирах? Да, ответила я, я жила жизнью обычной советской школьницы и жизнью моей мамы в Польше.

Эти две прожитые одновременно жизни все время сталкивались в моем сознании. С одной стороны, жизнь моей мамы существовала во мне как тяжелый фон и сильно мешала моей собственной, которую я проживаю, с другой - мне казалось, что я обладаю знанием и опытом, в какой-то степени, уникальными, и рассказы моих сверстников даже не приближаются к тому, что знаю и чувствую я. И в какой-то момент я должна рассказать все, выкрикнуть все без остатка, как будто послание моей мамы, заложенное во мне, завещанное мне, необходимо передать дальше, полностью, целиком, чтобы никто не прерывал и не мешал. Поэтому я написала книгу «Я прошла Освенцим».

Я хочу закончить свое выступление словами Эли Визеля, произнесенными на 1-й Международной конференции детей, чьи родители пережили Катастрофу, которая состоялась в Нью-Йорке в мае 1984 г.: «Вы привилегированное поколение. Вы помните события, которые вы не проживали, но вы помните их так хорошо и так глубоко, что каждое ваше слово, каждая ваша история, каждое ваше молчание становиться нашим. Вы наше оправдание».

(Endnotes)

1 K.A. Wright/The Literature of second Generation Holocaust Survivors and the formation of a post- Holocaust Jewish identity in America/Washington State University/2009.P.34
2 Rita Goldberg «The trauma of second Generation Holocaust Survivors»/ The Guardian" 15.03.2014
3 Цит. по K.A. Wrigh.
4 «Известия», 27.1.2015.С.7
5 А. Шаховская «Я прошла Освенцим».М.2015. С.33
6 Там же. С.100

Dr. Praisman Leonid
Jewish University (Israel)

„ISRAEL AND NEW WAVE OF ISLAMIC TERROR IN EUROPE“

The necessity of using Israel's experiences in the war with Islamic terrorism. The reaction in Israel to a new wave of terror. The strengthening of safety measures in relation to Israeli and Jewish objects. The strengthening of cooperation between Israeli and European agencies in the fight against terror. The improved understanding in Europe of the safety problems in Israel. The clarification of problems facing Europe in the mass media of Israel. The discouragement of Israeli tourists from visiting a number of European countries and cities for the first time in history. The first steps in bringing together the positions of Europe and Israel in relation to Islamic fundamentalist extremism.

ИЗРАИЛЬ И НОВАЯ ВОЛНА ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРА В ЕВРОПЕ

С началом 3-го тысячелетия мир столкнулся с невиданной в истории волной террора. Точкой отсчета новой эпохи стало 11 сентября 2001 г. В первом десятилетии 21 века произошел ряд актов мегатерора, совершенных исламскими террористами. Самым кровавым был

теракт в Мадриде в марте 2004 года. Были взорваны 4 пригородных поезда: 191 человек погиб, 1800- ранены. 7 июля 2005 г. 4 террориста-смертника взорвали бомбы в лондонском метро и автобусе. 52 человека погибло, ок. 700 ранены.

Новая волна террора накрыла Европу в 2015-17 гг. Наибольшее число человеческих жертв было во Франции: в 2015 - июне 2017 гг. погибло более 250 человек. Самой кровавой была серия терактов, осуществленных террористами Исламского государства в Париже 13 ноября 2015 г. Три группы совершили ряд нападений в местах массового скопления людей. 2 террориста-смертника взорвались около стадиона «Стад де Франс» во время товарищеского матча между сборными Германии и Франции, на котором присутствовали президент Франции Франсуа Оланд, министры иностранных дел Франции и Германии. Группа террористов захватила концертный зал «Батаклан» во время выступления американской рок-группы. 3-я группа разъезжала на автомобилях в центре Парижа и расстреливала посетителей кафе и ресторанов. В ходе этого мегатеракта погибли 130 человек и более 350 ранены.[1] Захват концертного зала сопровождался не только расстрелами, но и зверскими пытками. Полицейские, участвовавшие в освобождении заложников, рассказывали об отрезанных головах, выпотрошенных телах, кастрированных мужчинах.[2] Президент Франции объявил чрезвычайное положение по всей стране, приказал перекрыть границы и привести вооруженные силы в состояние полной боевой готовности. Впервые с 1944 года в Париже был введен комендантский час.

Но в скором времени, кроме чрезвычайного положения, которое периодически продлевалось, остальные меры были отменены. Поэтому следующий удар террористов оказался для сил безопасности Франции вновь неожиданным. 14 июля 2016 г. в День взятия Бастилии 31-летний Мохамед Лауэж-Булель на 90-тонном грузовике врезался в толпу людей, наблюдавших в Ницце на одной из самых красивых улиц мира Promenade Anglais (Английская набережная) за праздничным салютом. Он проехал 2 км зигзагами, стараясь раздавить, как можно больше людей.[3] Пока прибыли спецназовцы, застрелившие террориста, его жертвами стали 86 погибших и 308 раненных. Грузовик с холодильной установкой террорист взял за два дня до этого. В праздничные дни проезд большегрузных автомобилей в Ниццу ограничен. Исключение делают только для поставщиков продуктов

питания. Когда полицейские у въезда на Английскую набережную остановили грузовик, Лауэж-Булель заявил им, что везет мороженное. Полицейские поверили ему и не обыскали автомобиль.[4]

Теракты в Париже были организованы жителями Бельгии из пригорода Брюсселя Моленбек, населенного преимущественно мусульманами. 21 ноября 2015 г. премьер-министр Бельгии заявил об угрозе крупного теракта в Брюсселе. Уровень опасности был повышен до «неотвратимого».[5] 18 марта 2016 г. в Моленбеке был задержан один из руководителей парижских террористов Салах Абдеслам. 22 марта в 8 утра в зале вылета брюссельского аэропорта произошли два взрыва, осуществленные террористами-смертниками, третий взрыв прогремел в 9.30 утра в поезде брюссельского метро. В результате погибло 35 человек и более 340 ранено.

Последний по времени мегатеракт произошел 17 августа в Барселоне. Фургон врезался в толпу на бульваре Рамбла. В результате теракта погибло 15 человек, более 100 раненых. Террор был осуществлен ячейкой ИГ из городка Риполь под руководством имама Абдельбаки ас-Сатти. За рулем фургона находился 22-летний уроженец Марокко Юнес Абуякуба. Все члены группы родились в Марокко или в семьях выходцев из Марокко. Террористы планировали взорвать памятник культуры Юнеско собор «Саграда Фамилия», но 15 августа при изготовлении взрывных устройств произошел взрыв в квартире в городке Альканар, во время которого погибло несколько террористов, в том числе имам. Несмотря на неоднократные предложения установить заграждения при въезде на Рамблу, это так и не было сделано. В ночь с 17 – на 18 августа члены группы пытались осуществить теракт на мини-вэне в Камбрильсе (приморском городке). Несколько человек было ранено. Полицейские застрелили всех пятерых террористов.

В чем же причина новой волны исламского террора в Европе?

1. Резкое усиление экстремистских мусульманских организаций, когда каждая последующая исповедует более радикальные экстремистские взгляды, чем предыдущие (Аль-Каида и ИГИЛ). Во многом это происходит из-за тяжелого экономического, политического и социального положения в арабских странах. Нищета и неравенство привели к разочарованию в идеях светского государства, которое в некоторых арабских странах представляли диктаторские режимы (Египет, Ливия, Ирак, Сирия). В 1965 г. Египетский школьный учитель Сейид аль-Кутб выпустил книгу «Вехи на пути» – настольная

книга каждого исламиста. В отличие от своих предшественников, автор считал невозможным торжество исламских идей в современном арабском обществе. Оно находилось в состоянии «джахилийя» (доисламского варварства). Поэтому в нем столь популярны либеральные западные взгляды. Задача истинно верующих внутренне отделиться от такого общества, замкнуться в кругу единомышленников, которые должны вести джихад – священную войну против варварства с целью завоевания власти и превращения арабских стран в «истинно мусульманские». В первую очередь, это должно произойти в Дар'ал-ислам (букв. Дом ислама). Согласно исламской концепции, так называются страны, когда либо находившиеся под властью ислама, и они должны вернуться в это состояние. Отсюда чудовищная ненависть к Израилю – еврейскому государству в центре мусульманского мира. Особое внимание уделяется Испании, которая после окончания реконкисты в 1492 г. стала полностью христианской. Эти взгляды резко усилились после провала арабской весны, когда гражданские войны и террор сотрясают мусульманские страны. Никаких изменений к лучшему не произошло и многие видят выход в мире радикального ислама.

2. Бегство более миллиона эмигрантов из стран Ближнего Востока и Африки в 2016-17 гг. Среди беженцев есть определенное число людей с исламистскими радикальными взглядами. Другие становятся экстремистами после крушения преувеличенных надежд на счастливую зажиточную жизнь в европейских странах или получив отказ в виде на жительство.

3. Полный провал теории плавильного котла, политики абсорбции эмигрантов во Франции, Бельгии и других европейских странах. Подавляющее большинство эмигрантов селились в бедных пригородных районах, где, в первую очередь, строились мечети, и во многих из них велась экстремистская пропаганда ненависти к европейским странам, христианству иудаизму. В мечетях почти открыто осуществлялась вербовка мусульман, отправляемых затем в Сирию и Ирак воевать в рядах ИГИЛ. Некоторые из них возвращались затем в Европу с террористическим опытом и желанием убивать. В этих районах растет 3-е поколение безработных, озлобленных людей, живущих на пособие, как в пригородах Парижа, Марселя и других городов Франции. Иногда они устраивают бурные волнения, как в 2005 г., сопровождавшиеся массовым поджогом автомобилей, ожесточенными столкновениями с полицией.

4. В борьбе с новой волной террора явно наблюдается провал спецслужб и правительств европейских стран. Многие из террористов, осуществивших теракты, находились в поле зрения правоохранительных органов в списках потенциальных террористов. Например, Сами Амимур, участник бойни в зале Батаклан был осужден за контакты с террористической организацией, но быстро освобожден и находился под судебным надзором, условия которого он нарушил. Очень слабая связь между спецслужбами различных европейских стран, что позволяет террористам одной страны осуществлять теракты в другой стране и скрываться в третьей. Связи значительно укрепляются только в период очередного теракта, а через некоторое время ослабляются. Действиям террористов способствует практически свободный проезд между границами государств Шенгенской зоны. Попытки введения контроля вызывают протесты предпринимателей, указывающих на колоссальные убытки на рынке автоперевозок. В исследовании, проведенном по заданию французского правительства утверждалось, что введение контроля на границах приведет к спаду годового ВВП стран Евросоюза на 100 млрд. евро (но это всего 0,8% ВВП). Слабость законодательной базы борьбы с террором, нежелание правительств стран Евросоюза называть исламский террор исламским, желание доказать, что ряд терактов был осуществлен психически больными людьми, а их экстремистские взгляды не сыграли никакой роли.

Столкнувшись с новой волной террора, в Европе начинают лучше понимать проблемы Израиля и перенимать израильский опыт борьбы с ним. В одной из ведущих германских газет «Die Welt» появилась статья: «Теперь мы можем лучше понять борьбу Израиля». В ней утверждалось: «После того, что произошло в Вюрцбурге, Мюнхене и Ансбахе немцы столкнулись с дилеммой, с которой Израиль сталкивается со времени создания своего государства – как обеспечить свое право на существование. Во всяком случае, немцам есть, у кого учиться. Теперь немцы могут понять, какие чувства испытывают день за днем, неделя за неделей, из года в год жители Израиля... Каждая поездка на музыкальный фестиваль или обед в «Макдоналдсе», каждое путешествие на поезде или поездка в автобусе сопровождается мыслью: «Что делать если «рванет»?»». В статье утверждается, что угроза террора формирует повседневное сознание и политику Израиля. Понимание этого «немцам принесла новая волна насилия, и теперь это понимание будет доминировать».

Большее внимание европейцев привлекает израильский опыт работы с гражданским населением. Шилик Соффер – израильский специалист по кризисным ситуациям поделился с французскими коллегами опытом в этой области: «Во время последней поездки в Париж я продемонстрировал представителям власти модель подготовки населения... Необходимо проводить подготовку населения к чрезвычайным ситуациям. Если люди будут знать, что делать в случае теракта, они смогут внести вклад в спасение жизней и координацию с экстренными службами. Сотрудники властных структур ... должны координировать свои действия и дать людям четкие инструкции. Французским властям следует разработать программу подготовки людей, которая должна помочь каждому человеку и каждой семье справиться с ситуацией. Например, она должна включать в себя систему национального предупреждения, координацию взаимодействия со СМИ, инструкции для населения (от начальной школы), ежегодные учения для гражданского населения, повседневное информирование. Все это позволить повысить как подготовленность людей к чрезвычайным ситуациям, так и их доверие к властям».[6]

Европейцев интересует опыт охраны мероприятий с большим скоплением людей, проверки в торговых центрах, на стадионах. Министр внутренних дел Германии Томас де Мезьер, ссылаясь на опыт Израиля, призывал соотечественников привыкать к длинным очередям, которые сопутствуют тщательным индивидуальным проверкам всех входящих в общественные учреждения и транспорт: «Мы должны привыкнуть к повышенным мерам безопасности, длинным очередям, усиленному контролю и персональным входным билетам. Это обременительно и занимает много времени, но не является, с моей точки зрения, ограничением свободы». В Европе и США считают, что система безопасности в аэропорту Бен-Гуриона лучшая в мире. Западные специалисты учатся на израильском примере для обеспечения охраны аэропортов.

Изучается опыт работы спецслужб Израиля среди возможных террористов и их пособников: хорошо поставленная разведывательная работа, превентивные меры безопасности среди возможных террористов. Все это требует перестройки работы западных спецслужб, во много раз большей координацией между ними.

Спецслужбы США и Европы интересует израильский опыт борьбы с киберпреступностью. Использование фейсбука и социальных

сетей помогает вербовке террористов. 25 июня 2016 г. Кнессет принял закон о борьбе киберпреступностью. Он предоставил «правоохранительным органам более эффективные инструменты для борьбы с современными террористическими угрозами». Создана совместная американско-израильская рабочая группа по поиску действенных способов отражения киберугрозы и привлечения преступников к ответственности. Израиль направил в группу представителей службы внутренней безопасности, министерств иностранных дел, юстиции и военных. В мире проявляют заинтересованность к израильским техническим новинкам борьбы с террором. Всеобщий интерес вызвал представленный на выставке 2017 г. в Тель-Авиве первый мире беспилотник, оснащенный датчиками для определения взрывчатки и самодельных взрывных устройств с безопасного расстояния. Предполагается, что новый аппарат можно использовать для розыска баз и складов террористов, а также для обнаружения мин и фугасов в зонах локальных конфликтов. В настоящее время для этих целей используют системы обнаружения взрывчатых веществ, размещенных на автомобилях, а также служебных собак.

Но террористы становятся все более изощренными, используя разнообразные способы для достижения своих целей, в том числе, крайне простые, как автомобили. Полностью покончить с террором невозможно, но свести его к минимуму по силам государствам и гражданам свободного мира.

(Endnotes)

1 The Guardian" 15.11.2015.
2 ASSEMBLÉE NATIONALE, rapport FAIT AU NOM DE LA COMMISSION D'ENQUÊTE 5.07.2016.
3 https://lenta.ru/articles/2016/07/15/terr/
4 https://www.mediapart.fr/journal/france/231216/attentat-de-nice-le-terroriste-pu-proceder-onze-reperages/23 DÉCEMBRE 2016 PAR ELLEN SALVI ET MATTHIEU SUC
5 https://www.cbsnews.com/news/reported-explosions-at-brussels-airport-in-belgium/22.3.2016
6 http://www.atlantico.fr/15/3/2016

Ramanova Irina
European Humanities University
(Vilnius)

Романова Ирина
Европейский гуманитарный
университет, Вильнюс

JEWISH BOBRUISK AFTER THE HOLOCAUST

„The study of Jewish life as the return from the evacuation-antisemitism-emigration greatly reduces the diversity and complexity of the Jewish experience after the war. It is significant to study how the return of the Jews from evacuation and their adaptation to the conditions after the Holocaust occurred, what acted as an integrating factor for the Jewish community in the post-war years, what meant to be a Jew at that time. Jews returned to the city after the others, the preserved house and available jobs were already taken. After returning, each family inevitably faced the situation after the Holocaust. Bobrujsk became a place of attraction for the surviving Jews from the neighbouring towns. Soviet limitation of public expression of religious faith moved the religious rituals in the domestic sphere, where they continued to function as a family business, the tradition remained behind closed doors, which, of course, even in the face of secularization and atheisation had a huge impact on children. However, sometimes children could not understand that the tradition which took place at home was Jewish. The only source to study these questions is oral history interviews and their analysis. For this purpose, oral history expedition to Bobrujsk was held in September 2014. 76 interviews were conducted and some conclusions were drawn."

Романова Ирина

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ БОБРУЙСК

Изучение еврейской жизни по схеме: возвращение из эвакуации-антисемитизм-эмиграция значительно уменьшает разнообразие и сложность еврейского опыта после войны. Не менее важно изучить, как происходило возвращение евреев из эвакуации и их адаптация к условиям после Холокоста, как евреи пытались вернуться к «нормальности» или приспособиться к новым условиям; какие факторы выступали в качестве интегрирующих для еврейской общины в послевоенные годы, что значило быть евреем в то время. Изучение этих вопросов требует привлечения индивидуального опыта свидетелей. Для этого в сентябре 2014 года была проведена устноисторическая экспедиция в город Бобруйск[1].

Именно Бобруйск, а не Минск, где в послевоенные годы жило больше всего евреев, имел имидж столицы советского еврейства, в шутку его называли Биробиджан – в честь столицы Еврейской автономой области, а евреев – градообразующей национальностью. Еврейская составляющая в Бобруйске оставалась не просто интегральной частью истории города, но, скорее, центральным его компанентом и в прслевоенное время.

По возвращении каждая семья переживала горе утраты родных. Однако наши информанты, которые в тот период были детьми, отмечали, что осознания масштабности трагедии Холокоста у них не было, было восприятие трагедии на уровне погибших родственников, как правило, подробности им (детям) никто не рассказывал.

Для выживших евреев окружающих местечек Бобруйск стал местом притяжения. В местечках, как правило, не осталось никого, убиты были все. В семье нашей информантки Софьи Зеленцовой только в Паричах погибло 72 человека родни[2]. Феномен Бобруйск Инна Ге-

1 Во время экспедиции 2014 года было записано 76 интервью, собран большой корпус документально-фотографического материала (копии, сканы документов и фотографий из личных архивов). Целевую группу составили информанты еврейской национальности преимущественно 1920-1940-х годов рождения Экспедиция проводилась в рамках проекта "Белорусский архив устной истории", материалы доступны на их сайте – www.nashapamic.org

2 Зеленцова (Жуковская) Софья Хаимовна, 1937 г.р.

расимова объяснила так: «*Ехали потому, что четко знали, что там много евреев, знали, что там легче будет. Там свои. Ощущение, что ты среди своих. Многие приезжали туда. Многие оставались*».

Наиболее шокирующим для тех, кто вернулся, было то, что антисемитизм возможен после Холокоста. Всплеск антисемитизма провацировали в том чиле и вопросы реституции[3]. Евреи, которые начали прибывать из эвакуации, столкнулись с тем, что их дома были либо разрушены, либо уже заняты. Настроения тех, кто оставался здесь в годы оккупации можно описать примерно так: «Они прятались в эвакуации, а мы теперь должны им возвращать дома». Составной частью послевоенного антисемитизма стала трактовка эвакуации, как «тепленького местечка» вдали от войны, что нашло свое выражение в послевоенной шутке, что евреи служили на «Ташкентском фронте»[4].

Представители власти констатировали, что евреи «сделали большой крен в сторону религиозного фанатизма, пожалуй, больше, чем какая-либо другая народность»[5].

Альтернативой тайной подпольной религиозной жизни могла стать деятельность зарегистрированной религиозной общины[6]. Однако для ее регистрации, кроме всего прочего, община должна была иметь молитвенное здание, т.е. синагогу. Из направленных заявок с просьбами о регистрации еврейских общин Украины удовлетворено было 42%, Беларуси – только 10%[7]. История борьбы евреев Бобруйска за синагогу показывает, что категорически против открытия синагоги были именно местные власти[8].

3 Rebecca Manley. To The Tashkent Station. Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Cornell University Press. Ithaka and London, 2009. P. 264.

4 Rebecca Manley. Ibid., p. 256

5 НАРБ. Ф. 952, оп.2, д. 11, л. 136

6 В 1947 г. в Беларуси были выявлены 17 иудейских общин, из них зарегистрирована была только одна – Минская.

7 Mordechai Altshuler (2012). Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941-1964. Brandeis University Press, 2012. Kindle, loc .681.

8 Эта история довольно подробно описана Л. Смиловицким. Однако роль местных органов власти в этом вопросе осталась вне рамок данного исследования. См. Л. Смиловицкий. Борьба верующих за открытие синагоги в Бобруйске http://bobruisk-habad.narod.ru/index/http_bobruisk_habad_narod_ru_index_http_bobruisk_habad_narod_ru_index_0_153_0_153/0-153

Бобруйская синагога, в тот недолгий период ее деятельности (1946-1948 гг.), не стала тем местом, которое бы объединило всех религиозных евреев города (в том числе и по причине расхождений с руководством синагоги[9]). Одновременно в городе функционировали незарегистрированные синагоги или тайные миньяны[10], которые взяли на себя фактически функции религиозной общины (прежде всего социальные функции взаимопомощи).

В декабре 1950 г. СДРК, подводя итоги деятельности еврейских религиозных общин в Белоруссии, констатировал, что наиболее активны «миньяны» в Бобруйске[11]. В 1951 г. специально подчеркивалось, что Бобруйск по количеству верующего еврейского населения стоит на первом месте в республике[12]. В отчете за 1952 г. еврейская община Бобруйска (наряду с Минской и Калинковичской, где действовали разрешенные синагоги) по-прежнему называлась в числе наиболее оживленных в республике.

Синагога/миньян для значительной части были не только и не столько местом религиозных ритуалов, но важным элементом в формировании тайной структуры еврейской жизни[13]. Большое количество людей «миньяны» не посещало, но оказывало всяческое содействие их деятельности (в том числе материально)[14]. Поддержка «стариков, которые хотят помолиться», или материальная помощь строительству синагоги, например, объяснялась, в том числе, и уважением к родителям, к их праву помолиться. Вместе с тем, сплочению и формированию широкой тайной (а другая была не возможна) общинной жизни не способствовали боязнь доносов, чувство страха. Однако понимание того, что я еврей и он еврей, а значит надо помогать, имело место[15]. Хотя, как отметил Феликс Шкляр: «Всякие люди были, всякие и евреи были».

Власти, действуя в условия официально провозглашенной свободы вероисповедания, пытались привлекать верующих евреев за на-

9 НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 16. Л. 127

10 Миньян – кворум из десяти взрослых мужчин-евреев, необходимый для общественного богослужения и ряда религиозных церемоний

11 Л. Смиловицкий. Борьба верующих за открытие синагоги в Бобруйске

12 НАРБ. Ф.4, оп.62, д. 217, л.80.

13 M.Altshuler, kindle, loc.1026

14 НАРБ, ф. 952, оп. 1, д. 7, л. 299

15 Ида Михайловна Шендерович.

рушение трудовой дисциплины, причиной ликвидации «миньянов», мест выпечки мацы становилась незаконная аренда[16] (естественно, в данном случае законная аренда и предпринимательство с выплатой налогов были невозможны, так это означало бы фактическую легализацию еврейской общинной жизни властями).

Однако тогда, как в других местах республики еврейские резники работали нелегально, в Бобруйске производство кошерного мяса было зарегистрировано как частное предприятие[17].

Советское ограничение публичного выражения религиозной веры, переместило религиозные ритуалы в домашнюю сферу, где они продолжали свое функционирование в качестве семейного дела, традиция хранилась за закрытой дверью (готовка традиционной пищи, соблюдение некоторых ритуалов), что, несомненно, даже в условиях секуляризации и атеизации не могло не оказывать воздействие на детей. Многие продолжали ассоциировать их еврейскую идентичность со специфическими пищевыми традициями. Традиционные еврейские блюда готовились также на не религиозные и даже советские праздники.

Функционирующая в доме еврейская традиция детьми могла не подвергаться рефлексии и восприниматься как само собой разумеющееся: «*Ничего еврейского, но за мацой ходила с мамой*», и далее «*Бабушка меня воспитывала. В еврейских традициях было сложно, это все было под запретом, под секретом. Бабушка все соблюдала. У нее была отдельная посуда, отдельная пасхальная. И готовила она все как надо. Тут до определенного времени были резники. Она соблюдала. Это до меня потом дошло, что она соблюдала, а тогда ж я не понимала*" – рассказывает С.Беспятова[18].

Т.е. практически все информанты помнили о соблюдении ритуалов и традиций в семьях, пусть даже и в адаптированном к реалиям времени виде.

Евреи жили преимущественно в центре. Среди еврейских публичных светских мест стоит назвать рынок (место проведения времени, встреч со знакомыми и т.д.), так называемую Биржу (угол ул. Социалистической и Бахарева). Софья Беспятова объяснила: «*Биржа – это на Бахарева, стояли товарищи, которые решали проблемы… У*

16 НАРБ. Ф.952, оп.1, д. 24, л. 104

17 Л. Смиловицкий. Борьба верующих за открытие синагоги в Бобруйске

18 Софья Мееровна Беспятова, 1950 г.р.

меня мама болела, мне надо была икра, я обратилась на Биржу. Могли помочь с трудоустройством, можно было доллары купить, детское питание можно было купить, т.е. можно было кое-какие вопросы решить». Речь здесь идет о более позднем времени, но по воспоминаниям, те же функции Биржа выполняла и в послевоенное время.

«*На Социалке* (ул. Социалистическая – центральная улица города) *собирались балоголы. Они были в сапогах и картузах. И другие там тоже собирались вечером, днем. Это было еврейское место*»[19]. На «Социалка» решались вопросы, проворачивались гешефты. Это было также место ежевечернего гуляния еврейской молодежи.

Потеря еврейской доминаты связывается с 1970-ми годами: строительство шинного завода и массовый приезд рабочих из деревень, в 1990-е началась массовая эмиграция евреев.

19 Людмила Абрамовна Гиршина, 1947 г.р.

Rebrova Irina

Реброва Ирина
ZfA TU Berlin

AMNESIA IN SOVIET WAY: THE THEME OF THE EXTERMINATION OF JEWS DURING WORLD WAR II IN THE SCHOOL TEXTBOOKS

This report studies the teaching of the subject of the Holocaust in Russian history courses and examines regional studies in secondary schools in southern Russia within a historical perspective. I will provide insight into how much time should be allotted to the study of the mass annihilation of the Jews on the occupied territory of the USSR in history lessons about the Second World War/Great Patriotic War; explore in which contexts to discuss this subject; and examine the objectives of the study of the Holocaust in secondary school. Using regional textbooks about local history, I will try to understand how much space is allotted to the study of the Holocaust of Soviet Jews during the years of the war in school settings, and determine whether or not a parallel can be found within the tragic pages of the history of certain indigent peoples of the south Caucasus (including the deportation of Chechens, Ingush, Karachays, Balkars, and other peoples during the years of the war). The text of schoolbooks can be understood as a kind of core narrative, defining the meanings and trends of educational policy. Numerous daily pedagogical practices have enabled the transformation of educational text

into an "objective reality", relevant to the life of the student. The given subject is important not only for the study of the historical memory of the Holocaust in Russia, particularly in the southern Caucasus, but also for understanding the situation of historical amnesia in Russia. This historical amnesia affects many professionals and educators who not only do not know about, but also do not want to understand, the tragedy of the Holocaust, or relate it to future generations. On the other hand, local pedagogical initiatives and the active participation of a small number of students in all-Russian contests examining historical works about the Holocaust are examples of the active inclusion of schools in the formation of the memory of the Holocaust in a specific locality. Thus the practice among regional history teachers of not teaching the history of the Holocaust demonstrates the practical application of educational texts in the classroom. An analysis of the daily instructional activities of teachers has become a kind of litmus test for studying the teaching of the history of the Holocaust in Russian schools, with the teachers themselves becoming actors in the formation of the local memory of the Holocaust.

АМНЕЗИЯ ПО-СОВЕТСКИ: ТЕМА УНИЧТОЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Доклад посвящен изучению преподавания темы Холокоста в курсе история СССР в советской школе. Я прослежу, какое место отводится изучению массового уничтожения евреев на оккупированных территориях СССР на занятиях по истории Второй мировой/Великой Отечественной войны и в каком контексте раскрывается эта тема. Текст учебника можно понимать как некий стержневой нарратив, задающий смыслы и тренды образовательной политики. Анализ материалов учебников по истории важен не только для изучения исторической памяти о Холокосте в стране в целом, но скорее для понимания ситуации исторической амнезии в СССР, когда многие профессионалы, и прежде всего педагоги, не только не знали, но и не хотели знать и рассказывать будущим поколениям о трагедии Холокоста. Школа является одним из ключевых «мест памяти», а различные уровни функционирования памяти о Холокосте будут рассмотрены на материалах текстового анализа всесоюзных школьных учебников.

Великая Отечественная война в советских (послевоенного периода), а затем в российских учебниках по истории XX в. традиционно является главным историческим событием прошедшего столетия. В советской школе основополагающим был принцип линейного построения содержания исторического образования[1], который предполагал однократное изучение всемирной и отечественной истории в хронологической последовательности[2]. Это означает, что история войны изучалась в последнем, десятом классе средней школы. Учебники писались коллективами авторов и выдерживали более десяти переизданий. При анализе раздела «Великая Отечественная война» в советских учебниках обращает на себя внимание однотипность стиля изложения, неизменность перечня описываемых военных событий и битв. Война представлена как монументальное событие человеческой истории, это война всенародная, справедливая и освободительная.

В учебнике 1950-х годов тема Великой Отечественной войны была представлена отдельной главой без деления на параграфы[3]. В учебниках с 1970-х гг. теме войны посвящен отдельный раздел, со-

1 В 1959-1965 гг. Была предпринята попытка перехода к концентрической структуре школьного исторического образования, когда «в 7-8 классах изучался элементарный курс истории СССР с важнейшими сведениями об общественном и государственном устройстве Советского государства, а также сведениями из новой и новейшей истории зарубежных стран; а в 9-11 классах – систематические курсы истории СССР и новой и новейшей истории зарубежных стран». См. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 08.10.1959 № 1162 «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» // Документ предоставлен КонсультантПлюс. Дата сохранения 14.12.2016. Однако от концентрической системы преподавания истории в школе достаточно быстро отказались и не возвращались вплоть до распада СССР.

2 Студеникин Михаил. Методика преподавания истории в школе: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2003. С. 29. Подробнее о системе исторического образования в советской школе см.: Ершова Ирина. Эволюция методов обучения истории в советской школе, 1930-е – начало 1990-х гг. Диссертация на соискание ученой степени канд. пед. наук. М.: Институт образовательной школы РАО, 1994; Руднева Лариса. Эволюция школьного учебника истории в 1940-80-е годы 20-го века: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Курск: Кур. гос. ун-т. 2005.

3 Панкратова Анна (ред.). История СССР: учеб. для средней школы. 11-е изд. М.: Просвещение, 1952. С. 366-416.

стоящий из 13 параграфов[4]. Тематическая группировка сюжетов о войне направлена на формирование представления у учащихся об исторической значимости Победы «первого в мире социалистического государства над фашизмом»: подробный рассказ о театрах военных действиях сменялся информацией о самоотверженном труде советского народа в тылу и героической борьбе советских партизан. Примечательна и такая особенность изложения материала, как фактически полное замалчивание потерь среди военных и гражданского населения при подведении итогов и описания «цены Победы», а также отсутствие информации о материальном ущербе Советского государства. Победа нужна живущим: цифры жертв заменялись на информацию о количестве Героев СССР, отмеченных правительственными наградами партизан и подпольщиков, о достижениях советской экономики[5]. Статистика потерь приводилась лишь для Германии и её союзников[6], что на фоне поименного перечисления некоторых павших советских героев[7] выглядит внушающим знанием о несокрушимости как социалистического строя, так и граждан советского государства. Советские учебники также не давали информации о наиболее трагических моментах войны: причины неудач Красной Армии на начальном этапе войны, темы коллаборационизма, особенности оккупационного режима и тем более история Холокоста, история депортации отдельных народов Кавказа в годы

4 Ким Максим (ред.). История СССР (1938-1972): учеб. для 10 кл. 4-е изд. М.: Просвещение, 1975; Ким Максим (ред.). История СССР (1938-1976): учеб. для 10 кл. 7-е изд. М.: Просвещение, 1978.

5 «За боевые подвиги 7 млн. воинов, представлявших 100 национальностей Страны Советов, были награждены орденами и медалями. 11603 храбрейших удостоены высокого звания Героя Советского Союза». «Свыше 127 тыс. человек были награждены медалью «Партизану Отечественной войны». См.: Ким Максим (ред.). История СССР (1938-1978): учеб. для 10 кл. 9-е изд. М.: Просвещение, 1980. С. 78, 119.

6 В учебнике 1980 года приводятся такие данные: «Всего фашистская Германия потеряла в войне 13,6 млн. солдат и офицеров, из них 10 млн. человек на советско-германском фронте – главном и решающем фронте Второй мировой войны. См.: Ким Максим (ред.). История СССР (1938-1978): учеб. для 10 кл. 9-е изд. М.: Просвещение, 1980. С. 119.

7 Некоторые имена павших героев приводятся только в учебнике 1952 года. Среди них имена-символы Зои Космодемьянской, Александра Матросова, 28 панфиловцев и др. См.: Панкратова Анна (ред.). История СССР: учеб. для средней школы. 11-е изд. М.: Просвещение, 1952. С. 403.

войны не нашли своего места в героической интерпретации Победы советского народа.

Тем не менее, в учебнике под редакцией Максима Кима довольно короткий пункт (чуть больше одной страницы текста) в параграфе о партизанской войне в тылу врага посвящен оккупационному режиму. В нем сообщается о планах «фашисткой Германии уничтожить социалистический строй и истребить миллионы людей», о «немецко-фашистском режиме кровавого террора, грабежа и насилия во временно захваченных районах – новом порядке»[8]. Главными категориями жертв «немецко-фашистских оккупантов» названы коммунисты, комсомольцы, активисты, интеллигенты, пленные бойцы и командиры Красной Армии, старики, женщины и дети. То есть в определении жертв оккупационного режима использована их партийная, социальная и гендерная принадлежность, но не национальная. Более того, в учебнике приводится цифра истребленных и замученных советских граждан (около 10 млн. чел.), из которых «в Киеве погибло около 200 тыс. чел.»[9], но не называются причины и истинные мотивы уничтожения людей оккупационными властями.

Вненациональный состав жертв фашизма сменяется информацией о том, что источником своей силы и Великой Победы Советский Союз имеет «дружбу народов нашей страны… Среди Героев Советского Союза имеется немало имен советских патриотов самых различных национальностей», в том числе и «еврей Горелик»[10]. Выходит, что героем можно быть любой национальности, а жертвой – только партийным, красноармейцем и беззащитной женщиной, стариком или ребенком. Смещение акцентов с национальной на поло-возрастную принадлежность жертв нацизма среди мирного населения несло в себе важную идеологическую функцию: таким образом авторы учебников пытались одновременно усилить чувство ненависти учеников к врагу (ведь все они имели матерей, братьев и сестер), и укрепить осознание героизма своих отцов и матерей.

8 Ким Максим (ред.). История СССР (1938-1978): учеб. для 10 кл. 9-е изд. М.: Просвещение, 1980. С. 73.

9 Там же. С. 73-74.

10 Правда, имя и описания боевых заслуг еврейский герой СССР Горелик, как и эстонец Мэри не заслужили в ряду перечислений на фоне русского летчика Александра Покрышкина, украинского партизана Сидора Ковпака, казаха Тудегена Тохтарова. См.: Панкратова Анна (ред.). История СССР: учеб. для средней школы. 11-е изд. М.: Просвещение, 1952. С. 402-403.

В контексте региональной истории освещения оккупационного режима очень интересной представляется информация в учебнике под редакцией Максима Кима о том, что «в Ейске (город в Краснодарском крае, юг России) гестаповцы схватили 214 ребят из местного детского дома. Малыши пытались бежать, но их ловили и вталкивали в машины-душегубки»[11]. Это единственный конкретный случай, описанный в разделе про оккупацию[12]. Информация подается авторами как само-собой разумеющийся факт, без попытки описать всю историю, разобраться в причинах такого нечеловеческого акта, ведущих к анализу идеологии нацистского режима. Задача авторов советских учебников была иной: важное внимание уделялось эмоциональному воздействию текста: активно использовались произведения художественной литературы военных лет и исторические документы («Из приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге», из книги Маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» и др.), которые не несли дополнительной информации, но создавали определенный эмоциональный настрой[13]. Приводимые факты всегда имели четко выраженное эмоциональное значение: чувство ненависти было направлено во вне, на врага, а чувство гордости во внутрь, на всех советских людей. Поэтому темы коллаборационизма на страницах учебников не поднимались, а страдания мирного населения во время оккупации преподавались выборочно и без объясняющих их причинно-следственных связей. Приведенный случай уничтожения детей Ейского детского дома широко использовался в пропагандистских целях на флоте и в армии уже с лета 1943 года (после того, как собственно и стал известен членам Чрезвычайной Государственной комиссии) для поднятия боевого морального духа красноармейцев, становился темой многих краевых митингов памяти и статей в СМИ[14]. Не вдаваясь в детали про-

11 Ким Максим (ред.). История СССР (1938-1978): учеб. для 10 кл. 9-е изд. М.: Просвещение, 1980. С. 74.

12 В конце параграфа в разделе документы приводится рассказ «Трагедия деревни Красухи» о полном сожжении русской деревни близ Пскова. Однако причина жестокого обращения нацистов с местными жителями (месть за то, что недалеко от деревни в ноябре 1943 г. подорвалась на мине немецкая автомашина с немецким генералом, начальником штаба группы армий «Курляндия») тоже не называется.

13 Гузенкова Тамара (ред.) «Расскажу вам о войне...» … С. 29.

14 Краснопольский Николай. Ейские палачи // Ейская правда. № 29.1

изошедшего, подобные листовки и статьи призывали мстить врагу за смерть меленьких беззащитных детей, формировали животное чувство ненависти к противнику, так необходимое на войне. Уже в мирное время авторы учебников для школьников пошли по пути наименьшего сопротивления, перенеся известный факт на страницы истории.

Интересно иное. В г. Армавир, расположенном также в Краснодарском крае, работники ЧГК в том же 1943 году зафиксировали еще один случай уничтожения нескольких детей (евреев) в эвакуированном из Одессы детском доме. Однако, чтобы спасти своих воспитанников-евреев от расправы оккупантов, сотрудница детского дома при подготовке списка детей еврейской национальности заменила в документах их еврейские фамилии и имена славянскими, этим она спасла 14 детей. Ранее, еще до прихода оккупантов часть детей-евреев сотрудницы детского дома отдали на воспитание в русские местные семьи[15]. Таким образом, в Армавире была спасена бóльшая часть детей-евреев стараниями местных жителей. Казалось бы, подобные истории заслужили занять свое почетное место на страницах школьных учебников: они также повествуют о героизме и подвиге советского человека в тылу врага. Но тогда бы эмоциональная составляющая рассказанной истории в учебнике должна была быть дополнена информацией о причинно-следственных связях, мотивации не только нацистов, но и местных жителей, не все из которых стремились спасти евреев. Также такие истории могли выделять страдания одного народа (в данном случае евреев) над другими, что было недопустимо в условиях поддержания мифа о вненациональном советском государстве[16]. Ненужная многогранность

июня 1943; Материалы ЧГК. Письмо воспитанников Ейского детского дома, оставшихся в живых от фашистских детоубийц, прочитанное на похоронах 214 замученных детей детского дома немецкими оккупантами // Государственный архив Краснодарского края (далее- ГАКК) Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Т.1. Л. 17; Акты ЧГК по г. Ейск Краснодарского края // ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 16. Д. 3. Л. 4-29; Листовка «Краснофлотец! Прочти этот документ о кровавых преступлениях в Ейске» // ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Т.1. Л. 23.

15 Материалы ЧГК. Протокол опроса свидетеля Ольшевской Веры, 13 августа 1943, г. Армавир // ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Т.1. Л. 126.

16 Леонид Брежнев одном из выступлений заявил, что «Ленинская национальная политика партии выдержала испытание войной. Фашизму

истории войны и оккупации в частности провоцировала дополнительные вопросы, заставляла бы задумываться учеников о значение и цене Победы, что было не в интересах советского государства. Однолинейная трактовка событий войны в советских учебниках, таким образом, полностью исключала историю Холокоста, героизация повествования не уступала место страданиям, формировался образ несгибаемого Победителя страны Советов, на который должны держать равнение советские школьники.

не удалось вбить клин между социалистическими нациями». См.: Брежнев Леонид. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, Т. 1. С. 137. Более подробно о мифологизации в советской национальной политики времен Великой Отечественной войны см.: Реброва Ирина. СССР как национальный проект в воспоминаниях о Великой Отечественной войне // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 25-27 апреля 2008 г. Ставрополь – Пятигорск – Москва: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2008. С. 347-350.

Rochko Iosef
Museum „Jews in Daugavpils and Latgale“(Latvia)

Рочко Иосиф
(Даугавпилс)

HISTORIOGRAPHY OF HOLOCAUST IN LATGALE

The Nazi occupation of Latgale lasted three years. About 50 books, chapters of books, articles in collections and magazines, and novels, as well as about the same number of newspaper articles, are dedicated to the Jewish tragedy. The works of these authors may be divided into several groups. There are examples of resistance in almost every historiographical source.

First of all, these works were written by former prisoners of the ghetto. Some of the authors of these works lived in the West, the USA, and Israel, while others lived in the Latvian SSR. While the “westerners” could write the truth about the events without fearing censorship or harassment from the authorities, local authors had to deal with censorship and fear harassment from “authoritative bodies,” as well as from those who took part in the persecution of the Jews during the years of the Holocaust.

These analyses can also be divided by the time they were written. At the beginning of the 1950s, persecution of the Jews began and the level of state-led anti-Semitism sharply increased in the USSR. Of course, publishing something about the Jewish tragedy was impossible in the USSR at this time. Books about the Holocaust came only from the West. At first, these were works written in the 1950s and 60s. In the 1970s and 80s researchers

of the Jewish tragedy began to use available archives. At the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, the amount of research projects increased dramatically.

Thirdly, the authors of these works included former prisoners of the ghetto, local historians, journalists, and professional historians. The totality of all these works is the subject of this report.

ОТРАЖЕНИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ИСТОРИОГРАФИИ ХОЛОКОСТА В ЛАТГАЛИИ

Латгалия – юго-восточная часть Латвии. Нацистская оккупация здесь продолжалась три года с лета 1941 до лета 1944 г. Из 30000 евреев, проживавших на этой территории, а также литовских беженцев, оказавшихся здесь в первые дни войны, погибли порядка 20000 человек. В крупнейшем городе региона – Даугавпилсе – было образовано гетто, где было уничтожено 14 – 15 тысяч евреев. Еврейской трагедии в Латгалии посвящены более 50 монографий, книг, очерков, статей, повестей, романов, стихов, опубликованных воспоминаний бывших узников гетто. Почти каждая из работ затрагивает вопрос коллаборационизма. Это показывает актуальность данной проблемы.

Во-первых, это работы, написанные бывшими узниками гетто. Часть авторов этих работ проживали на Западе, в США и Израиле, другая часть – в Латвийской ССР. Если «западники» могли писать правду о событиях, не опасаясь цензуры или преследования со стороны властей, то местные авторы должны были считаться с цензурой и опасаться преследованиям со стороны «компетентных органов», а также со стороны людей, принимавших участие в преследовании евреев в годы Холокоста. По идеологическим причинам была сознательно сужена историографическая база исследования. Авторы, написавшие свои воспоминания «по горячим следам», как правило, не пользовались архивами. Их ещё фактически не существовало, а в ЛССР они были недоступны для бывших узников гетто. С течением времени количество таких работ уменьшилось.

Исследования можно разделить по времени написания. В начале 1950-хх гг. в ЛССР начались преследования евреев, резко возрос уро-

вень государственного антисемитизма. Конечно, публиковать, что-то о еврейской трагедии в СССР было невозможно. Книги о Катастрофе выходили только на Западе. Это, во-первых работы, написанные в 1950 – 196-хх гг. Во-вторых, в 1970 – 1980-хх гг. исследователи еврейской трагедии начали использовать доступные им архивы. В конце XX в. – начале XXI в. количество исследований резко возросло. Авторами таких исследований стали не только евреи, но и неевреи. Исследователи использовали архивы, воспоминания бывших узников гетто, людей, которые были свидетелями, лиц, «стоявших в стороне», появились ранее неопубликованные фотоматериалы.

В-третьих, авторами исследований стали бывшие узники гетто, краеведы, журналисты, профессиональные историки. Совокупность всех этих работ всех упомянутых авторов составляет предмет исследования. Работы, написанные во времена ЛССР, не ставили вопрос о коллаборационизме. Даже такого слова не было. В советское время считалось, что нет смысла отдельно выделять трагедию евреев. Они были безликими «советскими людьми». Иногда упоминалось, что были жертвы «еврейской национальности». Это, с одной стороны, позволяло подавлять, какие бы-то ни были зачатки еврейского самосознания и бороться с еврейским национализмом. С другой стороны, честное исследование трагедии не может замалчивать участие местных коллаборационистов в уничтожении евреев. Господствовала установка, что весь советский народ, как один, встал на защиту родины. Иногда стыдливо упоминались некие буржуазно – националистические элементы, которые стали предателями своего народа. Оставалось не очень понятно происхождение этой буржуазии. Ведь советский народ по определению состоял из рабочих и колхозников, а также интеллигенции. Значит, не было идеологической и социальной базы для коллаборационизма. Поэтому не ставился вопрос о причинах коллаборации.

Первым упоминанием Катастрофы ещё во время войны стала публикация Р. Ковнатор в московской газете «Эйникайт» на идиш «Сёма Шпунгин». В статье рассказывается о жизни еврейского подростка С. Шпунгина в гетто и побеге из Даугавпилсского гетто. В ней делался акцент на страдания евреев, но и отмечалось, что мальчик спасся благодаря помощи местным жителям. Не ставился вопрос о коллаборационизме.

История Даугавпилсского гетто получила отражение вскоре по-

сле окончания войны. В 1947 г. в Мюнхене на немецком языке вышла книга бывшего даугавпилчанина М. Кауфмана «Уничтожение евреев в Латвии». Книга отличается от других воспоминаний тем, что автор сумел собрать первичный материал о трагедии на всей территории Латвии, в т.ч. и Латгалии. Автор сумел собрать материал, который отражает судьбы людей, которые прошли такой же путь, как и он сам. Он не ставит вопрос о причинах коллаборационизма, но, как и другие бывшие узники гетто, возлагает ответственность на местных жителей. Сам М. Кауфман не был узником даугавпилсского гетто. При написании своего труда он не пользовался никакими документами. Используя воспоминания выживших бывших узников Даугавпилсского гетто, автор правдиво рассказал о трагедии в его родном городе. С некоторыми из них он познакомился, находясь в Рижском гетто, концлагерях, с другими – после войны. Записанные им воспоминания легли в основу раздела о Латгалии. Поэтому описание катастрофы носит фрагментарный характер. Так заказчики преступления отходили на второй, невидимый план. О преступлении в Прейли он написал: «Убийства совершали латыши!». Однако сегодня известно, что приказ об уничтожении был отдан немецкими властями.

В 1949 г. в Канаде на английском языке вышла книга Песи Френкль – Залцман «Заключённая 94771». Описывая первые дни нацистской оккупации, она показывает, как постепенно меняются её взгляды на войну, удивляет, а позже ужасает отношение местных жителей к евреям. Тех, кто преследовал евреев П. Френкель, Залцман называет «латышами». Хотя в Латгалии и Даугавпилса среди людей, преследовавших евреев был люди разных национальностей: латыши, русские, поляки, белорусы, а также разных вероисповеданий: католики, православные. Она задаёт философский вопрос, почему стала возможна Катастрофа, где был Бог? Она не смогла ответить на этот вопрос.

В начале 1950-хх гг. в Израиле на иврите вышла книга бывшей узницы Даугавпилсского гетто Минны Кантор «Не было ли это сном?». Она ярко описывает грабёж еврейского имущества местными жителями. Нацистская пропаганда ещё не успела отравить местных мародёров. М. Кантор отметила, новый этап грабежа евреев. Но при этом грабители уже нацистские оккупанты. Видимо, новая немецкая администрация навела «порядок» в городе, местные жители не могут открыто участвовать в мародёрстве.

13 июля последовал приказ: всем евреям, начиная с четырёх лет,

надо пришить на одежде жёлтую пятиконечную звезду: женщинам – на груди и на спине, а мужчинам – ещё и на левое колено. Приказ был отдан местной администрацией. Такова была особенность местного коллаборационизма. Стигматизация указывала, что еврей тождественен коммунисту, комиссару. А значит, это увеличивало «вину» еврея перед рейхом.

В 1990 г. в Нью-Йорке на английском языке вышла книга Сиднея Айвенса (Сидни Ивенса) «Как темны небеса» (1400 дней в клещах нацистского террора). Литовский еврей, бежавший из Ионавы, достиг Даугавпилса, где попал в гетто. В 2004 г. в Израиле на иврите увидела свет книга Хаима Курицкого «Уцелеть и рассказать». Литовские евреи, один из Ионавы, другой из Утяны, достигнув Даугавпилса, попали в гетто. Обе книги описывают ужасы гетто. преступления коллаборационистов, но не ставится вопрос, почему часть местных жителей стали коллаборационистами.

В 1997 г. в Тель-Авиве на русском языке вышла книга воспоминаний бывшей узницы Даугавпилсского гетто, уроженки Краславы Баси Цин «Выжить, чтобы вернуться». Её поразил грабёж, организованной представителями новой власти на глазах ещё живых евреев. Одному из них понравилось обручальное кольцо Б. Цин, а также какая – то книга. На вопрос для чего ему это надо, он ответил: «Хочу выбрать себе книгу на память о вас». Будущие убийцы уже знали судьбу своих жертв. В своей книге «Выжить, чтобы вернуться» бывшая узница Даугавпилсского гетто пытается понять, почему соседи евреев стали их убийцами. Некоторые говорили на идише, работали рядом с евреями, дружили с ними. Среди них были люди разных профессий с невысоким уровнем образования. Может быть, не понимали, что происходит? Понимали, считали себя хозяевами будущей жизни. Но среди организаторов убийств были доктор, принимавший роды у еврейских женщин, бывший городской глава, органист костёла, хорошо знавший заповедь «не убий». Видимо, участие каждого из них в Катастрофе объясняется личными моральными качествами, которые персонифицированы в каждом человеке.

Все эти книги в форме воспоминаний и дневников вышли в США, Канаде и Израиле. Они написаны бывшими узниками Даугавпилсского гетто на идиш, иврите, немецком, английском языках. Это фактически «взгляд» изнутри. Воспоминания, написанные непосредственно в первые послевоенные годы по «горячим следам» более жёстки,

отличаются предельной натурализацией еврейской трагедии. Однако их авторы не всегда знали, кто отдавал приказы об уничтожении, они не знакомы с нацистскими документами. Дневники, написанные в конце XX в., как правило, более обстоятельны и используют доступные различные архивные материалы или снабжены подробными комментариями.

Коллаборация, естественно замалчивалась советскими органами. Бывшие узники гетто могли рассказать о преступлениях местных жителей. Так, группа бывших узников гетто сразу после войны пыталась составить список его жертв. Однако вскоре это работа была прекращена, люди опасались за свою судьбу. И лишь один человек продолжал собирать воспоминания, искать документы о Даугавпилсском гетто. Это Залман Якуб, известный в Даугавпилсе краевед и историк. И вот в 1987 г. в единственном СССР журнале, выходящем на идиш, «Советиш Геймланд» в трёх номерах (№5, 8 и 9) был опубликован в сокращённом виде очерк З. Якуба «В те дни». (Из истории Даугавпилсского гетто). С ним несколько раз беседовали «товарищи из компетентных органов». Как он рассказывал автору, не все респонденты хотели делиться с ним воспоминаниями. Конечно, было больно вспоминать потери и пережитое, но некоторые откровенно говорили, что боятся, не хотят иметь неприятности. Некоторых узников приглашали в компетентные органы, для выяснения ряда обстоятельств. Следователи задавали традиционные вопросы: «Как и почему вы остались живы? Шесть миллионов евреев погибли, а вы? Сотрудничали с немцами, работали в гетто, значит ковали победу вермахта». По воспоминаниям моего отца, Г. Рочко, бывшего узника Даугавпилсского гетто, иногда евреи указывали «товарищам из компетентных органов», что тот или иной местный житель принимал участие в гонениях евреев, а находится на свободе. Им отвечали, мол, если надо будет, мы им сами займёмся.

С 1993 по 2000 г. писатель и публицист Леонид Коваль публикует две части «Книги спасения» и «Книгу спасателей», где собран уникальный материал о спасателях в Даугавпилсе и Латгалии. Приводятся жуткие свидетельства о преступлениях местных коллаборационистов, но нет ответа на вопрос. Почему это было?

Все названные публикации не давали ясный ответ на фундаментальный вопрос: «Кто виноват?». Узники гетто, зачастую всю вину возлагали на местных пособников нацистов, иногда на немецких

офицеров, которые руководили операциями по уничтожению евреев. Но эти лейтенанты и майоры осуществляли политику фашистского государства. Конечно, бывшие узники каждый день видели в гетто своих мучителей. Им казалось, что именно они во всём виноваты. Наиболее значительной научной работой, посвящённой Холокосту в Латвии, явился труд, вышедший в 1996 г., американского профессора латышского происхождения Андриевса Эзергайлиса «Холокост в оккупированной немцами Латвии, 1941-1944» (в английском варианте «Отсутствующей центр»). На долгое время книга стала классическим трудом в изучении Холокоста.

В рассматриваемом труде А. Эзергайлис выдвинул и обосновал идею, суть которой в следующем: если бы не было немецкой оккупации, то не было и Холокоста. Да, антисемитизм всегда существовал, но массового уничтожения не было. Отсюда вывод: виноват немецкий нацизм, а местные коллаборационисты были лишь исполнителями воли оккупантов. Такова обычная точка зрения эмигрантских историков, а также большинства историков Латвии. В годы Катастрофы не существовало независимого латвийского государства. На этот момент указывает второе название книги «Отсутствующий центр». Значит, никто не несёт политической ответственности за преступление местных жителей. Личная моральная ответственность может быть возложена только на убийц.

Изучению причин участия местных жителей в уничтожении еврейских соседей уделяется не много внимания, хотя делали они это достаточно активно. Историк считал, что местные убийцы были алчными людьми, а антисемитизм отошёл на второй план. На взгляд автора этой статьи, антисемитизм был обычным явлением. Режим К. Улманиса официально боролся с проявлением национализма. Однако евреев не жаловали в Университете, практически евреи – офицеры исчезли из армии, полиции, органах управления, их было очень мало в государственных предприятиях (например, на железной дороге, почте). Экономическая политика К. Улманиса, направленная на вытеснения еврейского капитала, создавала почву для антисемитизма. На мой взгляд, потеря независимости усилила национализм и антисемитизм. Латышские националисты начали сотрудничать с нацистскими оккупантами, надеясь на восстановление государственности. Однако оккупанты никогда не оправдывают надежд.

В 2004 г. одновременно в Лондоне и Нью-Йорке вышла книга ан-

глийского историка Дж. Свейна «Между Сталиным и Гитлером. Классовая борьба и война рас на берегах Даугавы. 1940-1946». В главе «Геноцид» автор рассматривает Холокост в Латгалии, в т.ч. и Даугавпилсе. В отличие от других авторов английский профессор поставил фундаментальный вопрос. Перед каждым человеком, особенно в годы перемен стоит проблема выбора: сотрудничать с оккупационными властями, в какой мере, резко поменять свои взгляды, стать коллаборационистом или попытаться выжить, приспособиться, став «молчаливым большинством». Таких, как правило, большинство.

В 2010 г. М. Мелер опубликовал монографию «Места нашей памяти. Еврейские общины, уничтоженные в Холокосте». М. Мелер сознательно не упомянул конкретные фамилии убийц, используя традиционное еврейское проклятие: «Да будут стёрты их [убийц] имена и память о них».

В 2014 г. Яков Баркан выпустил книгу «Боль молчания». Я. Баркан (1927, Краслава), эмиритированный профессор, доктор технических наук. Книга посвящена спасителям и спасённым, судьбе семьи Баркан в Краславе. На этот раз исключительная честность и доброе отношение к соседям и работникам сыграли решающую роль. Этот фактор затем был определяющим для семьи Баркан в годы Холокоста. Очень важным представляются размышления автора, как и почему люди сотрудничали с нацистами, или спасали евреев, или были равнодушны к страданиям соседей. Членом городской управы стал врач Бокумс, до этого лечивший людей, в т. ч. и евреев. Некто Янсонс учился играть на скрипке у П. Круминьша, педагога из Даугавпилса, впоследствии ставшим Праведником народов мира, но позже Янсонс активно участвовал в расстрелах. Понятно, что не каждый из нас способен на героизм. Те, которые помогали, прятали гонимых, считали, что нацизм не победит. Но большая часть людей старались не замечать трагедию бывших соседей. Да и сами коллаборационисты не были уверены в своём положении. Так, мэр Краславы «высказался, что в будущем неизбежно придётся нести ответственность за содеянное. Поэтому желательно, чтобы не остались в живых люди, к которым непосредственно относятся эти убийства». Возможно, убийцы и догадывались, что после выполнения «грязной работы», они будут не нужны новым хозяевам. Я. Баркан подчеркнул различные черты и особенности людей, преследовавших и расстреливавших евреев и неугодных новому режиму. «Всех удивляла готовность членов вспомогательной полиции

столь рьяно выполнять роль палачей…». Палачи в своих действиях руководствовались разными мотивами: жадностью, завистью, желанием отомстить бывшим конкурентам, желанием нажиться. Но были и такие, которые на суде после войны на вопрос, почему вы убивали, отвечали: «А так просто». Так же страшны показания убийц: «Куда ты так торопишься? – На работу! Надо прикончить группу евреев».

Конечно, все они ненавидели евреев, но, видимо, не все понимали нацистскую идеологию и не представляли планы новых хозяев. Но всех их объединял антисемитизм, который успешно использовал нацизм.

Необходимо отметить колоссальный вклад Латвийской Комиссии историков Латвии в изучении еврейской трагедии. Ведущие историки страны, изучающие Катастрофу, как М. Вестерманис, Р. Виксне, К. Кангерис А. Странга, Х. Стродс, А. Уртанс, Д. Эрглис и другие, исследовали в основном этот вопрос в Латвии. Вместе с тем, их исследования и представления повлияли, в т.ч. и на взгляды автора, определили дальнейшие пути изучения вопроса.

Д. Эрглис исследовал трагедию евреев в Крустпилсе. Местные самоохранники были добровольцами, у них не было приказа участвовать в расстреле. Члены команды Арайса им предлагали принять участие в преступлении, некоторые согласились. Им предназначалась водка и закуска.

В маленьких городах многие были знакомы друг с другом, были связаны хозяйственными узами. Приходилось грабить, арестовывать, конвоировать и стрелять в соседа. Не каждый мог преступить грань, отделявшая человека. В работе «Экспроприация еврейского имущества в Крустпилсе во время нацистской оккупации» автор под экспроприацией понимает грабёж и присвоение чужого имущества. Экспроприация происходила в двух формах, как, например, соседями, самоохранниками, а также властными структурами, основываясь на законах нацистской Германии. Первая происходила стихийно. Этот процесс принял почти массовый характер, властные структуры были вынуждены издать приказы о приостановлении грабежей. Только осенью 1941 г. был издан приказ, что всё еврейское имущество является собственностью германского Рейха, его необходимо зарегистрировать. Экспроприация происходила, когда жертвы ещё были живы, а также после их смерти. В Крустпилсе самоохранники требовали у евреев, находящихся в гетто, отдать ценные вещи. Имущество,

которое стало собственностью Рейха, надо было реализовать. Например, часть не разграбленного инвентаря еврейской школы было передано Государственной основной школе. Пустые еврейские квартиры были выставлены на аукцион. Мебель, стройматериалы свозили в определённые места. За сбор имущества люди получали плату. Новые жильцы, вселившиеся в квартиры, пользовались чужим имуществом, платя арендную плату за жильё.

В 2005 г. еврейская община Даугавпилса издала очередную, четвёртую книгу «Евреи в Даугавпилсе», в которой были напечатаны четыре очерка о Катастрофе. Особо следует выделить работу А. Шнеера «Могильщики, или как это было». Автор подробно рассмотрел причины сотрудничества местного населения с немецкими оккупационными властями. В Латвии после 1934 г. возникли условия рождения человека исключительной национальной принадлежности. В 1940 – 1941 гг. в республике была установлена советская власть. Начались национализация, репрессии, депортация. Затем последовала нацистская оккупация. В течение одного года в стране действовали три тоталитарных режима. В таких условиях часть общества потеряла моральные ориентиры. Большинство – хотели выжить, стали безразличны, шли в фарватере той системы, в которой жили. Люди, недовольные советской властью, могли реализовать свои амбиции в новых условиях. А именно, заняться уничтожением евреев, что поощрялось новой властью. Ими могли руководить различные мотивы: искупление вины за сотрудничество с советской властью, алчность, страх, стремление к лёгкой и быстрой наживе, иногда непонимание к чему приводит сотрудничество с нацизмом. А. Шнеер отмечает и психологические мотивы коллаборации: надежда на лидерские амбиции, агрессивность, цинизм, малодушие. Среди коллаборационистов были люди всех социальных слоёв, но большинство убийц были рабочими и крестьянами. Согласно советской теории они были антисемитами, крайними националистами, деклассированными элементами, просто мародёрами. Некоторые мародёры затем принимали участие в преследовании евреев. В сельской местности уничтожение евреев проходило почти при минимальном участии нацистов. Именно местные жители способствовали опознанию скрывающихся евреев, выявление тех жителей, которые помогали, пытаясь спасти евреев. Конечно, преследуемые всё равно были бы обнаружены,

но без помощи местных коллаборационистов, этот бы процесс затянулся, да и определённое число евреев могло бы выжить.

Каковы конкретные судьбы более двадцати коллаборационистов, которых исследовал автор, например, в Даугавпилсе, Краславе, Прейли, Ливаны, Силене? Их возраст на момент совершения преступления составлял от 22 до 45 лет. Средний возраст чуть больше 30 лет. Лишь один из них имел среднее образование, остальные – основное (6 классов), были и окончившие несколько классов или просто безграмотные. До 1940 г. они были айзсаргами (официально эта организация была расформирована ещё до войны). Осенью 1941 г. после уничтожения евреев и расформирования отрядов самоохраны, они были включены состав группы «С» вспомогательной полиции. В 1943 г. некоторые из них вступили в латвийский легион СС, служили в немецкой армии, например, в подсобных и строительных частях. В 1944 г. несколько человек, принимавших участие в уничтожении евреев, например в Даугавпилсе, Прейли, Силене, в 1944 г. оказались в Красной Армии. Воевали, были награждены орденами и медалями. Некоторые скрывались, были осуждены, амнистированы, но в 1960-е гг. вновь были привлечены к ответственности.

Индивидуальные особенности коллаборационизма проявлялся, например, при вступлении в отряды самоохранников. В Прейли команда самоохранников составляла 30 – 40 человек. Когда им предложили принять участие в расстреле евреев, то согласились не все. Да, охранять, сопровождать, занять пост в местном самоуправлении – это одно, а стать убийцей – это другое дело. Поэтому членов самоохраны можно условно разделить на тех, кто таковым стал добровольно. Они не были гражданами III рейха и их, как правило, никто не заставлял вступить в ряды коллаборационистов. Но были случаи, которые можно определить, как добровольно – принудительные. Так, расстрел в Эглайне производился местными жителями под присмотром немецкого офицера. Один из стрелков не мог выдержать этого. Подошедший немецкий офицер сказал просто: «Или ты будешь стрелять, или ты будешь уничтожен».

Были в рядах коллаборационистов и случайные люди. Сосед позвал, «все пошли, и я пошёл», хотел уйти, товарищи смеялись, обвиняли в малодушии: «Ты уже замазан еврейской кровью, назад отступления нет». Так, один из самоохранников в Прейли, увидев уничтожение евреев, в сердцах воскликнул: «Ну, кто же мог подумать,

что такое могло случиться». Иногда случайные коллаборационисты обвиняли евреев в своих грехах, мол, евреи давали работу, теперь убежали, нет работы, пришлось пойти в команду самоохранников. Они, как правило, утверждали, что не стреляли, не раздевали, только охраняли и присваивали, а затем использовали еврейское имущество. Но это не снимает с них ответственность за совершённые преступные злодеяния.

Таким образом, можно говорить, что сотрудничество происходило в военной области – служили в полиции, легионе СС, в строительных частях нацистской армии.

В 1940 г. в небольших городах, как Прейли, Ливаны, Варакляны мэрами городов, а также членами самоуправлений стали евреи. Евреи получили должности в самоуправлении, т.к. были более образованы, лучше других знали русский язык. Всё это вызвало неприязнь коренного населения. Появилось желание отомстить евреям за утраченные позиции.

В латгальских городах, таких как Даугавпилс, Резекне, Прейли, Ливаны, евреи составляли четвёртую часть населения, в то же время в их руках было сосредоточёно от 50% до 70% экономического потенциала, имеется в виду: торговля, мастерские и предприятия. Естественно, это вызывало зависть. Избавиться от экономического конкурента можно разорив его, или уничтожив. Таким образом, не последнюю роль в сотрудничестве с оккупантами имел и экономический фактор.

Анализ поведения преступников в Даугавпилсе показывает, что ими двигала жажда быстрой и лёгкой наживы, ненависть к советской власти, желание занять хоть какую-нибудь должность в новой администрации, а также ярый антисемитизм. За свою работу они получали зарплату, а также вещи расстрелянных евреев

В современной Латвии существует такая точка зрения, что если человек сотрудничал с нацистскими органами, но своей деятельностью способствовал восстановлению независимого государства, то это был, лишь «тактический коллаборационизм». Но как обозначить тех мирных граждан, которые принимали участие в грабежах, а затем работали в местной администрации, были учителями, врачами, библиотекарями, продавцами, ремесленниками? «Тактический коллаборационизм» – это фактически конформизм, заключающийся в попытке выжить и приспособиться к определённым условиям. Согласно этой теории, советские партизаны, подпольщики (возможно, даже спаси-

тели евреев) действовали не в интересах латышского народа и не приближали восстановление независимости Латвии.

Таким образом, совокупность различных факторов, как общественных, так и личных приводила к коллаборационизму. Поэтому участие в Холокосте объясняется личными моральными качествами, которые персонифицированы в каждом человеке.

Подавляющее количество жителей оказалось молчаливым большинством, или «стоящими в стороне». Среди них были люди, пользовавшиеся еврейским имуществом, другие просто хотели выжить и приспособиться. Они стали конформистами. Забудутся имена убийц. Но мы должны помнить, в годы Холокоста, в годы расчеловечивания людей, были те, кто помогал и спасал евреев.

Rubcov Fjodor
Saratov National Research University (Russia)

Рубцов Федор
СГУ, Саратов, Россия

THE PROBLEM OF HOLOCAUST TEACHING BY STUDENT EYES

The topic of studying and teaching about the Holocaust was, and still is, quite relevant.

In Russian education (both secondary and higher), this topic is poorly covered. Many people do not have an understanding of the Holocaust, its causes, or its effects. This is proven by a study of 3rd year students in the psychology department at the Southern Federal University in Rostov, Russia. 90% of the questioned students did not know the meaning of the terms "xenophobia," "tolerance," or "Holocaust." The level of ethnic and social tolerance among young people is also quite low (from Natalia Ilinichna Gorenshtein's article "Remembering the Holocaust is one of the aspects of developing tolerant self-awareness").

As a rule, teachers of historical education courses in modern Russia do not cover the subject of the Holocaust.

The possibility of eliminating this problem through self-education is promising; however, the cost of many textbooks (in hard copy) in Russia is quite high.

Russian educational institutions need to pay more attention to the themes of the Holocaust and tolerance. This is possible through round tables (for example, the round table held by the sociology department of

SSU (Saratov) "A sociological view of the historical memory of the mass genocide of the 20th century"), conferences, etc.

A deeper knowledge of this subject would thus not require higher material costs.

Instead, the promotion of online scientific libraries with sources in the relevant areas is recommended. The pedagogical staff at educational institutions for teachers can inform educators about these library resources.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ХОЛОКОСТА В РОССИЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА

Тема изучения и преподавания Холокоста была и остается достаточно актуальной. Данный вопрос в российском образовании (как в среднем, так и высшем) освещен довольно скудно. Многие учащиеся школ, да и студенты ВУЗов не имеют представления о том, что такое Холокост, о его причинах и последствиях. К подобной точке зрения автору удалось прийти, осмыслив личный опыт обучения сначала в российской средней школе, а затем, обучаясь на очной форме в государственном университете. Уровень этнической и социальной толерантности среди молодежи, в частности, на примере провинциального города Саратова, хотя и являющегося областным центром, достаточно низок.

Основанием для формирования подобной точки зрения у автора послужили итоги проведенного опроса среди молодежи от 16 до 20 лет. 90 % (из 20 человек), опрошенных молодых людей не знают значения терминов «ксенофобия», «толерантность», «Холокост». Как не прискорбно признавать, но даже некоторые преподаватели российской высшей школы не знают, что такое Холокост. К подобному выводу автор пришел в ходе беседы с одним из преподавателей ВУЗа г. Саратова (из этических соображений не указываем данные этого преподавателя).

Еще в 2012 году Министерство образования России подготовило учебные материалы и выделило необходимое количество учебных часов в программе по теме Холокост. Преподаватели курсов истории и обществознания самого разного уровня, как правило, стараются не

заострять внимание на этой теме, возможно, сочтя проблему не достойной углубленного изучения. Тем не менее в ЕГЭ (единый государственный экзамен), по истории включены 10 вопросов на тему «Катастрофа еврейского народа». В итоге, как предполагается автором, при поступлении в российское высшее учебное заведение у абитуриентов, успешно (в той или иной мере) сдавших ЕГЭ, должен иметься некий стандартный объем знаний в сфере общественных исторических отношений, связанных с темой Холокоста.

Проведя мониторинг рабочих программ гуманитарных факультетов СГУ имени Н.Г. Чернышевского, размещенных в открытом доступе, автор пришел к выводу, что тема Холокоста не внесена ни в одну из учебных программ ВУЗа. Но справедливости ради, необходимо отметить, что на сайте университета можно все же найти сборники по итогам проведенных конференций, учебные, учебно-методические пособия для студентов, где так или иначе освещается тема Холокоста.

Процесс обучения предполагает использование доступного учебного и учебно-методического комплекса. Необходима популяризация научных он-лайн библиотек с источниками по соответствующей направленности. Для педагогов информацию о таких фондах способны донести педагогические сотрудники учреждений повышения квалификации педагогов.

В связи с тем, что стоимость многих учебников (на бумажном носителе) в России достаточно велика, перспективной, по мнению автора, является возможность устранения этой проблемы посредством самообразования. Здесь огромным потенциалом обладает всемирная сеть интернет. С ее помощью необходимую для повышения собственного уровня образования информацию может получить каждое заинтересованное в этом физическое лицо, являющееся пользователем такой всемирной сети. В этом направлении можно признать заслуживающим особого внимания поддержания в актуальном режиме содержимого информационных массивов ряда сайтов, тематически обусловленных проблематикой явления Холокоста.

На наш взгляд, российским учебным заведениям необходимо больше уделять внимания темам Холокоста и толерантности. Решение этой проблемы возможно посредством проведения конференций, круглых столов, как пример, круглый стол, проведенный социологическим факультетом СГУ имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов) «Социологический взгляд на историческую память о массовом геноциде XX века».

Целью этого круглого стола было изучение и обсуждение причин возникновения бесчеловечности в развитом европейском обществе 1933 – 1945 годов. Участникам заседания была показана презентация о теоретических аспектах изучения проблем исторической памяти, её функций, дано определение геноцида и холокоста. Студентам были показаны фрагменты документального фильма «Холокост» режиссёра Мумина Шакирова (2013). Во время обсуждения фильма были использованы фрагменты книги З. Баумана «Актуальность Холокоста». Дискуссия проходила в рамках вопросов важности данной проблемы для современного поколения, причин возникновения этого явления в развитом европейском социальном обществе, важности исторической памяти. Отчет о проведенном мероприятии своевременно и в достаточном объеме был размещен на официальном сайте Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Подобные круглые столы проводятся не только в СГУ, но и в других учебных заведениях России. Так, например, 24 апреля 2017 г. в РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет) прошел круглый стол «Холокост. Уроки истории» при участии представителей посольства Государства Израиль, Международного научно-образовательного центра истории Холокоста и геноцидов РГГУ, Российского еврейского конгресса, Научно-просветительского Центра «Холокост» и Центра «Фонд Холокост».

В будущем, при проведении подобных мероприятий организаторам возможно, стоит задуматься и о привлечении большего числа представителей средств массовой информации для освещения итогов проведенного события. Например, позитивным может оказаться приглашение корреспондентов, представляющих различные каналы телевидения. Уровень и информационный потенциал подобных мероприятий вполне достоин оказаться в новостной ленте не только местной сферы средств массовой информации, но и областного, а также федерального уровня. Учитывая высокий уровень технической оснащенности разнообразных структур университета, информационный телевизионный ролик о таких событиях легко может быть подготовлен силами персонала ВУЗа. Результаты их деятельности, традиционно, оказываются на достаточно высоком уровне. Подобные ролики затем могут размещаться на других официальных сайтах, заинтересованных в поддержке такого рода информационных материалов, а также могут быть размещены в новостных и иных выпусках

мировых информационных агентств. Каких-то особых материальных или иных организационно-технических затрат для воплощения в жизнь подобной практики – не требуются.

Безусловно, имеется еще много возможностей для расширения содержания как образовательных программ высшего образования за счет обогащения их информацией о явлении Холокоста, так и для увеличения наполнения вне учебного компонента образовательной и культурной траектории.

Сегодня сложно представить себе в достаточной степени культурного и образованного человека, члена современного общества, не осведомленного о проблемном характере, сопровождающем анализ сущности явления Холокоста. Однако, не стоит, ставить в упрек самым не информированным о сущности анализируемого комплекса исторической информации субъектам совокупность подобного информационного вакуума. В его возникновении можно выявить достаточное число самых разнообразных факторов. Среди таких факторов мы обнаруживаем и дефекты (избирательность, в некотором роде) прослушанных образовательных программ, и особенности вариативной передачи им сведений об истории родной страны родителями и педагогами в процессе осуществления воспитательной функции среди молодежного контингента. Кроме этого, указанный перечень можно считать открытым и продолжать довольно долго. На наш взгляд, современное общество должно приложить все возможные усилия для трансформации создавшейся весьма неоднозначной ситуации. Можно долго спорить о том, должны ли в условиях явлений глобализации, такие трансформации быть ограничены лишь сугубо пределами, очерченными линиями государственной границы РФ, или – в этом должно быть заинтересовано все мировое сообщество. Для полноценного воспрепятствования замалчиванию сложных страниц мировой (а не только российской) истории XX века, на наш взгляд, целесообразно задуматься об организации комплексного позитивного информационного обмена подобной информацией. В сегодняшнем, во многом ставшем уже цифровым, мире, есть многочисленные потенциально привлекательные идеи для такого развития.

Rubcova Larisa

Рубцова Лариса

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ДЕКЛАРАЦИИ ПРИНЦИПОВ ТЕРПИМОСТИ» В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Документы ООН должны иметь значение для всех государств – членов. Современная Россия также не может являться исключением. При попытках использования на российской территории международных документов, в том числе и принятых органами ООН, иногда, возникают проблемы системного характера. Часть 4 статьи 15 действующей сегодня Конституции РФ (1993 года) провозгласила некоторый приоритет «общепризнанных принципов и норм международного права» над российским национальным законодательством. «Декларация принципов терпимости», принятая резолюцией 5.61 Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО в Париже 16 ноября 1995 года, несомненно, должна являться документом, полностью подпадающим под определение «общепризнанные принципы и нормы международного права». Исчерпывающий перечень «общепризнанных принципов и норм международного права» – отсутствует. Имеется Постановление Конституционного Суда РФ и Постановление Пленума Верховного

Суда РФ. Можно рекомендовать, как минимум, принять надлежащие меры по детализации актов, которые относятся к числу «общепризнанных принципов и норм международного права». Также можно рекомендовать официальную публикацию в порядке, законодательно установленном в России, текста «Декларации принципов терпимости», чего ранее сделано не было. Как максимум, можно рекомендовать законодательно установить приоритет актов, принятых ООН, над российским национальным законодательством. В некоторой степени промежуточным вариантом можно назвать рекомендацию вынесения Конституционным Судом РФ Постановления по поводу признания «Декларации принципов терпимости» источником российского законодательства, как относящегося к числу «общепризнанных принципов и норм международного права».

До полного восприятия и полноценного применения на национальном российском уровне подобных документов, принятых структурными органами ООН, сегодня, к нашему сожалению, еще довольно далеко. Интересной в этом отношении может оказаться статья Шошина С.В.[1]

Вместе с тем, предпринимаются сегодня и некоторые попытки по внедрению положений, содержащихся в частности, в «Декларации принципов терпимости», как минимум, в содержание учебного процесса в российских государственных высших учебных заведениях. Примером здесь может явиться содержание учебно-методического пособия «Криминология», подготовленного доцентом, к.ю.н. Комягиной Ю.С., работающей на кафедре уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского. Позитивным фактором, способствующим актуализации указанного сегмента знаний, можно считать размещение полного варианта текста указанного выше учебно-методического пособия в свободном бесплатном доступе на сайте университета[2].

1 Шошин С. В. Проблемы толкования общепризнанных принципов и норм международного права: российский миф или особенность международно-правовой практики// Eurasian Academic Research Journal №1 (01) – Erevan, 2016. – С.с. 68-74.

2 Комягина Ю.С. Криминология. Учебно-методическое пособие.- Саратов: СГУ, 2013. – 61с. Цит. по: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/763.pdf (дата обращения: 01 августа 2017 г.)(режим доступа – свободный).

В плане дальнейшего развития образовательной деятельности, направленной на максимально широкое доведение до сведения каждого рядового должностного лица, занимающегося применением норм российского законодательства на практике, содержания «Декларации принципов терпимости», можно назвать разработку похожих учебно-методических пособий не только для студентов заочного отделения механико-математического факультета СНИГУ, обучающихся по специальности «Прикладная информатика и юриспруденция» (на что и было ориентировано указанное выше учебно-методическое пособие), но и для иных групп обучающихся. Сегодня остается констатировать, что набор в этом году ведется уже на специальность «прикладная информатика» на механико-математическом факультете СНИГУ. Тем самым приходится констатировать некое удаление от значительной части будущих должностных лиц, занимающихся применением норм национального права, информации о содержании «Декларации принципов терпимости».

Еще сложнее ситуация обстоит с современными российскими учебниками по целому ряду юридических дисциплин. Для примера можно, в частности, назвать некоторые учебники 2017 года. Дата издания этих учебников с достаточной полнотой может подтвердить их актуальность последним тенденциям развития российского национального законодательства и российской (как минимум) юридической мысли. Характерно, что в учебнике «Международное право», хотя и содержится упоминание о целом ряде Деклараций, о «Декларации принципов терпимости» - не упоминается ни разу[3]. При этом данный учебник имеет рекомендацию учебно-методического отдела высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим и экономическим специальностям. Помимо этого, указанный учебник имеет и рекомендацию Министерства образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям: «юриспруденция», «международные отношения», «экономика». Вторая часть учебника – отличается точно такими же особенностями[4].

3 Международное право. В 2-х ч. Ч. 1 . Учебник для академического бакалавриата. Под ред. А.Н.Вылегжанина. 3-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2017. -290с.

4 Международное право. В -2х ч. Ч. 2 . Учебник для академического

Как уровень авторов учебника – 3 доктора юридических наук и 1 практический работник из руководства МИД РФ, так и столь представительное одобрение материалов указанного выше учебника позволяют сделать вывод об осознанном формировании ими материала в учебнике. Соответственно, объяснить какой-то случайностью отсутствие упоминания о «Декларации принципов терпимости» - не представляется возможным. Вместе с тем, в процессе дальнейшего развития состояния российской науки, возможно, в следующих изданиях этого и (или) других учебников информация о существовании и содержании «Декларации принципов терпимости» станет включена в их материалы. Сегодня при преподавании в высших учебных заведениях и содержащаяся в учебниках информация рассматривается на лекционных, семинарских и практических занятия в довольно сжатом состоянии. Это можно объяснить дефицитом учебного времени. И, как итог сказанного, вероятность рассмотрения в рамках лекции (семинарского, практического занятия) темы (вопроса) о «Декларации принципов терпимости» - существенно снижается.

Аналогичная ситуация наблюдается и в учебнике «Международное право» под редакцией Гетьман-Павловой И.В.[5] Диагностируемая нами стабильность в избегании авторами столь уважаемых учебников даже простого упоминания о существовании «Декларации принципов терпимости» - способствует формированию некоего философского взгляда на происходящее. Возможно, со временем, некие новые веяния окажутся востребованными и в содержании материалов учебной дисциплины, изучаемой в российских высших учебных заведениях юридического профиля «философия права». Сегодня остается лишь констатировать отсутствие и в учебниках 2017 года издания по учебной дисциплине «философия права»[6] также даже упоминания о «Декларации принципов терпимости»[7]. Здесь, применительно

бакалавриата. Под ред. А.Н.Вылегжанина. 3-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2017. -312с.

5 *Гетьман*-Павлова, И. В. Международное право : учебник для академического бакалавриата / И. В. Гетьман-Павлова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 528 с.

6 *Михалкин*, Н. В. Философия права : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н. В. Михалкин, А. Н. Михалкин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 392 с. —

7 Философия права и закона : учебник для бакалавриата и магистратуры

к содержанию российской (как минимум) философии права, коррективы, несомненно, потребуют значительного времени. Для полноценного анализа рассматриваемых философских (по своей сути) аспектов, должен пройти достаточный период. Стереотипы прошлого, некие догмы, существующие у многочисленных исследователей, только лишь со временем смогут стать сугубо достоянием истории. То ли истории государства, то ли – истории философии, то ли - истории права. В то же время, актуальность качественного инициирования востребованности подобных перемен – не стоит сбрасывать со счетов. Такое полноценное инициирование начала движения по совершенствованию затрагиваемых постулатов, философских и правовых категорий, стало возможным уже сегодня. История, фактически пишется простыми людьми. Так и история философии права способна воспринять предложения по совершенствованию, высказываемые по поводу ее содержания. Как, кстати, и, собственно, российское национальное право.

С другой стороны, значительное по объему время, выделяемое по учебным планам программ высшего юридического (в частности) образования, на самостоятельное обучение, на индивидуальное освоение учебного материала, позволяет предположить о возможности самостоятельного освоения содержания «Декларации принципов терпимости» такими обучающимися. Иной вопрос состоит в том, насколько вероятной окажется по факту подобная потенциальная возможность в конкретной российской образовательной практике высшего учебного заведения.

При пристальном изучении текста «Декларации принципов терпимости» можно обнаружить много актуальных сегодня для российской общественной жизни моментов. Примечательно указание на многообразие способов проявления человеческой индивидуальности. Формировавшееся на протяжении нескольких десятилетий, господствовавшее в российском (а, прежде, в советском) обществе доминирование приоритета коллективного компонента, сегодня дополняется указанным выше многообразием проявлений индивидуальности. Здесь можно увидеть самый широкий спектр разнообразных непростых жизненных ситуаций. Например, можно ли сегодня в российского городе, в государственном университете, находиться студентке,

/ А. В. Грибакин [и др.] ; под ред. А. В. Грибакина. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 289 с.

облаченной в паранджу. С широким развитием международных связей Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского, к поиску разумных и достойных решений подобных проблем приходится обращаться все чаще и чаще. Вне всякого сомнения, обращение к тексту «Декларации принципов терпимости», вполне способно принести свои самые благоприятные плоды. Уровень терпимости к иным проявлениям человеческой мысли, характера, души, у целого ряда лиц, проживающих в современной России, имеет еще значительное пространство для своего дальнейшего совершенствования. В ряде случаев для подобного развития актуально может оказаться не только воспитание, но и иные, более результативные и показательные меры. Зачастую, при необходимости решительного преодоления сложившейся конфликтной ситуации той или иной степени остроты, востребованными могут быть и меры из арсенала применения административного ресурса. И, как показывает российская практика, арсенал мероприятий, направленных на поиск выхода в подобной ситуации, может иметь весьма и весьма широкие границы.

Продолжать примеры проблемных ситуаций, возникающих в процессе многообразия проявления человеческой индивидуальности, можно очень долго. Это и значение длины юбки у лиц женского пола, и степень прозрачности верхней одежды таких лиц. Здесь споры способны продлиться весьма продолжительное время. Серьезную озабоченность в условиях современной России вызывает проблема обязательности или вариативности использования школьниками единой, предварительно установленной, школьной формы одежды. Взамен единого образца такой школьной формы, свойственной советскому периоду развития, сейчас можно увидеть самый широкий спектр мнений по указанному вопросу. В чем-то заслуживает понимания всякий носитель всякого мнения. Тем более, мнения по столь значимому для общества, для сегмента общества вопросу.

В статье 1.1 текста «Декларации принципов терпимости», среди прочего, речь идет об актуальности знания. Именно знания, их наличие, логичность и структурированность в надлежащем порядке, способны сформировать у человека способность терпимости по отношению к проявлению чего-то «иного». На формирование комплекса знаний у человека значительное влияние оказывает семья, школа, иные образовательные учреждения. Открытость последнего времени

позволила ряду российских граждан получить высшее образование за пределами РФ. Проблемными остаются различия в признании выдаваемых на территории РФ документов о получении как среднего, так и высшего образования. Образовательные планы учебного процесса, существующие в сегодняшней РФ, серьезно отличаются от аналогичных структурных документов, имеющихся в иных странах. Поэтому, каждое признание российского документа об образовании легальным в иностранном государстве, становится своего рода примером межнационального, межгосударственного, общения, диалога. Существовавшую практику признания российских документов о среднем образовании лишь в Израиле, сегодня можно считать достоянием советского периода отечественной истории. Вместе с тем, не все еще благополучно и с языковым образованием, направленным на познание иностранных языков. Существующие и активно применяемые сегодня методики обучения иностранным языкам, как в средней, так и в высшей школе, имеют еще значительный потенциал для дальнейшего поступательного развития. В будущем, вероятно, станет также историческим достоянием практика присвоения квалификации специалиста или бакалавра филолога по иностранному языку, без прохождения в период очного обучения в университете практики за рубежом, без аудирования с участием носителей изучаемого языка, без погружения в реальную жизнь общества, состоящего из носителей изучаемого иностранного языка.

Легендарной в современных российских условиях можно назвать актуальность замены, посредством добродетели терпимости, культуры войны на культуру мира. Актуальность мира на протяжении всей истории развития человечества мало кем из ученых оспаривалась. Сегодня подобная актуальность требует нового своего осознания.

Отказ от догматизма, переход от проявлений абсолютизации истины к иным категориям, движение к восприятию положений, сформулированных в международных документах в сфере прав человека, все это сегодня оказывается актуальным. Не все, к сожалению, однозначно, одобряют указанные моменты движения от сформировавшихся годами и десятилетиями догм прошлого. Сопротивление таким новым истинам, порою, бывает весьма и весьма ожесточенным.

Взгляды одного конкретного человека не должны насильно насаждаться другому человеку. И здесь мы сталкиваемся с еще одним кардинальным вопросом, имеющим, как и многие иные вопросы, дав-

нюю историю своего развития. Речь здесь идет о потребности (или отсутствия таковой) в идеологической концепции развития государства, российского общества. Что именно и как конкретно, кто, где и по каким правилам должны строить в современной России? Коммунизм, признанный преступным в целом ряде стран мира? Социализм, успешно построенный в Швеции? Капитализм с «российским лицом»? Или нечто иное? Здесь стоит обратить внимание на принципиальное отличие законодательного поля США и современной России. Извлечение сверхприбыли без соблюдения при этом необходимых ограничений не способствуют развитию цивилизованного рынка. Рыночные отношения, традиционно, во всем цивилизованном мире, оказываются в значительной степени отягощены проявлениями монополизма. О монополиях в экономической плоскости самых разных государств говорили многие авторы на протяжении не одной сотни лет. Сегодня проблемным становится момент отягощенности проявлений монополистического положения неслужебными (мягко скажем) факторами экономической деятельности. И здесь, вновь, мы сталкиваемся с некоторым противоречием: несправедливости (порой вопиющие), допущенные в период первоначального «накопления» капиталов некоторыми видными представителями российской экономики, сопровождаются весьма терпимым к себе отношением, проявляемым соответствующими контролирующими органами.

Справедливость и беспристрастное законодательство сегодня являются весьма привлекательными для развития российского законотворческого процесса и применения его результатов. Итоги деятельности Европейского Суда по правам человека, судьями которого рассмотрено уже значительное число дел по российским кейсам, дают, порой, парадоксальные идеи российскому исследователю. Частичное исполнение таких решений властями Российской Федерации дает основание для надежды на лучшее.

Отчуждение и маргинализация способствуют формированию фанатизма и подавленности с враждебностью. Над такими мудрыми постулатами «Декларации принципов терпимости» стоит особо задуматься. Кроме того, обширный объем указанной декларации также способен привлечь внимание исследователей и экспертов как в указанных нами выше, так и в многочисленных иных сферах. Несомненной сегодня надлежит считать актуальность данной декларации.

Savino Giovanni
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration (RANEPA)

IDENTITARISM, A NEW LABEL FOR EUROPEAN FAR RIGHT EXTREMISM?

In 2003, a new political movement, Bloc Identitaire (BI), started promoting a new label for French and European Far Right. Bloc Identitaire was initiated by the former members of Unitè Radicale, neofascist organization disbanded by the French authorities after the assassination attempt of Jacques Chirac on July 14, 2002. This group is inspired by French New Right, and expecially sees in Guillaume Faye's theories its ideological base. Faye, an old antisemitic, racist and radical political thinker, in 1998 published in France a book, "Archeofuturism, European visions of the Post-Catastrophic Age", which is considered the milestone of Identitarism. In his book, translated in English in 2010 and in Russian in 2015, Faye tried to find new paths for Far Right Radicalism, seeing a kind of racialist war in the future: "*Western – the 'West' – is an abstract geographical notion, while the true fracture is between North and South: for the vital geopolitical space of Europe extends out to the Russian Far East. This was the ideological axis.*" Xenophobia is the main line of Faye's work, against the Third World and Muslim people because, in authors' mind, *"the catastrophe represented by demographic-shifting immigration into Europe, a land which, unlike the United States, is generally only adapted to intra-European movements. There*

are three aspects to this catastrophe: rapid ethno-anthropological alteration; the erosion of European cultural roots (for which Americanism is less to blame); and strong economic and social setback, leading to poverty and endemic crime." In Fayes' views, *"the future belongs to peoples, not tribes. The Twenty-first century will witness global ethnic warfare and the legions of immigrants in Europe will serve as the 'fifth column' of an aggressive South. This is not paranoia: it is geopolitics. "*

Today, Identitarian movement is translating Faye's ideas in everyday politics. Using an accentuated Islamophobic and White Racist agenda, "Identitarians" organize rallies against immigrants and refugees, promoting an European identity in which non-Christian, non-Whites are excluded. Generation Identitaire, the French ex youth wing of Bloc Identitaire, is active in building similar organizations across Europe, under the slogan "Defend Europe". In France, Generation Identitaire is organizing direct actions against immigrants, "summer university" which is structured as a quasi-paramilitar camp, and "identitarian soups" – free meals for homeless with pork meat. Typical of Generation Identitaire and its branches in Europe is the use of the "Great Replacement" conspiracy theory. This theory, in identitarians' words, *"is a term originally coined by a French Far Right writer Renaud Camus* who first used it to describe the demographic replacement happening in France due to mass immigration policies and low birth rates among the native French. The same term can be applied to many other European peoples both in Europe and abroad - from Germany, to England, to the United States, where the same policy of mass immigration of non-European people poses a demographic threat. Of all the different races of people on this planet, only the European races are facing the possibility of extinction in a relatively near future." Jean Raspail, one of the first advancing "Great Replacement" theory in his novel "The Camp of Saints" in 1973, is considered a kind of ideological reference by Generation Identitaire, and was often quoted by Steve Bannon, ex-White House Chief Strategist and executive chairman of Breitbart News.

Identitarian as label is now used by US alt-right leaders like Richard Spencer, to describe the politics of American White Nationalism. During Charlottesville incidents, Generation Identitaire symbols (the Spartan Lambda) were present together with Confederate and Neo-Nazi flags. PEGIDA movement in Germany is connected too with the local Identitarian organization, Identitaere Bewegung, which in August 2016 scaled Brandenburg Gate to protest against immigration. Identitarianism is used

to avoid charges of Fascism and Racism, but activities are organized in a very violent manner: French Identitarians blocked the Calais Refugees camp and picketed border with Italy against immigrants; in Austria, activists attacked a play performed by refugees actors, and their leader Martin Sellner opened fire in Wien against opponents. Last summer, Generation Identitaire with all its European branches launched a fundraising for rent a ship against NGOs activities in rescuing immigrants in Mediterranean Sea. The C-Star "Defend Europe" ship, at the end, had quite no effect, but the capacity of mobilizing people and money around the idea of "blocking immigrants" is quite dangerous and has some unclear ties with contractors and weapons black market.

Under the label of defending Europe, Identitarianism is spreading xenophobia and prejudices, inspiring violent actions. Is this a new stage for European Far Right?

Dr. Shaked Haim
The Sue and Leonard Miller Center for Contemporary Judaic Studies.

TWO INTERNATIONAL SURVEY PROJECT PROPOSALS: TEACHING ABOUT THE HOLOCAUST IN HIGHER EDUCATION; AND HOLOCAUST MEMORIALS

Dr. Shalem Mordechai
Shem Olam Institute for Holocaust education and research (Israel)

PLACE OF THE HOLOCAUST IN EDUCATION IN ISRAEL

While it is only natural to assume that the formal Israeli educational system would integrate and make mandatory the teaching of the Holocaust as a core subject of the overall curriculum. Yet, until the 1970s, the subject was absent from the mandatory curriculum taught in Israeli schools. Only in 1979, was there a decision to make the teaching of the Holocaust as a mandatory subject in the upper grades of government-run high schools. Moreover, it wasn't until 1981 that the Education Ministry published a 30 hour curriculum for teaching the Holocaust.

Generally speaking, however, the Holocaust is primarily taught not via the official curriculums, but rather through the use of various informal educational endeavors, as well as the impact of social frameworks that exist outside schools.

My presentation will focus on the history and evolution of Holocaust Pedagogy in Israel until the present.

Dr. Shneyer Aron
Yad Vashem (Israel)

SOVIET POWER AND PHENOMENA OF COLLABORATIONISM IN USSR 1941-1945

Understanding the reasons for individual and collective collaboration with any occupational regime is one of the most difficult historical questions to answer, especially in the case of the former USSR. In Soviet years, investigations of Soviet citizens collaborating with the Nazi regime were forbidden, because they could destroy the myth of the multinational unity of the Soviet peoples during World War II and cause people to think about the reasons for this collaboration.

The purpose of this report is to present the reasons for collaboration without distortion or conjecture, and to understand the reasons for the unparalleled collaboration of citizens of the USSR with the Nazi occupational regime during the Second World War.

Dr. Shoshin Sergey
Saratov National Research University
Шошин Сергей
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Государственного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского»

SOME FEATURES OF THE MODERN LEGAL STATUS OF THE CRIMEAN TATARS IN THE RUSSIAN LEGAL FIELD

The right to regulate the actions of public associations on the territory of the modern RF is a difficult and politicized problem. The problematic nature of complex social events involving the participation of representatives of national minorities is especially visible. The Crimean Tatars are an example of this. On April 26, 2016 the activities of the social organization "Mejlis of the Crimean Tatar People" were forbidden by the courts. Mejlis were declared an extremist organization by the Supreme Court of the Republic of Crimea. Unfortunately, a copy of the full text of the court ruling from April 26, 2016 for case No 2a-3/2016 is not freely accessible on the internet. There is also no full text of this court decision in the systems of "ConsultantPlus" or "Garant" and the site of this trial is not available today. However, the text of the appellate decision of the Supreme Court of the RF from September 29, 2016 is freely available. The Moscow courts upheld the Crimean courts.

This significant increase in the measures of court openness in today's public relations was both timely and essential. On April 27, 2016 the representative ES Trubern Yagland made a proposal to the Russian authorities to reconsider the aforementioned decision. This was supported by other figures in a number of countries. On May 12, 2016 the European Parliament in its own resolution criticised the decision of the Russian court. This did not change the decision of the Russian court and on April 19, 2017 the UN International Court of Justice adopted an act to establish interim measures against Russia.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА КРЫМСКИХ ТАТАР В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Правовое регулирование деятельности общественных объединений на территории современной РФ является сегодня сложной и политизированной проблемой. Особенно наглядно проблемный характер сложных общественных явлений проявляется в сегментах с участием представителей национальных меньшинств. Пример тому – крымские татары. 26 апреля 2016 года деятельность общественного объединения «Меджлис крымскотатарского народа» была запрещена российским судом. Междлис был признан экстремистской организацией. Так решил Верховный Суд Республики Крым.

В свободном доступе полный текст судебного решения от 26 апреля 2016 года по делу №2а-3/2016 в сети Интернет – отсутствует. Не имеется полного текста указанного решения суда и в системах «Консультан Плюс» и «Гарант», являющихся повсеместно распространенными на территории России. Не доступен сегодня и сайт данного суда. В то же время, доступным в свободном режиме является текст апелляционного определения от 29 сентября 2016 года Верховного Суда РФ. Московские судьи поддержали своих крымских коллег. Можно назвать актуальным и востребованным значительное повышение показателя открытости судов первой инстанции в условиях сегодняшних общественных отношений.

Серьезное отличие от указанного выше индекса информационной прозрачности не только судебного процесса в российском национальном судебном органе, но и содержания текста итогового судебного акта, вынесенного по итогам рассмотрения конкретного спора, можно обнаружить, в частности, проведя некоторое сравнение с деятельностью портала электронных услуг в литовских судах. Являясь сегментом деятельности электронного правительства, электронный литовский портал позволяет своим пользователям не только получать совокупность необходимой им информации из соответствующих судебных структур, но и, при необходимости, самим направлять в суд актуальные документы. Портал https://e.teismas.lt/en/ имеет сегодня весьма обширный пользовательский потенциал. Подобные ресурсы вполне логически последовательно могли бы способствовать некоторому повышению степени открытости российского правосудия.

27 апреля 2016 года представитель ЕС Турбьерн Ягланд высказал предложение к российским властям пересмотреть указанное решение крымского суда. Это было поддержано и иными деятелями ряда стран. 12 мая 2016 года Европейский Парламент в собственной резолюции подверг критике данное решение суда в России. Не изменил решение российского суда и принятый 19 апреля 2017 года акт Международного суда ООН об установлении обеспечительных мер в отношении России.

Более того, в суде Крыма рассматривается уже на протяжении длительного периода времени уголовное дело по обвинению заместителя Председателя «Меджлис крымскотатарского народа» Ахтема Чигойза в массовых беспорядках.

Анализ проблемного характера содержания правового поля, регламентирующего статус крымских татар на сегодняшний день, имеет значительную актуальность, предполагающую потребность дальнейших научных исследований. Неоднозначный характер имеет, порой, как правовой режим общественных объединений крымских татар, так и индивидуальный правовой статус конкретного человека – крымского татарина (крымской татарки). Сказать, что наличие подобных проблем является характерной чертой лишь современной российской национальной практики – значит погрешить против истины. В истории крымских татар имеется, к сожалению, множество глобальных трагедий, источниками возникновения и развития которых явились самые разнообразные акторы. Особого внимания, например, сегодня достойна практика насильственной депортации крымских татар в период Вто-

рой мировой войны на территорию современного Узбекистана. Такая депортация осуществлялась в рамках фактической реализации принципа коллективной ответственности и всех иных представителей конкретной национальности. Данная ответственность была во внесудебном порядке применена к ним за критикуемые некоторыми авторами особенности поведения отдельных представителей этой национальности. К сожалению, надлежащего исторического покаяния за указанную историческую несправедливость на территории Крыма – не последовало до настоящего времени. Возможно, это станет реальностью в будущем. Хотя, сегодня сложно предугадать степень отдаленности подобного будущего. Возврат честного собственного имени, утраченного жилища и иного имущества, что сопровождало указанную процедуру депортации, сегодня в России является неоднозначным. Надлежащий объем подлежащей выплате таким лицам (родным и близким этих лиц) сейчас определить крайне сложно. Отягощается эта проблемная ситуация и стабильной закрытостью целого ряда архивных баз источников информации, свойственной современной российской реальности. До достижения высокой (практически полной) степени открытости архивов репрессивных органов (как периода Второй мировой войны, так и непосредственно предшествовавших этому интервалов времени), реализуемых в сегодняшней Украине, современной Российской Федерации, к сожалению, довольно далеко. Парадоксальным примером такого непростого отношения по допуску исследователей к архивным материалом являются многие исторические документы, выпущенные в указанные выше периоды в СССР. Указанные документы, полностью идентичные по своему содержанию, одновременно, находятся на территории Украины в режиме свободного доступа, а, на территории современной РФ – помещены в закрытые от свободного доступа исследователей хранилища. Первоначальная версия о случайности подобной российской ограничительной практики в доступе к архивной информации легко ставится под сомнение. Многочисленным жертвам депортации крымских татар (как, кстати, и некоторым иных национальностей) и их родным и близким сегодня сложно испытывать излишнюю любовь к исторической личности Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина), причастного к таким явлениям истории. Казалось бы, СССР уже давно пережил период критического отношения к перегибам так называемого «культа личности» данного исторического персонажа. Тем не менее, уже в июне 2017 года на корпусе главного здания

Московской государственной юридической академии, расположенной в центре города Москвы, появилась вновь мемориальная доска, прославляющая упомянутого нами выше исторического персонажа. Даже вызванная данным решением органов власти и управления довольно оживленная полемика отдельных представителей российской интеллигенции, к сожалению, не смогла скорректировать сложившуюся ситуацию. Порой, сегодня, многие властные (управленческие) приемы, реализуемые в российской практике, имеют исторические примеры. Далеко не все из них сегодня одобряются большинством российского населения.

Многие аспекты Постановления Государственного комитета обороны от 11 мая и 2 июня 1944 года, регламентирующего указанную депортацию, активно исследуются учеными[1].

Интерес для ученых[2] представляет и анализ Указа Президента РФ от 21 апреля 2014 года №268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержки их возрождения и развития». К сожалению, до полного разрешения по существу всей совокупности проблем, связанных с данной депортацией, еще довольно далеко. Однако, этот Указ Президента РФ положил начало подобной деятельности по реабилитации. Важно не изменить подобную траекторию в дальнейшем движении по развитию политики российского государства. Интерес сегодня вызывают и некоторые международные документы. В частности, в научный оборот введена Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/RES/71/205 от 19 декабря 2016 года о «Положении в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе (Украина)»[3].

Самостоятельного и комплексного анализа достойно сегодня и содержание Федерального конституционного закона от 21.03.2014 года

1 См., например: Подвинцев О.Б. Постсоветская «война памятников» в Крыму: до и после присоединения к России// Вестник Пермского научного центра. №5.- Пермь: ПНЦ, 2016.- С. 20.

2 См., например: Михайлова Н.В., Савина Л.М. Крымские татары: депортация и реабилитация// Вестник Московского университета МВД России. №1.- М.: Ун-т МВД РФ, 2015.- С. 32.

3 См., например: Меренков Д.А. Крымско-татарский фактор в Крыму: современное состояние и перспективы// Проблемы постсоветского пространства. – М.: ДА МИД, 2017. Vol. 4. №1.- С. 34.

№6-ФКЗ (в актуальной редакции от 28.12.2016 года). Примечательно само наименование указанного документа: «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь». Обратив свое внимание на содержание части 1 статьи 4 данного Федерального конституционного закона, исследователь может сделать обоснованный вывод об особенностях механизма принятия (или – непринятия) российского гражданства жителями прежде являвшегося частью Украины Крыма. На реализацию процедуры такого знакового для рядового человека решения федеральным законодателем было выделено всего времени один месяц. Для сохранения прежде имевшегося у жителей Крыма иного гражданства или статуса лица без гражданства таким индивидуумам было необходимо сделать соответствующее заявление в компетентные органы Крыма. Из истории мировой практики государственного строительства автору, к сожалению, (или – к счастью) не известно иных подобных примеров. Можно предположить, что и не наступит повторения подобной практики в дальнейшей истории мировой цивилизации. Традиционно, общепринятым, по субъективному мнению автора, подходом к определению гражданства человека служит практика подачи таким лицом заявления о желании приобрести (изменить) гражданство. Аналогичное положение, традиционно, было свойственно, и правовому режиму, характерному для лиц без гражданства.

Серьезные ограничения на доступ к труду установлены для лиц, не только принявших российское гражданство в Крыму, но и являющихся одновременно гражданами иного государства. Они регламентированы в части 3 статьи 4 указанного выше Федерального конституционного закона. По истечении одного месяца со дня принятия в Российскую Федерацию Крыма и образования в составе РФ новых субъектов такие ограничения стали реальностью. В них входят: ограничения на занятие (замещение) государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, которые предусмотрены российским законодательством для российских граждан, имеющих иностранное гражданство или вид на жительство, а также иное разрешение на постоянное проживание на территории зарубежного государства.

Отдельного обстоятельного анализа заслуживает и содержание части 4 статьи 4 указанного нами выше Федерального конституци-

онного закона. Лицо, по сформулированному в этой части закона правилу, получившее в Крыму российское гражданство, подав заявление в компетентные российские органы, соответствующее заявление о своем нежелании иметь иностранное гражданство, признается на территории России российским гражданином. Традиционно, прежде, автором предполагалось, что заявление с просьбой о выходе из гражданства (подданства) надлежит подавать сугубо компетентному должностному лицу того государства (страны, территории), которое имеет право принятия в такое гражданство и лишения указанного гражданства. Тем самым, надлежащим образом реализуется принцип суверенитета указанного государства. Несомненно, описываемая нами ситуация, станет достоянием не только сугубо российских национальных учебников по конституционному праву, но и по истории права и мировой истории. Причем, возможно – не только издаваемых на сугубо российской территории учебников истории.

Из доступной информации стало известно, что примерно 2-3% крымских татар остались гражданами Украины. Об этом, например, заявил глава Крыма Сергей Аксенов в интервью телеканалу «Россия 1».[4] Порядка 3000 жителей полуострова Крым решили сохранить украинское гражданство. Крымских татар среди таких желающих оказалось около 500 человек. Определение точного числа крымских татар сейчас усложняется отсутствием в официальных российских документах графы «национальность». Велико сейчас значение роли собственной оценки, так называемой национальной самоидентификации. Об этом говорят сегодня и некоторые авторы.[5]

Интерес представляют и статистические данные об общем числе крымских татар, проживающих в Крыму. Например, Т.А.Сенюшкина

4 См.: Б.а. Лишь 2 -3 % крымских татар остались гражданами Украины// http://ruposters.ru/news/14-03-2015/tatar-ostalis-grazdanami-ukrainy (дата обращения - 28.06.2017). Режим доступа – свободный.

5 См., например: Нунуев С.-Х.М. Политическая институционализация исламских объединений в условиях многосоставного общества (по материалам Автономной Республики Крым)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.- Тамбов: Грамота, 2015. №11 (61): в 3-х ч. Ч. 1.- С. 121. Цит. по: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/33.html (дата обращения - 28.06.2017). Режим доступа – свободный.

ведет речь о 232 тысячах крымских татар, проживающих в Крымском федеральном округе (включая город Севастополь), что иллюстрируется ею результатами переписи 2014 года[6].

О численности где-то около 290-300 тысяч крымских татар сегодня в Крыму ведут речь и иные авторы[7]. Нам представляется более оптимальным согласиться с итогами переписи населения, проведенного в 2014 году, определив их как более точные.

В результате комплекса произошедших на территории Крыма изменений корректировки были внесены и в нормы об официальном государственном языке, используемом в процессе ведения оборота документов. Как следует из части 1 статьи 18 Закона РФ от 25.10.1991 года №1807-1 (в редакции от 12.03.2014 года, актуальной сегодня), судопроизводство и делопроизводство, в частности, в федеральных арбитражных судах, военных судах, а также делопроизводство в правоохранительных органах РФ ведется на государственном языке РФ. В итоге, крымские татары, родным для многих из числа которых является крымско-татарский язык, вынуждены использовать лишь русский язык в соответствующих случаях. Для престарелых лиц не всегда легко выучить иностранный язык. Исходя из анализа указанной ситуации, можно предложить актуальные для российского национального законодателя коррективы в соответствующие сегменты национального законодательства. Рекомендуется принять изменения, уравнивающие лиц, владеющих сугубо лишь крымско-татарским языком в доступе к правосудию. Похожие перемены, несомненно, являются актуальными и для таких лиц в расширении возможности обращения к помощи правоохранительных органов. Современные российские реалии делают весьма востребованной потенциальную возможность обращения в арбитражный суд за поддержкой в ситуации споров хозяйствующих субъектов. Практика высших судебных инстанций последнего времени свидетельствует, что, даже при передаче процедуры рассмотрения хозяйственного спора по существу в третейский суд, в итоге, такие хо-

6 См.: Сенюшкина Т.А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс//Политическая экспертиза: Политекс.- М.: Политекс, 2015. Т. 11. №4. – С. 76.

7 См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия – Крым – Севастополь: размышления конституционалистов (часть II)// Вестник Саратовской государственной юридической академии. №3 (104). – Саратов: СГЮА, 2015.- 163.

зяйствующие субъекты, при отсутствии возможности добровольного исполнения такого решения третейского суда (судьи), вновь вынуждены будут обратиться в арбитражный суд. Об актуальности обращения в российские правоохранительные органы для крымских татар – можно опубликовать (в дальнейшем) самостоятельное исследование. В настоящей работе ограничимся указанной выше констатацией случаев уголовного преследования их отдельных представителей.

При отсутствии российского гражданства у крымских татар, проживающих на территории Крыма, сложности могут возникнуть и при проверке соблюдения ими миграционного законодательства. Сложный процессуальный регламент пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России, порой, создает проблемы у подобных лиц. Общий порядок предоставления вида на жительство иностранному гражданину не распространяется на некоторые категории лиц. В частности, пункт 3.5 статьи 8 Федерального закона от 25.07.2002 года №115-ФЗ (в актуальной по состоянию на сегодняшний день редакции от 17.04.2017 года) перечисляет подобные категории лиц. Это: а) иностранный гражданин, лично или родственник которого по прямой восходящей линии, усыновитель или супруг (супруга) которого оказался подвергнутым незаконной депортации с территории Крымской АССР; б) родственник по прямой нисходящей линии, усыновленные дети или супруга (супруг) такого иностранного гражданина. Хотя, несомненно, наличие подобных исключений и облегчает немного правовой режим потенциально возможного постоянного проживания таких лиц на территории Крыма, однако, к сожалению, не искореняет всей совокупности возникающих при этом проблем правового характера. Формальные ограничения, налагаемые на проживание в пограничной территории для иностранных граждан, не являются здесь единственно возможными в современной российской практике. Далеко не каждый крымский татарин обладает надлежащим комплексом (пакетом) документов, подтверждающих воздействие на него (нее), семью итогов депортации. Порой, получение таких документов может растянуться во времени на значительное пространство. Некоторой положительной чертой попытки решения похожей проблемы в отдельных странах ЕС можно, по нашему мнению, назвать выдаваемые лицам, не являющимся гражданам соответствующего государства, документы об отсутствии у них статуса гражданства. Данные документы позволяют не только проживать на территории соответствующего государства – чле-

на ЕС без визы и регистрации как иностранного гражданина или лица без гражданства, но и путешествовать по территории иных государств. Примечательно, что на таких лиц не распространяются даже ограничения по сроку пребывания на территории ЕС, установленные для обычных шенгенских виз. Практика выдачи вида на жительство крымским татарам, проживающим в Крыму, сегодня очень далека от подобной практики некоторых государств ЕС.

В тех же ситуациях, когда конкретный крымский татарин не может подтвердить документально последствия влияния на него (нее), семью и близких последствий депортации, остается крайне сложная и противоречивая процедура подачи заявления (и его рассмотрения) о постоянном проживании на территории РФ. Данная процедура детально рассмотрена, в частности, в части 1 статьи 8 Федерального закона от 25.07.2002 года №115-ФЗ (в редакции от 17.04.2017 года) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В иных ситуациях, еще более отягощенных негативными обстоятельствами, речь, возможно, будет идти всего лишь о возможности временного пребывания такого лица на российской территории. Такой правовой режим детально урегулирован, в частности, в статье 5 указанного выше Федерального закона. Реализация привычных (в прошлом) совокупностей прежних прав, присущих подобному лицу до указанных выше изменений течения исторического процесса в Крыму, при таких обстоятельствах будет значительно усложнена. Практика попыток реализации гражданско-правовых, семейных, трудовых, пенсионных и иных прав таких лиц станет сопровождаться наличием множества неожиданных формальностей. Особое значение здесь способен приобрести серьезно организованный в РФ миграционный учет населения, особенно не имеющего российского гражданства. Практика органов внутренних дел, активно и целенаправленно реализующих такой контроль миграционных потоков, дает значительные результаты. Порой комплексно и объективно оценить итоги такой деятельности удается лишь историкам.

Инновационной сегодня видится и введенная в конце 2013 года в Уголовный Кодекс Российской Федерации норма, сформулированная авторами в статье 280.1. Теперь публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ стали наказуемыми в уголовном порядке. Максимальное наказание по части 1 данной статьи составляет 4 года лишения

свободы. В том случае, когда при совершении указанного деликта использованными оказались ресурсы средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (например, сети интернет), максимальное наказание по части 2 указанной статьи УК РФ увеличивается до 5 лет лишения свободы. Тем самым, критика решения о статусе Крыма и выдвижение версий иного развития событий, сегодня становятся потенциально наказуемыми в уголовном порядке. Традиционно, не особенно многое число жителей России испытывают особое желание попасть в тесные контакты с представителями российской системы криминальной юстиции. Иногда, логическим продолжением подобного общения становятся контакты с должностными лицами пенитенциарной системы. Многие жители России уже имеют прежний опыт (порой – довольно продолжительных) контактов с такими субъектами.

Круг потенциально актуальных и значимых в современных условиях проблемных моментов, касающихся правового статуса крымских татар в Российской Федерации, не исчерпывается и не ограничивается выделенными нами выше несколькими аспектами. Внимание исследователей данного сектора правового поля способны заинтересовать и многие иные направления. Здесь имеется и достаточное количество иных тем и направлений, открытых для производства научных изысканий (исследований). Возможно, открытость результатов таких научных работ, научная полемика, гласность при обсуждении соответствующей тематики, смогут позитивно повлиять на дальнейшее совершенствование содержания правового поля в современной Российской Федерации.

Dr. Smith Haakon, Dr. Smith Martha

HOLOCAUST EDUCATION THROUGH MUSIC AND THE ARTS

Since the end of the Second World War, many films, dramas and arts projects based on Holocaust-related themes have had a great impact on society around the world. Movies such as "Schindler's List" and "The Diary of Anne Frank" have been major vehicles in bringing the Holocaust to the attention of the public. With the current wave of anti-Semitism burgeoning across Europe and many parts of the world, the arts combined with the remembrance of the Holocaust continue to be powerful tools for fighting this evil. Music, theater, dance and visual arts have a capacity to convey empathy, tolerance and understanding in a way that mere repetition of historical facts might not succeed.

RESOURCES FOR HOLOCAUST EDUCATION THROUGH THE ARTS:

There are many sources in literature, art and music available for performing artists to use in Holocaust related theatre and music. The subjects range from visual arts, poetry, literature and theatre to a multiplicity of musical compositions. A vast array of styles from classical works to partisan songs and vocal music in Yiddish are applicable to Holocaust remembrance events.

Theresienstadt Concentration Camp in Czechoslovakia was set up as a "model" camp. It had an orchestra that was put on display to show humani-

tarian workers how supposedly "humane" the Nazis were to their prisoners. Among the many brilliant Jewish musicians who were victims of the Holocaust were Gideon Klein, who organized the cultural life of Theresienstadt camp, and the composer, Victor Ullman, who died there.

Holocaust-related poetry and literature from the period and in the years following the war has been abundant. The same is true with regard to visual arts. A few suggestions for researching this literature can be found in the following websites:

ORT in the U.K. - http://holocaustmusic.ort.org/music

Yad Vashem Holocaust Museum, Jerusalem, Israel https://www.yadvashem.org/yv/en/education/educational_materials/arts.asp

University of Southern Florida, teacher resources in Holocaust-related art https://fcit.usf.edu/holocaust/arts/art.htm)

THE BEGINNINGS OF INTERNATIONAL VOICE OF JUSTICE

The directors of International Voice of Justice lived in an area of Manhattan, New York, where many refugees who were survivors from numerous Nazi camps settled. Over time, Dr. Haakon and Dr. Martha Smith became close friends with several of their neighbors who had survived Buchenwald, Theresienstadt and Auschwitz. Hearing of the atrocities their friends had experienced, and knowing of the growing threat of anti-Semitism in Europe, the Smith's dedicated time and effort to bringing an awareness of anti-Semitism through the arts. Memorial concerts for Zionist organizations in the United States and Europe were early opportunities for addressing these matters, followed by musical presentations for the Israeli Embassy in Oslo and the Oslo Jewish community.

International Voice of Justice (IVOJ) was birthed out of these efforts. IVOJ's mission is Holocaust education through music and the arts to counter anti-Semitism and create tolerance. Since its establishment in 2009, Holocaust-related opera, theater and memorial concerts have been produced in many nations of Europe. (In 2014, IVOJ has also received special consultative status with the Economic and Social Council of the United Nations.) The response from both audiences and the press has been enthusiastic. Every possible medium has been used in these productions: dance, theater, visual arts and music (solo vocal, choral, orchestral, chamber music, and Israeli, Ladino and Yiddish compositions). A platform has been created to allow artists in the fine arts to use their talents to educate and create

an awareness of the Holocaust. Knowledge of the Holocaust coupled with artistic expression is a powerful weapon in the fight against anti-Semitism.

SOME OF THE PROJECTS OF IVOJ:

The three main works that have been produced by IVOJ internationally are the work, "*Voices of the Holocaust*", a song cycle with monologues, Beethoven's opera, "Fidelio: *A Holocaust Memorial*" and the play, "*Hanna's Treasure Box*" (*La Boite aux Trésors d'Hanna*). These works will be described and response from the media and the public presented as a measure of their impact.

The Breuer Shul – A community of survivors

The first work to be produced by IVOJ is the classically composed song cycle, "*Voices of the Holocaust*", (text: Martha Smith, Music: Marilee Eckert, principle composer, Martha Smith, assistant composer). The work is a musical drama of 10 songs for soprano with monologues. The song, "Corrier Ten Boom", co-composed by Martha and Haakon Smith, was later added to the song cycle. The work is based primarily on the lives of survivors who lived on Bennett Avenue in upper Manhattan, New York City. On that quiet little street is the Breuer Schul (synagogue), an orthodox yeshiva for boys and another for girls, a Jewish Center and a center for elderly Jewish people (originally established to provide aged Holocaust survivors with meals and social activities. Nearby is the Weiner YHA, Young Hebrew Association. Bennett Avenue is only 12 blocks long, but when walking down the street, it was common to hear Yiddish, Hebrew, Sephardic Spanish, Russian and German - all languages of the many refugees who had resettled there. The Breuer Schul (synagogue), founded by Rabbi Dr. Joseph Breuer (grandson of Rabbi S.R. Hisch of Frankfurt am Main, Germany) took the model of a "full-service community" to New York from Germany before the Second World War. This paved the way for the many survivors who came as refugees to the area to find solace in community. The Smiths gathered the stories of survivors who attended the Breuer Shul. Their histories have been committed to the musical drama, "*Voices of the Holocaust*". Also included are monologues and songs for Anne Frank and Elie Wiesel. The work was premiered in the Weiner WHA. Over 100 elderly Holocaust survivors were present at its first performance. It was then performed in Staufen,

Germany along with a lecture - seminar on the Holocaust. In 1999 the work was presented under the auspices of the Israeli Embassy in the Edvard Munch Museum and in The Norwegian Theater (Det norske teatret). Since then it has been performed in Helsinki, Finland, with members of the Helsinki Philharmonic Orchestra, Xaris Finland Dance Troupe, well-known klezmer artist, Hillel Tokazier and Finland's musician of the year, Juhani Aaltonen. Dr. Haakon Smith, pianist and Dr. Martha Smith, soprano led the presentation. "Voices of the Holocaust" has been produced in Berlin, Germany, together with Eva Flatscher, Viennese light painter, presenting abstract art works being drawn on a computer board and then projected onto a 15 meter high screen during the instrumental music. The work has also been performed in France, Sweden, Estonia and Riga, Latvia, where it was presented as a final concert in a Jewish music festival arranged by Rabbi Menachem Bar-Kahan.

PHOTO – Herbert Lichtenstein, Survivor from Bennett Avenue Synagogue

As to the audience response: Nearly every concert has ended with standing ovations from the public. Members of Jewish communities have expressed their gratitude and have said that the concert served as a cathartic to the memories of the atrocities and as an opportunity to remember and honor the victims: family members and friends. Non-Jewish attendees present in the concerts generally agreed that it was a necessity to maintain a public awareness of the Holocaust to prevent such atrocities from ever happening again.

Reviews of the memorial concerts:

The monologues were followed by songs magnificently interpreted by Martha Smith. . . It was an unforgettable evening. . . virtuosity and emotion were in unity . . . As the words of Elie Wiesel's Cry ended , so we must "remember them, remember them. La Lozère Nouvelle, France.

The performers were highly qualified professionals. The voice of Martha Smith, the soloist and soul of the presentation, touched the hearts of everybody in the auditorium. Her message was convincing and moving. Peter Vosu, Politician and Director of ICEJ, Estonia.

The music of the concert was beautifully performed – from the soprano soloist to the pianist, violinist and cellist. The vignettes relating the stories . . . were poignantly related by the narrator. The performance was heart-touch-

ing and transforming. It was the highlight of the entire week of concerts and brought to reality the horrors and suffering of the Jewish people during the years of the Holocaust. . . It was an unforgettable evening which people in Riga have continued to speak about long after the event. Rabbi Menachem Bar-Kahan, Director, Shamir religious community, Riga, Latvia.

In concert at the Cultural Center in Helsinki starred well-known Finnish musicians such as pianist and singer Hiller Tokazier and wind instrument virtuoso Juhani Aaltonen. Soprano, Martha Smith , born in the United States and pianist Haakon Smith, from Norway had the lead role in presenting the memories of the Holocaust through dramatic reading and lavishly expressive classical singing, all based on experiences from persecution and war. Furthermore, a string ensemble performed, executing selected folk and classical pieces from a Jewish context. The concert was reinforced by the dance group, 'Xaris ', three women strong. The concert was conducted with dignity and seriously considered the genocide of six million Jews. It emphasized that many of the survivors found their life's purpose in being witnesses and carriers of the memory of those who were brutally murdered. Meanwhile, the concert projected into the the future of the Jewish people and once again showed the promise of the resurrection of Erez Israel, the land of Israel. The terrible devastation 60 years ago became the definitive spark and the proof of the need for a homeland. Ny Veg Magazine, Helsinki, Finland.

I would like to thank you once more for your wonderful performance in the Malmö Synagogue. It was very heartfelt song and music. Lev Sudit, Malmø Synagogue

The power of Martha Smith's voice as well as Haakon Smith's piano performance came from their commitment to the remembrance of Jewish suffering. . . It was a powerful experience as proven by the standing ovations, the people's faces and comments afterward. President, Malmø Synagogue

Beethoven's "Fidelio" as a voice of remembrance:

In 2010, Beethoven's opera, Fidelio: A Holocaust Memorial Opera, (opera design and text: Martha Smith, production materials, Haakon Smith) was produced in five cities of Poland, working together with the Beethoven Association, the umbrella organization for the composer, Krzysztof Penderecki. The artistic team was composed of: Julia Pevzner, stage director (artistic director of the Israeli Opera, Tel Aviv); Piotr Sułkowski, musical director; the Beethoven Academy Orchestra, National Radio Chorus of Poland, along with a group of talented international soloists.

PHOTOS – Prisoners in Auschwitz / Watchtower in Auschwitz, Fidelio Holocaust Memorial Performance, Krakow Poland

Story: The opera is taken out of its original setting of a political prison in Spain of 1700 and place in Auschwitz, 1945. It opens with an elderly Leonore telling her grandson, Jacob, through photos and documents of his grandfather, Florestan's liberation. As the action is played out by the singers in a black and white setting, it appears as if it is being seen through the boy's imagination. The young Leonore comes to rescue Florestan, dressed as a young man, Fidelio. Gaining favour with the jailor, Leonore, posing as Fidelio, is allowed to enter an underground cell to dig a grave for the prisoner which Himmler's henchman, Pizarro, is coming to execute. She finds that the prisoner is, indeed, her husband, Florestan. She pulls a pistol on Pizarro as the liberating army is approaching, saving her husband's life.

Feedback from the press and public:

I've been meaning to write to you . . . just to say how much I admired and enjoyed and was stirred by Fidelio. Although it's one of my desert-island operas, it (or rather performances of it) often feels a let-down, but this was one of the most gripping I've seen. Thanks again and all Best wishes, John – Personal note from John Allison, editor in chief, Opera UK Magazine.

The 'Holocaust Memorial Production' of Fidelio . . . toured five Polish cities (Wrocław, Lublin, Warsaw, Łódź, and Kraków. Directed by Julia Pevzner after a concept by Martha Smith and Haakon Smith, this searing performance juxtaposed Beethoven's music (sung in German) with the brief reminiscences (in Polish) of a now elderly Leonore, wheelchair-bound in ., . . Jerusalem. . explaining to her grandson the background to the family portraits and papers around them. . . Leonore's fearless journey The 'Holocaust Memorial Production' of Fidelio . . . toured five Polish cities (Wrocław, Lublin, Warsaw, Łódź, and Kraków. , , Directed by Julia Pevzner after a concept by Martha Smith and Haakon Smith, this searing performance juxtaposed Beethoven's music (sung in German) with the brief reminiscences (in Polish) of a now elderly Leonore, wheelchair-bound in ., . . Jerusalem. . explaining to her grandson the background to the family portraits and papers around them. . . Leonore's fearless journey back from London to Poland to rescue her husband, a leader in the Polish under- ground resistance in World War II.

Little of this would have been so effective had the final performance in Kraków December 6) not simply been one of the most musically gripping I have encountered. . . It was good to hear Beethoven's music articulated with such urgency by a well-balanced cast. ..in the intimacy of the jewel-box-like

SLOVACKI THEATER they delivered compelling performances every one of them believable and worth hearing. In charge of the Beethoven Academy Orchestra, Piotr Sułkowski conducted with exciting theatricality, ratcheting up tension on occasion with some accelerandos, and the overture was gut-wrenching in its impact: it was accompanied by flickering black-and-white films in pre-war life in Warsaw and Kraków, showing everything from trams in the streets to prams in Łazienki park, children playing there near the famous Chopin monument, and services in synagogues and churches. So well matched was the film material to the musical rhythms and pulse that I know I wasn't the only one choking on emotions by the end of the overture. Unconventionally, but no less successfully, the last part of Leonore No. 2-beginning from the trumpet calls–was played before the start of Act 2, and the footage here included a Jewish wedding in 1930s Poland. The solo trumpet made an especially poetic impact in Kraków, a city famous for its centuries-old tradition of an hourly trumpet signal from the tower of St. Mary's Church. . . the stage-side narration of alte Leonore . . . served to remind everyone how Poles had saved tens of thousands of Jewish lives during the Holocaust, making the production idealistic rather than accusatory, and thus true to Beethoven's spirit of universal brotherhood. **John Allison, Editor in Chief, Opera UK.**

An Ancient Synagogue in Barcelona - Holocaust education through theater

In 2005 to 2007, two solo plays related to the Holocaust were presented on Broadway, having a great impact. One was "Primo", the life of Primo Levi, Auschwitz survivor, and the other, "Golda's Balcony", the history of Golda Meier. These theater works, coupled with a visit a 1700 year-old synagogue in Barcelona, Spain (Europe's oldest synagogue), served as an inspiration for the 2011 production of "*Hanna's Treasure Box*" (*La Boite aux Trésors* d'Hanna), by Martha Smith. (copyright © 2010, premiere-St. Jean du Gard, France).

The action in "*Hanna's Treasure Box*" takes place on an island in the north of Norway in 1942, during the Nazi occupation. Through a series of dreams related to the Spanish Inquisition, a little girl discovers her Sephardic Jewish heritage and saves her life and the lives of her family. "Hanna's Treasure Box" traces anti-Semitism in Europe from the time of the Spanish inquisition, through the Holocaust to the present threats of radical Islam and terrorism.

PHOTO – Hanna talking

The play premiered in St. Jean du Gard in the south of France in 2011, Julia Pevzner, stage director, Ardoine Clauzel, "Hanna". Other performances were made in different parts of France in smaller venues. Produced in a Broadway theater festival in 2012, "*Hanna's Treasure Box*" was under the direction of Israeli, Tomer Zvulun, then with the Metropolitan Opera, currently general director of the Atlanta Opera. The New York production received a standing ovation and an excellent review in NYTheater.com.

In 2015, the work was produced in The Rachi Center for Jewish Arts and Culture in Paris. (Europe's largest Jewish theater). At the dress rehearsal, a panel of several critiques were present. They gave the play a standing ovation and high accolades to the author and staff. The play has a strong message of the necessity of the existence of the state of Israel as a Jewish homeland and refuge. The run of the show in Paris took place between the January 2015 terror attacks (Charlie Hebdo) and November 2015 attacks in which 123 were killed in Paris by terrorists. After the November attacks thousands of Jewish immigrants have flooded into Israel from France.

Feedback on "Hanna's Treasure Box" – "La Boite aux Trésors d'Hanna":

NEW YORK REVIEW: ***Hanna's Treasure Box*** *nytheater.com review reviewed by Joan Kane · November 13, 2012. There are 100 shows being presented in the United Solo Festival. I saw Hanna's Treasure Box by Martha Smith. It was beautifully performed, by Ardoine Clauzel, on a bare stage with just a coat tree, a chair and a suitcase. Through simple costume and lighting changes Ms. Clauzel inhabits the life of the young girl Hanna as she learns her identity. Hanna was a Jew in 1942 Nazi-occupied Norway.*

In the course of the play we learn that Hanna and her family are fishermen and tradesmen living in a house on a tiny island off the coast of Norway. The family had come there 400 years before to escape the attacks against the Jews during the Spanish Inquisition. In that time they had become fully assimilated into Norwegian culture. They consider themselves Norwegians, not Jews.

One storyline involves night dreams that Hanna is having about her family fleeing the Spanish Inquisition and another has the family actually fleeing to Sweden to escape the brutality of the Nazis. Hanna also finds a hidden old box that turns out to be the only thing the family has left from their days in Spain. It contains a prayer shawl with the Star of David and a prayer book.

Paris review: *Radio Judaica of Paris broadcast: "Hanna's Treasure Box was very moving. . .all of our history was presented by a marvellous actress. The play had great emotion and that with the actress alone on the stage. She was accompanied by Stella Gutman, with her warm voice and a tonal quality reminiscent of the Judeo-Spanish style. The play was very touching and well interpreted-quite sombre. The direction was well done. Hanna's Treasure Box was a very beautiful play: extremely touching and memorable.* Bella Lustyk and Lise Gutmann, on Radio Judaiques FM, Paris, May 2015.

New York prize-winning playwright and dramaturg: *The work of a powerful, articulate writer.* -- Lonnie Carter, Obie Award winning playwright.

Oslo feedback: *I have read the manuscript (Hanna's Treasure Box) and it is absolutely exciting material you have come up with. The transition between dreams and reality, together with this functioning as a warning works very well together. I also liked the transitions between narration and the direct scenes being acted out. This shows a good dynamic.* Siri Løkholm Ramberg, dramaturg, Oslo New Theater

IMPLICATIONS FOR THE FUTURE:

As seen from the review of the responses from both the press and prominent leaders in the fight against anti-Semitism, art used as a means of educating and preserving a knowledge of the Holocaust in society can have a great impact. In presenting these projects, especially in Eastern Europe, it is clear that many have never known about the atrocities that took place. Therefore, it is contingent on behalf of those who can and will do so, to use every means to promote a knowledge of the Holocaust.

The implications for the future include projects that are relevant for school children and can be easily and inexpensively produced in schools in various nations. "Hanna's Treasure Box" is one such project. There are limitless possibilities to educate school children on the evils of anti-Semitism and the importance of being tolerant. Larger projects such as opera and theater tend to be expensive; however, they can also reach the intelligentsia and a broader spectrum of the public. Television and movies are also excellent means of conveying the message gleaned from the Holocaust.

In International Voice of Justice, we also want to promote Holocaust-related art, music and theater from a wide variety of artists. IVOJ was created to provide a platform for artists of every gender to speak into this issue.

Another consideration for the future is to bring projects out of Europe and the U.S. into other nations throughout the world. Special consideration is being given to Australia and several nations of South America.

Preserving the memory of the Holocaust is of utmost importance in the fight against anti-Semitism and in creating empathy, tolerance and understanding. As it has been said, "The people who forget their history are destined to repeat it." Also, as the Biblical imperative the book of Genesis is written: "I will bless those who bless you, and whoever curses you I will curse; and all peoples on earth will be blessed through you." We must, then, for the cause of Zion and the survival of the Jewish People, as well as for the future of humankind - remember them, remember them.

Dr. Haakon and Dr. Martha Smith reside in Oslo, Norway, where along with their work in International Voice of Justice, they are active educators in music. They both hold doctorates in music from Columbia University and have been performing artists in Europe and the United States. Martha Smith is an author of books, plays, musicals and poetry, as well as a classical singer. Among her works is the book "Comfort ye my people, the church's mandate toward Israel and the Jewish people" (Westbow Press, USA, 2012) which presents a history of anti–Semitism in the church and modern day bigotry against Israel and the Jewish people.

Szalai Kálmán
Action and Protection Foundation
(Hungary)

WHAT HAS CHANGED? ANTI-SEMITISM IN HUNGARY, 2017

Review of Antisemitism: Prejudice in the Contemporary Hungarian Society

Nowadays xenophobia is highly prevailing and as for the last year antisemitic prejudice, although just slightly, was growing shows the survey* conducted on the authority of Action and Protection Foundation. Anitsemitism became much more intensive in 2010, since then there have not been significant changes. From 2015 to 2016 the number of people agreeing with antisemitic statement grew to a certain extant, and the emotional prejudices against the Jews is fluctuating between 21-26 percent. However, comparing to other ethnic groups unacceptance of Jews was not highly frequent, considering the European situations the Hungarians are less acceptive. International comparison demonstrates that the level of antisemitism in Hungary is higher than in several Western European countries. However, as for physical atrocities the situation of Hungarian Jews is more favourable than those of the Western countries. The Gypsies are on the top of the Hungarians antipathy list.

The Hungarian society is divided in connection with the SOA. Approximately half of the people in Hungary should be a current issue, according to the other half of the people it should be neglected. Considering these issues had no changes regarding the passing time, but the number of

open holocaust denying statements has increased. However, the majority of people do not agree about the idea of the Holocaust denial or belittling of Holocaust, considerable part of the people are responsive: 11% to the absolute denial, 18-24% to the partly denial or belittling, moreover the proportion has been increasing recently.

Authority of Action and Protection Foundation the Median Public Opinion and Market Research made a comprehensive survey In November of 2016 asking 1200 people about their relation to the Jewish people and the Holocaust. (N=1200, face-to-face, representative of the Hungarian population over 18 in terms of sex, ages, residence and level of education. The survey available at: http://tev.hu/wp-content/uploads/2017/05/TEV_Antisemitism-research_2016.pdf

Prof. Tarasov Ilya
Immanuil Kant Baltic Federal University.(Russia)

Тарасов Илья
доктор политических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И.Канта (Калининград, Россия)

"NAIVE" NEO-NAZISM: THE KALININGRAD CASE

The experience of investigating the field of neo-Nazism in Kaliningrad is presented. It is necessary to define „naive" neo-Nazism. The question is raised about the use of „naive" neo-Nazism by state propaganda.

«НАИВНЫЙ» НЕОНАЦИЗМ: КАЛИНИНГРАДСКИЙ СЛУЧАЙ

В 2016 г. исследовательская группа Балтийского федерального университета начала очередное исследование калининградского поля радикализма и столкнулась с интересным феноменом «наивности» в понимании проблем антиэкстремистской деятельности. Заголовком статьи стала суть замечания одного из высокопоставленных сотрудников калининградской полиции: «Наши неонацисты настолько наивны, что *бороться* с ними даже не приходится». Но, кажется, если «наивность» существует, то принадлежит она не только экстремистам и радикалам, но и правоохранителям, и общественности. Специфическую роль в культивировании этого феномена играют средства массовой информации, принадлежащие государству.

Как правило, за радикализмом действий молодежи усматривают социальные проблемы. В первую очередь, это безработица и ограниченный доступ к образованию. Социальная составляющая конфликтного поведения молодежи существенна, но не является решающей. Исследователи также рассматривают этническую агрессивность молодежи в контексте общих характеристик субкультуры. Кроме того, нельзя не отметить привлекательную контрэстетику «тайных обществ». Таким образом, молодежный фактор этнической конфликтности является порождением целого ряда социальных обстоятельств.

Так, 21 марта 2017 г. сотрудниками ФСБ в Калининграде были задержаны, а позднее арестованы, двое граждан, подозревающиеся в незаконном обороте взрывчатых веществ (ч.2 ст.222.1 УК РФ) и пропаганде терроризма (ч.2 статья 205.2 УК РФ). Санкции за вменяемые деяния предусматривают в т.ч. лишение свободы. В связи с этими событиями были также задержаны ещё три человека. Официальный представитель ФСБ Наталья Панюшкина сообщила: «Аккумулируются все доказательства по факту *подготовки к участию* в деятельности украинских карательных подразделений». В репортаже государственной телерадиокомпании (автор – Николай Долгачёв) сообщалось, что молодые люди 20-ти и 26-ти лет «поддерживали активные связи с экстремистами Украины – боевиками запрещенных в России «Правого сектора» и полка «Азов» и готовились к выезду в эту страну для прохождения обучения в карательных подразделениях. Полученные навыки планировали использовать на территории Калининградской области. Они *нападали* на участников сбора гуманитарной помощи для жителей Луганской и Донецкой народных республик. Один из задержанных *является* так называемым неформальным лидером фашиствующей молодежи, ранее отбывал 4 года в местах лишения свободы за *совершение* преступлений экстремистской направленности». Сознательно формировалось мнение о том, что речь идет не о «подготовке», а о самом активном участии, рецидиве экстремизма. Подтвердить достоверность сведений, приведенных в репортаже, из иных источников исследовательской группе не удалось.

30 марта 2017 г. в местном вечернем ток-шоу «30 минут» на канале «Россия» был продемонстрирован фильм-расследование Николая Долгачёва «кЁнигсберг. Вывих». Одном из главных его «героев» стал бывший лидер радикальной неформальной организации «Балтийский авангард русского сопротивления» (БАРС). На видео некто,

схожий с «героем», предлагает своим товарищам осквернять советские памятники, а затем сам рисует свастику на памятной табличке жертвам Холокоста в центре города (здание Сиротского приюта синагоги, ул. Октябрьская, д. 3). После этого он обращается к соучастникам: «Пойдёмте, господа фашисты!». 27 мая 2017 г. трое лидеров БАРС (А. Оршулевич, И. Иванов и Н. Мамаев) были задержаны, а затем арестованы по подозрению в организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ). Если существуют и даже публично продемонстрированы доказательства, изобличающие совершение преступления (состав, предусмотренный ч. 2 ст. 282 УК РФ), то возникает вопрос о причинах преследования злоумышленников по более мягкой статье.

Личные интервью со сторонниками «БАРС» демонстрируют, скорее переход к более скрытым, недемонстративным практикам, чем к отказу от организованной деятельности. Максимальная санкция статьи 282.1 УК РФ – до двух лет ограничения свободы делает активистов организации «героями-мучениками» в глазах ее рядовых сторонников. Удар «для галочки» по «наивному» неонацизму рискует обернуться уходом радикалов из поля демонстративного поведения, «модничества» к латентным формам организованной, более законспирированной и опасной деятельности. Местные правоохранители, как оказалось, не имеют какой-либо стратегии в отношении ре-социализации рядовых «барсов», отсутствует координация с общественными организациями в данном вопросе. Их «дальновидная близорукость» выражается в уверенности, что достаточно ликвидировать ядро организации полицейскими мерами, остальное – «само рассосется!». Антиэкстремистская пропаганда государственных СМИ направленная на охват всевозможных негативно оцениваемых потребителями сообщений «единым пакетом» дезориентирует граждан при формировании ими установок неприятия ксенофобии, радикализма и экстремизма.

Перед педагогической и научной общественностью, перед системой образования в целом стоят серьезные задачи по формированию эффективных механизмов предупреждения проявлений экстремизма в молодежной среде. Очевидна необходимость системной работы по реализации вузовской антиэкстремистской стратегии, которая могла бы выражаться и в активизации научно-исследовательской работы антиэкстремистской направленности, и в просвещении обучающих-

ся, и в корректировке образовательного процесса с учетом меняющейся обстановки.

Следует использовать комплексные меры предупредительного характера к попыткам экстремистских проявлений особенно в вузовской среде, в частности: вести разъяснительную работу (не избегая и привлечения представителей диаспор, конфессий, организаций гражданского общества); теснее взаимодействовать с правоохранительными органами и органами безопасности; активнее вовлекать студенчество в созидательную, творческую работу; создавать комфортные условий для проживания, занятия спортом, проведения досуга; реализации профессиональных задатков студенческой молодежи.

Dr. Terushkin Leonid
SPC „Holocaust“ (Russia)
Леонид Тёрушкин
Научно-просветительный Центр
„Холокост” Москва

SEARCH FOR PERSONAL TESTIMONIES AND RESTORATION OF NAMES OF SOLDIERS-LIBERATORS OF NAZI DEATH CAMPS GHETTOS – PROJECT OF SPC HOLOCAUST

January 27, 1945, units of the 60th Soviet army of the 1-st Ukrainian front liberated Auschwitz. Before liberation, we lived about 7 000 prisoners of Auschwitz from 20 countries. Among them 300 Jews.

In the Vistula-Oder operation in the battle for the Auschwitz area was attended by part of the 100-th, 107-th and 286-th and 322- th infantry divisions. Among them were representatives of 39 different nationalities.

In the battles for the liberation of Auschwitz and Auschwitz -Birkenau killed 231 officer and soldiers of the red Army, 66 of them directly in the battle for the camp. So, it was a real battle, not just the pursuit of the fleeing enemy.

In our perception the tragedy of Auschwitz, its existence for 5 years and the horrific number of victims will inevitably overshadow a vivid and dramatic details short period (a few days) fighting for the liberation of this camp complex and many weeks and even months of fighting Soviet doctors for saving the life of the already free former prisoners who were on the verge of life and death.

Scientific-educational Center «Holocaust» in 2016, was developed and began to implement the project «Pages of fate: the search for personal testimonies of soldiers-liberators of the Nazi death camps and ghettos.»

It started with the exhibition «the Holocaust: the destruction, liberation, salvation,» which was first shown at the Russian State Duma on January 27, 2015, and then visited many cities of Russia. In the framework of the project in 2016-2017, held seminars and tours of the exhibition for teachers, students and pupils in Moscow and the Moscow region, St. Petersburg, Simferopol, Vologda, Tver, Kaluga, Volgograd, Voronezh.

The project is not limited to the search of names of participants of the liberation of Auschwitz. The red army liberated the camp at Majdanek, Struthof, Theresienstadt and others of the Jewish ghetto in Kaluga (just in December 2016. exhibition and seminar dedicated to 75-anniversary of the liberation of the city during the Battle of Moscow), Budapest and in many small towns in the USSR and Eastern Europe. In closely cooperation with Russian teachers, local historians, military historians, journalists and colleagues in the USA, Israel, Poland, Germany, Belarus, we not only want to know who liberated the camps and ghettos who died at the same time, or later, but what was their fate then, after the war, what they become. What are the letters, diaries, memories in their personal and family archives.

ПОИСК ЛИЧНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМЁН ВОИНОВ-ОСВОБОДИТЕЛЕЙ НАЦИСТСКИХ ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ И ГЕТТО. ПРОЕКТ «СТРАНИЦЫ СУДЕБ» НПЦ «ХОЛОКОСТ».

27 января 1945 г. подразделения 60-й советской армии 1-го Украинского фронта освободили Освенцим (Аушвиц). До освобождения дожили около 7000 заключенных Аушвица из 20 стран. Среди них-300 евреев. В ходе Висло-Одерской операции в боях за район Освенцима участвовали части 100-й, 107-й, 286-й и 322-й стрелковых дивизий. Среди них были представители 39 национальностей. В боях за освобождение г. Освенцима и Аушвица -Биркенау погиб 231 солдат и офицер

Красной Армии, из них 66 – непосредственно в бою за лагерь. Так что, это были настоящие бои, а не просто преследование бегущего противника. В нашем восприятии трагедия Освенцима, его существования на протяжении 5 лет и ужасающее число жертв неизбежно заслоняют многие яркие и драматические подробности короткого периода (считанные дни) боев за освобождение этого лагерного комплекса и многих недель и даже месяцев борьбы советских врачей за спасение жизни уже свободных бывших узников, находившихся на грани жизни и смерти. Научно-просветительный Центр «Холокост» в 2016 г. разработал и начал осуществлять проект «Страницы судеб: поиск личных свидетельств воинов-освободителей нацистских лагерей смерти и гетто». Начало было положено выставкой «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение», которая была впервые продемонстрирована в Российской Государственной Думе 27 января 2015 г., а затем побывала уже во многих городах России. В рамках проекта в 2016-2017 г. состоялись семинары и экскурсии по указанной выставке для педагогов, студентов и школьников в Москве и Подмосковье, Санкт-Петербурге, Симферополе, Вологде, Твери, Калуге, Волгограде, Воронеже. Проект не ограничивается поиском имен только участников освобождения Освенцима. Красная армия освобождала лагеря Майданек, Штутгоф, Терезин и другие, еврейские гетто в Калуге (как раз в декабре 2016г. выставка и семинар приурочены к 75-ой годовщине освобождения города в ходе Битвы за Москву), Будапеште и во многих мелких населенных пунктах на территории СССР и Восточной Европы. В тесно взаимодействии с российскими педагогами, краеведами, военными историками, журналистами и коллегами в США, Израиле, Польше, Германии, Беларуси мы хотим не только узнать, кто освобождал лагеря и гетто, кто погиб при этом, или позднее, но и как сложились их судьбы потом, после войны, кем они стали. Какие письма, дневники, воспоминания сохранились в их личных и семейных архивах.

Pranvera Tika
Panteion University, Political Sciences (Greece)

REFUGEE CRISIS IN GREECE. PROBLEMS, DILEMMAS AND THE POLITICS OF COMPLACENCY

Ladies and gentlemen good morning!

I would like to thank personally the organizing forum of this event and Mr Engel for his impressive initiatives. I am a PhD student at Panteion university of Political and Social sciences in Athens with a partial scholarship from the Foundation for Education and European Culture also in Athens.

My presentation will be an attempt to comprehend the phenomenon of the refugee problem in Greece nowadays, by examining the past developments, the political dimension of its management and the current challenges related to it. I will attempt to shed light on the nuances of the situation so as to provide insights for the future.

Greece has been, undoubtedly, at the forefront of the two major crises of the past couple of years. In the first place, Greece experienced an uncontrollable debt crisis and amids the economic crisis experienced the refuge crisis. Certainly, the two crises intermingled with each other, producing unprecedented social, economic, political consequences.

During 2014 and particularly in 2015, since Greece became main point entry into Europe, the situation evolved rapidly, with arrivals in the Greek islands increasing twenty times from just over 2,500 in 2013 to over 42,000 in 2014. They further increased reaching a peak in the summer of 2015 of

1 million people passing to Europe with a national predominance of Syrian people, accounting for 65% of all registered arrivals. After the EU-Turkey agreement to stem the flow of refugees in March 2016 their numbers have been significantly reduced. Nowadays, Greece hosts a total of 60.000 refugees distributed in the mainland of the country in different accommodation facilities and schemes. These constitute the refugees that are not under the EU-Turkey agreement and they came in Greece prior the deal. In the context of Dublin 2 regulation they will remain in Greece as the first European country. Parallel with this group of refugees, there exists another group of migrants and refugees that in the context of EU-Turkey agreement have to be deported in Turkey where they can apply for relocation in Europe.

To briefly recapitulate, Greece from a transit point in the migratory route became a country hosting refugees that need now an elaborate plan of integration in the Greek society different from the political management of previous years.

Indeed, irrespective of the different political parties being in government, the politics towards refuges has been quite unfriendly.

During the first stage of austerity (2010-2014) PASOK and New Democracy governments pursued a deterrence campaign by degrading the conditions of reception and detention. "The only responsibility Greece has (today) is to keep refugees alive and silently let them across the country". After the leftist party Syriza came in power in January 2015 and formed a coalition government with populist radical right-wing party of Independent Greeks (ANEL) it was promised to radically overhaul Greece's immigration policies by closing migrant detention centers with dubious living conditions such as Amygdaleza in the region of Attica in Athens as it happened afterwards.

The main problem, however, was what happened in reality when the state had to be functioning and the policymakers had to elaborate a plan management and a plan solution.

In the course of the past two years, the issue of refugees has been characterized by a profound exercise of contradiction and distance from the proclaimed progressive agenda of the party.

Some EU member-states from Central Europe accused Greek authorities of having hastily relocated refugees to the North of the country pushing them to Europe. From the other side some political analysts accused Greece of intentionally "smuggling " migrants to Europe as a pressure means for achieving better restructuring of the debt. Besides this, until the issue of

refugees be arranged with the EU-Turkey agreement, the Greek state will present a distinguished weakness both in terms of communication with NATO FRONTEX services to patrol the sea border with Turkey in terms of its operational capacity to create hot spots for the hospitality of the refugees and the management of these centers. The big winner of all these deficiencies was Golden Dawn being present in all the problematic points and offering a sense of security to the inhabitants. When the problem transformed into a humanitarian crisis (Eidomeni), they attempted to switch the debate into "others" responsibilities, in particular to some journalistic circles.

However, the most important thing during this time in the words of Vice President of the International Federation for Human Rights Dimitris Christopoulos is that "the Greek people, in their desperation and social anguish, ceased to view the refugees as a scapegoat. This could be a result of Syriza' shifting of the rhetorical tone, or the heartbreaking images of drowned kids, or the understanding that previous policies would result in a massive genocide". If the Greek state had not changed its agenda, Greece's attitude would resemble Hungary's and the EU would publicly chastise Greece. Syriza changed the tone and language involving migration in an attempt to decriminalize refugees. This was achieved, first and foremost by rhetorically distinguishing migrants from refugees. Recent research has shown that people hold more positive attitudes towards refugees but this in the long run cannot be the rule as long as the government has no strategy for their integration.

Tsyhanok Neonila
teacher-methodologist State educational institution «Secondary school № 2 the town of Osipovichi»

Цыганок Неонила
учитель-методист ГУО «СШ № 2 г. Осиповичи»

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE HOLOCAUST STUDIES IN THE INSTITUTIONS OF SECONDARY EDUCATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The authors analyze programs, textbooks, and student knowledge on the subject of the Holocaust; make conclusions about problems; and determine the prospects of studying the history of the Holocaust in the educational institutions of the Republic of Belarus. Theses: Unfortunately, it is necessary to acknowledge that the study of the history of the Holocaust is not given enough attention in the Republic of Belarus. In the programs established by the Belarusian Department of Education, the topic of the Holocaust is practically nonexistent. Out of 53 pages allocated to studying the Second World War in a world history textbook, the Holocaust is given 4 sentences. In the history textbook of Belarus, reference is made to the Nazi policy focused on the full destruction of Jews and gypsies, including information about the existence of over 100 Jewish ghettos in Belarus, and one paragraph is completely dedicated to the description of the Minsk ghetto. However, the terms "Holocaust" and "Righteous Among the Nations" are not used, and the number of massacred Jews is not even approximated. In both textbooks, nothing is said about the Jewish opposition in the occupied territory, the Jewish partisan squadrons. In connection with this, it is necessary

1. to create a Republican Center for the study of the history of the Holocaust, headed by scientists who are respected in Belarus, who have authority in the scientific worlds of other countries, and who are fans and enthusiasts of their work;

2. to bring about change in existing programs and textbooks about world history and the history of Belarus; and

3. to begin the publication of methodological and didactic manuals regarding the study of the history of the Holocaust in the educational institutions of Belarus.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: Автором анализируются программы, учебники, знания учащихся по теме Холокоста, делаются выводы о проблемах и определяются перспективы изучения истории Холокоста в учреждениях образования Республики Беларусь.

Ключевые слова: Вторая мировая и Великая Отечественная войны, Холокост, поликультурность, среднее образование.

Почему тема преподавания истории Холокоста волнует людей до настоящего времени, и как она отражена в политической, образовательной, культурной жизни современной Беларуси?

Видимо, ответ следует искать в определении места истории Холокоста в современной истории и его влияния на формирование сознания человека XXI века. Люди должны жить в человеческом обществе, не ощущая никакой угрозы вследствие каких-то своих отличий от других.

И вот здесь свою роль должно сыграть межкультурное образование. Цель его – расширение понимания взглядов людей с различными политическими, культурными, философскими и религиозными

убеждениями. Причем воспитывать поликультурность лучше всего в молодых людях, используя все возможности школьного образования.

Особую роль в этом направлении может и должно сыграть изучение истории Холокоста. Уроки Холокоста – это уроки толерантности, воспитывающие у школьников человеческое, этнонациональное достоинство, патриотизм, уважение всех народов. Уроки Холокоста – это уроки, которые формируют у учащихся навыки критического мышления, собственные убеждения, умения аргументировать свою точку зрения, уважать мнения других людей, решать конфликты правовым способом на основе культуры мира.

Как же обстоит дело с изучением истории Холокоста в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь? К сожалению, следует констатировать, что изучению истории Холокоста не уделяется должного внимания. В чем причина этого? И не странно ли это?

Мы живем в стране, жители которой в годы Второй мировой войны наиболее пострадали от немецко-фашистских захватчиков. Многие белорусы были убиты, искалечены, вывезены на каторжные работы в Германию. В 1941 – 1945 гг. погиб каждый третий житель БССР. Только в нашем Осиповичском районе фашистами было расстреляно, повешено, замучено 3829 мирных жителей, сожжено 50 деревень, в т.ч. 12 полностью вместе со всеми жителями (Бозак, Большая Горожа, Бортное, Брицаловичи, Веселово, Лочин, Май, Макавье, Полядки, Рожище, Репище, Сторонка). В Германию было вывезено около 3884 человек [5, с. 198-199].

Были среди уничтоженных мирных жителей нашего района и евреи. Различные источники называют разные цифры, но в целом можно согласиться с тем, что их было не менее 1720 человек (45% от всех погибших) [4, с. 6]. И, тем не менее, до сих пор многие жители нашего района не желают признавать и выделять отдельной строкой геноцид еврейского населения. Аналогичная ситуация во всей Беларуси.

Объясняя этот феномен, можно согласиться с известным израильским ученым-историком Леонидом Смиловицким, что в современной Беларуси до сих пор государственные структуры и многие научные учреждения отказываются принять различие между такими понятиями, как «террор» и «геноцид» [7]. Что же говорить о простых людях? Их главный аргумент: «Белорусов тоже много погибло, почему нужно выделять именно евреев?» Однако мы должны признать, что белорусов никогда не убивали по национальному признаку (*геноцид*).

Все карательные операции нацистов в Беларуси (*террор*), являлись или акциями возмездия за поддержку партизанского движения, или проводились для того, чтобы лишить партизан их базы. Именно в этом состоит принципиальная разница. Пока мы этого не признаем, будет сохраняться та ситуация, которую мы наблюдаем сегодня: в стране не выпускается ни один научный журнал, посвященный геноциду евреев Беларуси, не издана энциклопедия истории Холокоста в Беларуси, энциклопедия Праведников мира, уроженцев Беларуси. Не существует и государственной программы отражения тематики гетто в краеведческих музеях страны.

Тем не менее, нужно отметить: за годы перестройки белорусские историки внесли немалый вклад в изучение названной проблемы. На сегодняшний день мы имеем работы по истории Холокоста в Беларуси Эммануила Иоффе, Давида Мельцера, Евгения Розенблата, Ирины Еленской, Геннадия Винницы. Важные сборники документов и материалов были изданы при участии Раисы Черноглазовой, Марата Ботвинника, Вячеслава Селеменева, Инны Герасимовой и др. Однако все эти работы (статьи, книги, сборники документов и даже диссертации) стали возможны только благодаря личной инициативе самих исследователей [7].

Более 10 лет я занимаюсь изучением истории Холокоста в Осиповичском районе Республики Беларусь и ни разу за это время не присутствовала на научной конференции, проводимой под эгидой Министерства образования или другой официальной структуры. Однако конференции, семинары по теме Холокоста в республике проводятся, и неоднократно. Основным организатором их является Минский международный образовательный центр им. Й. Рау и его структурное подразделение Историческая мастерская. В мае 2016 г. в Минске состоялась Международная конференция «Изучение темы Холокоста в учреждениях системы образования Республики Беларусь». На нее был приглашен министр образования РБ. Но ни он, ни другие представители министерства не посчитали нужным присутствовать на этом форуме. А ведь от них требовалась только моральная поддержка данного мероприятия.

Не удивительно, что в программах, утверждаемых министерством образования, практически отсутствуют вопросы изучения истории Холокоста. В новой программе по истории Беларуси для 10 класса (базовый уровень) среди терминов, обязательных для усвоения

школьниками в процессе изучения раздела «БССР в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн» и каким-либо образом связанных с историей Холокоста, назван «геноцид» [8, с. 98]. В программе по всемирной истории этого же периода среди основных понятий, которые должны усвоить школьники, называются «геноцид», «гетто», «Холокост» [8, с. 106, 110].

На основании программ создаются учебники. В настоящее время все десятиклассники изучают всемирную историю по учебнику Г.А. Космача, В.С. Кошелева, М.А. Красновой (Всемирная история Новейшего времени: 1918 – 1945 гг. Мн.: 2012). На изучение Второй мировой войны в нем отведено семь параграфов, один из которых – обобщающий. Из 53 страниц, отведенных на изучение данного раздела, истории Холокоста уделено 4 предложения (!). На с. 177-178 сказано: «Своеобразными концлагерями для евреев в виде специальных изолированных кварталов в городах стали гетто. Фашисты поставили цель решить «еврейский вопрос» в Европе и в ходе войны уничтожили миллионы евреев». На с. 179 – «В апреле-июне 1943 г. произошло крупное восстание в Варшавском гетто. После его подавления гитлеровцы отправили в лагеря смерти около 80 тыс. евреев». В словаре исторических терминов есть термин «геноцид» (с. 209). Если учесть, что историю в белорусских школах изучают по полугодиям (в первом – всемирную, во втором – белорусскую), то как учащимся соотнести текст учебника, где говорится о создании гетто, и словарь исторических терминов, где этот термин отсутствует? И как выполнить требование программы об обязательном усвоении исторических понятий, если о Холокосте в учебнике не говорится ни слова, а в словарь учебника термин «Холокост» не включен?

Историю Беларуси в 10 классе изучают по учебному пособию Е.К. Новика «История Беларуси. 1917 – 1945 гг.» (Мн.: 2012). На изучение Второй мировой и Великой Отечественной войн отводится 11 параграфов (один из них – обобщающий, один посвящен изучению истории родного края в годы Великой Отечественной войны), всего 58 страниц текста. В данном учебном пособии отмечается политика гитлеровцев, направленная на полное уничтожение евреев и цыган (с. 127). В учебник включена информация о существовании в Беларуси более 100 еврейских гетто, один абзац полностью посвящен описанию Минского гетто (с. 129). Автор приводит выдержку из донесения генерального комиссара Беларуси Кубе рейхскомиссару Остланда

Лозе от 31 июля 1942 г., свидетельствующую об уничтожении евреев в Генеральном округе Беларусь (с. 133). Выразительно описана политика геноцида, но ни разу не использованы понятия «Холокост», «Праведники народов мира», даже приблизительно не указано количество уничтоженных евреев. В обоих учебниках ничего не говорится о еврейском сопротивлении на оккупированной территории, еврейских партизанских отрядах. В словаре исторических терминов есть термины «геноцид», «гетто» (с. 174).

Несколько лет назад в школах Беларуси был введен (как обязательный для учащихся 11-х классов) факультативный курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Для его проведения было издано учебное пособие с аналогичным названием [2]. В настоящее время указанный факультативный курс не проводится. Министерство образования РБ рекомендовало включать материал данного пособия в уроки при изучении разделов, связанных со Второй мировой и Великой Отечественной войнами.

Это учебное пособие достаточно подробно раскрывает события Второй мировой и Великой Отечественных войн. Однако в словаре исторических терминов нет ни одного понятия, связанного с историей Холокоста. В то же время в тексте пособия два абзаца посвящены судьбе еврейского населения (с. 99-100). Вводятся и объясняются понятия «Холокост», «гетто», называется общая цифра уничтоженных евреев, приводится выдержка из распоряжения полевой комендатуры от 19 июля 1941 г. о создании Минского гетто (с.105). Отдельным пунктом рассказывается о сопротивлении врагу в концлагерях и гетто (с. 138-139). В то же время на карте, приведенной на с. 99, не выделяются отдельно места массового уничтожения еврейского населения. Например, деревня Бронная Гора в Брестской области, где было уничтожено более 51 тыс. евреев, указывается как место «массового уничтожения людей».

Но проблема даже не в этом. Материал данного пособия почти не используется учителями в силу ограниченности времени на изучение истории в общеобразовательных школах Республики Беларусь.

Анализируя изложение истории Холокоста в школьных учебниках Беларуси, В.И. Никитенков замечает: «Многие учебники по истории Беларуси, новейшей истории на протяжении 90-х – начала 2000-х годов написаны одними и теми же авторами. Из учебника в учебник кочуют одни и те же факты, их оценки мало чем отличаются от оценок

80-х годов. Создается впечатление, что над авторами по-прежнему довлеют стереотипы и догмы прошлого» [1]. Аналогичная ситуация сохраняется до настоящего времени.

В то же время, как учитель-практик, имеющий почти 40 лет педагогического стажа, хочу отметить, что учебную программу или текст учебника нельзя увеличивать до бесконечности. Чем-то нужно жертвовать. Сегодня «жертвуют» историей Холокоста. Учитывая настроения в белорусском обществе, о которых говорилось выше, вряд ли можно в ближайшем будущем это положение изменить. Однако выход есть. И искать его нужно во внеклассной и внешкольной работе по истории.

В мае 2016 г. в двух школах (гимназии и СШ № 2 г. Осиповичи) было проведено интересное исследование. Старшеклассникам была предложена анкета «Что ты знаешь о Холокосте?» (см. Приложение I). На вопросы анкеты отвечали 94 учащихся 10-11-х классов (55 учащихся 10-11-х классов гимназии, учитель Л.В. Безручко; 18 учащихся 10 класса СШ № 2, учитель Н.Н. Щербаченя; 21 человек 11 класса СШ № 2, учитель Н.Л. Цыганок). Я хочу кратко представить Вам наиболее важные для нас результаты анкетирования, потому что они легли в основу сделанных мною выводов. Обращаю Ваше внимание на то, что, поскольку история Второй мировой и Великой Отечественной войн в настоящее время изучается только в 10 классе, опрос проводился после изучения этих разделов как в курсе всемирной, так и белорусской истории.

На первый вопрос «Что такое Холокост?» практически все ученики ответили правильно: уничтожение фашистами еврейского народа в годы Второй мировой войны. Тем не менее, 17% опрошенных десятиклассников СШ № 2 г. Осиповичи ответили, что Холокостом называется уничтожение мирного населения во время Второй мировой войны. 2% гимназистов считали, что Холокост – это геноцид цыган.

На вопрос «Кто пострадал во время Холокоста?» большинство учащихся ответили: евреи. Однако 22% десятиклассников СШ № 2 считали, что пострадало мирное население, а 4% гимназистов – цыгане.

Анализируя причины того, почему начался Холокост, 15% гимназистов отметили, что жертвы сами спровоцировали его проведение, 4% – жертвы сами были виновны в его начале, 5% объяснили начало Холокоста тем, что будущие жертвы активно боролись за власть в

Германии. С последним утверждением согласились и 11% учащихся 10 класса СШ № 2. И только все без исключения одиннадцатиклассники СШ № 2 г. ответили, что жертвы Холокоста непричастны к его проведению.

Участвующих в анкетировании просили назвать художественные произведения (книги, фильмы и т.п.) о Холокосте. Старшеклассники гимназии называли фильмы «Пианист» (2% опрошенных), «Мальчик в полосатой пижаме» (18%), «Список Шиндлера» (3%). Рассказы, романы или повести не смог назвать никто из них. В то же время одиннадцатиклассники СШ № 2 назвали фильмы «Пианист» (100% опрошенных), «Матч» (5%), «Мальчик в полосатой пижаме» (14%), «Из ада в ад» (9%), сборник «Война известная… и неизвестная» (24%), роман И. Шамякина «Глубокое течение» (24%). Поразительно, но 67% участников анкетирования из гимназии и 100% десятиклассников СШ № 2 не смогли назвать ни одного произведения.

Уверена, что аналогичная ситуация в большинстве школ республики.

Какие же выводы можно сделать из анализа анкет?

К сожалению, на сегодняшний день знания школьников РБ о Холокосте полностью зависят от позиции учителя. Из анализа ответов учащихся на вопросы анкеты видно, что лучше всего историю Холокоста знают ученики учителя Н.Л. Цыганок (11 класс, СШ № 2), определенные знания имеются у учащихся учителя Л.В. Безручко (10-11-е классы, гимназия) и практически ничего не знают о Холокосте ученики Н.Н. Щербачени (10 класс, СШ № 2). Но ведь все эти учителя работают по одним программам, учебникам и даже живут в одном городе! В чем же тогда дело?

А дело в том, что я уже более 10 лет вместе со своими учениками систематически занимаюсь изучением истории Холокоста в Осиповичском районе. В результате этой деятельности были написаны две научно-исследовательские работы: «Незабываемое (из истории Холокоста в Осиповичском районе)» и «Невоспетые герои» (о Праведниках Народов Мира Осиповичского района). Впервые была воссоздана история уничтожения еврейского населения Осиповичского района в годы Великой Отечественной войны, установлены фамилии более 100 евреев, погибших от рук фашистов, но отсутствующих в списках книги «Память», восстановлены биографии 308 евреев — довоенных жителей города. По воспоминаниям жителей

создана карта еврейского района довоенного города, который в то время являлся центром г. Осиповичи. Установлены факты 25 (до этого неизвестных) случаев оказания во время войны помощи евреям жителями Осиповичского района, начато сотрудничество с музеем Яд Вашем в Израиле. По нашему ходатайству и в связи с наличием доказательств в декабре 2007 г. государство Израиль присвоило Алексею Денисову звание Праведник Народов Мира (посмертно).

Была создана лекторская группа из числа старшеклассников для проведения просветительской работы среди детей и взрослых Осиповичей и Осиповичского района. Члены лекторской группы побывали во многих школах г. Осиповичи, выступали перед участниками Краеведческой школы в Исторической мастерской г. Минска, рабочими вагонного депо (ВЧД) г. Осиповичи, в благотворительной еврейской организации «Хэсэд-Рахамим» (г. Минск).

Проведен районный конкурс рефератов и поисково – исследовательских работ школьников, в котором приняли участие представители 13 школ города и района, а также районная конференция школьников «Холокост: история и современность» (общее число участников – 180 человек).

Работая методистом отдела образования, я поставила перед собой цель: издать сборник, в котором будут опубликованы лучшие школьные исследовательские работы и воспоминания свидетелей о Холокосте в Осиповичском районе.

Первое издание сборника научно-исследовательских работ учащихся, статей и воспоминаний «Война известная… и неизвестная» вышло в свет в мае 2010 г. и было приурочено к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне [3].

В 2012 г. вышло второе, исправленное и дополненное издание сборника [4]. Оно претерпело существенные изменения по сравнению с первым изданием. Могу отметить самые главные из них. Полностью изменен *первый раздел* сборника, в котором сейчас помещены статьи о Холокосте известных ученых – Эмануила Иоффе из Беларуси, Леонида Смиловицкого и Анатолия Кардаша (ныне покойного) из Израиля.

Второй раздел сборника – «Бездны Холокоста» – содержит исследовательские работы школьников и педагогов Осиповичского района.

Особое место в новом издании занимает *третий раздел* «Наша

память о войне». Его рубрика «Это было, было…» состоит из воспоминаний жителей, переживших войну, и отражает во многом неизвестные страницы Великой Отечественной войны и Холокоста в Осиповичах и таких населённых пунктах Осиповичского района, как Вязье, Зборск, Гродзянка, Дараганово, Елизово, Липень, Свислочь. Если в первом издании было опубликовано 20 воспоминаний, то во втором – уже 31.

Четвертый раздел – «Поэзия памяти» – составлен из стихов, написанных людьми, не знавшими войны, но переживающими ее события остро и болезненно. Это Альбина Полуйко-Плешкова (Канада) и Алла Левина (Израиль), чьи родные навсегда остались в Осиповичской земле в лихую годину Холокоста. Данный раздел отсутствовал в первом издании сборника.

Пятый раздел книги посвящен сохранению памяти о Холокосте в Осиповичском районе. В нем помещены как уже опубликованные материалы, так и новые статьи о благородной деятельности по сохранению памяти педагогов и учащихся школ Осиповичей. Это также новый раздел, которого не было в первом издании.

Сборник снабжен новыми документами по истории Холокоста и фотографиями героев представленных материалов.

Учитель гимназии г. Осиповичи Л.В. Безручко эпизодически привлекает своих учеников к изучению отдельных вопросов, связанных с историей Холокоста, а Н.Н. Щербаченя вообще этими проблемами не занимается. Результаты анкетирования говорят сами за себя.

Считаю, что для изменения существующего положения дел необходимо ответить на следующие вопросы:

История Холокоста изучается системно или эпизодически?

Работа педагогов координируется централизованно или они работают «сами по себе»?

Кто и как руководит работой по изучению истории Холокоста?

Какие цели ставят перед собой люди, занимающиеся изучением и преподаванием истории Холокоста?

Сегодня в республике нет единого Центра, который взял бы работу по просвещению и воспитанию молодого поколения на себя. Если сравнить положение в Беларуси с другими республиками бывшего СССР (Россия, Украина, страны Балтии), то будет понятно, что мы сильно проигрываем. Как указывает Л. Смиловицкий, «в этих странах на исследования, посвященные Холокосту, выделяются немалые

государственные средства. Причем никого уговаривать не нужно, они заложены в бюджет. Есть чему поучиться. Вопрос, почему в Беларуси не учатся? Не могут, не хотят или нет желания? Скорее всего, потому, что современное белорусское руководство не видит связи между трагедией евреев Беларуси и нынешним состоянием страны (духовным, культурным, экономическим). Нет понимая того, как уроки прошлого влияют на будущее Беларуси и ее народа. Это стоит принять, это стоит признать, это стоит исправить» [7].

В связи с вышеизложенным необходимо:

Создать Республиканский Центр по изучению истории Холокоста. Скорее всего, это будет общественная организация, во главе которой должен стоять ученый, уважаемый в Беларуси, имеющий авторитет в научном мире других стран, фанат и энтузиаст своего дела. Безусловно, такие историки есть в Беларуси, нужно только суметь заинтересовать их предстоящей работой, показать, что они нужны обществу и государству.

Внести изменения в существующие программы и учебники по всемирной истории и истории Беларуси.

Наладить издание методических и дидактических пособий по изучению истории Холокоста в образовательных учреждениях Беларуси.

Активизировать внеклассную и внешкольную работу по изучению истории Холокоста. Как показывает исследование, проведенное в школах г. Осиповичи в январе – апреле 2016 г., знания школьников об истории Холокоста зависят не столько от того, что изучалось на уроках, сколько от того, какие мероприятия во внеурочное время проводили педагоги, от прочитанных книг, просмотренных фильмов, встреч со свидетелями и жертвами.

В 2005 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, которая актуальна и сегодня. Холокост, «приведший к истреблению одной трети евреев и несчетного числа представителей других меньшинств, будет всегда служить всем людям предостережением об опасностях, которые таят в себе ненависть, фанатизм, расизм и предрассудки» [6]. Нам необходимо поддержать эту резолюцию и разработать просветительские программы, которые научат учащихся решать конфликты правовым способом на основе культуры мира.

Источники:

Басин, Я. Холокост как предмет научного исследования // Уроки Холокоста: история и современность – 2010[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/uh/uh030401.shtml – Дата доступа: 06.01.2016.

Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие для 11-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича. – Мн.: Изд. Центр БГУ, 2004. – 231 с.: ил., карт.

«Война известная… и неизвестная»: сборник научно-исследовательских работ школьников, статей и воспоминаний / сост.: Н.Л. Цыганок – Мн.: БГАТУ – 2010 – 299 с.

«Война известная… и неизвестная»: сборник статей, исследовательских работ школьников и воспоминаний. 2-е изд., перераб. и доп. / сост.: Н.Л. Цыганок – Мн.: БГАТУ – 2012 – 468 с.

Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Асіповіцкага раена. Мн.: БЕЛТА, 2002. – 720 с.: іл.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН. 60/7. Память о Холокосте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://un.by/f/file/Resolution%20khol.pdf – Дата доступа: 03.10.2016.

Смиловицкий Л. Отношение к Холокосту в Советском Союзе и современной Беларуси / Л. Смиловицкий // **The_Point Journal** [Электронный ресурс]. – **Режим доступа:** http://thepointjournal.com/output/index.php?art_id=385&spr_change=bel**.** – **Дата доступа: 19.09.2016 г.**

Учебные программы по учебным предметам для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания. X класс (*базовый уровень*). Мн.: НИО, 2015. – 296 с.

Приложение I

Таблица I. Анализ анкетирования старшеклассников г. Осиповичи по теме «Что ты знаешь о Холокосте»*

№	Вопросы	СШ № 2, 2016 г.		Гимназия г. Осиповичи, 2016 г.
		10 кл	11 кл.	10-11 классы
		18 чел.	21 чел.	55 человек
1.	**Что такое Холокост?**	*Все данные – в процентах (%)*		
	А) уничтожение мирного населения во время Второй мировой войны	17	-	2
	Б) геноцид цыган во время Второй мировой войны	-	-	2
	В) уничтожение фашистами еврейского народа в годы Второй мировой войны	83	100	96
	Г) геноцид армян в Османской империи.	-	-	-
2.	**Кто пострадал во время Холокоста?**			
	А) мирное население	22	-	2
	Б) цыгане	-	-	4
	В) евреи	78	100	94
	Г) армяне	-	-	-
3.	**Жертвы Холокоста:**			
	А) сами спровоцировали его проведение	-	-	15
	Б) были виновны в его начале	-	-	4
	В) активно боролись за власть в Германии	11	-	5
	Г) были непричастны к его проведению	89	100	76
4.	**Как Вы оцениваете приблизительное число жертв Холокоста?**			
	А) Тысячи жертв	-	5	2
	Б) Сотни тысяч жертв	56	5	16
	В) 2 млн. жертв	17	19	53
	Г) 6 млн. жертв	22	38	9
	Д) 11-12 млн. жертв	5	33	20
5.	**Чем закончился Холокост?**			
	А) все потенциальные жертвы были уничтожены	5	14	20
	Б) прекращён вмешательством извне	68	67	49
	В) изменилась позиция организаторов	22	14	27
	Г) жертвы победили организаторов	5	5	4

Hugo Verkest
senior lecturer in Remembrance Education at the University College VIVES.

REMEMBRANCE EDUCATION AND GOOD PRACTICES IN HIGHER EDUCATION (FLANDERS/BELGIUM)

This Bachelor course intends to offer within the program of the teacher education workable solutions for the introduction of cross-curricular subjects in secondary education in Flanders related to remembrance education and focusing on issues as human rights, democracy, tolerance and not in the least lessons learned from the past. Future teachers (secondary education level) should be prepared to contribute together with their pupils to the building of a society, based on respect and regardless of cultural origin. Remembrance education offers numerous angles to meet this objective. Remembrance education wants to contribute to an attitude of active respect in today's society starting from the collective memory of human suffering that was caused by human behavior (war, intolerance or exploitation) and which should not be forgotten.

The workshop contains a multidisciplinary approach: in addition to the historical focus also ethical, philosophical, ideological, artistic and literary perspectives should be considered. It is important that the 'good practices' ' will be shared through ICT, publications, websites, symposia and seminars. Through initiatives both in Flanders, Poland and the Baltic States this

module will show that remembrance education is very much related to local and regional contexts.

The approach results in a methodology, which offers possibilities to exchange experience for teachers in secondary education.

Special attention was given to the Jewish community in Flanders, Poland and the Baltic States before, during and after the Holocaust.

Vilkiene Ingrida
The Secretariat of the International Commission for evaluation of the crimes of the Nazi and Soviet occupation regimes in Lithuania (Lithuania)

THE CHARACTERISTICS OF TEACHING ABOUT THE HOLOCAUST

„Teaching about the Holocaust in Lithuania: The steps which were done officially during independence period in Lithuania:

- the preparation of National Holocaust Education Program;
- the Holocaust topic is involved in programs of schools in Lithuania;
- some books about the Holocaust in Lithuania were translated, some books were written in the last ten years;
- Teachers have started to use texts about the Holocaust in different school's subjects;
- In 2004 Lithuania began to participate in the activities of the ITF group (IHRA);
- Since 2002, The Secretariat of the International Commission has started to work closely with Lithuania's schools.

How the Secretariat of the International Commission works on the Holocaust topic?

1. Organizing seminars, conferences for teachers;
2. Creation of the network of Tolerance Educational Centers;
3. Marking historical commemorational dates;
4. Initiating schools' projects;
5. Preparing methodologies on the Holocaust topic.

The problems which are connected with teaching about the Holocaust in Lithuania:

- Motivation educators;
- The lack of programs about the Holocaust in Universities;
- The lack of understanding that Holocaust in Lithuania was/is the part of history of Lithuania, the lack of understanding that Lithuania's Jews, were citizens of Lithuania;
- Political support from authorities.

Vorontsova Natalya
Jewish Charity Organization „Eva“ (Russia)
Воронцова Наталья
Руководитель художественной студии «Симха» при Еврейской благотворительной организации «Ева»Санкт-Петербург

ART IN HOLOCAUST TEACHING. THE PRESENTATION OF ARTWORKS: ALBUM WITH CHILDREN PAINTS BY THE POETRY OF ALLA EISENSHAFF

The artist and pedagogue Natalia Vorontsova has taught the theme of the Holocaust through visual art for many years, working with people of different ages. This report will discuss the results of a four-year project in which the selection of materials, audience, and expressive means was so successful that the resulting album of children's drawings evoked a unique response from a very diverse audience. The album still attracts attention and receives very positive feedback from the population, independent of age, level of education, and knowledge of the topic. This publication can be used as a tool for effectively introducing the subject of the Holocaust.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В ПРЕПОДАВАНИИ ТЕМЫ ХОЛОКОСТА. ПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТЫ: АЛЬБОМ ДЕТСКИХ РИСУНКОВ ПО СТИХАМ АЛЛЫ АЙЗЕНШАРФ

В течение 10 лет я занимаюсь преподаванием детям темы Холокоста через изобразительное искусство. За эти годы накопился достаточный опыт, которым мне хотелось бы поделиться.

Прежде всего, для того, чтобы проект оказался удачным, очень важен материал, который берется за основу для творчества (дневники, рассказы, стихи и т.д.).

Сегодня я представляю альбом детских рисунков по стихам Аллы Айзеншарф «А нас искают немцы и собаки».

Четыре года назад меня глубоко тронули стихи 6-летней девочки – искренние, трогательные, по-детски правдивые. Не надуманные. Вот что говорит о себе сама Алла Айзеншарф, член союза писателей Израиля, автор семи поэтических сборников: «Война вышвырнула меня и сестричку Мэрочку на улицу. Уже убит в погроме папа, мама далеко в концлагере. Родительский дом – недавняя сказка, – стоит, как стоял. Но там – немцы. И мы, держась за руки, бродим и бродим по улицам Немирова – две голодные затравленные девочки. Мне шесть, Мэрочке – десять. Мы не смеем подойти ни к одной калитке, ни к одному окну. Вот в такое время (лето сорок второго года) и родились эти «стихи». И я не меняла в них ни одного слова не только потому, что «автору» шесть лет…».

42 стихотворения маленькой Аллы с короткими комментариями уже взрослой Аллы Наумовны Айзеншарф в течение 4 лет иллюстрировали дети разного возраста. Изданию альбома предшествовали многочисленные выставки.

Для иллюстрации стихов я не случайно выбрала определенную технику – рисунок, черно- белая графика. Первое впечатление, зарисовка, можно сказать – эскиз, помогают детям удержать в памяти быстро ускользающие впечатления, обогатить знания и опыт.

В зависимости от возраста участников меняется специфика работы со стихами. Моим художникам от 4 до 14 лет. Голод, холод, боль, страх, одиночество – эмоциональные составляющие, которые очень

понятны детям младшего возраста, ровесникам Аллы. Старшие ребята одновременно получали углубленные знания о трагедии Холокоста. Обращение к стихам вызывает интерес и массу вопросов об историческом контексте. Кроме того стихи шестилетней девочки заставляют задуматься о глубоких этических и моральных дилеммах – «почему? за что? кто мне ответит?» И мы с ребятами размышляли, обсуждали, отвечали. И что очень важно – сопереживали.

Мои юные художники довольны результатом. Выставки и альбом с их рисунками помогают другим людям узнать о трагедии Холокоста. Мы получаем множество положительных отзывов и благодарность от людей разного возраста, национальностей, вероисповедания.

Для меня и для ребят очень важными стали высокая оценка Аллы Айзеншарф: «Дорогая Наталья Семеновна, не нахожу достойных слов благодарности. Я и представить не могла, что дети, не пережившие ад войны, не обреченные каждую минуту на смерть, так глубоко и точно могут передать ужас происшедшего. Какое огромное сердце и талант художника надо иметь, чтобы вложить в маленького человека таинство жизни и смерти, и этим талантом Вы наделены сполна. Огромное Вам спасибо. Алла Айзеншарф». У нее возникла идея выпустить альбом в Израиле на иврите. Сейчас стихи перевили на финский язык, и планируется презентация выставки и альбома весной 2018 года в Хельсинки. Фактически, это издание может использоваться, как эффективный инструмент для знакомства с темой Холокоста.

Жизнь проекта не закончилась, она набирает силу, а это главный показатель того, что проект оказался успешным.

Dr. Weil Irvin
Department of Slavic Languages and Literature of Northwestern University (USA).

FROM THE CINCINNATI REDS TO THE MOSCOW REDS

Zik Yael
Specialized tools for teaching
the Holocaust

UNIQUE TEACHING METHODS IN TEACHING THE HOLOCAUST

Riga Conference September 2017

There is no doubt that the Holocaust of the Jewish people is a traumatic and formative event in human history, and particularly in the history of the Jewish people. The Holocaust is a central link in the Israeli experience and an essential element in shaping the collective Jewish identity both in Israel and the Diaspora.

As we all know, History is a subject that has a perspective through which we look at the past. However, we can't let the facts just speak for themselves, because the vision of events is selective. Therefore, there is a need to balance the picture.

So, how can we teach the Holocaust through the proper perspective? Moreover, the Holocaust is impossible to conceptualize and beyond the student's perception.

When we examine this question, we must distinguish between the historical collective dialogue and the educational discourse in the education system.

During my talk, I will focus on the educational discourse as it is reflected in the education system in Israel.

The educational discourse is designed to give the student knowledge and content, to enable the student to become an "independent scholar who can examine historical knowledge using the tools he has acquired.

The educational discourse works in various fields, on the assumption that each student has skills tailored to him. Teaching methods include varied and unique tools to encourage the student to take an active part in the learning process.

Over the years, special tools have been developed for teaching history in general and teaching the Holocaust, in particular. Using my personal experience, I would like to suggest the tools that I use for teaching the Holocaust.

For example – I use

Testimonies.

Holocaust survivors are a key factor in the Holocaust story. Their testimonies have played a major role in understanding the Holocaust events and their significance. In many cases, these evidences are exclusive sources, reflecting the Jewish perspective on the Holocaust, unlike the documentation record of the planners and perpetrators. Given that evidence, it is obvious that the survivors are a necessary source for in-depth understanding of the Holocaust.

The testimony is a unique historical source which has two main features: first, the testimony is based on the firsthand experience the survivor underwent and witnessed. Secondly, the testimony is always told in retrospect - from the distance of time - in contrast to reports and documentation during the Holocaust. World recognition of the importance of survivors' testimonies as a central source for understanding the Holocaust has become more and more recognized, in recent years.

During Holocaust studies, the student meets up with the Holocaust survivor and his story. The student can gain tremendous insights by analyzing, among other things, the body language of the survivor and he can examine the testimony from the perspective of history, gender and age of the survivor during the Holocaust period. It is important to note that beyond the historic value, the testimonies are a platform for instilling values: such as coping at times of crisis, relations between humans, preserving or failing to maintain human. In addition, the student can try to identify with different feelings and situations from the world of the Jew at the time of the

Holocaust, and connect them to his personal world even though he did not experience them personally.

Another teaching tool to be considered is -

Learning centers – learning centers have been established in various schools in Israel. as a tool for implementing the material learned, and building up the relationship between material and student. Learning centers deal with issues related to the Holocaust, for example, the issues of children and youth in the Holocaust, coping and faith. In addition, there are "Mobile Learning Centers" that can be moved from place to place and serve the same purpose.

The learning centers are a joint initiative of students and teachers and include exhibitions, photographs, information extracts and use of technology and multimedia. The project is accessible to all students and contributes to improving the cognitive process.

For example, the subject of youth diaries during the Holocaust –presenting parts of the diary provides an opportunity to hold a discussion on the dilemmas and situations that arise out of these sections, including the issue of the coping of Jewish youth.

Another teaching method we use is

Research Assignments – In Israel, the research assignment is an educational task which is an integral part of the Israeli Matric exam in History.

Research work enables the student to implement the tools he has acquired, according to the selected topics, and delve deeper, even beyond school hours. The student receives a list of several topics. After choosing one of them, he must present a research question and find information connected to it, through historical research, looking at testimonies, documents, artifacts and items from the Holocaust period.

The research work is carried out under the guidance of the teacher. The student presents the research question and the conclusion he reached by using the research tools he worked with.

Often the student finds an interesting fact which was not previously known. Research leads to creative and independent student learning which benefits future Academic learning.

Like I said before, there are many ways to teach and one of the popular tools is

Movies and pictures – Visual means serve as tools in shaping memory. Art is viewed as a historical item. For example, a photo or an art painting is designed to express a specific situation. We expose the student to vis-

ual images from the Holocaust, which were painted during and after, and together we analyze minute parameters. Let's say -What did the artist want to express? When did he paint the picture? Why did he choose to paint that specific object? In this way, we bring the student to the study of the Holocaust from different perspectives.

In the Shem Olam Institute, we have artwork painted by artists in the Lodz ghetto. By looking closely at the picture, you can notice that the picture was painted in carrot juice, almost unbelievable, in a period of starvation where every piece of food was precious. From close research of the status of Jews in the Lodz ghetto and elsewhere, we can conclude that the drawing served as a means for preserving the identity of the Jew as an artist, dealing with reality that was imposed by force on the Jewish people. Even without his regular artistic tools, the artist found the way to express the situation!

Items and objects tell a story .Using artefacts from the Holocaust help us learn a lot about the period. A bowl, a spoon, a prayer-book and even a doll are individual objects which have a story attached to them. The story goes hand in hand with an educational program which reflects the Shem Olam's institution outlook. Shem Olam seeks to establish Holocaust remembrance on the basis of individual coping. For example, the doll of a child from the Holocaust period which was given to Shem Olam by the owner for custody– is an observant figure, present at events and observes the behavior of those concerned. The doll adds another layer of memory and internalization of Jewish moral values in historical, formative events.

A recent innovation is

Teaching the Holocaust through simulation games and "historical courts of law"

Here, the student is required to study about the period, and role play the characters. This contributes to the development of thinking, creativity, at the same time instilling historical value and awareness of the subject. The student uses his judgment, confronts different opinions and sharpens his ability to distinguish between event analysis and moral judgment. For instance: the Eichmann trial or situations which the heads of the "Judenrat"– Jewish Council, had to deal with - Adam Czerniaków as opposed to Haim Rumkowski.

The idea behind this is to enter the world of the individual and the gen-

eral during the Holocaust, seeing what values were tested and under which reality, and ask what values I take / or not take into my personal world.

Last but not least are

• Letters and personal stories - it is almost impossible to grasp the numbers that indicate the number of victims. How can we teach what happened to 6 million Jews?? However, when you choose to deal with individual, specific characters, you can learn about the community in a particular place, and about the individual. Letters from this period can attest to historical reality, emotions, feelings, concerns and ways of coping. The letters and personal stories are priceless and allow the student to open a window to the Jewish world during the Holocaust.

I wish to conclude on a personal note by saying that for me, teaching the Holocaust is a real challenge in terms of the test of time, its conceptualization and its accessibility to the student.

However, by using different tools, and there are many, it is possible to achieve far-reaching results in creating a partnership learning and awareness of the Holocaust.

Thank you

CONTENTS

Shternfeld Vladimir
Greeting to participants
of Riga Forum 3

Alekseev Dmitriy
The Holocaust and the idea of disintegration in the art of
A.A.Voznesensky: to the history of the poem "Moat". 7

Altman Ilya
Encyclopedia "Holocaust in USSR". Methods of preparing 15

Astashkin Dmitriy
The extermination of ghetto and criminal liability of collaborationists
in USSR (the open trial in Smolensk in 1960).. 20

Begun Yosef
The Soviet form of Holocaust denial: Concealing the memory... 35

Bortnik Ruslan
„Problems of Xenophobia and Tolerance in Ukraine" 44

Bulgakova Vladyslava
Status of Ukrainian "osterbaiters" in the system of forced lab in Nazi
Germany 47

Carter Alex
„Interactive escalation between
the far-right and Islamic extremists: possible future developments" ... 51

Charny Semen
„Xenophobia in Russia, 2016/first 6 months of 2017 – numbers and
tendencies" 52

Iosef Diskin
The Macrosocial background
of Modern radicalism 56

Djakova Jelena
Antisemitic propaganda in Newspaper "Nova Ukraina" 59

Du Vall Katarzyna
BETWEEN LAW AND REALITY:
COMBATING HATE CRIMES IN POLAND 66

Dvuzhilnaya Inessa
Holocaust understanding in the system of special music education
in Belarus... 78

Engel Valery
Xenophobia, radicalism, and Hate crimes in Europe, 2016 85
Энгель Валерий
Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в Европе, 2016 99

Epstein Alek D.
Holocaust that Never Ends: Life and Art of Zeev Kun 110

Feferman Kiril
Christianity and collaboration 121

Feldman Matthew
Holocaust Denial as a form of modern Xenophobia... 122

Greenberg Michael
Holocaust in scientist and art literature 131

Greif Gideon
Anti-Semitism in Germany 2007-2017 132

Gulakova Maria
Teaching History of Holocaust to Russian Middle School Students.
Trauma Borderlines 143

Hansen Ann M.
Teaching Tolerance Through Learning about the Holocaust:
non-Jewish Israelis who have visited Auschwitz 150

Ilkovskaia Irina
Actualization of Holocaust happenings in context
of creation of historical memory 157

Juanatey Ana Garcia
Tackling cyberhate in Spain: recent experiences 160

Elena Kokkonen
„Russian relatives of Holocaust victims (evidence from the town
of Staraya Russa)". 167

Ковальчук Светлана
Можно ли из памяти убрать трупы? 175

Boris Kovalev
„Antisemitism or nationalism? The history of an unsucsessful
attempt to erect a monument to Holocaust victims
in the town of Staraya Russa" 181

Kozhevnikov Andrey and Epstein Alek D.
Commemorating the Tragedy of the Vilnius Jewry in Art:
Rafael and Rivka Chwoles – Holocaust Survivors,
Witnesses and Painters 190

Krieger Avraham
Educational approach to teaching the Holocaust 201

Кулик Сергей
Партизанское движение
на Северо-Западе России и Холокост 203

Lipes Nadia
The features of Holocaust teaching in Ukraine 211

Ljujic Vanja
Crime-terror nexus and radicalization in the Netherlands 217

Lucovnicova Olga (Kobetz Odri)
The Holocaust documentary film chronicles as a powerful teaching
tool in creating an open, tolerant and democratic. 221

Luxemburg-Isenberg Florence
At the Abyss and what now: Israel's growing challenges
for Holocaust remembrance 235

Lvova Tatyana & Vorontsova Yulia
„Diaries and art children of Holocaust as the most important
tool in the Holocaust teaching“ 237

Makhouskaya Irina
Understanding of collaborationism in the context
of memory about WWII in the memory of people from small
town in West Belarus 241

Masykova Natalya
The teaching history of Holocaust in the Stavrapol region 248

Rob May
Anti-Semitism: The impact of Fascist Italy and Nazi Germany
on the British Union of Fascists.. 253

Pasman Tatjana
History of the Holocaust at the lesson and after-hour activities:
from the experience of the teachers of the Pskov region 254

Perekrests Lea
Human Rights Without Frontiers International Excerpt.. 255

Peto Andrea
Memory politics of the Holocaust: non-remembrence,
forgetting and amnesia 257

Polkovnikova Tatyana
The History of Holocaust in educational area.
The experience of teacher from St-Petersburg 258

Polyakova Irina
The teaching of Holocaust in Belarus. Problems and perspectives 267

Alla Praisman
„The memory of the second generation“ 271

Praisman Leonid
„Israel and new wave of Islamic terror in Europe“ 278

Ramanova Irina
Jewish Bobruisk after the Holocaust 285

Rebrova Irina
Amnesia in Soviet way: the theme of the extermination
of Jews during World War II in the school textbooks 291

Rochko Iosef
Historiography of Holocaust in Latgale 299

Rubcov Fjodor
The problem of Holocaust teaching by student eyes 312

Рубцова Лариса
Проблемы и перспективы развития использования
«Декларации принципов терпимости» в качестве источника
российского национального законодательства 317

Savino Giovanni
Identitarism, a new label for European Far Right Extremism? 325

Shaked Haim
Two international survey project proposals: Teaching about
the Holocaust in Higher Education; and Holocaust Memorials.. 328

Shalem Mordechai
Place of the Holocaust in education in Israel 329

Shneyer Aron
Soviet power and phenomena of collaborationism
in USSR 1941-1945 330

Shoshin Sergey
Some features of the modern legal status of the Crimean Tatars
in the Russian legal field 331

Smith Haakon, Smith Martha
HOLOCAUST EDUCATION THROUGH
MUSIC AND THE ARTS 342

Szalai Kálmán
What has changed? Anti-Semitism in Hungary, 2017 352

Tarasov Ilya
"Naive" neo-Nazism: the Kaliningrad case. 354

Terushkin Leonid
Search for personal testimonies and restoration of names
of soldiers-liberators of Nazi death camps Ghettos – project
of SPC Holocaust.. 358

Pranvera Tika
Refugee crisis in Greece. Problems, dilemmas and the Politics of
complacency 361

Tsyhanok Neonila
Problems and prospects of the holocaust studies in the institutions of
secondary education of the republic of belarus 364

Hugo Verkest
Remembrance education and good practices
in Higher Education (Flanders/Belgium) 378

Vilkiene Ingrida
The characteristics of teaching about the Holocaust 380

Vorontsova Natalya
Art in Holocaust teaching. The presentation of artworks: Album with
children paints by the poetry of Alla Eisenshaff 382

Weil Irvin
From the Cincinnati Reds to the Moscow Reds 385

Zik Yael
Unique teaching methods in teaching the Holocaust 386